

Херрит де Вейр

АРКТИЧЕСКИЕ ПЛАВАНИЯ Виллема Баренца

1594–1597 гг.

Путешествия иностранцев в России

Херрит де Вейр

Арктические плавания
Виллема Баренца
1594–1597 гг.

Перевод со староголландского профессора И. М. Михайловой

Под общей редакцией профессора П. В. Боярского

Москва

2011

УДК 910.4 (98) <15>

ББК 26.8 Г

Серия «Путешествия иностранцев в России» основана в 2011 г.

Автор проекта и основатель серии: Кулаков Владимир Александрович

B26 Херрит де Вейр. Арктические плавание Виллема Баренца 1594–1597 гг.
Перевод И. М. Михайловой. Под общей редакцией П. В. Боярского.
М., Издательский дом «Рубежи XXI» 2011 г. — 280 с., с иллюстрациями

Впервые читателю предлагается полный перевод со староголландского дневников Херрита де Вейра—участника арктических плаваний Виллема Баренца 1594–1597 годов, и трагической зимовки первых западноевропейцев на полярном архипелаге Новая Земля. Захватывающие и необыкновенные приключения моряков парусного судна, их открытия и первые встречи с моржами и белыми медведями, попытки пройти до Китая по Северному Ледовитому океану—день за днем описаны в дневниках Де Вейра. Нам интересны и описания встреч с русскими поморами, и с представителями коренных народов Севера, и обнаруженные голландскими мореплавателями следы пребывания на Новой Земле русских промышленников. В дневниках даны и первые описания древних ненецких святилищ на острове Вайгач. В приложении к книге приведены работы современных голландских и отечественных специалистов по изучению руин зимовья 1596–1597 годов голландской экспедиции Баренца, поиски его захоронения на архипелаге, реконструкция действительных событий и поиск памятных мест, где они проходили.

УДК 910.4 (98) <15>

- © Михайлова И. М. Перевод текстов. 2010.
- © Боярский П. В. Предисловие. 2010.
- © Коойманс Л. Введение. 2010.
- © Боярский П. В., Настеко Ю. А. Примечания. 2011.
- © Гавронский Е. Статья в приложении. 2010.
- © Боярский П. В. Статья в приложении. 2011.
- © Арадер Г. Иллюстрации к дневникам Х. де Вейра. 2010.
- © УпаГрафика, допечатная подготовка, обработка иллюстраций и карт, 2011
- © Рубежи XXI, 2011

ISBN 978-5-347-00034-0

Этой книгой, рассказывающей о путешествиях голландских моряков по Северному морскому пути в поисках пути на Восток, Издательский Дом «Рубежи XXI» открывает новую серию: «Путешествия иностранцев в России».

Издательство благодарит за финансовую и техническую поддержку, благодаря которой это издание увидело свет:

Посольство Королевства Нидерландов в России;

Нидерландский фонд литературы (Dutch Foundation for Literature);

Представительство фирмы

«АКЗО Нобель Н. В.» (Нидерланды) в г. Москве;

Фонд Вильгельмины Э. Янсен (Wilhelmina E. Jansen Fonds);

Нью-Йоркского букиниста Грэхема Арадера (W. Graham Arader III).

История отважных голландцев, оказавшихся на Новой Земле,—это трагическая история о невероятной решимости, предприимчивости, любви к приключениям и предвидении будущего. Этим повествованием, которое и поныне пленяет наше воображение, мы обязаны Херриту де Вейру, судовому плотнику. Его дневники, представляющие собой волнующий и очень подробный рассказ об экспедициях Виллема Баренца, обладают замечательными литературными достоинствами. За прошедшие века дневники Де Вейра были переведены на многие языки; я особенно горжусь тем, что впервые выполнен полный перевод на русский язык со староголландского оригинала XVI века.

Сейчас самое подходящее время для того, чтобы эта история стала доступна российским читателям,—время, когда и русские, и голландцы стали больше интересоваться своим прошлым. Здесь мы встречаемся в нашей общей истории, которая уходит в далекое прошлое; предположительно, контакты между нашими странами восходят к XI веку.

Современное голландское общество является продуктом долгой истории, которая может помочь нам лучше понять настоящее. Вот почему мы вкладываем средства в сохранение, ис-

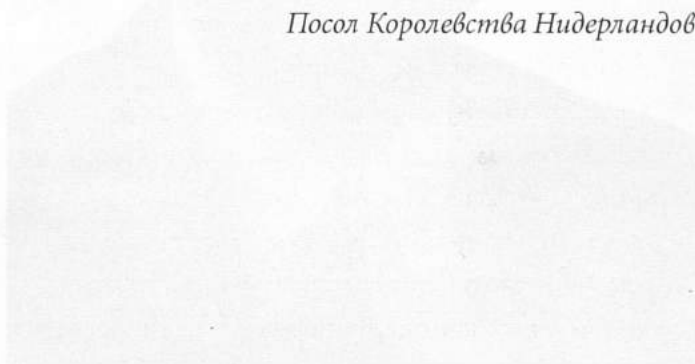
пользование, эффективный менеджмент и популяризацию нашего наследия, включая наследие, совместное с Россией. Это способствует критическому осмыслению нашего совместного прошлого и взаимному пониманию прошлого, настоящего и, возможно, и будущего.

В 2009 г. министры культуры наших двух стран подписали соглашение о сотрудничестве в области сохранения и использования объектов совместного культурного наследия, находящихся как в России, так и в Нидерландах. В этой работе участвуют различные российские и нидерландские государственные и негосударственные организации.

Я очень благодарен проф. П. В. Боярскому, заместителю директора Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, за его инициативу, открывающую россиянам наследие Виллема Баренца, проф. И. М. Михайловой за перевод, а также всем, кто участвовал в работе над этим замечательным изданием.

Рон Келлер

Посол Королевства Нидерландов в Российской Федерации

Предисловие

Осень 1597 года. Голландия. Амстердам. Участник и летописец небывалых плаваний в Северном Ледовитом океане и зимовки на полярном архипелаге Новая Земля Херрит де Вейр дописывает в своем дневнике последние строки: «...прибыли 1 ноября около полудня в Амстердам, одетые так же, как ходили на Новой Земле, и в песцовых шапках, и пошли в дом Питера Хасселара, одного из правителей города Амстердама, в свое время занимавшегося снаряжением двух кораблей, а именно корабля Яна Корнелиса и нашего. Когда мы туда пришли, многие невероятно удивились нашему возвращению, так как считали нас давно погибшими. Слух распространился по городу, и известие о нашем прибытии дошло даже до Дворца Принца, где в то время за обеденным столом сидел канцлер и посол его величества короля Дании, Норвегии, Готов и Вендов. Поэтому их превосходительства схаут и двое бургомистров пригласили нас туда, и тут, в присутствии упомянутого господина посла и двух бургомистров, мы рассказали о нашем плавании и наших злоключениях, после чего те из нас, кто жил в Амстердаме, разошлись по домам, а остальных поселили на несколько дней в трактире, пока нам не заплатили наши деньги, и затем каждый отправился своей дорогой. Вот имена тех, кто вернулся из этого плавания: Якоб Хеймскерк — представитель купцов и шкипер, Питер Питерс Вос, Херрит де Вейр, магистр Ханс Вос — цирюльник-врач, Якоб Янс Стерренбург, Ленарт Хендрикс, Лауренс Виллемс, Ян Хиллебрандс, Якоб Янс Хохвауд, Питер Корнелис, Ян Ван Бёйзен, Якоб Эвертс».

Вернулись двенадцать участников третьего плавания голландцев и зимовки на севере Новой Земли. А было их в начале полярной экспедиции 17 человек. Первым умер 23 сентября 1596 года плотник родом из Пурмеренда (имя его неизвестно) — через месяц после того, как судно было затёрто льдами в Ледяной Гавани. Он был похоронен «под камнями в расщелине горы».

Второй безвестный участник голландской экспедиции скончался 26 января 1597 года и был похоронен «в снегу рядом с домом» (зимовьем голландцев). 20 июня 1597 года, уже на обратном пути на лодках, после тяжелой зимовки умерли в один день выдающийся мореплава-

тель Виллем Баренц и матрос Клаас Андрис. 5 июля скончался Ян Франц из Харлема, двоюродный брат Клааса Андриса. Где похоронены трое последних — не известно.

И если указанные выше участники третьего плавания голландцев умерли из-за болезней, то во время второго плавания в 1595 году двое матросов были убиты белым медведем. Их растерзанные останки 7 сентября похоронили на острове Местном, а шкуру медведя-убийцы в тот год доставили в Амстердам.

Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ) Фонда полярных исследований и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, которую я возглавляю 25 лет, в 1988, 1990, 1992, 1995, 1997 годах и в последующие годы, проводя историко-географические эксперименты и поисковые работы на Новой Земле и в проливе Югорский Шар, безуспешно пыталась найти захоронения участников голландских экспедиций. И большую помощь в наших научно-исследовательских работах оказала книга дневников Херрита де Вейра, изданная в 1936 году под редакцией известного полярного исследователя, профессора В. Ю. Визе. Перевод с латинского был осуществлен профессором А. И. Малениным (Г. Де-Фер. Плавания Баренца. Л., 1936).

История трех попыток голландских мореплавателей отыскать северо-восточный проход в Китай и Индию так заинтересовала в юные годы Визе, что он специально изучал голландский язык, чтобы прочесть дневники Х. де Вейра в подлиннике. И хотя эти экспедиции закончились неудачно и небольшие парусные суда смогли совершить плавание только в море, которое до середины XIX века в России называлось Русским или Студеным (иногда Мурманским или Печорским), а в Карском побывали только в западной части — новое название Баренцево море, появившееся на карте А. Петермана в 1853 году, осталось навсегда на картах мира. Русские мореплаватели — поморы — на лодьях и кочах еще до плаваний голландцев освоили Югорский Шар, ходили к южным берегам Карского моря. Следы их пребывания и деятельности неоднократно наблюдали голландцы в первую и вторую экспедиции на южном и западном побережье Новой Земли. Но составление первой, пусть во многом и схематичной, карты западного и северного побережья архипелага Новая Земля и пролива Югорский Шар — это заслуга голландских мореплавателей и в первую очередь Виллема Баренца, который был душой всего предприятия, и, видимо, Херрита де Вейра.

Первые наблюдения над погодой в Ледяной Гавани во время зимовки 1596–1597 годов Визе отнес к первым метеорологическим наблюдениям в России. Описание грунта на дне в местах стоянок судна, глубин, состояния льда, температуры воздуха, животного мира — все это имеет значение для исследователей и в наши дни, включая важные этнографические наблюдения и первые описания святилищ, одежды и т.п. народов Севера на острове Вайгач и побережье Северного Ледовитого океана.

Захватывающие картины не придуманных реальных событий плаваний и зимовки дают редкую возможность читателю ощутить атмосферу экспедиций, быта и мужества мореплавателей, пытавшихся воплотить идею своего земляка, географа и картографа П. Планси-

уса, который заявил о возможности плавания Северо-Восточным проходом, обогнув с севера Новую Землю.

Несмотря на несколько безуспешных попыток своих предшественников-англичан и даже гибели экипажей двух английских судов, голландцы предприняли три попытки. Наиболее значима из них была третья экспедиция, когда была окончательно составлена карта западного и северного побережий Новой Земли, и перед подходом к этому архипелагу были открыты остров Медвежий, открыта и нанесена на карту часть побережья Шпицбергена.

Последней экспедицией 1596–1597 годов, которой руководили Якоб Хемскерк и Виллем Баренц, интересовались и в России, о чем свидетельствуют документы приказа Тайных дел XVII века, хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов. Тогда, видимо для царя Алексея Михайловича, специально были сделаны сокращенные переводы изданных за рубежом записей Х. де Вейра.

Книга Х. де Вейра впервые была издана в Амстердаме на голландском языке в 1598 г. на следующий год после возвращения автора на родину. В книге было 6 карт и 25 рисунков. Подчеркнём, что, как и в нашем издании, они были раскрашены. В 1599 и 1605 годах книга была переиздана. Печаталась она и в сокращенных вариантах, и с некоторыми изменениями и дополнениями. Интерес к этой книге был столь велик, что в 1598 году она выходит на латинском и французском языках, в 1599 году — на итальянском и немецком. В 1609 году был сделан английский перевод. Полные и сокращенные издания на родном языке и переводы на разные языки осуществлялись неоднократно.

Первый перевод на русском языке 1936 года, о котором уже говорилось выше, был выполнен профессором А. И. Малеиным с латинского перевода. Кроме того, в тексте были сделаны некоторые сокращения. Поэтому текст во многих случаях отличается от оригинала.

Структура нашего издания следующая. После краткого предисловия П. В. Боярского следует введение «Голландцы среди льдов» нидерландского историка Люка Коойманса. Основную часть книги составляет новый перевод дневников Х. де Вейра. Для нашей книги осуществлён профессором И. М. Михайловой полный перевод со староголландского на русский язык первого издания дневников Х. де Вейра в Амстердаме.

Благодаря любезному предоставлению американским коллекционером редких книг господином Грэхемом Арадером копий раскрашенных в издании 1599 г. рисунков и карт, в нашей книге впервые публикуются в России полностью эти цветные иллюстрации.

В Приложении к книге помещены статьи: фрагменты из книги Яна Хейгена ван Линсхотена «Плавания на север 1594–1595», нидерландского профессора, археолога Ержи Гавронского, который в составе российско-нидерландских экспедиций 1993 и 1995 годов руководил археологическими исследованиями зимовья голландской экспедиции 1596–1597 годов на архипелаге Новая Земля; русского полярного исследователя П. В. Боярского, под руководством которого в 1992 году проводились первые исследования зимовья в Ледяной Гавани на основе Открытого листа и который в 1995 году возглавлял работы российско-голландской экспедиции на Новой Земле, островах Вайгач и Местный.

В книге Х. де Вейра используются как примечания к тексту 1936 года на русском языке В. Ю. Визе (Прим. В. В.) и А. И. Маленна (Прим. А. М.), так и ответственного редактора нового издания П. В. Боярского (Прим. П. Б.) и капитана дальнего плавания Ю. А. Настеко (Прим. Ю. Н.).

П. В. Боярский — начальник МАКЭ,
профессор, Почетный полярник.
Борт научно-экспедиционного судна
«Михаил Сомов», декабрь 2010 года.

Введение

Голландцы среди льдов

Осенью 1596 г. голландский корабль был затерт льдами у Новой Земли. Льды преградили путь как на север, так и на юг, и команде не оставалось ничего другого, кроме как сойти на берег. Из выброшенных морем бревен («плавника») они построили себе дом и провели в нем зиму. Благодаря тому, что большинство зимовщиков следующей весной добрались на двух шлюпках до людей, и один из них опубликовал журнал, который вел на протяжении всей экспедиции, история этой зимовки стала героическим эпосом, который продолжал будоражить фантазию и в последующие века.

Шкипера звали Виллем Баренц, он стал легендарным героем голландского народа, в его честь названы улицы и площади. Но что искал Виллем Баренц так далеко от дома, среди льдов Новой Земли?

Целью Виллема Баренца была Восточная Азия. Он рассчитывал проплыть вдоль севера России и добраться до тех стран, куда прежде можно было попасть, лишь обогнув самую южную точку Африки.

Из Восточной Азии в Западную Европу уже веками доставлялись перец, фарфор и шелк, но торговые пути шли преимущественно по суше. Караваны с этими товарами, предназначенными для продажи в средиземноморских портовых городах, двигались очень медленно и нуждались в охране от разбойных нападений. В результате цены на восточные товары были очень высоки. Поэтому предприимчивые западноевропейские купцы хотели доставлять их в Европу по морю на кораблях.

В XV веке значительно расширились возможности мореплавания: теперь корабли спокойно выходили в открытое море, не боясь потерять из виду береговую линию. Это достижение объяснялось усовершенствованием конструкции кораблей и приемов мореплавания, а также использованием компаса. Но сначала надо было разведать, по какому маршруту можно добраться до Восточной Азии. Существующие географические карты были неотчетливы и ненадежны, что стало ясно, когда испанцы пытались найти Азию, двигаясь постоянно на запад. Экспедиция Колумба наткнулась при этом на ранее совершенно неведомую землю.

Обогнуть эту землю, названную Америкой, оказалось делом непростым. Зато попасть в Азию, обойдя южную оконечность Африки, было вполне возможно. Около 1500 года португаль-

ские корабли прошли этим путем в Индию, и с тех пор португальские купцы стали доставлять пользующиеся в Европе спросом азиатские товары по морю. Те, кто был заинтересован в традиционной торговле, сопротивлялись этому всеми силами, но напрасно. Для защиты своих торговых судов португальцы сумели построить постоянные форты вдоль всего побережья. Они тотчас завоевали европейский рынок азиатских товаров, так как могли продавать их по более низким ценам, чем те, кто возил их по суше. Португальцы защищали свои выгодные позиции, не пропуская по освоенному ими морскому пути корабли купцов из других стран. Поскольку они оказались в состоянии отстаивать свою монополию с помощью силы, все прочие западно-европейские купцы были вынуждены покупать азиатские товары у португальцев, так что португальцы имели возможность сами назначать цены: более низкие, чем до открытия морского пути, но более высокие, чем если бы существовала конкуренция.

Купцы из Англии, Франции и Нидерландов хотели сами плавать на восток, но все их попытки доставлять товары прямо из Азии неизменно разбивались о сопротивление португальцев, нападавших на их корабли. Но даже для тех, кому удавалось избежать нападения португальцев, плавание в Азию было сопряжено с великим трудностями. Каждое плавание длилось по многу месяцев, моряков подстерегали жара, штиль, болезни — в первую очередь цинга. Поэтому предпринимались попытки найти другие пути. Маршрут через запад оказался непригодным: выяснилось, что попасть в Азию, обогнув Америку с юга, в принципе возможно, но этот путь еще длиннее и еще опасней, чем через Мыс Доброй Надежды.

Итак, мореплаватели искали маршрут, по которому можно было обогнуть Азию с севера. Существует ли он в природе и можно ли им пройти — этого не знал никто, так как никто и никогда там еще не бывал, а карты тех мест были основаны на сведениях из вторых и третьих рук: сведениях, почерпнутых из античных источников или из рассказов путешественников, посетивших северные края и услышавших там от кого-то, что представляют собой области близ северного полюса.

Никто не знал, есть ли на северном полюсе суша, или только вода. Там все было покрыто туманом и льдом, но что прячется под ними — это оставалось загадкой. На сей счет существовали всевозможные предания, например, что там находится пропасть, засасывающая все морские течения. Рассказывали, будто там никогда не бывает ночи, будто там встречаются киты такой величины, что им ничего не стоит перевернуть корабль.

Земли, расположенные к востоку от Европы, также оставались неизвестными. Никто не знал, какая там местность и кем она населена. Считалось, что в Сибири живут странные и злобные народы. Было неясно, насколько далеко простирается Сибирь в восточном направлении и сколько потребуется времени, чтобы достичь восточного побережья. Где-то там, как полагали, и находилось Синское царство, где процветает высочайшая культура и где можно купить изысканные товары.

Все сведения об этом царстве были почерпнуты из рассказов и преданий. Многие из них казались неправдоподобными, но ведь никто не знал, какие чудеса могут, а какие не могут встретиться в еще неведомых уголках мира. Поэтому плавания в неведомые края предпринимались порой из любопытства, из желания открыть неизвестное, чтобы нанести свои открытия на кар-

ту и снискать себе славу. Заказчики, снаряжавшие экспедиции, больше интересовались экономической выгодой, но шкиперы и штурманы были в первую очередь авантюристами и любопытными людьми. Они знали, что участвуют в опаснейшем предприятии, однако полагались на новейшие изобретения в области кораблестроения и навигации и отправлялись в путь исполненные оптимизма. С простыми членами экипажа дело обстояло несколько иначе. По возвращении домой они могли рассказывать захватывающие истории, но главным для них был заработок: за опасности и трудности им неплохо платили. Если же лишения оказывались более жестокими, чем они себе представляли, то возникал риск, что они больше не захотят их терпеть. Руководство постоянно боялось мятежей, и чтобы снизить риск, команду предпочитали набирать преимущественно из неженатых мужчин.

В 1553 г. несколько весьма состоятельных английских купцов снарядили три корабля для экспедиции по северным морям с целью найти проход в Восточную Азию. Корабли обогнули Норвегию, миновали Нордкап и поплыли дальше на восток, туда, где земли принадлежали датскому королю и русскому царю.

Торговые отношения с Россией существовали уже и до этого, но все пути шли по Балтийскому морю. Отсюда проистекали примерно те же сложности, что и в случае южного пути в Азию. Климатические проблемы определялись, правда, не жарой, но холодом, а препятствовали этой торговле прибалтийские ганзейские города, стремившиеся монополизировать торговлю с Россией и всячески мешавшие западноевропейским купцам торговать с русскими напрямую. Так что задача найти альтернативный путь в Россию также была актуальна.

Английская экспедиция 1553 г. открыла Белое море*. Один из капитанов добрался далее по суше до Москвы и установил там необходимые контакты. Путь в Белое море стал немедленно использоваться для торговли. Сначала торговля велась в небольшом датском поселении между Нордкапом и Белым морем, но когда датский король захотел извлекать из этой торговли слишком большую выгоду и повысил налог на все сделки, торговля переместилась на русскую землю, в устье Двины. Там и возник город Архангельск.

Но главная цель состояла все же в том, чтобы проложить путь в Азию**. Английские моряки достигли входа в Карское море у Новой Земли, но продвинуться дальше не смогли, так как узкий пролив был полностью заперт льдом. Начиная с 1580 г. стали снаряжаться новые экспе-

---

* Речь здесь идет о западноевропейских мореплавателях. Русским хорошо был известен путь из Новгорода и Москвы на Мурман еще во второй половине XIII века. В 1342 году новгородский боярин Лука Варфоломеев основал городок с крепостью Орлец в 30 км от Холмогор на Северной Двине. В 1429 году началось освоение русскими православными монахами Соловецких островов на Белом море. И строительство ставшего в дальнейшем знаменитым Соловецкого монастыря. В 1496 году в Данию был отправлен послом «дьяк государев» Григорий Истома. Свою поездку в Западную Европу он совершил на судне, отправившись из Белого моря хорошо известным русским морским путем. В данном случае речь идет не об «открытии Белого моря», хорошо известного русским торговцам, промышленникам и мореплавателям, а об открытии морского торгового пути из Западной Европы в Россию через Белое море. (Прим. П. Б.).

** Необходимо отметить, что своеобразной базой не только для пеших и речных походов, но и морских на Вайгач, Новую Землю и в Сибирь был с конца XV века первый русский заполярный город (первоначально острог) Пустозерск на реке Печоре. (Прим. П. Б.).

диции как из Англии, так и из Антверпена, но и они не были успешными. Северный путь оставался лишь мечтой, хотя потребность в нем сохранялась.

Португальцы по-прежнему держали в своих руках всю торговлю с Восточной Азией, Испания контролировала торговлю с Америкой. Благодаря такой монополии португальцы и испанцы получали гигантские сверхприбыли, чему невероятно завидовали английские и голландские купцы. Экономический конфликт усугубился политической составляющей в 1580 г., когда Филипп II, испанский король, занял также португальский трон. Как король Испании он находился в состоянии войны с Нидерландами, также принадлежавшими к его владениям, но поднявшими восстание. Чтобы поставить на колени взбунтовавшиеся провинции, Испания усложнила для Нидерландов торговлю с Португалией и заблокировала вход в Антверпенский порт, важнейший порт в Южных Нидерландах, откуда товары из Азии переправлялись в западную и северную Европу. Из-за этой блокады жизнь в Антверпене замерла, а торговля переместилась в Северные Нидерланды, в Голландию, в первую очередь в Амстердам, куда переселились многие состоятельные купцы из Антверпена. В скором времени голландский торговый флот разросся и занял первое место в Европе.

По мере того, как купцы богатели и страх перед военной мощью Испании ослабевал, в Амстердаме стали строить все более конкретные планы насчет снаряжения собственных кораблей для отправки в Восточную Азию. Купцы могли собрать необходимые для этой экспедиции деньги, объединив свои усилия и профинансировав ее совместно. Важным положительным фактором были также знания, уже накопленные к тому времени голландскими путешественниками и картографами. Кроме того, им оказывало поддержку также государство.

Географы нанесли полученные от них сведения на карты и глобусы. Важнейшим географом был Питер Платевут, он же Петрус Планциус (1552–1622), ревностный кальвинист из Фландрии, который постепенно стал экспертом в области морской навигации. Он был исполнен духа предпринимательства, географические экспедиции интересовали его с материальной точки зрения. Он вкладывал в них огромные суммы, чтобы получить уникальную географическую информацию, из которой можно извлечь еще больший барыш. Кроме того, если плавание оказывалось успешным, то Планциусу, разумеется, доставалась и доля от вырученной прибыли. Он поддерживал хорошие отношения с крупными амстердамскими торговыми компаниями, и эти связи были очень кстати при финансировании экспедиций.

Голландские купцы работали на два фронта. Одну экспедицию отправили на юг: корабли должны были добраться до Восточной Азии, обогнув Африку. Для этого девять амстердамских купцов объединили свои средства со средствами других работодателей и снарядили четыре корабля, которые мимо мыса Доброй Надежды поплыли в Индию. Одновременно была предпринята попытка найти северный путь, чтобы получить возможность плавать в Азию менее нездоровым маршрутом и не сталкиваясь с испанцами и португальцами. Таким образом, летом 1594 г. экспедиция из трех кораблей и одной рыбацкой яхты отправилась на север. Экспедицией руководил Виллем Баренц ван дер Схеллинг, опытный мореплаватель лет сорока от роду, пользовавшийся хорошей репутацией после того, как создал атлас Средиземного моря. Он был в первую

очередь путешественником-исследователем, стремившимся открывать и наносить на карту новые территории. Во время этой экспедиции он создал карту западного побережья Новой Земли.

Его попытка найти путь на восток через север, двигаясь вдоль побережья Новой Земли, не удалась из-за пакового льда, но капитан другого корабля этой же флотилии, Корнелис Най, достиг определенного успеха: он смог провести свой корабль через пролив Вайгач в Карское море и думал, что проложил тем самым северный путь в Азию. Дальше они не пошли, так как спешили своевременно, до морозов, вернуться домой. Прерванную таким образом экспедицию решили продолжить на следующий год.

Следующая экспедиция преследовала уже не только исследовательские цели: на борт был взят также товар. Было снаряжено семь кораблей, из Зеландии, Энкхёйзена, Роттердама и Амстердама, чтобы начать торговлю с Восточной Азией.

Возглавлял экспедицию опять Виллем Баренц, но теперь рядом с ним стоял Якоб ван Хеймскерк, сравнительно молодой человек (ему было около тридцати лет), сын амстердамского парусных дел мастера, известный своим спокойным нравом и дипломатическими способностями: в его обязанности входило ведение торговли. В дальнейшем, после экспедиций по полярным морям, он весьма успешно плавал в Азию южным путем. В 1607 г., будучи уже адмиралом Нидерландского флота, он погиб в битве при Гибралтаре. Его могила находится в Старой церкви в Амстердаме.

Корнелис Най также участвовал и в этой второй экспедиции, равно как и его товарищ по предыдущей экспедиции Ян Хёйген ван Линсхотен (1563–1611). Ян Хёйген ван Линсхотен был опытным моряком, который уже в 16 лет следом за старшими братьями поехал в Севилью, чтобы там наняться на испанский корабль и плавать в дальние края. Хотя Нидерланды в ту пору уже подняли восстание, они все еще входили в состав испанской империи, так что голландцы считались испанскими подданными. Ван Линсхотен прожил пять лет на Гоа, где работал чиновником; все эти годы он переписывал всевозможные документы, содержащие сведения об организации испанской и португальской торговли в Восточной Азии. Вернувшись потом в Нидерланды, он тотчас опубликовал эти секретные стратегические сведения. На основе добытой им информации Нидерланды в том же 1595 г. снарядили экспедицию в Азию по южным морям. Линсхотен мог бы присоединиться и к этой экспедиции, однако он уже обещал участвовать в плавании на север. Позднее, уже после выхода в свет описания зимовки Баренца на Новой Земле во время третьей экспедиции, Линсхотен также издаст свое описание первых двух плаваний.

Вторая экспедиция была затерта паковым льдом, так что немножко поторговать удалось только с местным населением, которое тогда называлось «самоедами». Да и в других отношениях эта экспедиция была неудачной: в драматический момент среди моряков вспыхнул мятеж, несколько человек было разорвано белыми медведями.

Тем не менее на следующее лето была предпринята еще одна попытка найти северный путь. Планиус считал, что если забрать севернее, чем это делалось до сих пор, то дрейфующего льда встретится меньше. Ему удалось убедить в этом Виллема Баренца и нескольких амстердамских купцов, так что купцы на свои деньги снарядили два корабля, одним из которых командовали

Виллем Баренц и Якоб ван Хеймскерк. Следуя новым маршрутом, они открыли по пути Медвежий остров и Шпицберген. Второй корабль, которым командовал Ян Корнелис Рейп, пытался найти проход вдоль западного побережья Шпицбергена, но безуспешно, и потому вернулся в Амстердам. Виллем Баренц обошел Новую Землю с севера, но его корабль все равно был затерт льдами, так что пришлось устроить зимовку на этом далеком северном острове.

Зима была очень суровой, моряки несколько месяцев провели в темноте полярной ночи, не все смогли в таких условиях выжить. В итоге в Амстердам вернулись двенадцать из семнадцати человек.

Зимовка на Новой Земле стала легендарной благодаря изданию подробного отчета о путешествии, написанного молодым корабельным плотником Херритом де Вейром, родственником ван Хеймскерка, участвовавшим также и в предыдущей экспедиции на Север. Этот отчет должен был служить оправданием команде, потерявшей корабль и товар. Выйдя в свет в мае 1598 г., отчет тотчас стал настоящим бестселлером. Его немедленно перевели на немецкий язык, затем последовало два переиздания, в 1599 и 1605 г. Впрочем, кое-кто относился к рассказу де Вейра скептически, так как не существовало никаких доказательств его правдивости. Такие доказательства были найдены лишь в XIX веке.

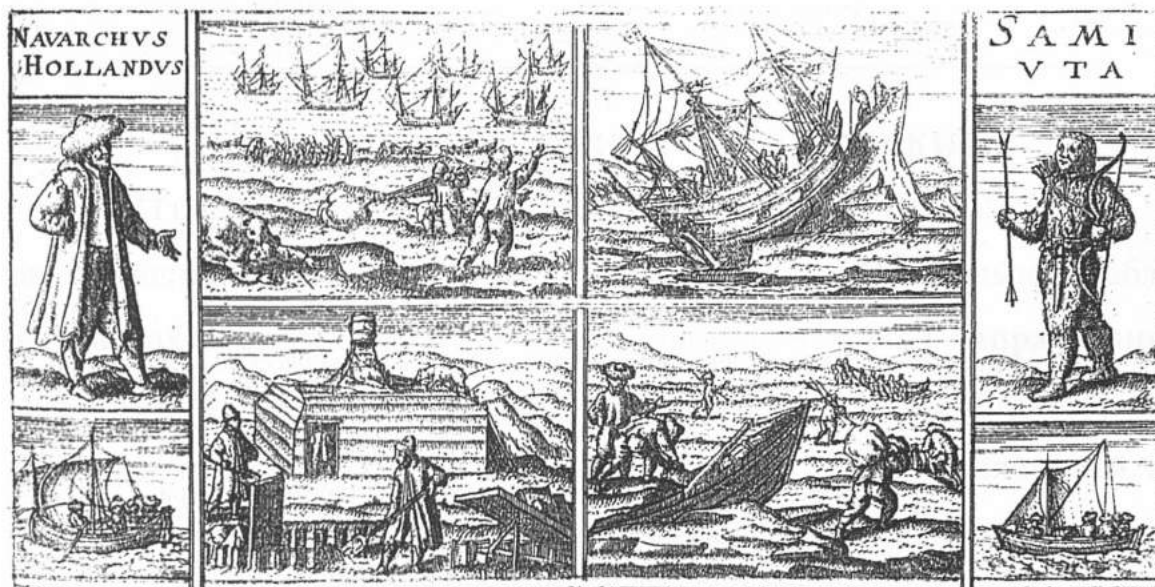
Во время экспедиции Де Вейр постоянно вел журнал, в котором ежедневно делали записи о положении солнца, планет и звезд, по которым моряки могли следить за ходом времени. Весной зимовщики стали готовиться к возвращению домой. Для обратного пути пришлось основательно отремонтировать шлюпки. Плыть по морю на открытой лодке, среди льдов, выюг, туманов и белых медведей, было делом крайне опасным, однако судно под командованием ван Хеймскерка достигло материка. Виллем Баренц, заболевший на Новой Земле, умер по дороге.

Все три попытки Виллема Баренца пройти в Восточную Азию, минуя Новую Землю, провалились, зато плавание мимо Мыса Доброй Надежды увенчалось успехом. Поэтому поиски северного пути были сняты с повестки дня, однако героизм первооткрывателей не переставал восхищать соотечественников. В наши дни место зимовки Баренца на Новой Земле является предметом научного исследования, но независимо от этого история отважных мореплавателей до сих пор служит образцом того склада ума, на который стараются равняться современные голландцы.

*Люк Коойманс — доктор исторических наук,
лауреат Премии Принца Бернарда*

Херрит де Вейр

Описание плаваний, совершённых
голландскими мореходами
в конце XVI века по Ледовитому
океану в поисках пути в Китай

Дневники Х. де Вейра подготовлены на основе первого издания, увидевшего свет в 1598 г. в г. Амстердаме.

Полный перевод со староголландского на русский выполнен И. М. Михайловой.

Цветные иллюстрации к тексту дневников Х. де Вейра заимствованы из немецкого издания 1599 г. «Kleine Reizen, Oost Indie deel III, Dritter Theil Indiae Orientalis». Гравюры выполнены : Йоханом Теодором до Бри и Йоханом Израелем де Бри. Слайды и права на публикацию предоставлены Грэхэмом Арадером. Черно-белые иллюстрации заимствованы из первого издания 1598 г. Слайды и права на публикацию предоставлены отделом нидерландской культуры в Рейксмузеуме г. Амстердам.

Предисловие

к древним запискам

Правдивое описание трёх морских
путешествий, самых удивительных на свете,

совершавшихся три года подряд голландскими и зеландскими кораблями, в водах к северу от Норвегии, Московии и Татарии, в направлении к царствам Китайскому и Синскому, а также о посещении Вайгача, Новой Земли и земли на 80° северной широты, которую сочли Гренландией, где никогда раньше не бывал человек, о яростных кровожадных медведях и прочих морских чудовищах, о невыносимом холоде и о том, как во время последнего путешествия корабль был зажат льдами, как люди построили дом на широте 76° на Новой Земле и прожили там 10 месяцев, а после этого прошли по морю более 350 миль в открытых малых лодках. Все это с великими опасностями, горестями и невероятными трудностями.

Подготовлено к изданию

Херритом де Вейром из Амстердама

Благородным, могущественным, мудрым, рассудительным, весьма влиятельным Господам Генеральным Штатам Соединенных Нидерландов* и Государственному совету, а также Провинциальным штатам Голландии**, Зеландии*** и Западной Фрисландии****.

К тому же Светлейшему Князю и Господину Маурицу, по рождению Принцу Оранскому, графу областей Нассау, Катценельнбоген, Вианен, Дитс etc., Маркизу Вейра и Влиссингена etc., Господину Синт-Фейта, Дусбурга, города Граве и земель Кейка etc., Статхаудеру и генерал-капитану Гелдерланда, Голландии, Зеландии, Западной Фрисландии, Утрехта и Оверэйссела etc. и Адмиралу флота.

Кроме того Благородным, глубокоуважаемым, мудрым, рассудительным Господам Полномочным членам Советов при Адмиралтействах Голландии, Зеландии и Западной Фрисландии. Развиваться.

Предисловие

К дневниковым записям

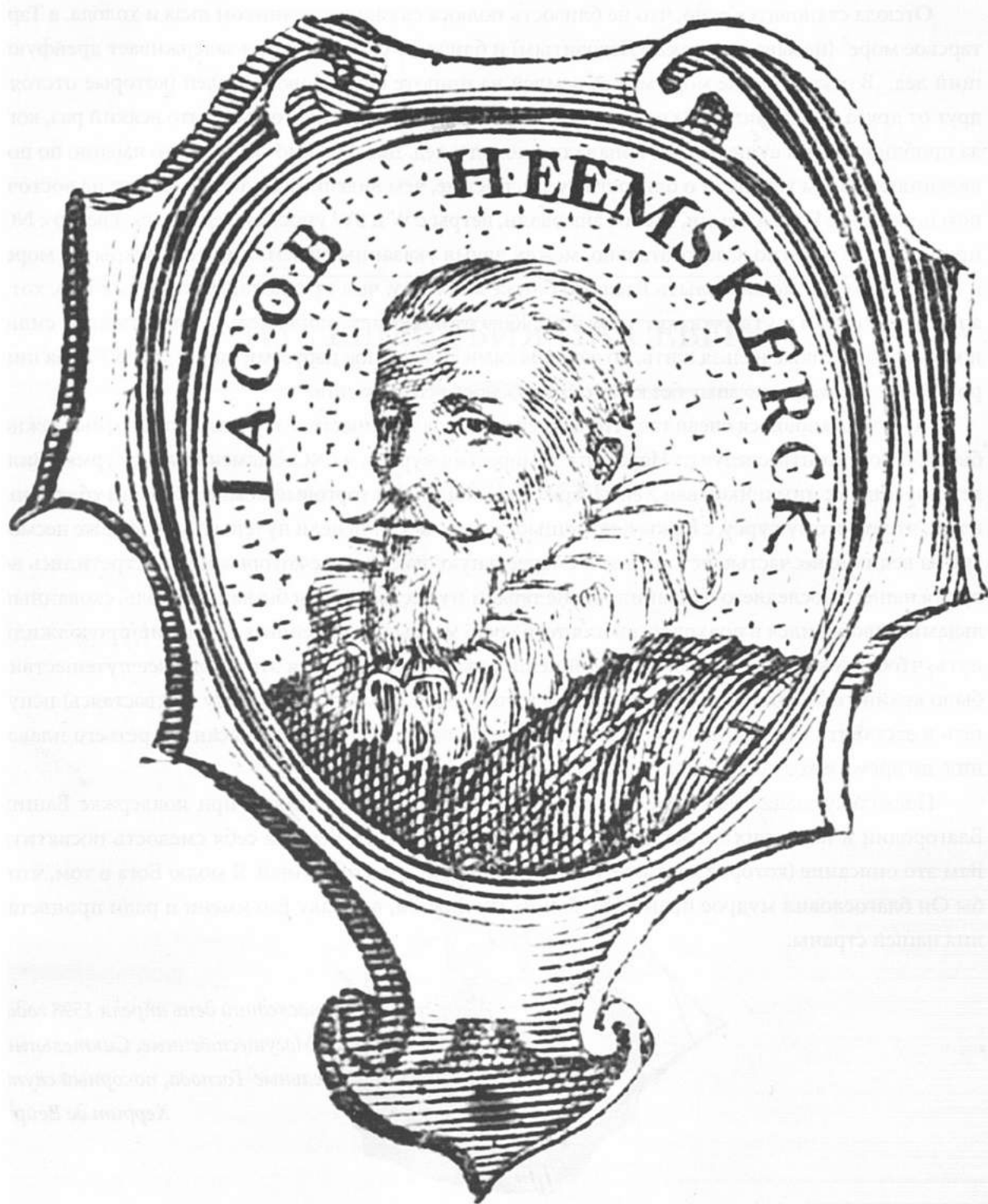

Господа, ни одно искусство не может сравниться по приносимой им пользе с искусством мореплавания, которое в последние годы достигло удивительных успехов, особенно в нашей стране, и обеспечило великое благосостояние, причем в первую очередь благодаря совершенствованию мастерства навигации, умению определять градусы широты и расположение земель, мастерства, основанного на математических знаниях, благодаря чему появилась возможность доплыть по морю до края света, до всех стран, и привозить сюда к нам плоды этих стран. Математическая наука, родившаяся из астрономии, приносит мореплаванию пользу еще большую, чем запас сведений о земной поверхности, ибо дает не только знания, но и практическую пользу, так как позволяет плавать под парусом в различных направлениях и различными курсами, к всевозможным мысам, странам и землям, о существовании которых не упоминали даже Птолемей и Страбон, и которые после них долгое время оставались неизвестными, а теперь благодаря исследованиям и открытиям вышеупомянутой науки стали известны. Многие земли, ранее неизвестные, были открыты в последнее время только лишь после того, как их долго и неотступно искали. Точно так же из нашей страны¹ в недавнем времени были предприняты три попытки разведать, можно ли через север найти путь в царства Китай² и Сина³, и хоть попытки не увенчались успехом, они все же не остались бесплодными и безнадежными. Потому я и составил краткое описание указанных трех плаваний (в двух последних я участвовал сам) из нашей страны через Норвегию, Московию и Тартарию⁴ в вышеназванные царства Китай и Китай⁵.

Во время этих плаваний произошло много примечательных событий, и я думаю, что теперь уже удастся найти правильный путь, ибо теперь уже известно, как расположены Вайгач и Новая Земля, а также восточная оконечность Гренландии⁶ (как мы называем эту землю), находящаяся на широте 80°, хотя до сих пор все думали, что на 80° северной широты есть только вода, и нет никакой суши, причем там на широте 80° было не так холодно, как на Новой Земле на широте 76°. Там уже в июне, то есть в начале лета, росли лиственные растения и трава и жили травоядные животные, в то время как на Новой Земле на широте 76° в августе, т.е. в самую жаркую пору лета, вообще не было найдено ни лиственных растений, ни травы и, соответственно, травоядных животных.

Портрет Виллема Баренца. Художник А. Конинк. 1613 г. Амстердам.

Портрет Якоба ван Хеймскерка. Художник А. Конинк. 1613 г. Амстердам.

Отсюда становится ясно, что не близость полюса служит источником льда и холода, а Тартарское море⁷ (называемое также Ледовитым) и близость суши, которая задерживает дрейфующий лед. В открытом же море между землей на широте 80° и Новой Землей (которые отстоят друг от друга на 200 миль) мы не обнаружили почти совсем никакого льда, зато всякий раз, когда приближались к суше, тотчас попадали в холод и лед. Даже можно сказать, что именно по появлению льда мы узнавали о близости суши, прежде, чем видели саму землю. Также на восточном побережье Новой Земли, где мы зимовали, ветры с W и SW уносили лед прочь, а ветер с NO приносил его обратно. Следовательно, между двумя указанными землями есть открытое море, и по этому морю можно плыть намного ближе к полюсу, чем предполагалось до сих пор, хотя античные авторы и утверждают, что в 20° к Югу от полюса по морю нельзя плавать из-за сильного холода, а также нельзя жить, но ведь мы сами ходили под парусами на широте 80°, а на широте 76° провели целую зиму без какого-либо особого снаряжения.

Так что становится очевидно, что вышеназванное путешествие в указанные страны можно было бы совершить, следуя от Нордкапа⁸ в Норвегии курсом на NO. Знаменитый штурман Виллем Баренц⁹, а с ним и Якоб ван Хеймскерк¹⁰, наш шкипер и торговый комиссар, были убеждены в том, что по этому курсу, с Божьей помощью, можно достичь цели путешествия. И даже несмотря на великие несчастья, истощение и смертельную опасность, с которыми мы встретились во время нашего последнего плавания, мы не теряли мужества, и если бы наш корабль, скованный льдами, освободился в подходящий для того срок, мы бы без малейших сомнений продолжили путь, чтобы доказать, что поставленной цели можно достичь. Хотя это последнее путешествие было крайне тяжелым, никакие трудности и опасности не могли нас (скажу не хвастаясь) испугать и заставить отказаться от поставленной цели, как вы узнаете из описания третьего плавания, но время и ход событий не позволили нам ее достичь.

Поскольку вышеназванные три путешествия были предприняты при поддержке Ваших Благородий и плоды их также должны принадлежать Вам, я беру на себя смелость посвятить Вам это описание (которое хоть и не слишком изящно, зато правдиво). Я молю Бога о том, чтобы Он благословил мудрое правление Ваших светлостей, во славу Его имени и ради процветания нашей страны.

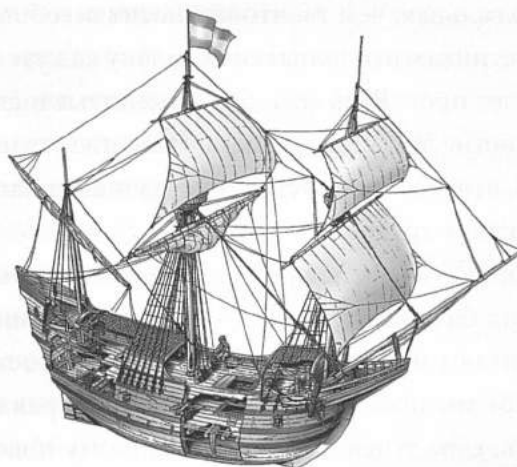
*Амстердам, предпоследний день апреля 1598 года.
Ваши, о Благородные и Могущественные, Сиятельные,
Мудрые и Влиятельные Господа, покорный слуга,
Херрит де Вейр¹¹*

ПУТЕШЕСТВИЯ НА СЕВЕР

Первая часть

Введение

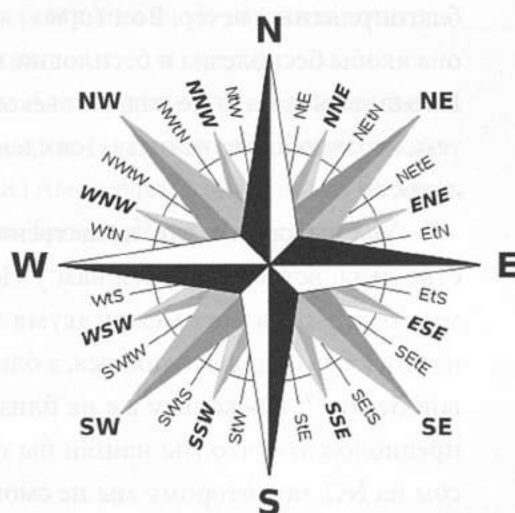

Трудно придумать и изобрести что-либо более полезное для общественного благополучия (в особенности в нашей стране¹²), чем мореходное искусство, ибо те, кто владеет морем, могут приносить себе все полезные им товары и плоды земли для питания, ибо по морю они могут с края света доставить в свое отечество, благодаря всеобщей торговле, все, что нужно, и, наоборот, отвезти туда товары, имеющиеся у них самих в избытке, что возможно без всякого затруднения благодаря совершенствованию мореходного искусства. Между тем, оснастка кораблей улучшается с каждым днем (на удивление тем, кто видел корабли и мореплавание во время наших отцов, и даже тем, кто сравнивает наше время с недавним прошлым, которое мы сами помним), точно так же каждый день прокладываются новые морские пути, и хотя предпринятые попытки не всегда с первого, второго или третьего раза дают хорошие результаты, в конце концов путешественники достигают своей цели и пожинают плоды всех трудов. Поэтому нельзя падать духом из-за трудностей и тягот, с которыми сопряжены поиски новых путей, даже если после первого, второго и третьего путешествия цель все еще не достигнута полностью. Ибо есть ли работа более полезная и похвальная, чем та, что приносит всеобщее благополучие. И пусть глупцам, насмешникам и клеветникам эти попытки поначалу кажутся напрасными и тщетными, но в конце концов от них будет прок. Ведь если бы знаменитые и славные мореплаватели Кортес, Бальбоа и Магеллан¹³ и многие другие, открывшие дальние страны и царства, отказались от задуманного после первого, второго или третьего неудачного плавания, то впоследствии они не насладились бы плодами своих трудов.

Александр Македонский¹⁴ однажды произнес, когда, завоевав из своей Греции всю Малую и Среднюю Азию, встретил большие трудности у границ Индии: «Если бы мы не попытались сделать то, что другие считают невозможным, то до сих пор оставались бы в пределах Киликии¹⁵, в то время как теперь мы прошли по всем великим странам. Ибо нет на свете таких дел, которые можно закончить, едва успев начать». По данному поводу имеется также прекрасное высказывание Цицерона¹⁶: «Бог не стал давать всего одному человеку, чтобы наследникам тоже было чем заняться». Поэтому нельзя останавливаться на полдороги, когда еще можно чего-то достичь и пока еще есть надежда, ибо самые прекрасные сокровища бывает труднее всего найти.

Но не будем чересчур отклоняться от нашего главного предмета, а именно, ежедневных достижений приносящего пользу мореплавания, которых можно добиться только путем больших затрат и великих трудов. Не будем говорить о том, сколько тяжких трудов и упорной настойчивости потребовались для того, чтобы довести до счастливого завершения поиски пути в Ост-и Вест-Индию¹⁷, Америку, Бразилию и другие страны, через Магелланов пролив и Южное море¹⁸, с пересечением экватора, и во многие другие страны и острова. Мы обратим взгляд к Белому морю, что на севере от Московии, куда теперь существует надежный маршрут, изначально проложенный с трудом и опасностями. Благодаря чему этот путь теперь столь обычен и столь легко проходим? Разве это не тот же долгий и опасный морской путь, каким он был до того, как его полностью освоили? Да, конечно, но разработка прямого пути, который вначале надо было разведать, плавая по морю извилистыми путями от острова к острову, от берега к берегу, нынче сделала этот трудный путь простым.

Это немного я предлагаю читателю в качестве краткого введения, потому что намереваюсь описать три плавания на север, предпринятые недавно, три года подряд, ставившие целью пройти мимо Норвегии и Московии в царства Китай и Сину, во втором и третьем из которых я участвовал сам, и которые не были доведены до конца и не дали ожидаемых плодов. Я опишу их в первую очередь в доказательство наших усердных и неутомимых стараний отыскать правильный путь, который мы, однако, так и не смогли найти вопреки желаниям и ожиданиям. Может быть мы и нашли бы его, плавая по морю туда-сюда, если бы смогли придерживаться прямого курса*, но нам помешали в этом лед, нехватка времени и не-

*Курс судна — угол между диаметральной плоскостью судна и направлением на Север (N, норд). Курс измеряется в градусах по часовой стрелке от 0°, так называемый «чистый норд» до 359°. В описываемое время было принято измерение в румбах от 0 (норд, N) по часовой стрелке до 31 (норд-тен-вест, NtW). Такое измерение курса существовало до середины XIX века.

Курс движения судна определялся при помощи компаса. Для определения направлений в магнитном компасе имеется картушка — круговая шкала с 360 делениями, каждое из которых соответствует одному угловому градусу. Они размечены по часовой стрелке с отчетом от нуля. Направление на север (норд, N — во времена Баренца, или С на многих отечественных компасах) обычно соответствует 90 градусам; направление на восток (ост, O (или E) — на многих отечественных — В), соответствует 90 градусам; на юг (зюйд, S — Ю на отечественных) — 180 градусам; на запад (вест, W — З на отечественных) — 270 градусам. Это главные компасные румбы или стороны света. Между ними расположены «четвертные румбы»: норд-ост (NO), или С-В (отечественные) — 45 градусов; зюйд-ост (SO), или Ю-В — 135 градусов; зюйд-вест (SW) или ЮЗ — 225 градусов; норд-вест (NW) или СЗ — 315 градусов. Между главными и четвертными расположены 16 «основных» румбов, таких как норд-норд-ост (NNO) и норд-норд-вест (NNW). Во времена первых голландских экспедиций в Российскую Арктику было еще 16 румбов, таких как норд-тень-вест (NtW), или OtN, как в нашем случае и т.д.

благоприятный ветер. Во-вторых, я хочу заткнуть рот тем, кто говорит про нашу попытку, что она якобы бесполезна и бесплодна, в то время как она может все же принести пользу в будущем. Ибо смеяться надо не над человеком, предпринимающим то, что кажется невозможным; а над тем, кто, наоборот, не пытается сделать того, что представляется невозможным, по собственной лени.

Мы выяснили, что единственным и главным препятствием на нашем пути было множество льда, встретившегося нам у Новой Земли, на широте 73°, 74°, 75° и 76°, которого было намного меньше в море между двумя землями, откуда следует, что главный источник холода — это не близость северного полюса, а близость льда, приплывающего из Тартарского моря около Новой Земли¹⁹. Поскольку же не близость северного полюса была источником холода, то можно предположить, что мы нашли бы проход между льдами, если бы следовали намеченным курсом на NO, по которому мы не смогли пройти, так как попали во льды близ Новой Земли. Мы не могли знать, какова обстановка на восточном побережье Новой Земли, прежде чем побывали там сами, а попав туда, мы уже не могли изменить свой курс. Однако нам неизвестно, как бы прошло наше плавание, если бы мы следовали намеченным курсом на NO, так как мы не имели возможности попытаться им пройти.

Дело в том, что на земле, расположенной на широте 80° (которую мы считаем Гренландией²⁰), растут лиственные растения и трава и живут травоядные животные, такие как косули и олени и им подобные. А на Новой Земле, напротив, не растет ни лиственных растений, ни травы, и живут только плотоядные животные, такие как медведи и песцы²¹, хотя Новая Земля расположена на 4, 5 и 6 градусов дальше от полюса, чем эта вышеназванная земля. К тому же известно, что температуры к югу и северу от экватора, между обоими тропиками на широте 23,5°, равны температурам на самом экваторе. Так что нет ничего удивительного в том, что на равном количестве градусов по обе стороны от Северного Полюса может быть так же холодно, как на самом Полюсе. Не стану утверждать этого с уверенностью, поскольку о морозе по другую сторону Северного Полюса известно намного меньше, чем о жаре на севере и на юге от экватора. Только хочу сказать, что хотя мы и не смогли проследовать намеченным курсом на NO, это не значит, что нам помешал пройти туда холод, так как не море и не близость Полюса, а лед около земли преградил нам путь, ведь едва мы отплыли от Новой Земли в море, как сразу снова почувствовали тепло, хоть мы и оказались дальше на севере²². В этом убеждении умер и наш штурман Виллем Баренц²³, который несмотря на ужасный и невыносимый холод, доставлявший ему такие мучения, не терял мужества и не сдавался, и даже несколько раз заключал с нами пари о том, что эту экспедицию (с Божьей помощью) он еще доведет до благополучного завершения, если возьмет курс на NO от Нордкапа.

Но оставим это и займемся описанием указанных трех путешествий, предпринятых по поручению и при поддержке их Благородия могущественных господ Генеральных Штатов Соединенных Нидерландов, его Сиятельного превосходительства Маурица, по рождению Принца Оранского, как адмирала флота, и славного торгового города Амстердама, — путешествиях,

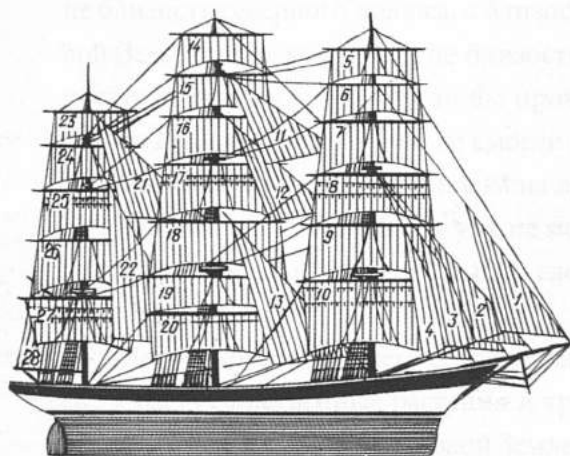

предпринятых и доведенных до тех мест, о которых будет рассказано, из коего рассказа читатель может почерпнуть то, что пойдет ему на пользу в его действиях.

Впервые в 1594 г. было снаряжено четыре корабля: два из Амстердама, один из Зеландии и один из Энкхейзена²⁴, чтобы открыть удобный путь к землям и царствам Китайскому и Синскому мимо севера Норвегии, Московии и Тартарии. Кораблями из Амстердама командовал Виллем Баренц, отважный, знаменитый и опытный штурман. В день Троицы²⁵ он отплыл от Амстердама в направлении Тексела²⁶.

ИЮНЬ 1594 г.

*Парус — ткань или пластина, прикрепленная к средству передвижения и преобразующая энергию ветра в энергию поступательного движения. Паруса по форме подразделяются на прямые, которые ставятся поперёк судна и крепятся к реям, поднимающимся на мачты и стеньги, и косые, которые ставятся в диаметральной плоскости вдоль судна. Парусное вооружение судов подразделяется на следующие типы: апсель, бизань, блупер, брамсель, брифок, генуя, генакер, грот, дрефтер, кливер, лисель, марсель, мунсель, ричер, спанкер, спинакер, стаксель, толлбой, топсель, трисель, трюмсель, фок. Бизань — нижний косой или прямой парус, ставящийся на бизань мачте, установленной на корме судна.

5 июня²⁷ они отошли под парусами* от Тексела, и весьма благополучно прибыли в Кильдин²⁸ в Московии 23-го числа того же месяца. Поскольку это известный морской путь, не будем описывать его в подробностях.

29 июня в четыре часа пополудни они отошли под парусом от Кильдина, и при ветре NNW прошли 13 или 14 миль²⁹ на NO, погода была туманная.

Затем, до четверга 30 июня, того времени, когда солнце находилось на OSO, прошли 7 миль курсом на ONO при ветре с N под двумя большими парусами без бизаней. Там они бросили лот³⁰ на глубину 100 сажень³¹, но не достали до дна.

В тот же день 30 июня, до солнца на S прошли пять миль курсом на OtN под двумя большими парусами без бизаней при ветре с N, там бросили лот на глубину 100 сажень, но до дна не достали. От полудня до вечера, когда солнце было на NW, прошли в направлении O и OtN 13 миль. Там бросили лот и на глубине 120 сажень обнаружили дно, покрытое тонким черным илом.

ИЮЛЬ 1594 г.

В первый день июля, за время первой вахты* прошли под парусами курсом на О и OtN 4 мили. Там бросили лот и на глубине 60 саженей обнаружили илистый мелкий песок, а было это рано утром.

Через час они снова бросили лот и на глубине 52 саженей обнаружили белый с черным песок, немного илистый. Далее прошли еще 3 мили на OtN, там глубина была 40 саженей, серый песок смешанный с черным.

Далее шли 2 мили на О, там на глубине 38 саженей было дно, состоящее из красного с черным песка. Солнце было на SOtO, ветер Северный-Северо-Восточный.

Оттуда прошли под парусами 3 мили на OtS и OSO, до полудня, и солнце было тогда на высоте $70,75^{\circ}$ ³². Тогда они снова бросили лот, и на глубине 39 саженей обнаружили мелкий серый песок с черными вкраплениями и обломками ракушек.

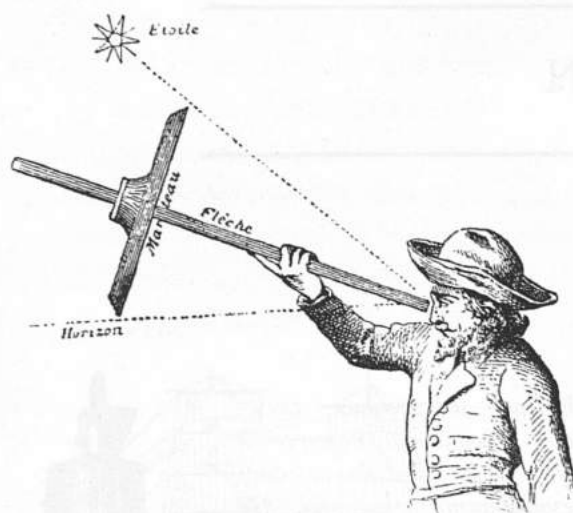
Затем прошли две мили на SO, и далее снова повернули на N при ветре ONO. С полудня до времени, когда солнце стояло на NNW, прошли 6 миль в направлении NO под ветром SO. Было очень холодно. На глубине 60 саженей оказался мелкий серый с черным илистый песок с большими пустыми раковинами.

С предыдущего вечера в течение первой вахты прошли 5 миль курсом на ONO и NOtO. Затем на протяжении пяти миль они держали тот же курс до утра 2 июля, и там глубина оказалась приблизительно 65 саженей, дно было илистое и черное.

С утра до полудня держали курс ONO и прошли 3 или 4 мили, дул очень сильный ветер с SO, так что в полдень пришлось убрать фок³³, и далее шли только под гротселем в тумане. До вечера прошли 3 или 4 мили курсом на О и OtS, тогда ветер сменил направление на SW. Около 5 часов пополудни бросили лот, и на глубине 120 саженей не было дна.

*Вахта (вахтенная служба) — основной вид дежурства на судах, обеспечивающий безопасность плавания. На голландских судах того времени была принята четырёх часовая вахта. Для отсчёта продолжительности и сменности вахт использовались склянки, сопровождавшиеся сигналом корабельного колокола (рынды). Склянкой на флоте называли получасовой промежуток времени. количество склянок показывает время, счёт их начинается с полудня. Восемь склянок обозначают четыре часа, сигнал для смены вахты.

*Градшток—старинный угломерный инструмент для измерения высоты небесного светила. Он состоял из четырехгранного деревянного бруска, длиной около 90 см, называвшегося штоком, и поперечной крестовины длиной несколько больше 65 см, чтобы расстояние между двумя отверстиями у ее концов составило точно 65 см. Крестовина плотно прилегала к штоку и скользила по нему под прямым углом. Для измерения высоты светила приставляли к глазу один конец длинного штока, а крестовину передвигали так, чтобы она одним концом коснулась точно горизонта, а другим—светила. Им пользовались с XV века более ста лет.

сдвинулся на 2,75 румба³⁵. То же самое получилось в тот же день в результате измерений, когда солнце находилось в высшей точке между SSW и SWtS, потому что при нахождении на SWtS оно еще не начало опускаться, так что было получено 73°6'.

После этого они прошли еще четыре мили до утра 4 июля на OtN и, бросив лот, на глубине 125 саженей обнаружили илистое дно. Ночью было снова туманно, и утром задул восточный ветер. Затем они прошли 4 мили в направлении SOtS до солнца на O, там бросили лот и на глубине 108 саженей обнаружили черное илистое дно. Затем повернули на N и прошли 6 миль курсом на NNO и NOtN до тех пор, как солнце оказалось на SSW, и тогда увидели Новую Землю на расстоянии 6 или 7 миль на SOtO. На глубине 105 саженей они снова обнаружили черную илистую землю.

Потом они снова повернули на S и прошли под парусом курсом на StW шесть миль, до того как солнце было на WNW. Глубина там оказалась 68 саженей, грунт илистый, как и прежде, ветер SO.

Вечером прояснилось, и они прошли с попутным ветром за три часа 5 миль курсом на ONO. Потом погода стала туманной, так что они не решились идти дальше, и бросили якорь. Опустили лот и на глубине 125 саженей обнаружили черную илистую землю, и было это в воскресенье утром 3 июля, когда солнце стояло на NO.

Оттуда прошли еще 8 миль на ONO до того времени, когда солнце стояло на SO. Там на глубине 140 саженей опять обнаружили черную илистую землю. Затем измерили высоту солнца, и она составляла 73°6', и сразу же измерили глубину, которая была 130 саженей, дно черное, илистое.

После этого прошли шесть или семь миль на ONO, пока солнце не оказалось на NW.

В воскресенье 3 июля была очень ясная погода, ветер с SW. И тогда Виллем Баренц определил точную широту следующим образом: когда солнце находилось на SO, он измерил с помощью градштока* его положение и обнаружил, что оно стоит на высоте 28,5° над горизонтом. Когда солнце снова оказалось на высоте 28,5°, оно уже миновало WtN. Разница составляла 5,5 румба³⁴; когда этот показатель поделили на два, то получилось 2,75 румба. Следовательно, компас

Затем они повернули на О и прошли 6 миль на OtS. В ту ночь 4 июля, когда солнце стояло в низшей точке, а именно между NNO и OtN, Виллем Баренц произвел измерения своим транспортиром³⁶ и установил, что солнце находится на высоте $6\frac{1}{3}$ градуса над горизонтом. Склонение равнялось $22^{\circ}55'$. Когда из этого числа вычли обнаруженную высоту, получилось $16^{\circ}35'$. Это число отняли от 90° , так что получилась широта $73^{\circ}55'$. Это было в 5 или 6 милях от Новой Земли.

Они повернули на О и прошли 5 миль курсом на OtS и OSO, где приблизились к длинному выдающемуся мысу, который называли Ланге Нас³⁷. Сразу за мысом, с восточной стороны был большой залив³⁸; там они спустили шлюпку и вышли на берег, но людей не встретили.

В 3 или 4 милях на ONO от Ланге Наса находился низкий мыс, а одной милей восточнее — большой залив. С восточной стороны этого залива находилась скала, не сильно возвышавшаяся над водой, а с западной стороны — небольшая остроконечная гора, которая могла служить хорошим ориентиром. В передней части залива глубина была 20 саженей, дно состояло из одних мелких черных камушков, размером с горошину. От Ланге Наса до Капо Баксо³⁹ расстояние 4 мили в направлении NON.

От Капо Баксо до западного мыса⁴⁰ залива Ломсбаай⁴¹ — 5 миль⁴² в направлении NOtN. Между ними расположено две бухты⁴³. Ломсбаай — это большой широкий залив с хорошей гаванью с западной стороны, глубиной 6–8 саженей, с черным песком. Там они отправились на берег на яхте и соорудили там бакен⁴⁴ из старой мачты, тут же найденной. Они называли этот залив Ломсбаай, потому что там в огромных количествах живут птицы, называемые у нас «ломами»⁴⁵.

Восточный мыс⁴⁶ Ломсбаая — плоский и неприглядный, а рядом с ним есть маленький островок⁴⁷, в направлении открытого моря, и в восточной части этого мыса есть еще одна бухточка⁴⁸. Ломсбаай расположен на широте $74^{\circ}1/3'$ ⁴⁹.

От Ломсбаая до оконечности Адмиралтейского острова⁵⁰ они прошли под парусом 6 или 7 миль в направлении NOtN. Восточная сторона Адмиралтейского острова небезопасна из-за скал; от них следует держаться на приличном расстоянии. Дно там тоже очень неровное, при первом измерении глубина оказалась 10 саженей, при втором, сделанном почти сразу, — всего шесть, а минуту спустя опять 10, 11, 12 саженей⁵¹, и море там так и клокочет на отмелях.

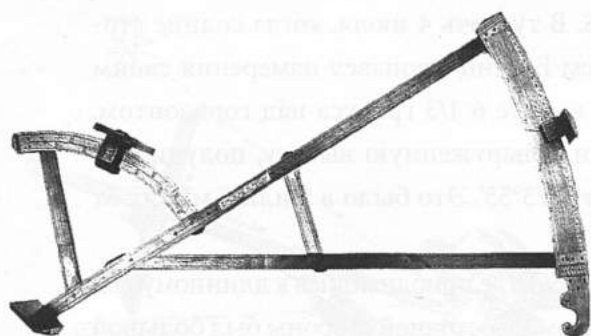
От восточной оконечности Адмиралтейского острова до Капо Негро, или Черного мыса⁵², они шли 5 или 6 миль на Восток–Северо-Восток. В одной миле от этого мыса глубина была 70 саженей, а дно было илистое, как близ острова Пампус⁵³. Точно на востоке от Черного мыса у бухты⁵⁴ есть две остроконечные горы⁵⁵, которые легко можно узнать.

6 июля, когда солнце было на Севере, они при хорошей погоде дошли до Черного мыса. Этот Черный мыс расположен на широте $75^{\circ}20'$.

От Черного мыса они прошли 7 или 8 миль на Восток–Северо-Восток до острова Виллема⁵⁶ и примерно на полпути миновали маленький островок⁵⁷.

7 июля они ушли с острова Виллема и Виллем Баренц измерил положение солнца с помощью своего большого квадранта* и обнаружил, что оно находится на SWtS на высоте $53^{\circ}5'$;

*Квадрант Девиса, английского лорда и пирата, изобретшего квадрант наряду с другими приборами, вошел в употребление в конце XVI века и постепенно вытеснил менее совершенный астрономический крест (градисток). Новый прибор не имел ошибок в результате влияния параллакса и не требовал прямого наблюдения на солнце, что позволяло избежать ослепления солнечными лучами.

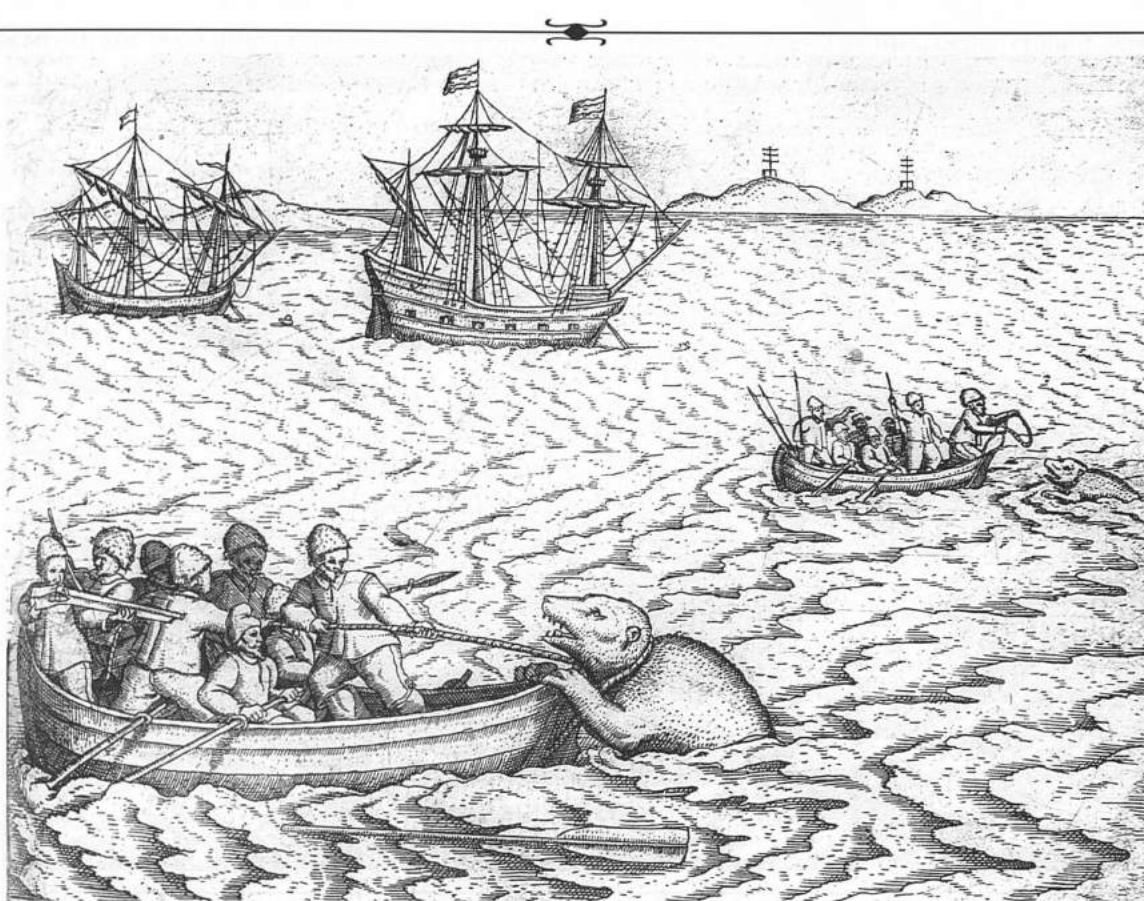
склонение равнялось $22^{\circ}49'$. Прибавив этот показатель к $53^{\circ}5'$, мы получим $75^{\circ}55'$ ⁵⁸. Это и была настоящая широта этого острова. На острове они нашли исключительно много плавника и много моржей — животных, обитающих в море. У них очень большие клыки, которые используются вместо слоновой кости. Здесь был хороший рейд, при глубине в 12 и 13 саженьей, защищенный от всех ветров, кроме ветра с Запада-Юго-Запада и Запада. Там они нашли обломок русского корабля⁵⁹.

7 июля ветер задул с Востока-Северо-Востока, погода туманная.

9 июля они вошли в бухту, названную потом Медвежьей⁶⁰, близ острова Виллема, и заметили там белого медведя. Увидев его, люди бы-

стро прыгнули в лодку и выстрелили медведю в туловище. Но оказалось, что белые медведи обладают поразительной силой, превосходящей силу почти всех других животных, какой нет ни у льва, ни у прочих диких зверей, — потому что несмотря на рану он встал на лапы и уплыл прочь. Люди в лодке на веслах догнали его и набросили ему на шею петлю и стали грести к кораблю; поскольку они никогда не видели таких медведей, они думали доставить его на корабль живым, а потом показать всем в Голландии. Но медведь оказался так силен и смел, что они остались рады, что сами смогли спастись от него, и в конце концов удовольствовались только его шкурой. Медведь производил ужасный шум и был так силен, что не описать. Сначала они хотели вымотать его и ослабили веревку, чтобы он мог плавать туда-сюда, таская за собой шлюпку. Потом Виллем Баренц понемножку стал подтягивать зверя, но медведь сам поплыл к лодке и полез на корму, так что Виллем Баренц сказал: ему надо немного отдохнуть, но у медведя на уме было другое: он с силой полез в лодку и уже забрался в нее половиной туловища. Моряки так испугались, что убежали на другой конец лодки и уже думали, что им конец. Но счастливая случайность спасла их, так как петля, стягивавшая медведю шею, зацепилась за руль на корме, отчего зверь не мог залезть в лодку дальше. Пока он так лежал неподвижно, один из моряков опомнился, вернулся назад с носа лодки и вонзил в него короткое копьё, так что медведь упал обратно в воду. Тогда они стали грести назад к кораблю и тащили за собой медведя, пока он совсем не лишился сил. Тут его забили насмерть, сняли с него шкуру, и отвезли шкуру в Амстердам.

10 июля они вышли под парусами из Медвежьей бухты и в то же утро достигли Острова с Крестами⁶¹. Они добрались до берега на яхте и увидели, что остров голый и скалистый. Там был маленький заливчик, в который они вошли на веслах. Остров имеет длину около полумили⁶² и вытянут с востока на запад. С западной стороны имеется риф длиной примерно три четвер-

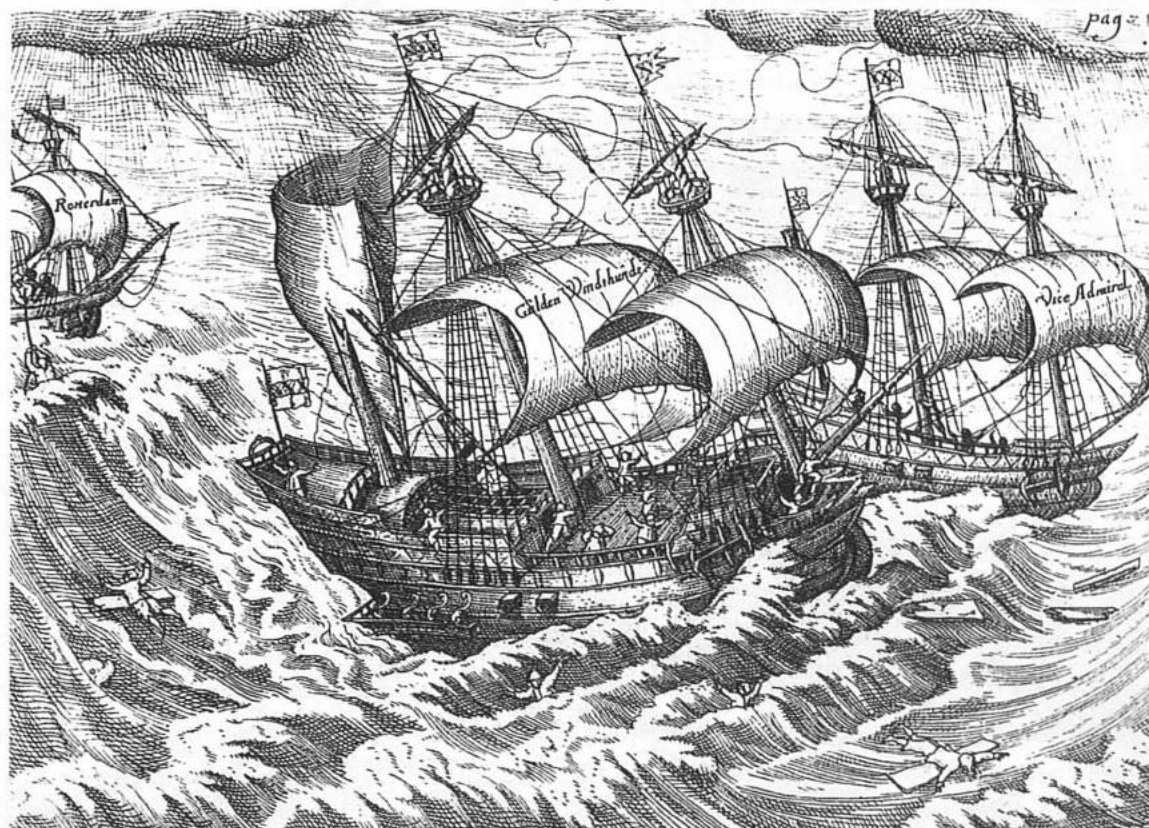
Люди в лодке на веслах догнали его и набросили ему на шею петлю и стали грести к кораблю; поскольку они никогда не видели таких медведей, они думали доставить его на корабль живым...

ти мили. С восточной стороны также есть риф. На острове стоят два больших креста. Он находится в двух с лишним милях от большой земли, а с восточной стороны есть хороший рейд, где глубина достигает 26 сажень. Ближе к галечному пляжу глубина девять метров, дно песчаное.

От острова с Крестами до мыса Нассау⁶³ они прошли 8 миль⁶⁴ на O и OtN. Это вытянутый и плоский мыс, которого следует остерегаться, потому что даже вдали от суши глубина была всего 7 сажень. Остров расположен на широте 76,5°.

От западной оконечности острова Виллема до Острова с Крестами 3 мили⁶⁵ на NO.

От мыса Нассау они прошли 5 миль OtS и OSO, и им показалось, что на NOtO от них они видят землю, и прошли туда 5 миль на NO, чтобы разведать эту землю, так как полагали, что это другой остров, расположенный к северу от Новой Земли, но поднялся такой сильный западный ветер, что пришлось убрать марсели, а потом ветер усилился настолько, что вскоре пришлось убрать все паруса. Море так бушевало, что они шестнадцать часов лежали в дрейфе, без паруса, и продвинулись примерно на 8 или 9 миль на ONO.

...но поднялся такой сильный западный ветер, что пришлось убрать марсели...

11 июля из-за высокой волны затонула гребная яхта, так что они ее лишились. Они еще долго дрейфовали без паруса, и прошли еще 5 миль OtS. Примерно в то время, когда солнце было на SO, ветер сменил направление на NW, погода стала постепенно улучшаться, хотя еще оставался сильный туман. Они опять подняли паруса и прошли четыре мили до ночи, когда солнце было на NtO. Там на глубине 60 саженей обнаружили илистое дно, и увидели несколько льдин.

12 июля они повернули на запад и при ветре NW и тумане прошли одну милю. Они вернулись на три или четыре мили в направлении WSW, двигаясь туда-сюда, в поисках гребной яхты. Затем снова пошли по ветру и прошли под парусом 4 мили курсом от SO до того времени, когда солнце было на SW. Они подошли близко к Новой Земле, так что она простиралась перед ними на OtN и WtS. Оттуда до полудня они прошли под парусом 3 мили в направлении NtW.

От полудня до времени, когда солнце было на NW, прошли под парусами 3 мили на NWtN, затем повернули на восток и прошли 4 или 5 миль курсом на NOtO.

13 июля ночью они приблизились к большой ледяной равнине, конца которой не было видно даже с верхушки марса. Они повернули на запад и прошли под парусами 4 мили WSW до то-

го времени, когда солнце стало на OtN, и тогда увидели вдали, на SSO от них, берег Новой Земли. Затем они снова повернули на N и до того времени, когда солнце было на OSO прошли 2 мили, так что снова оказались у ледяной поверхности. После этого прошли 3 мили на SWtS.

14 июля они опять повернули на N и прошли на двух парусах (фоком и гротом), сняв добавочные, 5 или 6 миль в направлении NtO и NNON-t-ост, до широты $77\frac{1}{3}^{\circ}$, пока опять не оказались у льда, это была ледяная равнина, конца которой не было видно. На глубине 100 саженей они не обнаружили дна, дул сильный ветер с WNW.

Оттуда они опять повернули на S и прошли под парусами 7 или 8 миль на SSW и снова приблизились к суше, где увидели четыре или пять высоких горных вершины.

Затем они снова повернули на N и до вечера прошли 6 миль курсом на N, но опять попали в лед.

Оттуда они опять повернули на S и прошли 6 миль в направлении StW, пока не увидели опять лед.

Затем, 15 июля, они снова повернули на S и, пройдя 6 миль курсом на StW, и вновь увидели берег Новой Земли, когда утреннее солнце стояли приблизительно на NO.

Оттуда они снова пошли на N и преодолели расстояние в 7 миль курсом на NtO, пока не уткнулись в лед.

Потом около того времени, когда солнце было на W, они снова повернули на S и за день 16 июля прошли в направлении SSW и SWtS 8 или 9 миль.

Оттуда они повернули на N и прошли 4 мили NtO N-t-ост, а потом опять на запад, и прошли 4 мили на WtS. После еще четырех миль курсом на NNW ветер сменил направление на NNO стал N-NOом. Стоял сильный мороз. Это было 17-го июля.

Затем они опять повернули на O и прошли до полудня три мили курсом на O и три мили на OtS.

Повернув отсюда вечером на север, они прошли под парусами в направлении на NtO пять миль, пока не настало утро 18 июля. Дальше они проделали путь в 4 мили в направлении на NtW и опять наткнулись на большое количество льдин, так что отсюда нам снова пришлось повернуть на S.

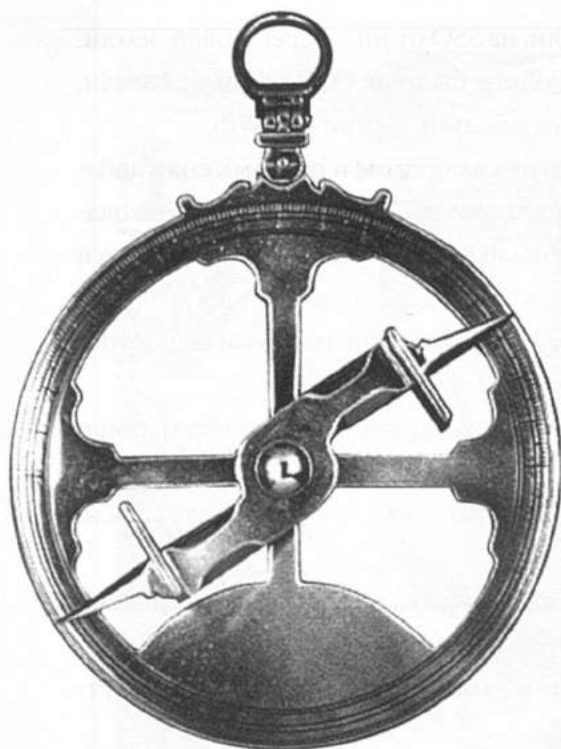
Рядом со льдом на глубине 150 саженей дна не было.

Далее они прошли приблизительно два часа в направлении SO и OSOt, при сильном тумане, пока не оказались у ледяной равнины, которой не было видно конца. Была ясная безветренная погода при сильном морозе. Они в течение двух часов шли вдоль края льда, но потом туман усилился настолько, что стало ничего не видно. Тогда они прошли 2 мили на SW.

В этот же день Виллем Баренц измерил своей астролябией* высоту солнца над горизонтом: они оказались на широте $77\frac{1}{4}^{\circ}$. Пройдя 6 миль на S, они снова увидели сушу на юге от себя.

До утра 19 июля они прошли 6 или 7 миль на WSW под ветром NW и в тумане, затем еще 7 миль на SW и SWtW. Высота солнца была $76^{\circ}55'$. После этого прошли еще две мили курсом на SW и приблизились к берегу Новой Земли, недалеко от Мыса Нассау⁶⁶.

*Астролябия—один из старейших астрономических инструментов. Основан на принципе стереографической проекции. Удобство применения стереографической проекции в астролябии состоит в том, что в этой проекции все окружности на сфере отображаются в окружности или прямые на плоскости. Основой служит тарелка или «мать»—круглая деталь с высоким бортом и подвесным кольцом для точной нивелировки относительно горизонта. Внешний лимб тарелки имеет шкалу, оцифрованную в градусах и часах. В эту «тарелку» вложен «тимпан»—круглый диск, на поверхности которого нанесены в стереографической проекции точки и линии небесной сферы: полюс мира, окружности небесного экватора, северного и южного тропиков, небесный меридиан, горизонт и точка зенита. На тимпан накладывается «паук»—круглая фигурная решетка, на которой с помощью изогнутых стрелок указано расположение самых ярких звезд северного полушария. Все скрепляется осью, проходящей через центральные отверстия перечисленных деталей.

Оттуда повернули опять к N и преодолели 8 миль в направлении на N, под ветром WNW, в тумане.

До утра 20 июля прошли 3 или 4 мили курсом на NOtN, и когда солнце стояло на O снова повернули на запад и до вечера прошли 5 или 6 миль курсом на SW при тумане, а потом еще 7 миль на SWtS до утра 21 июля.

Тогда они опять повернули на N и весь день, с утра до вечера, шли на NWtW, так что преодолели 9 миль, при туманной погоде. Далее они прошли еще 3 мили курсом на NWtN, там повернули на юг и до утра 22 июня прошли 3 мили на SSW, в тумане. До вечера прошли еще 9 миль на SSW в тумане.

Затем они повернули опять на N и прошли 3 мили на NWtN и 2 мили NtW, после чего утром 23 июля ветер изменился на NW. Они опустили лот и на глубине 48 саженей обнаружили илистое дно.

Потом мы прошли 2 мили курсом на NNO и NtO, и еще две мили на NO. Глубина была 46 саженей. Далее повернули на W и прошли 6 миль WtN. Там было илистое дно на глубине 60 саженей.

Затем они повернули опять на O и до вечера 24 июля прошли 3 мили на OtN, а потом еще 9 или 10 миль на O и OtS и еще 5 или 6 миль в том же направлении. Потом прошли еще 4 мили на SOtO при ветре ONO.

Затем они снова повернули на север и до утра 25 июля прошли 4 мили на N и NtW, где на глубине 130 саженей обнаружили илистое дно. Далее плыли на N, глубина была 100 саженей, и затем они увидели на направлении NO лед. Проплыв еще 2 мили на NtW, они повернули на S, прошли

милю на SO, а затем еще 6 миль на N, пока не оказались со всех сторон до такой степени окружены льдинами, что конца им не было видно даже с марса⁶⁷. Они пытались пробиться сквозь лед,

но почти не продвигались, так что вечером повернули на S и прошли вдоль границы льда сначала пять миль StW, а потом еще три мили SSO.

Ночью 25 июля измерили высоту солнца, когда оно находилось в самой нижней точке, между NNO и NOtN, и выяснили, что оно возвышалось на $6\frac{3}{4}^{\circ}$ над горизонтом. Отклонение составляло $19^{\circ}50'$. Если $6\frac{3}{4}^{\circ}$ отнять от $19^{\circ}50'$, остается $13^{\circ}5'$, которые вычитаем из 90° и получаем широту 77° без $5'$ ⁶⁸.

26 июля все утро, до времени, когда солнце было на SW, они шли под парусами и прошли 6 миль SSO и 6 миль StO. Они приблизились к берегу Новой Земли на расстояние одной мили и тогда вновь повернули на N, прочь от берега. Прошли 5 миль NtW при восточном ветре, но вечером опять повернули на S и прошли 7 миль курсом на SSO, так что приблизились к суше.

Тогда они опять повернули на N и прошли 2 или 3 мили на NNO, и далее, повернув к S, еще 2 или 3 мили на SSO и опять подошли к земле около Мыса Утешения ⁶⁹.

Затем повернули в сторону NO, прочь от земли, и в полумили от берега обнаружили отмель на глубине 4 сажень, между утесами и сушей. Дальше глубина была десять сажень, и дно состояло из мелких черных камешков. Они плыли под парусами еще некоторое время курсом на NW, пока не добрались до глубины 43 сажени с хорошим дном для якоря.

Оттуда при ветре OSO они прошли 4 мили на NO, затем взяли курс на S и на глубине 70 сажень обнаружили глинистое дно, после чего шли 4 мили на S и StO, так что дошли почти до большого залива. Еще на полторы мили дальше на глубине 18 сажень находилась банка, состоящая из глинисто-песчаного грунта. Между отмелью и берегом глубина 50–60 сажень. Берег тянется здесь, согласно обычному компасу, с востока на запад.

Вечером они снова повернули на N и прошли 3 мили на NNO. Весь день стоял туман, но ночью было ясно, так что Виллем Баренц мог измерить своим градусником высоту солнца над горизонтом. Угол составлял $5^{\circ}40'$. Отклонение равнялось $19^{\circ}25'$. Вычтя из него высоту $5^{\circ}40'$, получаем $13^{\circ}45'$, что, будучи вычтенным из 90° , дает широту $76^{\circ}31'$ ⁷⁰.

Затем, до 28 июля, они прошли три мили на NNO и затем повернули на S и проплыли еще 6 миль на SSO. В то время они находились в трех-четыре милях от берега.

28 июля с помощью астролябии они определили высоту солнца, составлявшую $57^{\circ}6'$ ⁷¹. Склонение равнялось $19^{\circ}18'$, так что сумма того и другого получалась $76^{\circ}18'$. Это было в четырех милях от берега Новой Земли, который белел под толстым слоем снега. Погода стояла ясная, ветер O. Когда солнце стояло приблизительно на SW, они снова взяли курс на N и прошли под парусами сначала милю на NNO, затем еще милю на SO, там опять повернули на N и прошли 4 мили на NO и NOtO.

В ту ночь солнце находилось на высоте $76^{\circ}24'$. Они прошли еще 3 мили NO и 4 мили NOtO, и 29 июля вновь оказались во льду.

29 июля с помощью градусника, астролябии и квадранта снова измерили высоту солнца, которая, как установили, равнялась 32° над горизонтом. Склонение было 19° , и если его вычесть из полученной высоты, то получаем 13° , а если отнять 13° от 90° , остается 77° . В то время, когда бы-

ло сделано это определение широты, самый крайний северный мыс Новой Земли, названный Ледяным⁷², находился от них точно на О.

Они нашли на нем камешки, сверкавшие, как золото, которые они так и назвали: золотые камешки⁷³. Там был также хороший залив с песчаным дном.

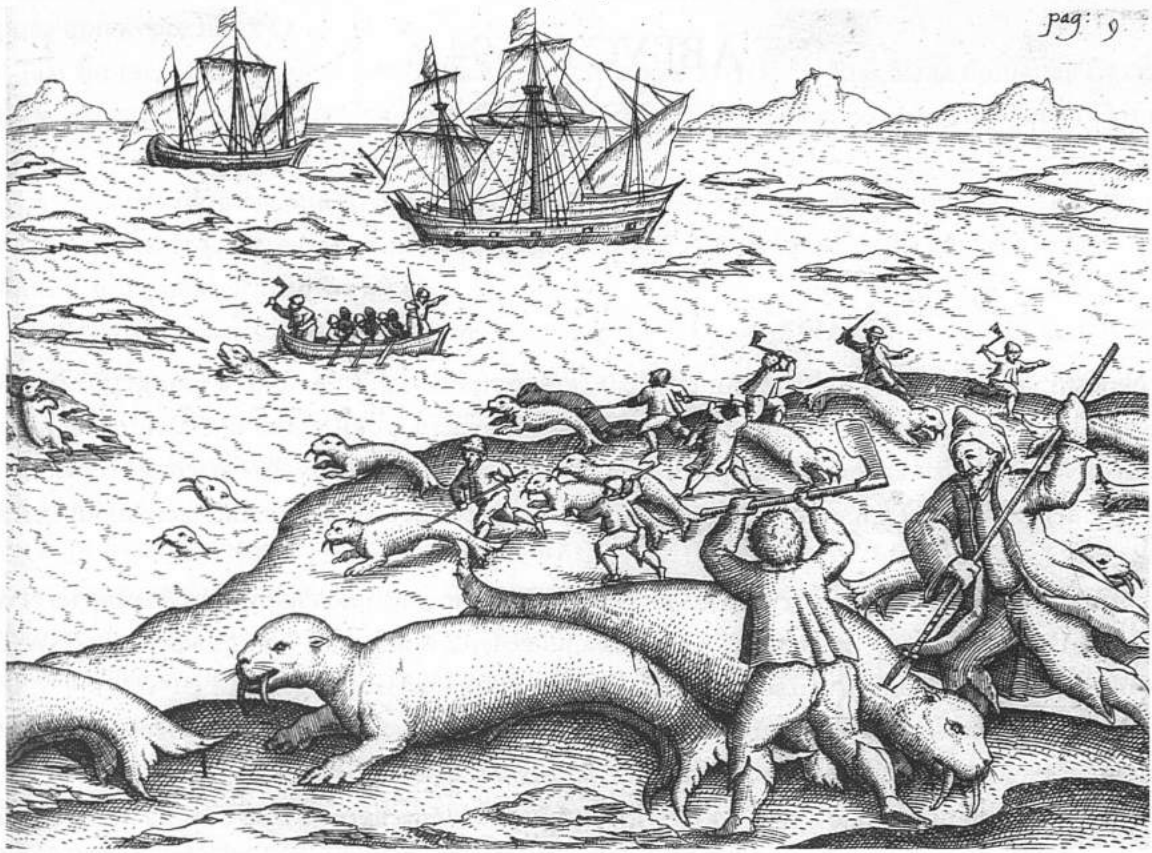
В тот же день они снова повернули на юг и прошли 2 мили StO между сушей и льдом. От Ледяного мыса они прошли 6 миль на S⁷⁴, до Оранских островов⁷⁵, лавируя между сушей и льдом при ясной безветренной погоде, и 31 июня добрались до Оранских островов, куда прибыли 31 июля.

Пристав к одному из этих островов, они нашли там около двухсот⁷⁶ моржей, лежавших на солнце в песке. Это удивительно сильные морские чудища, намного крупнее вола, и живут они в море. У них шкура, как у тюленей, с очень короткой шерстью, и морда, как у льва. Они часто лежат на льду, но убить моржа очень трудно, для этого надо сильно ударить его сбоку головы. У них по четыре ноги, но нет ушей, и рожают они по одному или два детеныша. Если рыбаки вспугивают их, когда они лежат с детенышами на льдинах, то они бросают детенышей перед собой в воду, обхватывают их передними лапами⁷⁷ и остаются в воде, то погружаясь, то выплывая наверх. Если они хотят напасть на лодку или оказать сопротивление, то отбрасывают детенышей в сторону и с силой набрасываются на лодку. Из-за этого наши люди однажды оказались в весьма затруднительном положении, потому что одна самка чуть было не всадила клыки в корму лодки, чтобы перевернуть ее, но громкие крики моряков напугали ее, так что она уплыла прочь, взяв детеныша в лапы. У них по два клыка, торчащих из пасти с обеих сторон, длиной в поллоктя⁷⁸. Эти клыки ценятся не меньше слоновой кости или слоновьих клыков. Особенно в Московии и в Тартарии и в тех местах, где они известны, потому что они точно такие же белые и твердые, как слоновая кость.

Увидев все это множество моржей, лежащих на берегу на солнце, наши люди решили, что на суше моржи не смогут сопротивляться, и попытались напасть на них, чтобы добыть их ценные клыки, но переломали об их тела все свои топоры, кинжалы и пики, однако ни единого не смогли забить насмерть, лишь только одному моржу выбили клык и взяли его с собой. Обнаружив, что с обычным оружием животных не одолеть, люди решили вернуться на корабль за серьезным огнестрельным оружием, чтобы из него обстрелять животных. Однако поднялся такой сильный ветер, что лед раскололся на громадные куски, и пришлось отказаться от задуманного.

В это же время они нашли огромного белого медведя, который спал, и выстрелили ему в шкуру, но он убежал и прыгнул в воду. Люди поспешили за ним в лодке на веслах, забили его вытащили на лед. Они вонзили в лед пик и привязали к ней медведя, намереваясь забрать его, когда вернутся с пушками, чтобы стрелять в моржей, но, так как ветер все более крепчал, а лед стал ломаться, из этого ничего не вышло.

Как было сказано, Виллем Баренц 5 июня 1591 г. отплыл от Текселя и 23-го того же месяца добрался до Кильдина в Московии и, взяв оттуда курс к северному берегу Новой Земли, к 1 августа достиг, после всех описанных приключений, Оранских островов. Там ему стало ясно, что

Увидев все это множество моржей, лежащих на берегу на солнце, наши люди решили, что на суше моржи не смогут сопротивляться, и попытались напасть на них, чтобы добыть их ценные клыки, но переломали об их тела все свои топоры, кинжалы и пики...

несмотря на все прилагаемые усилия они не смогут пробиться дальше и довести плавание до намеченного конца не удастся, к тому же команда начала отчаиваться и не желала идти дальше. Поэтому он счел за лучшее плыть обратно и вернуться к другим кораблям, которые совершили плавание к Вайгачу⁷⁹ и Нассаусскому проливу⁸⁰, чтобы узнать, какой проход они там нашли⁸¹.

АВГУСТ 1594 г.

В первый день августа они отошли от Оранских островов и прошли 6 миль курсом на W и WtS, до Ледяного мыса. От Ледяного мыса до мыса Утешения они прошли 30 миль⁸² в направлении W и несколько южнее. Между этими двумя точками расположены высокие горы, но сам мыс Утешения низкий и плоский, с четырьмя-пятью черными холмами, напоминающими крестьянские дома⁸³.

3 августа они повернули от Мыса Утешения на N и прошли под парусами 8 миль на NWtN, а после полудня повернули снова на S и плыли до вечера, и прошли 7 миль на StW и SSW. Они сошли на берег близ низкого, плоского мыса рядом с мысом Нассау.

Вечером повернули на N и прошли 2 мили NtO. Ветер стал северным, поэтому они повернули на W и одну милю они прошли на NNW, пока ветер не задул снова с O.

4 августа они прошли от утра до полудня при восточном ветре 5 или 6 миль на WtN. Далее до вечера 5 миль на SW и еще две мили на SW, пока не добрались до низкой и плоской суши, где с восточной стороны было белое пятно.

До утра 5 августа прошли 12 миль на WSW, 14 на SW, а после того, до 6 августа, и еще 3 мили на W.

6 августа прошли 2 или 3 мили на WSW, затем 4 или 5 миль на SW и SWtS. Далее 3 мили на SWtW и еще 3 мили тем же курсом. Потом 3 мили на WSW и SWtS до 7 августа.

7 августа они прошли до полудня 3 мили на WSW и 3 мили на W. Затем повернули на S и плыли до вечера, и прошли 3 мили на SO и SOtO. Потом прошли еще 2 мили на WSW и потом 3 мили на S до утра 8 августа при ветре с WSW.

8 августа прошли 10 миль на SOtS. Затем на SOtO прошли до вечера 5 миль и приблизились к низкой, плоской земле⁸⁴, простиравшейся с SWtS на NOtN, и прошли вдоль нее 5 миль. В двух милях от берега глубина была 36 саженей, дно — черный песок. Они подошли ближе к земле, и в полмили от берега на глубине 12 саженей было каменистое дно.

Береговая линия простиралась на S на протяжении 3 миль, до следующего низкого мыса, близ которого был черный утес⁸⁵. Оттуда береговая линия шла три мили на SSO, до следующего мыса⁸⁶, рядом с которым находился маленький остров; они называли его Черным островом⁸⁷, потому что верхняя его часть была черной. В полмили от берега глубина была 8, 9 и 10 саженей. Потом надвинулся сильный туман, так что они легли в дрейф и прошли еще 3 мили на WNW,

но когда прояснилось, вернулись к земле, и когда солнце было на S, снова оказались у Черного острова при курсе на OSO.

Там Виллем Баренц определил высоту солнца как $71\frac{1}{3}^{\circ}$ ⁸⁸. Там была большая бухта, и Виллем Баренц предположил, что это Костинсарх⁸⁹, место, где в свое время побывал Оливир Брунель⁹⁰.

От Черного острова они прошли 3 мили на S и StO к другому низкому мысу. Там на суше стоял крест, так что это место называли Крестовый Мыс⁹¹. Здесь также была неглубокая бухта: на глубине 5, 6, 7 сажений твердое дно.

От Крестового мыса они прошли четыре мили на SSO вдоль берега⁹² и достигли следующего плоского мыса, за которым находилась большая бухта⁹³, простиравшаяся на O⁹⁴. Они назвали этот мыс Пятым или Мысом Святого Лаврентия⁹⁵.

От Пятого мыса они прошли 3 мили на SSO до мыса Сханс⁹⁶. Там близко от берега была продолговатая черная скала, а на ней сверху стоял крест. Там они снова попали в лед и из-за льда взяли курс в открытое море. Они намеревались проплыть вдоль побережья Новой Земли к Вайгачу, но поскольку им помешал лед⁹⁷, они повернули на запад и с вечера 9 августа до утра 10 числа того же месяца дня 9 августа прошли 11 миль на WtO, а потом еще 4 мили на WNW и NWtW. Ветер был северный. Пополудни они снова повернули на O и прошли до вечера 10 миль на O и OtS. Затем еще 4 мили на O и OtN, пока не увидели землю. Они подошли к большой бухте и спустились на берег на шлюпке. Они обнаружили там хорошую гавань с песчаным дном на глубине 5 сажений⁹⁸. С северной стороны этой бухты имеется три черных мыса, а за третьим мысом имеется рейд. Однако от самого Третьего мыса надо держаться подальше, так как он скалистый. Между вторым и третьим мысом также есть хороша бухта с черным песчаным дном, эта бухта защищена от ветров NW и NO. Они назвали ее Бухтой Святого Лаврентия⁹⁹ и измерили высоту солнца, которая составляла $70\frac{3}{4}^{\circ}$.

От Бухты Святого Лаврентия оставалось 2 мили на SSO до мыса Сханс¹⁰⁰. На невысокой черной скале, соединяющейся с сушей, стоял крест. Они добрались на шлюпке до берега и увидели, что там только что были люди, убежавшие из-за нашего появления. Потому что они нашли там шесть мешков ржаной муки, спрятанные под горой камней у креста. Чуть дальше стоял еще один крест, а рядом с ним три деревянных дома, построенных на норвежский манер. В домах лежало много бочарных досок, из чего они заключили, что обитатели дома занимались ловлей лосося¹⁰¹. Там стояло еще 5 или 6 гробов с мертвыми костями рядом с могилами, гробы стояли на поверхности земли и были полны камней¹⁰². Рядом лежала рассыпавшаяся русская ладья с килем длиной 44 фута¹⁰³. На земле не было видно ни души. Это была хорошая гавань, защищенная от всех ветров, и они назвали ее Мучной гаванью¹⁰⁴, потому как нашли в ней муку.

В двух милях на SSO от Черной скалы с крестом был еще маленький низкий островок, довольно далеко в море¹⁰⁵. Туда они прошли девять или десять миль на SSO. Там в этот день 12 августа, когда солнце стояло на SSW, его высота была равна $70^{\circ}50'$ ¹⁰⁶.

От этого острова они прошли 4 мили на SOTs вдоль побережья. Там они увидели два островка, дальний из которых находился в миле от берега. Они назвали эти острова именем Святой Клары¹⁰⁷.

Затем они снова попали во льды, взяли курс в открытое море и до вечера прошли 4 мили WSW. Ветер дул приблизительно с NW. Вечером стало очень туманно. Глубина оказалась 80 саженей.

Далее они прошли 3 мили на SWtW и WSW. Там глубина была 70 саженей. До утра 13 августа они прошли 4 мили на SWtW. Двумя часами раньше глубина была 56 саженей, а утром на глубине 45 саженей они обнаружили илистое дно.

Затем они прошли до полудня 6 миль на SW. На глубине 24 сажени обнаружили на дне черный песок, через час на глубине 22 сажени красно-бурый песок. Прошли еще 6 миль на SW и обнаружили на глубине 15 саженей красный песок. Через 2 мили на глубине 15 саженей также был красный песок. Мы увидели землю¹⁰⁸ и пошли дальше на SW, пока к вечеру не оказались в полумиле от земли, где на глубине семи саженей обнаружили песчаное дно. Земля состояла из низких плоских дюн и простиралась с О на W. Затем они пошли прочь от земли и прошли 4 мили на N и NtO. Потом они опять вернулись к земле и прошли до 14 августа 5 или 6 миль на SW и подошли близко к земле, которая, по их предположению, была островом Колгой¹⁰⁹. Они прошли прочь от этой земли 4 мили на О и 3 мили на О и на OtS. Затем стало туманно, так что земля скрылась из виду. Глубина была всего 7 или 8 саженей, так что они убрали марсели и легли в дрейф до тех пор, пока не улучшится видимость. Когда солнце было на SSW, земли все еще не было видно, а глубина составляла сто метров, дно песчаное. Они прошли еще 7 миль на О и 2 мили на OSO и SOTo. До утра 15 августа они прошли 9 миль OSO. От утра до полудня прошли 4 мили OSO и миновали в том числе мелководье с песчаным дном на глубине 9 или 10 саженей, но земли видно не было. Приблизительно за час до полудня глубина была 12 и 13 саженей, и они прошли 3 мили на OSO до того, как солнце было на SW.

В этот день, когда солнце было на SW, Виллем Баренц измерил высоту солнца, стоявшего под углом 35° над горизонтом. Отклонение составляло 14 1/4°, к чему надо прибавить 55, чтобы получилось 90. В сумме это дает 69°15', что и является широтой. Ветер дул с NW.

Они прошли еще две мили ост и приблизились к островам Матфлу¹¹⁰ и Делгой¹¹¹. Там они встретили утром корабли из Зеландии и Энхейзена¹¹², которые в тот день пришли из Вайгача¹¹³. Они рассказали друг другу, где побывали и что открыли.

Люди из Энхейзена прошли через Вайгач и рассказали, что после пролива Вайгач обнаружили за ним открытое море, по которому они и прошли 50–60 миль на О. Так что они, по видимому, дошли приблизительно до долготы реки Обь¹¹⁴, которая протекает по Тартарии¹¹⁵. Берег Тартарии простирался оттуда на NO, так что они полагают, что были недалеко от мыса Табин¹¹⁶, крайней оконечности Тартарии, где берег поворачивает на SO и затем на S, к царству Кайтай¹¹⁷. Поскольку они решили, что узнали уже достаточно, а лето стало близиться к концу, они постановили вернуться, ведь их задачей было выяснить, существует ли здесь проход по морю,

Когда другие суда приблизились к нам, они подали знаки радости, произведя салют из орудий, и ликовали, думая, что Виллем Баренц обошел вокруг Новой Земли и вернулся через пролив Вайгач.

и возвратиться домой до наступления зимы. На обратном пути к проливу Вайгач они высадились на остров размером около 5 миль, расположенный на SO от Вайгача, со стороны Тартарии, который они называли Остров Штатов¹¹⁸. Там они нашли много камушков, это был горный хрусталь, нечто вроде алмазов.

Когда другие суда, как было сказано, приблизились к нам, они подали знаки радости, произведя салют из орудий, и ликовали, думая, что Виллем Баренц обошел вокруг Новой Земли и вернулся через пролив Вайгач.

Рассказав друг другу обо всем и отпраздновав встречу, они взяли курс на родину.

16 августа они бросили якорь на рейде у островов Матфлу и Делгоя, так как ветер был NW, и пробыли там до 18-го.

18 августа они подняли паруса и прошли 12 миль на WNW и WtN, а потом еще 6 миль на WtS. Там была отмель глубиной менее 5 саженей, ветер с NW. Вечером они повернули на N и прошли 7 или 8 миль на ONO при ветре с N, затем повернули на W и прошли до утра 19 августа

2 мили на W. Затем еще 2 мили на SW и 2 мили на SO. Оттуда повернули на W и шли до самого вечера при штиле. Затем задул ветер с O, и они прошли 6 или 7 миль на WNW и NWtN. Глубина была 12 сажений. До утра 20 августа прошли 7 миль на WNW и NWtW при ветре с O, после этого еще 7 миль тем же курсом. Еще через 4 мили на WNW они до вечера легли в дрейф из-за безветрия. Затем прошли опять 7 миль на WNW и NWtW и ночью приблизились к мели, где глубина была всего три сажени. Это было близко от земли, и они пошли вдоль берега и прошли сначала милю на N, а затем три мили NNW. На земле были песчаные горы и крутые скалы. Они шли при глубине 9 или 10 сажений вдоль берега до полудня 21 августа, и проделав 5 миль на NW, они увидели западный мыс земли, называемой Канди Нас¹¹⁹, лежавший в 4 милях от них на WNW. Оттуда они прошли 4 мили на NNW и 4 мили на NWtN. Затем 3 мили на NW и NWtN и 4 мили на NW до утра

22 августа. Утром 22 августа прошли 7 миль на NW и далее до самого вечера 15 миль на WNW и NWtW при ветре с N. Затем еще восемь миль на WNW. Затем прошли до полудня 23 августа 11 миль на WNW. В этот полдень солнце стояло на высоте $31\frac{1}{3}^\circ$ над горизонтом. Его склонение равнялось $11\frac{2}{3}^\circ$. Поскольку солнце стояло на высоте $31\frac{1}{3}^\circ$, то до 90° не доставало $58\frac{2}{3}^\circ$, так что широта была $70\frac{1}{3}^\circ$ ¹²⁰. Они прошли до вечера еще 8 миль курсом на NW и NWtW, затем 5 миль на NWtW и WNW. Потом прошли до утра 24 августа 6 миль NWtW, потом 3 мили на W и WSW. Затем встали на рейд близ острова Вархёйзена¹²¹.

Поскольку путь от Вархёйзена хорошо известен, писать о нем нечего, кроме того что они шли в сторону дома все вместе, и не расставались до самого Тексея. Там зеландский корабль пошел дальше, не останавливаясь, а Виллем Баренц на своей яхте вернулся 16-го сентября, в ярмарочный день, в Амстердам, а Энкхёйзенские корабли — в Энкхёйзен, откуда и были в свое время отправлены. Спутники Виллема Баренца привезли в Амстердам моржа — удивительную рыбу¹²², которую еще на севере поймали на льдине и убили.

Конец первого плавания

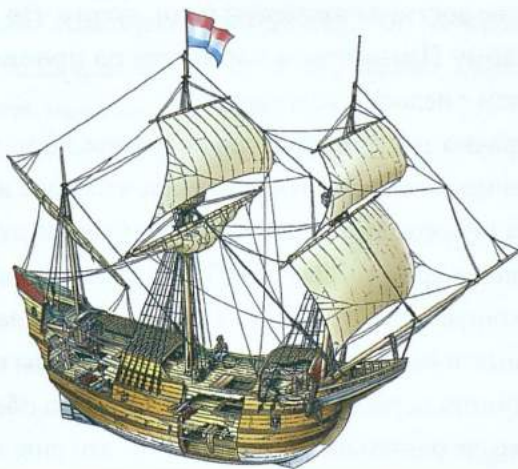

ПУТЕШЕСТВИЯ НА СЕВЕР

Вторая часть

Краткое описание второго плавания,
предпринятого в 1595 году мимо северного
побережья Норвегии, Московии и Тартарии
к Царствам Китайскому и Синскому

Введение

Когда осенью 1594 года вышеупомянутые четыре корабля вернулись домой, все верили, что задуманное плавание вполне можно совершить через пролив Вайгач, причем это представление сложилось главным образом на основе сообщений кораблей из Зеландии и Энкхёйзена, на которых находился торговый комиссар Ян Хейген ван Линсхотен¹²³. Он описал проделанный им путь весьма благоприятно, так что Их Высокомогущества господа Генеральные Штаты, а также Его Превосходительство Принц Оранский¹²⁴ надумали снарядить весной еще несколько кораблей с целью не только разведать и проложить морской путь¹²⁵, но и отправить туда кое-какие товары на продажу. Купцам разрешили загрузить на корабли такой товар, какой им было угодно, и послать с ним несколько торговых комиссаров для продажи его там, куда дойдут корабли, причем все это без пошлины и налога. Петрус Плансиус¹²⁶, знаменитый географ, был большим приверженцем и сторонником этого плавания; он разработал основные маршруты и определил направление береговой линии Тартарии, Катая и Сины¹²⁷: но насколько это было правильным, пока еще не выяснено и не известно, так как хотя в том направлении было совершено уже три плавания, ни одно из них не достигло желаемой цели, оттого что морякам не удалось проследовать точно по предписанному Плансиусом маршруту по причине неудобств, которые моряки не смогли исправить в связи с недостатком времени.

Сейчас некоторые мрачно настроенные люди утверждают, что это невозможно, цитируя при этом нескольких античных авторов, говоривших, что море в 305 милях и более по обе стороны от северного полюса непроходимо для кораблей. Однако это не так, ведь по Белому морю и намного севернее его в наше время ходят корабли, а также ловят рыбу, хотя древние писали и думали, что это невозможно. Да, куда только не совершаются в наше время плавания, даже в такие места, о которых древние и не подозревали! Так что было бы неудивительно, как я уже говорил во вступлении к описанию первого плавания, если бы по обе стороны от Северного Полюса до 23-го градуса было везде одинаково холодно, хотя это еще не обследовано в полной мере. Впрочем, кто бы мог подумать, что в Пиренеях и в Альпах, протянувшихся через Испанию, Италию, Германию и Францию, так холодно, что там никогда не тает снег, хотя эти страны расположены намного ближе к солнцу, чем омываемые Северным морем Нидерланды? Откуда берется

такой холод в этих горах? Это происходит из-за глубоких долин, где снег лежит таким толстым слоем, что солнце не может нагреть землю, и из-за высоких гор, не пропускающих солнечный свет в долины¹²⁸.

Точно так же (по моему суждению) обстоит дело и со льдом в Тартарском море, называемом иногда Ледовитым морем, близ Новой Земли, где не может растаять лед с рек, впадающих в это море из Тартарии и Катая, из-за того, что его очень много, а солнце там никогда не поднимается высоко и, следовательно, дает слишком мало тепла, чтобы растопить лед¹²⁹. Потому лед и остается лежать в тех местах, подобно снегу в вышеназванных горах в Испании, так что там намного холоднее, чем ближе к полюсу в открытом море. Но из-за того, что все это еще не изучено, ничего нельзя говорить с такой же уверенностью, как если бы это уже было исследовано. Я высказал данное соображение pro memoria, но теперь начнем рассказ о второй экспедиции или плавании по Северному пути.

В 1595 году по указанию Генеральных Штатов наших Нидерландов и Его Превосходительства Принца Оранского как Главнокомандующего флотом было снаряжено семь судов, чтобы через пролив Вайгач, или Нассауский, пройти под парусами в царства Китай и Сина. Два корабля шли из Амстердама, два из Зеландии, два из Энкхёйзена и один из Роттердама. Первые шесть кораблей были нагружены различными товарами и деньгами, на борту находились торговые комиссары для ведения торговли, а седьмым кораблем был фрегат, которому был дан приказ вернуться назад, как только корабли минуют Мыс Табин (находящийся у самой крайней оконечности Тартарии) и смогут плыть в южном направлении, не подвергаясь более опасности попасть во льды; фрегату надлежало доставить это сообщение в Голландию.

Поскольку я сам находился на корабле старшего штурмана Виллема Баренца и старшего торгового комиссара Якоба ван Хеймскерка¹³⁰, буду описывать наше плавание, курсы и направления по порядку, точно так же, как первое плавание Баренца.

Нанявшись на корабль близ Амстердама и принеся, как положено, присягу, мы направились 18 июня на о.Тексель¹³¹, чтобы вместе с другими кораблями, прибывшими туда в назначенный день, начать наше плавание, положась на волю Божию.

ИЮЛЬ 1595 г.

---

2 июля мы с рассветом отчалили от Тексея и прошли шесть миль на NWtW.

Затем до утра 3 июля прошли около 18 на NNW и оказались, по приблизительным оценкам, на широте 55°. Далее при спокойной погоде и ветре NW и NNW прошли до утра 4 июля приблизительно 4 мили на W и WtS. Затем при ветре NNW, придерживаясь курса на N, прошли до утра 5 июля около пятнадцати миль, а потом до того времени, когда солнце было на W, еще около 8 миль.

Потом сменили курс и до утра 6 июля прошли на NO приблизительно 10 миль; далее до 7 июля, времени, когда солнце было на S, прошли 24 мили тем же курсом, и до полуночи еще восемь миль.

Затем сменили курс и до утра 9 июля прошли 14 миль на WSW. Потом снова сменили курс и до вечера прошли 10 миль на NO.

Далее до вечера 10 июля прошли на NtO приблизительно 18 миль. Затем сменили курс и прошли 8 миль на SW до 11 июля, до времени, когда солнце было на SO.

Затем сменили курс на N и NtO и прошли до времени, когда солнце было на S, 12 июля 16 миль. Затем 10 миль на NtW.

13 июля снова сменили курс на SW и WSW и до трех часов дня прошли 10 миль, затем сменили курс на NNO и до 14 июля при солнце на SSO прошли примерно 10 миль, затем около 18 миль на NtO и NNO до утра 15 июля. Затем до вечера около 12 миль на NtO. Тогда мы увидели Норвегию и направились NtO и до вечера 16 июля, при солнце на NW, прошли около 18 миль, далее до 17 июля шли на NO и NOtN и до времени, когда солнце было на W, прошли приблизительно 24 мили.

Затем прошли примерно 20 миль на NtO до 18 числа, когда солнце было на NW. Оттуда 18 миль на NWtN до 19го июня, когда солнце было на W.

Далее повернули на NOtN и NO и шли до 20 июля до шестой склянки первой вахты¹³². Потом дожидались нашего фрегата, который из-за сильного ветра отставал от нас. По окончании вахты увидели остальные корабли нашего флота, стоявшие неподвижно, чтобы дожидаться нас. Приблизившись к ним, пошли тем же курсом, что и прежде, и шли до вечера 20 июля и проделали 30 миль.

Затем мы проплыли на SOtO до вечера 21 июня примерно 26 миль и далее тем же курсом до 22 числа, до времени, когда солнце было на SSO, прошли около 10 миль. После полудня при

солнце на SSW мы увидели прямо впереди по курсу большого кита, который спал, но от шума мчащегося под парусами корабля и криков людей проснулся и уплыл прочь, а то мы наскочили бы на него; и так мы прошли до солнца на NNW 8 миль.

23 июля проплыли в направлении SOtO до солнца на SSW примерно 15 миль и увидели землю примерно в 4 милях от нас. Тогда отвернули от земли при солнце на SSW и прошли до 24 июля, времени, когда солнце было на NW, около 24 миль.

Затем, взяв курс на N, прошли до полудня 25 июля 10 миль, и еще в направлении NNW прошли до полуночи 8 миль. Тогда снова сменили курс и прошли на OSO и SOtS до 26 июля, времени, когда солнце было на юге, и находились мы, как показало измерение, на широте $71\frac{1}{4}^{\circ}$ ¹³³.

Примерно при солнце на SSW опять сменили курс и шли в направлении NOtN до 27 июля, времени, когда солнце было на юге, и находились мы, как показало измерение, на широте $72\frac{1}{3}^{\circ}$ ¹³⁴.

Затем плыли точно на NtO до 28 июля, до времени, когда солнце было на O, и прошли, по нашим оценкам, 16 миль. Затем снова повернули на StO и шли примерно до времени, когда солнце было на NW, и прошли около 8 миль. Затем еще на SOtS до полночи 29 июля прошли около 18 миль.

Затем снова повернули на OtN и прошли до 30 июля до времени, когда солнце было на N, около 8 миль. Потом повернули на SSO, при тихой погоде, и шли до 31 июля, до времени, когда солнце было на WNW, и прошли около 6 миль.

АВГУСТ 1595 г.

Оттуда курсом на О до полуночи 1 августа прошли около 8 миль. Далее плыли при тихой и ясной погоде, и увидели Тромпсонт (Трёмсё)¹³⁵ на SO от нас, когда солнце было на примерно на N, в 10 милях от земли, и прошли до времени, когда солнце было на О, с легким ветерком с ONO, а затем до солнца на NW прошли девять с половиной миль курсом на SO.

Потом снова сменили курс, находясь в полмили от земли, и прошли на OtN до 3 августа, до времени, когда солнце было на SW, примерно 3 мили, вдоль берега около 5 миль.

Затем мы снова сменили курс из-за утеса или рифа, протянувшегося примерно в полтора мили от земли; корабль вице-адмирала Исбрандта¹³⁶ наскочил на него и сильно ударился, но поскольку погода была хорошая и благоприятная, он снова сошел с этого рифа. Он плыл немного впереди нас, и когда мы слышали крики и увидели, что корабль вице-адмирала находится в беспомощном положении, мы тотчас повернули: ветер был NOtO, и мы шли на SO до 4-го августа, до того времени, когда солнце было на S, и мы прошли вдоль суши 5 миль, всего приблизительно 6 миль.

Тогда была измерена широта, которая составила $71\frac{1}{4}^{\circ}$, в дальнейшем было безветрие до полуночи, затем задул южный ветер, и мы пошли курсом на OtN до 5 августа, до того времени, когда солнце было на SO, и Нордкап¹³⁷ был примерно в двух милях к О от нас, а когда солнце было NW, то Мать с Дочерьми¹³⁸ находилась приблизительно к S от нас в 4-х милях, и прошли мы к тому времени 14 миль.

Далее шли на ONO до 6 августа до того времени, когда солнце было на WNW, тогда мы столкнулись с кораблем вице-адмирала Исбрандта и сильно друг друга повредили, и прошли около 10 миль.

Потом мы спустили паруса до того времени, когда солнце было на NW, и потом подняли их снова при ветре О и ONO, и пошли строго на StW до 7 августа, до того времени, когда солнце было на SO, и потом к нам присоединился Энхкёйзенский корабль, шедший из Белого моря, и мы прошли приблизительно 8 миль.

Когда солнце было примерно на S, Нордкап находился на SWtS от нас приблизительно в полтора милях, а Мать с Дочерьми приблизительно в 3 милях. Тогда мы повернули при ветре OtN на NtO и прошли в этом направлении до 8 августа, до того времени, когда солнце было на SW, около 14 миль. Затем повернули StO и шли до 9 августа, до того времени, когда солнце бы-

ло на S, и тогда увидели высокий мыс на SO от нас, и еще другой высокий мыс приблизительно в 4 милях на SW, и прошли около 14 миль. Затем опять повернули NOt N и до 10 августа, до того времени, когда солнце было на O, прошли около 8 миль. Затем опять повернули на S и шли до того времени, когда солнце было на NW, и прошли приблизительно 10 миль. Потом опять повернули, когда Нордкап находился от нас на WtS в 9 милях, Нордкин¹³⁹ на StW в трех милях, и прошли курсом на NNO при сильном тумане, до того времени, когда солнце было на S, приблизительно 10 миль.

Оттуда снова повернули при ветре ONO, и прошли SOtS до 12 августа, до того времени, когда солнце было на SW, около 8 миль. При этом Нордкин оказался от нас примерно в 8 милях на SWtS, и мы дрейфовали при безветрии до 13 августа, до того времени, когда солнце было на SSW, и прошли за это время около 4 миль.

Затем мы шли курсом на SOtO примерно четыре склянки, и корабль «Железная свинья»¹⁴⁰ с ему подобными, которые все были торговыми судами, взяли курс на юг¹⁴¹, а мы прошли до 14 августа, до того времени, когда солнце было на S, около 18 миль, и далее шли в основном по тому же курсу до 15 августа, до того времени, когда солнце было на O. Там мы бросили лот на глубине 70 саженей, и прошли дальше до того времени, когда солнце было на S, 38 миль.

Когда солнце было на S, была измерена широта: $70^{\circ}47'$. После этого ночью бросили лот, глубина была 40 саженей, дно песчаное, это была банка. При солнце на NW опять бросили лот, теперь глубина была 64 сажени, далее шли курсом на OSO до 16 августа, до того времени, когда солнце было на NO. Бросили лот на всю длину линия—80 саженей, но дна не обнаружили, после этого пошли на O и OtS, часто бросая лот и обнаруживая дно на глубине то 60, то 70 саженей, почти без отклонений, и таким образом прошли до того времени, когда солнце было на S, примерно 36 миль.

Далее пошли на O и придерживались этого курса до 17 августа, когда солнце было на O, и бросив лот, обнаружили на глубине 60 саженей глинистое дно. Была определена широта, когда солнце было на SWtS, составлявшая $69^{\circ}54'$ ¹⁴². Там мы увидели чрезвычайно много льда вдоль побережья Новой Земли, бросили лот: глинистое дно на глубине 75 саженей. Прошли 24 мили.

Далее из-за льда мы на протяжении восемнадцати миль шли разными курсами, то в направлении на SOtO, то на SSO, до 18 августа, до того времени, когда солнце было на O. На глубине 30 саженей опять обнаружили твердое дно, а два часа спустя на глубине 25 саженей красный песок с многочисленными точками. Через три склянки дно было на глубине 20 саженей, красный песок с черными точками, как и до того. И тут мы увидели два острова, которым энкхейзенцы дали названия в честь Его Превосходительства Принца Оранского и его брата¹⁴³. Острова находились на SO от нас примерно в 3-х милях, это плоская суша. До солнца на S мы прошли 8 миль.

Затем пошли на O и, время от времени бросая лот, находили дно на глубине 20, 19, 18 и 17 саженей, в основном твердое, с черными вкраплениями. При солнце на W увидели Вайгач¹⁴⁴, расположенный от нас на ONO примерно в 5 милях, и проплыли тогда около 8 миль.

*Саминты (старое голландское) — самоеды (устаревшее русское) — самодийцы (современное русское) — общее название северных народностей: ненцев, энцев, иганасан, селькупов и ныне исчезнувших саянских самодийцев, говорящих на языках самодийской группы, образующих вместе с языками финно-угорской группы уральскую языковую семью. Большинство представителей самодийских народов проживает на Таймыре.

Далее мы прошли от 70° до Вайгача, в основном через битый лед. Приближаясь к Вайгачу, бросали лот и обнаруживали глубину от 13 до 14 сажень, твердое дно с мелкими черными вкраплениями. Через некоторое время мы снова бросили лот и обнаружили глубину 10 сажень, ветер был с N, мы не останавливаясь шли через лед примерно до полуночи. Тогда пришлось повернуть на N, так как несколько скал близ южного Вайгача¹⁴⁵ оказались прямо перед нами в полутора милях при глубине 10 сажень. Затем сменили курс, и 4 склянки шли на WNW. Затем опять повернули на O и OtS и стали приближаться к Вайгачу, бросая лот, и глубина было все время 7 сажень, до 19 августа, и тогда, при солнце на SO, подошли к рейду перед Вайгачом¹⁴⁶. Ветер был северный.

Прямой проход между Мысом Идол¹⁴⁷ и землей саминтов*¹⁴⁸ был забит льдом, так что невозможно было его миновать, поэтому встали на рейде, который мы называли Заливом Ворвани¹⁴⁹, потому что мы обнаружили там много ворвани¹⁵⁰. Это хороший залив для того, чтобы спастись от льда; он укрыт почти от всех ветров, в нем можно плавать под парусами, сколько угодно, на глубине 5, 4 и 3-х сажень здесь хорошее глинистое дно для якоря. У восточного берега залива глубже всего¹⁵¹.

20 августа измерили высоту солнца с помощью гадштока при солнце на SWtS, когда оно в самой высокой точке, или только-только начало опускаться, и обнаружили, что находимся на широте 69°21' ¹⁵².

21 августа мы, 54 человека, сошли на Остров Вайгач, чтобы выяснить обстановку на нем. Пройдя около двух миль вглубь острова, мы нашли там несколько мест, где находились шкуры и ворвань и подобные товары, а также следы людей и оленей, из чего мы заключили, что где-то тут живут или занимаются промыслом люди. Мы еще более удостоверились в этом, увидев множество изваянных идолов¹⁵³, таких же, каких обнаружили позднее на Мысе Идол¹⁵⁴, о котором мы многое узнали через десять дней от саминтов и русских, когда разговаривали с ними, о чем расскажу ниже.

Когда мы потом прошли еще дальше вглубь острова, мы надеялись найти дома и людей, которые могли бы нас научить, как в тех краях можно плавать по морю. Позднее мы узнали от

саминтов, что на Вайгаче живет несколько человек¹⁵⁵, а на Новой Земле еще больше¹⁵⁶, но тогда мы не могли найти ни людей, ни домов, ничего, так что часть нас, чтобы осмотреть большую территорию, пошла дальше на SO к берегу моря. Пока мы шли, мы нашли проложенную людьми дорогу через мох и болото, на глубине середины голени, потому что наши ноги, погружившись на такую глубину, почувствовали твердую почву. В самом мелком месте мох был по щиколотку. Когда мы, двигаясь далее, дошли до берега, мы обрадовались, так как думали, что увидели проход среди льдов, через который корабль мог продвинуться дальше. Вернувшись вечером на корабль, мы сообщили это как новость. Еще раньше наш шкипер¹⁵⁷ послал гребную лодку посмотреть, открыто ли Тартарское море¹⁵⁸, но они не смогли пройти в море из-за льда, они проплыли до Крестового мыса¹⁵⁹ и оставили там лодку и прошли пешком до мыса Разногласия¹⁶⁰ и увидели, что лед из Тартарского моря полностью забил пролив между русским побережьем и Вайгачем.

23 августа мы встретили лодью из Печоры, прошитую лыком¹⁶¹, которая возвращалась с севера, куда ходила на добычу моржовых бивней, ворвани и гусей, чтобы погрузить их на парусные корабли, которые придут из России через Вайгач, как они нам объяснили, когда мы с ними заговорили. Эти корабли пойдут в Тартарское море, мимо реки Обь, до места, называющегося Уголита¹⁶² в Тартарии, чтобы там перезимовать, как они это делают уже много лет. Они сказали, что пролив покроется льдом через 9 или 10 недель, а уж когда начнутся морозы, то он покроется льдом окончательно, и по льду можно будет перейти море до самой Тартарии, а море это они называют Мермаре¹⁶³.

24-го числа, рано утром мы подплыли к борту лодьи, чтобы побольше узнать о море с восточной стороны от Вайгача, и узнали многое, как уже описано выше.

25 августа мы опять сплавали к лодье и разговаривали с ними очень дружелюбно, и они были к нам приветливы и первыми дали нам восемь жирных гусей, которых у них было очень много в трюме их лодьи. Мы предложили им, чтобы кто-то один или двое из них отправились с нами на наш корабль, и они с радостью поплыли с нами всемером. Взойдя на наш корабль, они очень удивились тому, какой он большой и как хорошо оборудован. После того, как они осмотрели корабль от носа до кормы, мы предложили им поесть нашей еды: мяса, масла и сыра. Но они отказались, сказав, что у них постный день, но когда увидели соленую сельдь, то съели ее всю вместе целиком, с головой и хвостом, откусывая сверху. После того, как они поели, мы подарили им бочонок селедки, за что они нас очень благодарили, говорили, что не знают, что они могут сделать для нас в ответ, и мы на нашей лодке отвезли их в Залив Ворвани.

После полудня мы подняли якорь при ветре WNW. Направление или курс Вайгача такой: сначала на О до Крестового мыса, затем на NO до мыса Разногласия, и дальше опять на О. Остров Вайгач простирается на NNO и NtO, затем N, и чуть-чуть к W. Мы прошли курсом на NO и чуть-чуть на О две мили мимо мыса Разногласия, но вынуждены были вернуться из-за большого количества льда, и взяли курс на вышеописанный рейд. На обратном пути мы нашли у Крестового мыса хорошее место для того, чтобы бросить якорь¹⁶⁴.

Утром 26 августа подняли якорь и поставили фоксель¹⁶⁵, и вернулись на наш старый рейд, чтобы дожидаться там более подходящих условий¹⁶⁶.

28, 29 и 30 августа и до 31-го дул преимущественно ветер SW, и наш капитан Виллем Баренц отправился на южную сторону пролива Вайгач, на материк, где они нашли несколько очень диких людей (называющихся саминтам/самоедами), но не совсем диких, потому что они в количестве 20 человек разговаривали с нашими девятнадцатью. Это было примерно в миле от берега, когда мы совсем не ожидали увидеть людей (поскольку до того на Вайгаче мы побывали на суше и совсем не нашли там людей). Мы увидели их при туманной погоде, стоящими двумя группками, в два ряда по пять человек, и мы были очень близко от них, прежде чем их заметили. Тогда наш переводчик пошел вперед, чтобы с ними разговаривать; когда они это увидели, то тоже послали вперед одного человека. Подойдя к нашему переводчику, саминт вынул стрелу из своего колчана, намереваясь стрелять, из-за чего наш человек, не имевший при себе ружья, испугался и закричал по-русски: не стреляй, мы друзья. Услышав это, другой бросил на землю стрелу и лук, показывая тем самым, что хочет разговаривать с нашим переводчиком. Увидев это, наш еще раз крикнул «мы друзья», после чего другой сказал «добро пожаловать», и они поприветствовали друг друга, оба поклонились до земли, по русскому обычаю. По такому случаю наш задал вопрос о расположении суши и моря к востоку от Вайгача, на что получил хорошее описание. Они нам сообщили, что если миновать мыс, то примерно через пять дней пути — они показывали на NO — там будет большое море в сторону SO¹⁶⁷. Они сказали, что совершенно точно это знают, так как один из них был там по приказу Царя с группой людей, из которых он был старшим.

Их платье выглядит так же, как у нас изображают платье дикарей, но они не дикари, так как у них есть здравый смысл. Они с головы до пят одеты в оленьи шкуры, за исключением знатных особ, которые (и мужчины и женщины) одеты так же, как остальные, но только головные уборы сделаны из цветного сукна с подкладкой из ценного меха, в то время как все прочие носят шапки из оленьих шкур, мехом наружу, плотно прилегающие к голове¹⁶⁸. У них длинные волосы, заплетенные в косички, которые сзади висят поверх одежды, лица широкие и плоские, глаза маленькие, ноги короткие, колени смотрят наружу, они очень проворно бегают и прыгают. Незнакомым нациям они не доверяют, потому что как мы ни доказывали им нашу дружбу, они все равно нам не верили. Это проявилось в том, что когда мы 1-го сентября снова высадились на землю и один из наших попросил осмотреть их лук, то они отказали в этом, и подали знак, что не хотят этого позволять. У того, кого они называют своим царем, есть часовой, который постоянно следил за всем, что происходит, и что продается и покупается. В конце концов один из нас приблизился к нему, чтобы заключить с ним дружбу, и оказал ему знак внимания способом, который у них не принят: дал ему печенье. Тот взял его с большим почтением и тотчас же съел, и пока ел (как и до того, и после), внимательно следил за всем, что происходит вокруг. Их сани все время стояли наготове, запряженные одним или двумя оленями, которые, если в них сидит лишь один или два человека, могут мчаться с такой скоростью, что никакая лошадь их не догонит. Один из наших выстрелил из мушкета в сторону моря, отчего они так испугались, что ста-

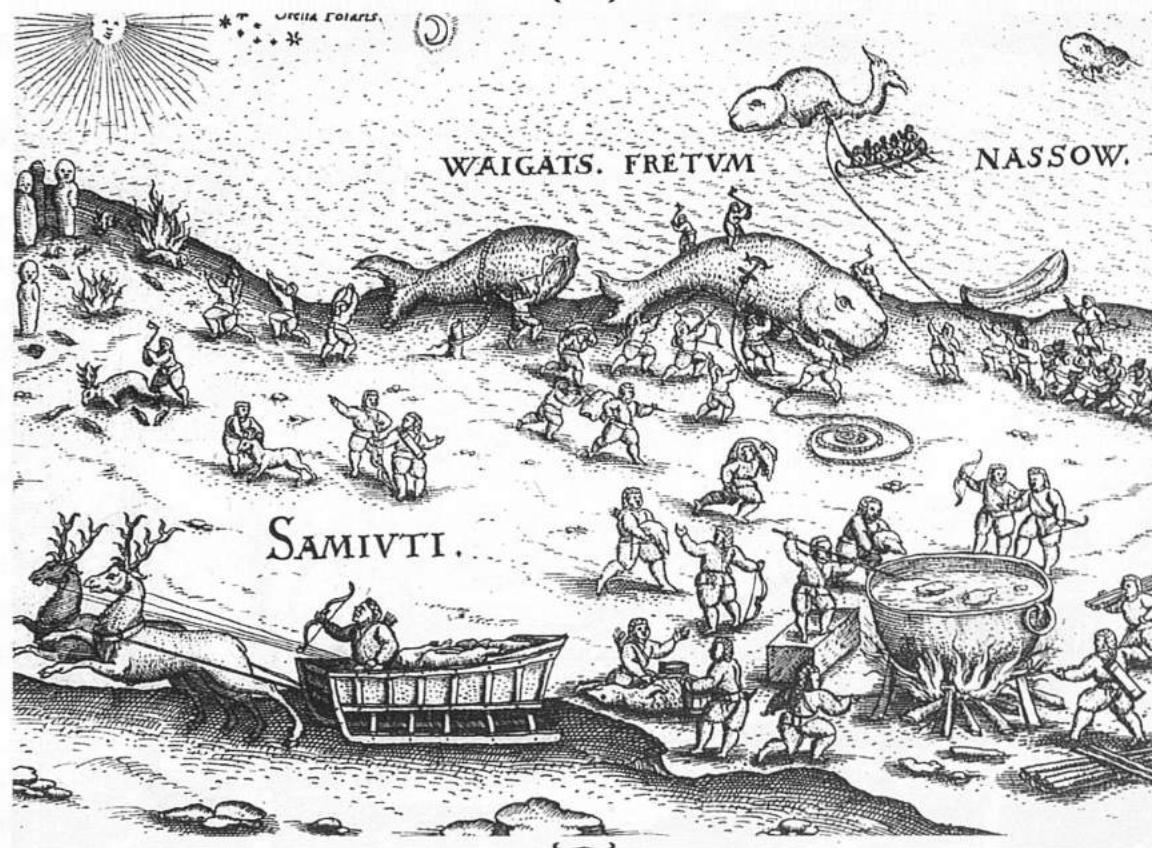

Их платье выглядит так же, как у нас изображают платье дикарей, но они не дикари... Они с головы до пят одеты в оленьи шкуры... У них длинные волосы, заплетенные в косички, которые сзади висят поверх одежды, лица широкие и плоские, глаза маленькие, ноги короткие, колени смотрят наружу, они очень проворно бегают и прыгают...

ли бегать и прыгать как сумасшедшие, но все же сами успокоились, увидев, что это было сделано без злого умысла. Мы передали им через нашего переводчика, что мы используем это оружие вместо луков, чему они очень удивились, из-за большого грохота и шума, произведенного мушкетом. И чтобы показать, насколько это сильное оружие, один из наших положил плоский камень, размером с пол-ладони, на гору на большом расстоянии от себя. Они, видя, что мы хотим что-то показать, встали кругом человек 50 или 60. Тогда тот же, у которого был мушкет, выстрелил в камень, попал в него и расколол его на части. От этого они удивились еще больше, чем прежде¹⁶⁹. Потом мы попрощались друг с другом с большой почтительностью с обеих сторон. И когда мы были уже в нашей лодке, мы все снова сняли шляпы и почтительно склонили головы и протрубили в трубы, точно так же и они оказали нам на свой манер всевозможные почести, а потом разом пошли к саням.

Их сани все время стояли наготове, запряженные одним или двумя оленями, которые, если в них сидит лишь один или два человека, могут мчаться с такой скоростью, что никакая лошадь их не догонит...

После того, как они таким образом попрощались с нами и умчались вглубь суши, один из них выехал на берег верхом, чтобы забрать грубо вырезанное деревянное изображение¹⁷⁰, которое наши взяли с собой с берега и положили в нашу лодку. Взойдя на нашу лодку и увидев его там, он подал нам знак, что мы совершили большое зло тем, что взяли это изображение. Поняв это, мы отдали его ему, и когда изображение снова оказалось у него, он поставил его на гору, рядом с берегом, и не забрал с собой, а прислал за ним сани, и на санях его увезли. Судя по тому, что мы видели, они почитают такие изображения как своих богов. Потому что напротив Вайгача на мысу, который мы называли «Мысом Идоллов»¹⁷¹, мы нашли несколько сотен подобных вырезанных голов, очень грубых, сверху круглых¹⁷², посередине с выпуклостью, изображающей нос, выше которого две зарубки в качестве глаз, а внизу еще одна зарубка в качестве рта. Перед этими изображениями мы нашли пепел и кости оленей, из чего можно догадаться, что здесь совершалось жертвоприношение¹⁷³.

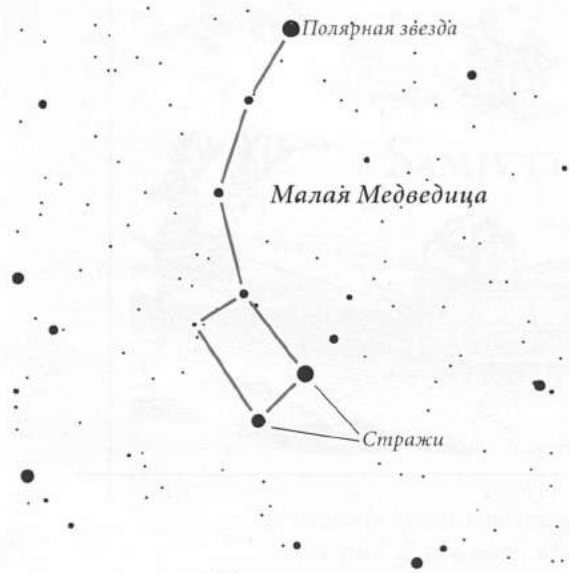
Распрощавшись с саминтами, когда солнце было приблизительно на S, наш капитан Виллем Баренц снова предложил адмиралу поднять паруса, чтобы продолжить путь, однако был не

так многословен, как днем раньше. Адмирал и вице-адмирал выслушали его, и адмирал сказал, к радости капитана: «Виллем Баренц, что ты считаешь нужным сделать?» и Виллем Баренц ответил на это: «Мне кажется самым правильным поднять паруса и продолжить путь», на что адмирал снова сказал: «Виллем Баренц, делай, как считаешь нужным». Это произошло, когда солнце было примерно на NW.

СЕНТЯБРЬ 1595 г.

*Мореплаватели того времени называли «стражами» полюса две наиболее яркие звезды в доннышке ковши Малой Медведицы из-за видимой их близости к Полярной звезде. Эти звезды («Стражи»), как «часовые» ходят вокруг Полярной звезды вследствие видимого вращения небесной сферы.

2-го сентября незадолго до восхода солнца мы подняли якорь, чтобы отправиться в путь, так как благоприятный для нас ветер дул с SSW, и была подходящая погода для того, чтобы двигаться дальше, и неподходящая для того, чтобы стоять на месте, так как мы были у низкого берега. Увидев это, адмирал и вице-адмирал также решили сняться с якоря и поднять паруса на своем корабле.

Солнце было на OtS, когда мы поставили наш фоксель¹⁷⁴ и пошли к Крестовому мысу, где бросили якорь и стали дожидаться фрегата вице-адмирала, который из-за долгого стояния с большим трудом высвободился из льда, несколько раз забрасывая свой верп-анкер¹⁷⁵ и подтягиваясь.

После того как он¹⁷⁶ к вечеру догнал нас, мы утром подняли паруса часа за два до восхода солнца, и к восходу прошли около мили, обогнув мыс Разногласия и оказавшись с востока от него, а за-

тем пошли на север, и проделали около шести миль до того времени, когда солнце было на S. Тогда нам пришлось сменить курс из-за большого количества льда и из-за тумана. К тому же ветер стал непостоянным по направлению, так что нам пришлось менять курс непрерывно, то из-за льда, то из-за ветра, а также из-за тумана; от этого мы сбились с пути и думали, что прошли на юг к земле саминтов, и потому взяли курс на SW, пока Малая Медведица, которую моряки называют Стражами*, не оказалась на NW, тогда мы добрались до восточной стороны острова Штатов¹⁷⁷ и встали примерно на расстоянии мушкетного выстрела от земли, при глубине 13 сажень.

4 сентября утром мы из-за льда снялись с якоря и прошли между материком и Островом Штатов. Рядом с Островом Штатов, где глубина была четыре-пять сажень, мы прикрепились

канатом к земле в таком месте, где были защищены от движущегося льда. Время от времени мы ходили на берег стрелять зайцев, которых там было очень много.

6-го сентября утром несколько моряков сошли на материк, чтобы поискать похожие на алмазы камушки¹⁷⁸, которых на Острове Штатов также было очень много. Во время поисков камушков случилось так, что когда два товарища лежали рядом друг с другом, к ним незаметно подкрался тощий белый медведь и схватил одного из двоих сзади за шею; тот, не зная, кто это, закричал: «Кто схватил меня сзади?» Его товарищ, находившийся рядом с ним в яме, поднял голову посмотреть, и увидел, что это полярный медведь, и с криком «Ох, друг, это медведь» вскочил и убежал прочь.

Медведь тотчас перекусил первому моряку голову и выпил из нее кровь. Остальные моряки, которые были неподалеку на суше, прибежали на место происшествия, все 20 человек, чтобы спасти товарища или хотя бы отобрать у зверя мертвое тело. Когда они взяли свои ружья и пики наперевес и приблизились к медведю, который пожирал мертвое тело, тот жестоко и бесстрашно бросился им навстречу и схватил еще одного человека и разорвал его, что было ужасным зрелищем, из-за которого остальные все вместе бросились наутек.

Когда мы из корабля и с фрегата увидели, что наши люди бегут обратно к побережью, мы поспешно прыгнули в шлюпки и изо всех сил стали грести к земле, чтобы спасти товарищей. Приплыв на сушу, мы увидели ужасную картину того, как двоих из них разорвал и убил страшный медведь, и мы стали подбадривать друг друга, предлагая всем вместе напасть на медведя с ружьями, кортиками и пиками. Но не все соглашались с этим, некоторые говорили, что наши товарищи все равно погибли, а убить медведя мы успеем и потом, сейчас же подвергаться опасности не стоит. Если бы мы могли спасти наших товарищей, то надо было бы поторапливаться, а теперь, как ни спеши, этого не сделаешь. А на медведя надо идти наверняка, всем вместе, ведь мы имеем дело с жестоким, бесстрашным и прожорливым зверем. Потом трое моряков пошли вперед, а медведь продолжал поедать тела свои жертв, не обращая внимания на нашу толпу, хотя нас было человек 30. Эти трое, выступившие вперед, были Корнелис Якобс, шкипер Виллема Баренца, Виллем Хейзен, штурман с фрегата, и Ханс ван Ньюффелен, писарь Виллема Баренца. И после того, как вышеназванные шкипер и штурман три раза выстрелили в медведя, но ничего не произошло, вышеназванный писарь подошел еще ближе, и когда медведь оказался на расстоянии выстрела, прицелился и прострелил зверю голову, попав между глаз, но медведь по-прежнему не выпускал из пасти поедаемого тела и только приподнял голову, вместе с добычей и всем прочим, но немного зашатался. Тогда писарь и один шотландец стали тыкать ему в шкуру своими кортиками, так что шкура вся изодралась в куски, но зверь так и не выпускал свою жертву из пасти. В конце концов Виллем Хейзен подошел к нему и изо всех сил ударил ему по морде прикладом ружья: медведь теперь только упал на землю с большим шумом, и Виллем Хейзен подбежал к нему вплотную и перерезал ему глотку.

После этого 7 сентября тела товарищей похоронили на Острове Штатов¹⁷⁹, а медведя освежевали и привезли шкуру в Амстердам.

Медведь тотчас перекусил первому моряку голову и выпил из нее кровь. Остальные моряки, которые были неподалеку на суше, прибежали на место происшествия...

9 сентября мы под парусами отошли от берега Острова Штатов, но льда было так много, что мы не могли через него пробиться, так что вечером опять вернулись к Острову Штатов. Ветер был западным. Адмирал на роттердамском фрегате, идя под парусами, сел на подводные скалы¹⁸⁰, но сумел сойти с них без особых повреждений.

10 сентября мы снова пошли прочь от Острова Штатов к Вайгачу, и послали вперед две шлюпки чтобы выяснить ледовую обстановку, и вечером одновременно пришли в Вайгач¹⁸¹ и встали у мыса Разногласия.

11 сентября утром мы снова вышли в Тартарское море, но опять уткнулись в большое количество льда, так что снова вернулись к Вайгачу и встали у Крестового мыса. Около полуночи увидели русскую лодью, шедшую под парусами от мыса Идолов¹⁸² к земле саминтов.

13 сентября, когда солнце было примерно на юге, поднялся штормовой ветер с WSW, налетел туман, морозящий дождь со снегом. Шторм становился все сильнее, так что мы легли в дрейф.

14 сентября погода стала лучше, ветер перешел на NW, стало заметным устойчивое течение из Тартарского моря. До вечера погода была ясная. Вечером ветер подул с NO. В тот день наши люди на лодке отправились на другую сторону пролива Вайгач, к материку, чтобы измерить глубину пролива. Прошли в самом изгибе, позади Острова с хвостом¹⁸³. Там был деревянный домишко и большое устье¹⁸⁴. В то же утро мы подняли якорь и поставили паруса, намереваясь продолжить экспедицию, но так как адмирал придерживался другого мнения, мы остались на месте до 15 сентября. В тот день утром Вайгач снова заполнился дрейфующим льдом, пришедшим с восточной стороны, так что пришлось сняться с якорей и в тот же день выйти из Вайгача в западном направлении и всем флотом отправиться домой. В тот же день прошли мимо островов Матфлу¹⁸⁵ и Делгой¹⁸⁶. Всю ночь плыли на NWtW и до утра субботы прошли 12 миль: ночью ветер перешел на NO и повалил снег.

16 сентября с утра до вечера прошли 18 миль на WNW, глубина 42 сажени. Густой снег и сильный ветер с NO. В первую вахту глубина 40 саженей; утром не было видно ни одного корабля нашего флота.

Потом шли всю ночь до утра 17 сентября, под двумя парусами, гротом¹⁸⁷ и фоком¹⁸⁸, и проделали путь в 10 миль курсом на NWtW и WNW. В тот же день во вторую вахту глубина была 50 саженей, а утром 38 саженей, песчаное дно с черными точками.

В воскресенье утром ветер перешел на N и NNW и очень усилился. К нам приблизился фрегат адмирала и шел рядом с нами весь день с утра до вечера. Мы плыли под одним парусом курсом на SSW и SWtS и проделали 6 миль. Затем увидели на SO мыс Канди Нас¹⁸⁹, глубина была 27 саженей, красный песок с черными точками.

В воскресенье вечером снова подняли парус на фок-мачте¹⁹⁰ и взяли курс на север и прошли за ночь, до утра понедельника, 7 или 8 миль на NO и NOtO.

18 сентября утром мы потеряли из виду фрегат, шедший за нами, и искали его до полудня, но не могли найти, и пока были в дрейфе, нас отнесло на 3 мили к востоку. С полудня до вечера прошли 4 мили на NtO.

С вечера понедельника до утра вторника прошли 7 миль NOtN, и с утра до полудня тем же курсом еще 4 мили. От полудня до вечера 5 или 6 миль NtO, глубина 55 саженей.

Вечером взяли курс на юг и шли им до утра.

20 сентября прошли 7 или 8 миль на StW и SSW. Глубина 80 саженей, черный ил.

От утра до полудня прошли под обоими марсеями¹⁹¹ 5 миль курсом на SWtW. И еще от полудня до вечера прошли 5 миль на WtS.

21 сентября от вечера до утра четверга шли в течение одной вахты курсом на W и затем до середины дня в том же направлении, прошли 7 миль, глубина 64 сажени, дно илистое.

От утра до полудня шли на SW и проделали 5 миль, глубина 65 саженей, дно илистое. После полудня снова взяли курс на север и за три часа прошли 2 мили на NO. Затем мы опять сменили курс и пошли на запад; до ночи, до середины второй вахты, прошли под двумя главными парусами¹⁹², без добавочных¹⁹³, курсом на SSW и SWtS 6 миль.

Затем во вторую вахту мы снова взяли курс на север и прошли до утра пятницы 22 сентября на NtO и NNO 4 мили. С утра до конца дня прошли 4 мили NO.

Затем снова повернули на запад и прошли NWtW и NW 80 миль. Потом после первой вахты на NWtW 5 миль. За вторую вахту на WtN 4 мили. Далее до утра субботы 23 сентября на WSW и SWtW 4 мили. С утра субботы до вечера прошли под двумя главными парусами на SW и SWtW 7 или 8 миль. Ветер с NNW.

Вечером повернули на север и прошли до утра воскресенья 24 сентября приблизительно на O под двумя главными парусами при сильном ветре с NNW 8 миль, с утра до полудня на OtS 3 мили, ветер северный.

Затем повернули на запад и прошли до вечера 3 мили на WSW.

Плыли всю ночь до утра понедельника 25 сентября и проделали 6 миль на WtS при северном ветре.

Утром ветер перешел на NO и мы проплыли с утра до вечера 10 миль на W и WtN. Глубина 63 сажени, песчаное дно.

С вечера до утра вторника 26 сентября прошли 10 миль на W. Затем утром оказались близко от земли, примерно в 3 милях к востоку от острова Кильдин¹⁹⁴. Затем утром повернули прочь от берега и шли примерно в течение 3-х часов. Затем снова повернули к земле и думали, что идем на Кильдин, но пришли с подветренной стороны¹⁹⁵, так что после полудня опять повернули прочь от земли и прошли до вечера ONO 5 миль.

С вечера до 2 часов до утра среды 27 сентября прошли еще 6 миль на O. Затем повернули на запад и прошли до вечера 8 миль на WtN, и оказались вечером близ Кильдина. Там повернули прочь от берега и прошли за две вахты 6 миль NOtO и ONO. Затем к утру пятницы 28 сентября снова сменили курс и шли под меняющимся ветром, то в одном, то в другом направлении до вечера. Тогда предположили, что Кильдин находится от нас примерно в 4 милях на запад, и когда задул ветер ONO, пошли на NNW и NWtN и проделали к утру субботы 12 или 13 миль.

29 сентября мы прошли 4 мили на NWtW, дальше весь день до вечера была ясная погода, штиль, солнце. Вечером пошли на WSW и были примерно в 6 милях от земли, и проделали до утра воскресенья 30 сентября 8 миль на NNW. Затем повернули к земле и в тот же день пришли к Вархёйсу (Вардехузу)¹⁹⁶, и простояли там до 10 октября. 1 октября вышли из Вархёйса и 18 ноября вошли в Маас¹⁹⁷, и путь от Вархёйса до Голландии решил не описывать, так как это не нужно, ибо это повседневный маршрут.

Конец второго плавания

ПУТЕШЕСТВИЯ НА СЕВЕР

Третья часть

Рассказ о третьем плавании северным путём
в направлении к Царствам Китайскому и
Синскому в 1596 году

Введение

После того как семь кораблей вернулись из северного плавания, о чем рассказано выше, не с тем результатом, на который надеялись, Их Высокомогущество Господа Штаты, изучив как следует все обстоятельства, стали обсуждать, надо ли в третий раз снаряжать за государственный счет корабли, чтобы довести задуманное путешествие до благоприятного конца, если это возможно. После долгих расследований и совещаний Штаты приняли следующее решение. Если кто-либо, будь то какой-то город или какие-то купцы, пожелает еще раз предпринять это плавание за свой счет и если по окончании плавания выяснится, что этим новым морским путем действительно можно пройти, то им будет дано от государства богатое вознаграждение, причем была названа значительная сумма. Тогда Досточтимый Совет славного города Амстердама снарядил в начале года в третий раз два корабля и нанял на них моряков на двух условиях, а именно, указав, сколько они получают, если вернутся, не осуществив предприятия, и, наоборот, сколько им будет дано, если путешествие будет успешно завершено; при этом им обещали хорошую награду, если плавание будет удачным. Тем самым стремились подстегнуть мужество моряков, которых по возможности выбирали из холостых, чтобы они не скучали по жене и детям и чтобы это не мешало им работать и не отвлекало во время плавания. На этих условиях в начале мая два корабля были подготовлены к отплытию. На одном из них шкипером и представителем купцов, отвечающим за товары, был Якоб Хеймскерк Хейндрикс¹⁹⁸, а старшим штурманом — Виллем Баренц. На другом — Ян Корнелис Рейп¹⁹⁹, который был шкипером и попечителем товаров, нагруженных купцами на корабль.

5 мая 1596 г. был произведен смотр морякам на обоих кораблях, и 10-го они отплыли под парусами из Амстердама, а 13-го пришли во Вли²⁰⁰.

МАЙ 1596 г.

16-го вышли под парусами из Вли, однако оттого что прилив прекратился, а ветер сменился на NO, пришлось вернуться. Корабль Яна Корнелиса сел на мель, но снова сошел с нее, и мы снова бросили якорь к востоку от острова Влиланд²⁰¹.

18 мая мы снова отошли от Вли при ветре NO и взяли курс на NNW.

22 мая в поле зрения показались острова Хитлад²⁰² и Фейерил²⁰³, ветер NO.

24 мая задул благоприятный ветер, мы пошли курсом на NO и шли до 29 мая. Тогда ветер сменился, задул слабый ветер с NO.

30 мая ветер снова стал благоприятным и мы пошли курсом на NO. С помощью градштока мы измерили высоту солнца над горизонтом и установили, что она составляет $47^{\circ}42'$ ²⁰⁴. Склонение составляло $21^{\circ}42'$, следовательно, мы были на широте $69^{\circ}24'$.

ИЮНЬ 1596 г.

В 1-й день июня у нас не было ночи, а 2-го числа снова поднялся встречный вечер, но 4-го задул благоприятный ветер с WNW, так что мы взяли курс на NO.

Когда солнце было примерно на SSO, мы увидели удивительный знак на небе, с обеих сторон от солнца светило по солнцу, и через все три солнца проходили две радуги, а потом еще две радуги, одна, широкая, вокруг солнца, а другая перпендикулярно к широкой, причем нижний край широкой радуги находился на высоте 28° над горизонтом²⁰⁵. В полдень, когда солнце находилось в наивысшей точке, с помощью астролябии было измерено, что оно стояло над горизонтом на высоте $48^\circ 43'$ ²⁰⁶, склонение составляло $22^\circ 47'$, следовательно, мы были на 71° северной широты.

Корабль Яна Корнелиса шел с наветренной стороны от нас и держался на расстоянии. Тогда мы повернули к нему на один румб, а именно на NO. Нам представлялось, что мы чересчур уклоняемся к W, как потом и оказалось, и считали нужным идти более на O. Но когда мы вечером соединились с ними и сказали им об этом, их штурман отвечал, что он не хочет попасть к Вайгачу. Они шли курсом NOtN, мы находились по меньшей мере в 60 милях от суши, так что после появления в поле зрения Нордкапа²⁰⁷ надо было идти курсом на ONO, а не NNO, ведь неблагоприятным ветром нас отнесло на запад, и это надо было исправить. Мы объясняли им это и говорили, что надо идти более на O, но что бы мы ни говорили и ни советовали, они все равно хотели идти только на NNO, так как считали, что если плыть восточнее, то мы уткнемся в Вайгач. И поскольку мы не могли переубедить их никакими резкими словами, мы пошли на один румб ближе к ним, а именно на NOtN, а иначе пошли бы на NO, а то и еще восточнее.

5 июня мы увидели первый лед, которому очень удивились, так как сначала подумали, что это белые лебеди. Один из нашей команды вышел пройтись по палубе и вдруг принялся кричать громким голосом, что по морю плывут белые лебеди. Услышав это, мы, находившиеся внизу, тоже поднялись на палубу и увидели, что это льдины, оторвавшиеся от большого скопления льда, и они действительно были похожи на лебедей, а дело было ближе к вечеру. В полночь мы прошли через эти льдины; солнце было на севере, примерно под углом в один градус к горизонту.

6 июня около четырех часов вечера мы снова попали в окружение льда, и льда было так много, что мы не смогли его преодолеть, взяли курс на SWtN и шли по нему в течение восьми склянок. После этого опять пошли нашим курсом NNO и обогнули лед.

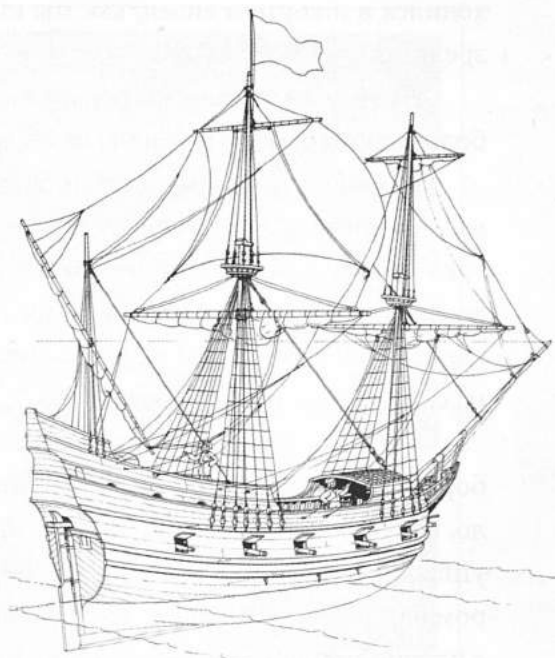
7 июня мы измеряли положение солнца и обнаружили, что оно стоит на высоте $38^{\circ}38'$ ²⁰⁸ над горизонтом. Склонение составляло $22^{\circ}38'$, а если эти $22^{\circ}38'$ отнять от полученной в результате измерения высоты, то получится, что мы находились на 74° ²⁰⁹ северной широты. Здесь мы обнаружили такое огромное количество льда, что даже не описать. Мы прошли между льдами, как будто с обеих сторон от нас были две суши. Вода там была зеленая²¹⁰, как трава, и мы предположили, что находимся близ Гренландии. Лед становился чем дальше, тем толще.

8 июня мы приблизились к такому гигантскому скоплению льдов, что не могли пройти через него из-за его толщины, поэтому мы повернули на SWtW и шли в течение двух склянок, а потом еще три склянки шли на SSW, а потом еще три — на S, чтобы приблизиться к увиденному нами острову, а также чтобы рассмотреть лед.

9-го июня мы подошли к острову²¹¹, лежащему на широте $74^{\circ}30'$, и по нашим оценкам длина его составляла около пяти миль.

10 июня мы спустили на воду наш шкоут* и восемь человек отправилось на сушу. Когда мы проходили мимо корабля Яна Корнелиса, в наш шкоут село еще восемь человек, в том числе их штурман. Тогда наш штурман Виллем Баренц спросил у него, не слишком ли мы удалились на запад, но тот не захотел этого признавать. Они долго спорили, потому что Виллем Баренц старался доказать свою правоту.

11 июня, когда мы сошли на землю, мы обнаружили множество чайчьих яиц. Мы оказались в смертельной опасности, так как поднялись по крутой снежной горе, а когда пришло время спускаться, оказалось, что мы можем сломать шею, такой крутой была эта гора, но мы сели на снег и, скользя по нему задом, стали спускаться вниз, что было ужасным зрелищем, потому что мы неизбежно должны были сломать руки и ноги, поскольку внизу было множество острых скал, на которые мы должны были упасть, но с Божьей помощью мы достигли низа горы без повреждений. Тем временем Виллем Баренц на-

*На гравюре изображен обобщенный вид судна в перспективе, на котором Баренц совершил свои плавания в Северных морях. Выбор снастей с тремя мачтами и обычными прямыми парусами на горизонтальных реях основан на записях в дневнике, в котором Де Вейр много раз упоминает различные элементы такелажа. Шкоут (нид. *schuit*) — тип небольшого открытого судна с низкими бортами, предназначенного в первую очередь для плавания по внутренним водам. Шкоуты использовались для перевозки грузов и скота, иногда так же пассажиров, изредка для рыбной ловли. Обычно без паруса.

Бок (нид. *bok*) — также предназначен для плавания по внутренним водам, отличается от шкоута меньшими размерами и еще большей примитивностью конструкции. Бок — это всегда плоскодонка с вертикальными бортами необтекаемой формы. Боки передвигались с берега, при помощи шеста либо бечевы, с использованием лошадиной тяги.

ходил в шкоуте и видел, как мы съезжаем с горы, и напугался еще больше нашего от этого зрелища.

На этом же острове мы обнаружили отклонение магнитной стрелки, составлявшее 13° , то есть более одного румба. Потом мы на веслах добрались до корабля Яна Корнелиса и съели там яйца.

12 июня утром мы увидели белого медведя, и поплыли к нему на нашем шкоуте, намереваясь накинуть ему на голову веревку с петлей. Но когда мы к нему приблизились, он оказался таким диким и сильным, что мы не решились набросить петлю, и потому поплыли обратно к кораблю и взяли с собой больше людей и больше оружия, и вернулись с мушкетами, ружьями, алебардами и топорами, а люди с корабля Яна Корнелиса подоспели к нам на помощь, приплыв на своем плоскодонном боке.

Получив подкрепление людьми и оружием, мы поплыли на обеих шлюпках к медведю; борьба с ним заняла четыре склянки, так как наше огнестрельное оружие его почти не ранило. Среди прочего его ударили по спине большим топором, и хотя топор застрял в его теле, он уплыл прямо вместе с ним, но мы на веслах догнали его, и в конце концов раскололи ему топором на части голову, после чего он умер. Мы доставили его на корабль Яна Корнелиса и содрали с него шкуру, которая имела длину около 12 футов²¹², и поели его мяса, но оно нам не понравилось. Этот остров мы назвали Медвежьим островом²¹³.

13 июня мы отошли от острова и направились на N и немного восточнее, ветер дул с W и SW, мы плыли быстро, так что к тому времени, когда солнце было на N, мы удалились от острова, по нашим оценкам, на 16 миль.

14 июня, при солнце на N, мы бросили лот, и на глубине 113 сажень не обнаружили дна. Далее мы плыли на N и NtO до 15 июня, до времени, когда солнце было на SO, при туманной погоде. К вечеру туман немного рассеялся, и мы увидели на поверхности воды что-то большое и подумали, что это корабль, но приблизившись увидели, что это мертвый кит, на котором сидело множество чаек, причем труп сильно вонял. В тот день прошли двадцать миль.

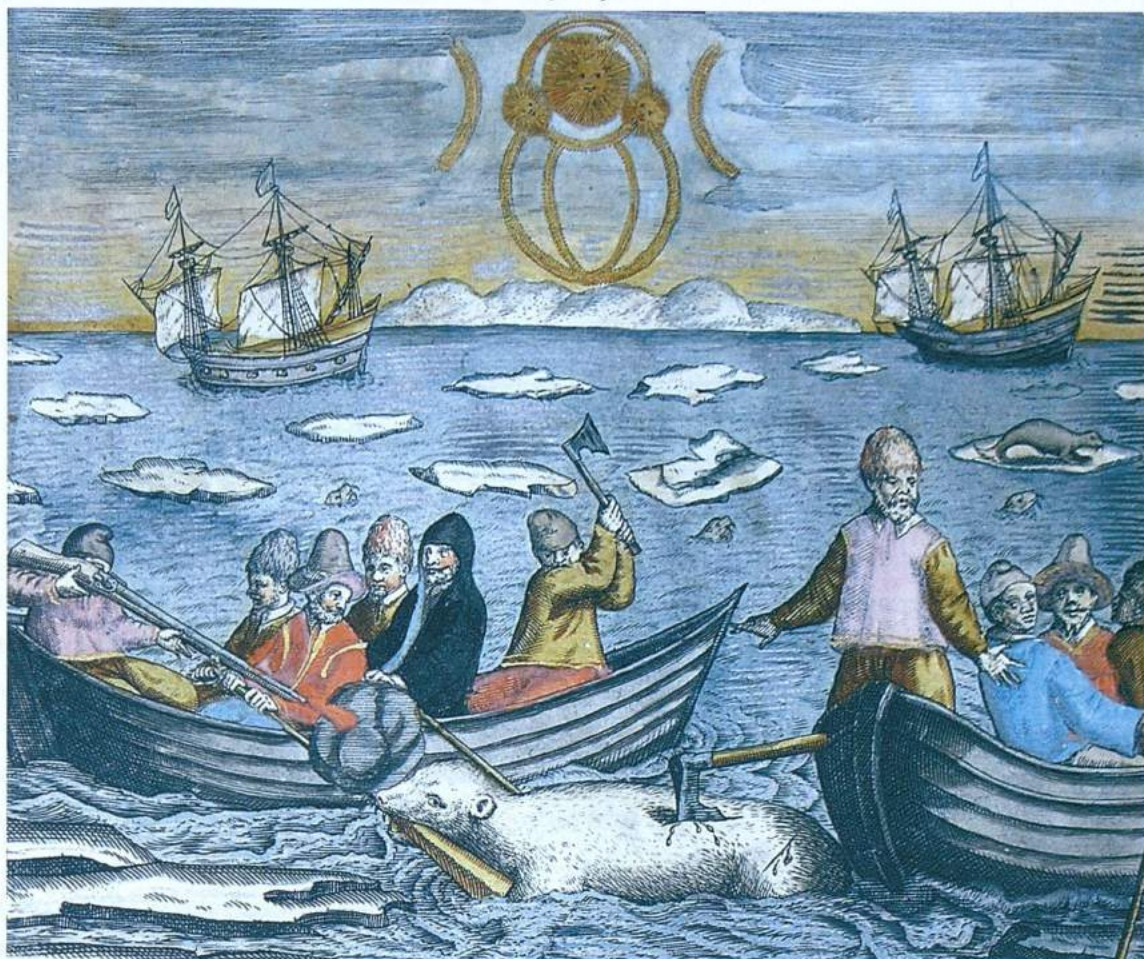
16 июня, продолжая двигаться тем же курсом на NtO при туманной погоде, мы слышали лед прежде, чем его увидели. Но когда туман рассеялся и мы лед увидели, то повернули в противоположную сторону. Прошли, по нашим оценкам, 30 миль.

17-го и 18-го мы снова увидели огромное количество льда и пошли вдоль него, пока не дошли до угла льда, который уже не смогли обойти, т.к. ветер SO дул нам прямо навстречу, а угол льда находился на юге от нас. Какое-то время мы попытались лавировать, чтобы обойти его, но ничего не вышло.

19-го мы снова увидели землю²¹⁴. Потом мы измерили положение солнца и обнаружили, что оно находилось на высоте $33^{\circ}37'$ над горизонтом. Склонение составляло $23^{\circ}26'$, если отнять это от полученной высоты солнца, то получим, что мы находились на $80^{\circ}11'$ северной широты²¹⁵.

Эта земля²¹⁶ очень большая, и мы шли вдоль нее до 79° с половиной, где нашли хороший рейд, но не могли подойти ближе к берегу, так как дул сильный NO, прямо с берега, а залив²¹⁷ вытянут прямо с севера на юг.

...мы поплыли на обеих шлюпках к медведю... его ударили по спине большим топором, и хотя топор застрял в его теле, он уплыл прямо вместе с ним, но мы на веслах догнали его...

21 июня мы бросили якорь в 18 саженьях от земли и вместе с командой Яна Корнелиса направились к западному побережью, чтобы взять балласт. Когда мы с балластом вернулись на борт, мы снова увидели белого медведя, плывущего к нашему кораблю. Так что мы прекратили свою работу и быстро спустились в лодку, как и люди Яна Корнелиса, и обе лодки направились к медведю и преградили ему путь и отогнали его от земли. Он поплыл в море, мы на веслах за ним, но наш бок шел слишком медленно, так что мы спустили на воду также шкуот²¹⁸, чтобы преследовать медведя было легче. Он проплыл целую милю в открытое море, а мы, на трех лодках, за ним — большая часть команды с обоих кораблей. Мы приложили очень много сил к тому, чтобы его бить, колоть и рубить, но наше оружие пострадало больше, чем медведь. Один раз он так ударил лапой по нашему шкуоту, что на дереве остались царапины, это было у форштевня²¹⁹, но если бы он так набросился на шкуот посередине, судно бы наверное перевернулось, такие у них сильные когтистые лапы. В конце концов, после того, как мы его долго зажи-

мали между тремя лодками и тем самым измотали, нам удалось, наконец одолеть его и убить. Мы привезли его на наш корабль и сняли с него шкуру: его шкура была размером в 13 футов.

После этого мы прошли на нашем шкуоте по заливу примерно милю вглубь суши, где обнаружили хорошую гавань с годящимся для якоря дном, а с восточной стороны дно было песчаное. Мы несколько раз бросили лот: глубина составляла 16 сажений, потом 10, потом 12. Двигаясь на веслах дальше, мы обнаружили, что с восточной стороны от нас было два острова, простиравшихся в море на восток. С западной стороны был большой залив, и вдали, как нам показалось, еще остров. Мы пошли на веслах к острову посередине и нашли там много яиц чёрных казарок. Мы увидели сидящих на гнездах казарок, согнали их с мест, а они кричали «рот-рот-рот», а одного гуся убили брошенным камнем. Мы его сварили и съели, как и 60 яиц, которые принесли на корабль, а вернулись мы на борт 22 июня.

Это были настоящие чёрные казарки, такие же, какие каждый год в больших количествах прилетают в Голландию и селятся близ Вирингена, где их ловят. До сих пор никто не знал, где эти гуси откладывают и высиживают яйца. Некоторые авторы не постыдились написать, что яйца вырастают в Шотландии на деревьях, и если ветки свешиваются над водой и плоды падают в воду, то из них появляются гусята, которые тут же уплывают, а плоды, которые падают на землю, разбиваются на мелкие части и из них никто не вылупляется. Теперь выяснилось, что это вовсе не так. Но ничуть не удивительно, что до сих пор никто не знал, где гуси-казарки откладывают яйца, ведь до сих пор никто²²⁰, насколько известно, не бывал на 80 градусах северной широты, и было неизвестно, что здесь есть земля, и тем более, что здесь высиживают своих гусят черные казарки.

Следует также заметить, что хотя этот остров, который мы считаем Гренландией²²¹, лежит на 80° северной широты и еще севернее, на нем растут лиственные растения и трава, и водятся травоядные животные вроде косулей²²², в то время как на Новой Земле, расположенной лишь на 76°, не растет лиственных растений и травы и нет травоядных животных²²³, но только плотоядные, такие как медведи и лисы-песцы, хотя Новая Земля находится на 4 градуса дальше от Северного Полюса, чем Гренландия.

23 июня мы снова подняли якорь и пошли в открытое море курсом NW, но далеко не продвинулись, так как увидели лед, так что вернулись на то же место, где до сих пор стояли, и бросили якорь в 18 сажнях. Ночью, когда мы стояли на якорю, а солнце было на NO, мы измерили его положение: его высота над горизонтом была 13°10', склонение составляло 23°28'. Если одно вычесть из другого, то получится 10°18', а если это вычесть из 90°, то получится 79°42' северной широты²²⁴.

Затем мы снова подняли якорь и пошли вдоль западного берега, и наши люди сошли на берег, чтобы измерить, насколько отклоняется стрелка компаса. Тем временем к кораблю подплыл белый медведь. Он забрался бы на него, если бы мы не подняли шум: мы стреляли в него из ружья, так что он поплыл прочь от корабля на остров, где находились наши люди. Когда мы это увидели, мы сразу поплыли на корабле к острову и стали так громко кричать, что наши люди подумали, будто корабль наскочил на скалу, отчего очень испугались, но и медведя мы тоже на-

пугали, и он поплыл снова прочь от берега и не тронул наших людей, чему мы очень обрадовались, потому что у них не было с собой оружия.

Что же касается отклонения стрелки компаса — ради чего наши люди отправились на берег, чтобы измерить это отклонение точно, — то оно, как они обнаружили, составляло 16° ²²⁵.

24 июня дул SW, и мы не могли обойти остров, поэтому мы вернулись, и нашли гавань в 4 милях от нашей гавани, к западу от большой, и бросили там якорь на глубине 12 саженей. На веслах мы прошли большое расстояние прочь от открытого моря, и там высадились на сушу и нашли два моржовых клыка общим весом 6 фунтов²²⁶. Мы нашли там еще несколько моржовых клыков поменьше и вернулись на корабль.

25 июня мы снова подняли якорь и пошли вдоль берега в направлении S и SSW при ветре NNO до 79° . Там обнаружили огромный залив²²⁷, зайдя в него, прошли по нему миль десять на S, но поняли, что с другой стороны выхода из него нет. Время от времени мы бросали лот, и он погружался на 10 саженей. Поэтому мы вынуждены были лавировать, чтобы вернуться, так как ветер был с N, а плыть нам также надо было на N. Кроме того мы увидели, что залив упирается в сушу, чего мы сначала не могли увидеть, так как земля была плоской, потому-то мы и подплыли к ней так близко, что не видели этого. И потому пришлось лавировать в обратном направлении, и мы выбрались из залива только 27-го.

28 июня мы миновали мыс²²⁸, лежавший с западной стороны залива, где было столько птиц, что они по глупости ударялись о наши паруса, и мы прошли примерно 10 миль на S, а затем на W, чтобы не попасть во льды.

29 июня мы шли на SO вдоль берега, а также на O, пока не дошли до $76^{\circ}50'$, так как нам пришлось отойти подальше от земли из-за льда.

30 июня мы шли на S и немного на O, затем измерили положение е солнца и обнаружили, что оно стояло на высоте $38^{\circ}20'$ над горизонтом, его склонение составлял $23^{\circ}20'$, на основании чего было вычислено, что мы находились на широте 75° .

ИЮЛЬ 1596 г.

---

1 июля в нашем поле зрения снова показался Медвежий остров. Тогда к нам на борт поднялся Ян Корнелис со своими офицерами. Они пытались нас уговорить изменить наш курс, но поскольку мы придерживались другого мнения, было решено, что мы пойдем своим курсом, а они своим, а именно, они собирались снова пойти на широту 80° , так как воображали, что легко смогут там пройти с восточной стороны от земли на 80° ²²⁹. И на таких условиях мы расстались. Они пошли на N, а мы из-за льда на S^{230} . Ветер был OSO.

2 июля мы пошли на O и оказались на широте 74° ; ветер был NNW. И мы сменили направление при ветре ONO и пошли на N. Вечером, когда солнце было на NWtN, мы снова повернули из-за льдов и восточного ветра и пошли на SSO и приблизительно при солнце на OSO мы опять сменили курс из-за льда. Когда солнце было на SSW, мы снова повернули и пошли на NO.

3 июля мы находились на широте 74° , ветер был SOtO, и мы шли на NOtN. Затем мы повернули при южном ветре и пошли на OSO, пока солнце не оказалось на NW, а ветер начал крепчать.

4 июля мы шли на OtN и не обнаружили льда, что удивило нас, ведь мы были уже далеко на севере. Но при солнце на S нам снова пришлось сменить направление из-за льда, и мы пошли на W при ветре N, а когда солнце было на N, мы сменили курс на OSO под ветром NO.

5 июля мы шли на NNO до солнца на S. Затем повернули и пошли на OSO при ветре NO. Тогда измерили высоту солнца и обнаружили, что оно стоит над горизонтом под углом $39^\circ 27'$, и его склонение составляло $22^\circ 53'$, что означало, что мы были на $73^\circ 20'$ северной широты.

7 июля мы бросили лот на всю длину линя, но дна не достали, и пошли на OtS при ветре NOtO, и находились на широте $72^\circ 12'$.

8 июля был благоприятный ветер NtW мы шли на OtN, и при умеренном ветре дошли до $72^\circ 15'$ северной широты.

9 июля мы шли на OtN при ветре W. 10-го при солнце на SSW бросили лот, глубина была 160 саженей, ветер NOtN, и мы шли на OtS на широте 72° .

11-го глубина была 70 саженей, льда не наблюдалось. Мы тогда предположили, что находимся точно на N от Дандинаса²³¹, восточного мыса у входа в Белое море, которое лежало к S от нас²³². Грунт здесь был песчаный, и песчаная банка простиралась в море на N, так что мы не сомневались, что находимся на банке Белого моря, потому что на протяжении всего побережья

нам нигде не попадалось песчаного дна, кроме указанной банки. Ветер дул с OtS, и мы плыли на S и StO на широте 72°. Затем подул ветер с SSO, мы легли на NO, чтобы обогнуть банку²³³.

Утром мы дрейфовали при штиле и определили, что находимся на широте 72°; когда солнце было на SW, задул ветер OSO, и мы пошли на NO. Мы бросили лот и на глубине 150 саженей обнаружили глинистый грунт. Значит, мы уже миновали банку, которая была очень узка, ведь мы шли в течение всего 14 склянок, и оказались с другой стороны от нее, когда солнце было на NNO.

12 июля, при ветре O, мы шли на NtO. Ночью, когда солнце было на NNO, мы сменили курс, так как ветер подул с NNO, и пошли на OtS, пока не окончилась первая вахта.

13 июля мы взяли курс на O при ветре NNO и измерили высоту солнца над горизонтом²³⁴, которая составляла 54°38', а склонение было 21°54'; если последнюю величину сложить с найденной высотой, то получим 73° северной широты. Мы снова обнаружили лед, но не очень много, и мы предположили, что находимся около Земли Виллоуби²³⁵.

14 июля мы взяли курс на NO при ветре NNW, и целые сутки шли через лед. Посреди льда мы бросили лот и определили глубину в 90 саженей; во вторую вахту мы снова бросили лот, и глубина оказалась в 100 саженей. И мы зашли в лед так далеко, что уже не могли продвигаться ни в каком направлении, и вообще нигде не видели открытой воды. С большим трудом, лавируя, мы выбрались из льда, ветер был W, и мы тогда находились на широте 74°10'.

15 июля мы дрейфовали при штиле среди льда; бросили лот, который показал глубину в 110 саженей. Затем подул восточный ветер, и мы пошли на SW.

16 июля мы вышли из льда и увидели на льдине огромного медведя. Заметив нас, он спустился в воду, мы на нашем корабле поплыли за ним, но он опять вышел на лед; и мы один раз выстрелили в него. Затем мы пошли на OSO, не встречая льда, и считали, что находимся недалеко от берега Новой Земли, поскольку видели медведя²³⁶ на льдине. Мы бросили лот, глубина была 100 саженей.

17 июля мы измерили высоту солнца, оказавшуюся 37°55' над горизонтом; склонение его составляло 21°15'; если это пересчитать с измеренной высотой, то получаем 74°40' северной широты. Когда солнце было на S, мы заметили берег Новой Земли около залива Ломсбей²³⁷. Я был первым, кто увидел землю. Тогда мы изменили курс и пошли на NOtN и убрали все паруса кроме формарселя и бизани²³⁸.

18 июля мы снова увидели землю, когда были на широте 75° и шли на NOtN при ветре NW. Мы обогнули мыс острова Адмиралтейства²³⁹ и направились на ONO при западном ветре, земля же вытянута в сторону NOtN.

19 июля мы дошли до Крестового острова²⁴⁰ и не могли двигаться дальше из-за льда, потому что лед там вплотную примыкал к берегу, а ветер дул западный, прямо на землю. Это было на 76° 20' северной широты²⁴¹. На острове стоят два креста, по которым он и назван.

20 июля мы бросили якорь близ острова, так как из-за льда не могли идти дальше. Спустили шкоут и восьмером добрались на веслах до берега и подошли к одному кресту, у которого

...мы увидели на льдине огромного медведя... и мы один раз выстрелили в него.

немного отдохнули, чтобы потом пойти к другому кресту. Когда мы уже двинулись в путь, мы увидели у второго креста двух медведей, а у нас не было с собой никакого оружия²⁴². Медведи поднялись у креста на задние лапы, чтобы лучше рассмотреть нас, так как у них обоняние намного острее, чем зрение²⁴³, а поскольку они нас почуяли, то и встали на задние лапы и пошли на нас. Мы так испугались, что нам стало не до шуток, и отправились назад к нашей лодке, то и дело в страхе оглядываясь, не преследуют ли нас медведи. Мы хотели пуститься бегом, но шкипер остановил нас, сказав: «Кто первый побежит, в того я воткну этот багор (который у него был), потому что лучше оставаться вместе и попытаться запугать зверей криками». Так что мы послушно и не торопясь вернулись к лодке и таким образом спаслись, радуясь, что избежали этой дьявольщины и что теперь все можно рассказать другим.

21 июля мы измерили высоту солнца над горизонтом; получилось $35^{\circ}15'$; склонение было 21° ; отняв его от найденной высоты, получаем 14° , а вычтя их из 90° , находим $76^{\circ}15'$ ²⁴⁴ северной широты. Затем мы определили, что стрелка компаса отклонилась на целых 26° ²⁴⁵.

В этот же день двое из наших опять пошли к кресту, и у них не было никаких неприятностей из-за медведей. Мы последовали за ними на всякий случай с оружием, и, добравшись до

второго креста, нашли следы двух медведей, накануне преследовавших нас. Оказалось, что медведи прошли за нами приблизительно 100 шагов.

22 июля, в понедельник, мы поставили там еще крест, на котором сделали наши пометки. У Крестового острова мы оставались до 4 августа; выстирали на берегу и выбелили наши рубашки.

30 числа, когда солнце было на N, к кораблю подошел медведь так близко, что в него можно было бросить камень, мы прострелили ему ногу, так что он ушел, хромая.

31 июля, когда солнце было на ONO, мы всемером убили медведя; сняли с него шкуру, а тушу бросили в море. В полдень мы определили с помощью наших приборов, что отклонение магнитной иглы было $17^{\circ} 246$.

АВГУСТ 1596 г.

1 августа мы опять заметили белого медведя, но он от нас ушел.

4 августа мы с помощью канатов вытащили корабль изо льда и перевели его на другую сторону острова, где стали на якорь. Здесь мы доставили с берега полную лодку камней, затратив много труда и усилий.

5 августа мы снова пошли под парусами к Ледяному мысу²⁴⁷ при ветре О. Мы держали курс на SSO и на NNO, и не видели льда около берега, вдоль которого лавировали.

6 августа мы обогнули мыс Нассау²⁴⁸ и пошли на О и OtS вдоль берега.

7 августа ветер дул с WSW, мы шли вдоль побережья в направлении на SO и SOtO и, встречая мало льда, достигли мыса Утешения²⁴⁹, к чему давно стремились. К вечеру подул восточный ветер и налетел туман, так что пришлось пришвартовать корабль к льдине, которая сидела в воде почти на 36 саженей и торчала из воды приблизительно на 16 саженей; общая толщина льда была, следовательно, 52 сажени, так как льдина сидела на дне, а глубина около нее была 36 саженей.

8 августа утром дул восточный ветер, и по-прежнему было туманно.

9 августа, когда мы стояли, закрепившись у огромной льдины, пошел густой снег при сильном тумане. Около времени, когда солнце было на S, мы поднялись наверх, так как кто-то постоянно нес вахту. Когда шкипер обходил весь корабль по палубе, он слышал пыхтение какого-то животного и, выглянув за борт, увидел большого медведя у самого корабля. Он громко закричал: «Медведь! Медведь!». Мы все выбежали на палубу и увидели, что медведь стоит у нашего шкоута и пытается передними лапами влезть в него. Но мы подняли громкие крики и испугали его, так что он отплыл на некоторое расстояние, но тотчас вернулся и подплыл с противоположной стороны к той большой льдине, к которой мы были пришвартованы, забрался на нее и бесстрашно пошел на нас, намереваясь влезть на корабль с носа. Но мы растянули в носовой части парус со шкоута и с четырьмя ружьями устроились у кабестана²⁵⁰; мы выстрелили в медведя, так что он ушел, но валил настолько густой снег, то мы не видели, куда он скрылся, но думаем, что он улегся за одним из высоких торосов, которых на льдине было много.

10 августа, в субботу, лед пришел в сильное движение, и только тут мы впервые заметили, что та огромная льдина, к которой мы пришвартовались, сидит на дне, так как весь остальной лед шел мимо нас. Мы испугались, как бы нас не раздавило льдом, и потому приложили много усердия, трудов и стараний, чтобы выйти оттуда, так как находились в большой опасности. Ког-

да мы поставили паруса, корабль понесло на лед с такой силой, что вокруг нас все затрещало, и мы подплыли к другой большой льдине, у которой и пришвартовались, забросив на нее якорь, и оставались там до вечера. Но вечером, когда мы поужинали, в первую вахту, эта самая льдина неожиданно стала ломаться и крошиться, так ужасно, что и сказать нельзя, потому что она раскололась со страшным грохотом больше чем на 400 частей. Мы были пришвартованы к льдине носом, и когда она начала крошиться, мы отпустили канат и освободились от нее. Эта льдина сидела в воде на 10 саженей и нижней частью лежала на дне, а над водой она поднималась на две сажени; ломаясь на части, она издавала страшный грохот как под водой, так и над водой, и раскаты разносились во все стороны и отдавались громом со всех направлений. После того как мы, подвергаясь великой опасности, отошли отсюда подальше, мы оказались у другой огромной глыбы льда, сидевшей в воде на шесть саженей; к обеим ее сторонам мы прикрепили по канату. Затем мы увидели еще огромную льдину, стоявшую неподвижно в море на некотором расстоянии от нас, с очень высокой и острой верхней частью, словно шпиль у башни; мы приблизились к ней и с помощью лота измерили, что она сидела на дне на глубине 20 саженей, выдаваясь над водой саженей на 12.

11 августа, в воскресенье, мы подошли на веслах к еще одной льдине: бросив лот, мы определили, что она лежит на дне на глубине 18 саженей, и выдается над водой на 10 саженей.

12 августа мы подошли под парусом ближе к земле, чтобы не быть раздавленными льдом; так как самые большие дрейфующие льдины имели очень большую подводную часть, толщиной во много саженей, то вблизи от берега, на глубине в 4 или 5 саженей, мы были в безопасности от них. Там с гор стекал большой ручей. Мы снова пришвартовали корабль к льдине и назвали этот мыс Малым Ледяным мысом²⁵¹.

13 августа утром с восточного мыса близко к кораблю подошел медведь; один из наших выстрелил в него и раздробил ему лапу; но медведь, ковыляя на трех лапах, поднялся на гору. Мы отправились за ним следом, убили, сняли с него шкуру и принесли ее на корабль. Затем мы пошли под парусом при небольшом ветре и были вынуждены лавировать, но потом задул более благоприятный ветер с S и SSO.

15 августа мы приблизились к острову Оранскому²⁵², где у большой льдины нас со всех сторон окружил лед, так что возникла опасность, что мы потеряем корабль. Все же с большим трудом мы добрались до самого острова, но так как ветер дул с SO, пришлось перевести корабль в другое место. Занимаясь этим, мы громко кричали, так что разбудили медведя, который там спал; и он подошел к кораблю, так что нам пришлось бросить работу и защищаться от медведя. Мы прострелили ему тело, и он убежал на другую сторону острова, бросился в воду, а потом забрался на льдину, где и улегся. Когда же он заметил, что мы гребем к нему на лодке, он опять прыгнул в воду и поплыл к земле, но мы перерезали ему путь и ударили топором по голове. Но всякий раз, как мы замахивались топором, чтобы ударить его, он сейчас же нырял, так что нам стоило больших усилий убить его. Вытащив медведя на землю, мы сняли с него шкуру и вернулись с ней на корабль. Потом мы подвели корабль к огромной льдине и пришвартовались к ней.

*Верп — вспомогательный якорь для снятия корабля с мели, перетягивания на другое место и постановки на шпринг. Верп завозят на шлюпке, сбрасывают и затем шпилем подтягивают к нему корабль. Обычно масса верпа равна одной трети массы стенового якоря.

16 августа десять человек из команды отправились на веслах к берегу Новой Земли, втащили лодку на лед и взошли на высокую гору²⁵³, чтобы посмотреть, в каком направлении вытянута земля. Мы обнаружили, что она простирается от нас на SO и SSO, а затем на S; то, что земля уходит далеко на юг, навело нас на грустные мысли. Однако когда мы заметили на SO и OSO чистую воду, мы опять обрадовались, полагая, что задача нашего плаванья²⁵⁴ уже выполнена. Мы думали только о том, как бы поскорей вернуться на корабль и сообщить это Виллему Баренцу.

18 августа мы приготовили все к отплытию, но наш труд был напрасен, и мы чуть не лишились нашего верпа* и двух новых толстых канатов, и после многих напрасных трудов и усилий мы вернулись на то место, откуда отчалили. Дело в том, что вдруг пошло мощное течение, и лед с огромной силой несло на канаты по сторонам от корабля; поэтому мы думали, что потеряем все канаты, находившиеся за бортом, а их было почти 200 сажень. Но с Божьей помощью все устроилось, так что в конце концов мы опять до-

брались туда, откуда вышли.

19 августа погода была неплохая, ветер SW, лед продолжало нести; мы поставили паруса и при благоприятном ветре пришли к мысу Желания²⁵⁵, где опять воспряли духом. Обогнув мыс, мы прошли в море курсом на SO четыре мили, но снова попали во льды, так что опять повернули и пошли на NW, пока вновь не подошли к земле, которая простиралась на шесть миль от мыса Желания до мыса Головного²⁵⁶ в направлении на StW. От Головного мыса до мыса Флиссингенского²⁵⁷ земля простирается на StW на три мили. От Флиссингенского мыса она тянется сперва в море на OSO, а затем на протяжении трех миль на SWtS и SW до Островного мыса²⁵⁸; от Островного мыса до мыса Ледяной гавани²⁵⁹ в направлении на WSW на четыре мили. От мыса же Ледяной гавани до залива Течений²⁶⁰ и низкой земли в направлении с WtS на OtN на протяжении семи миль. Далее земля тянется с востока на запад.

21 августа мы прошли большое расстояние до Ледяной гавани и там переночевали. На следующее утро, когда течение несло с большой скоростью на восток, мы снова вышли из Ледяной гавани и направились к Островному мысу; но так как погода стала туманной, мы пришвартовались к льдине, к тому же начался сильный ветер с SW и SSW.

Мы взобрались на лед и не могли достаточно надивиться на него: до такой степени странно он выглядел. Поверхность его была покрыта землей, и на ней мы нашли штук 40 яиц. Этот лед не был похож на другой, он имел лазурно-голубой цвет, как чистое небо. Поэтому среди нас возникли различные мнения: одни утверждали, что это лед, другие — что это смерзшаяся земля; потому что льдина очень высоко поднималась над водой, на глубине 18 саженей она сидела на дне и возвышалась над морем на 10 саженей²⁶¹. Мы оставались рядом с ней на протяжении всего шторма, при ветре с SWtW.

23 августа мы отошли под парусом от льдины и направились в море курсом на SO, но тотчас вновь наткнулись на лед и повернули к Ледяной гавани.

На следующий день, при порывистом ветре с NNW и сильном движении льда, нас обуял великий страх; ветер все крепчал и крепчал, а лед напирал все больше и больше, так что перо руля²⁶² и сам руль разломались на куски, а также между кораблем и льдом раздавило спущенную лодку, и мы не сомневались, что и сам корабль будет раздавлен.

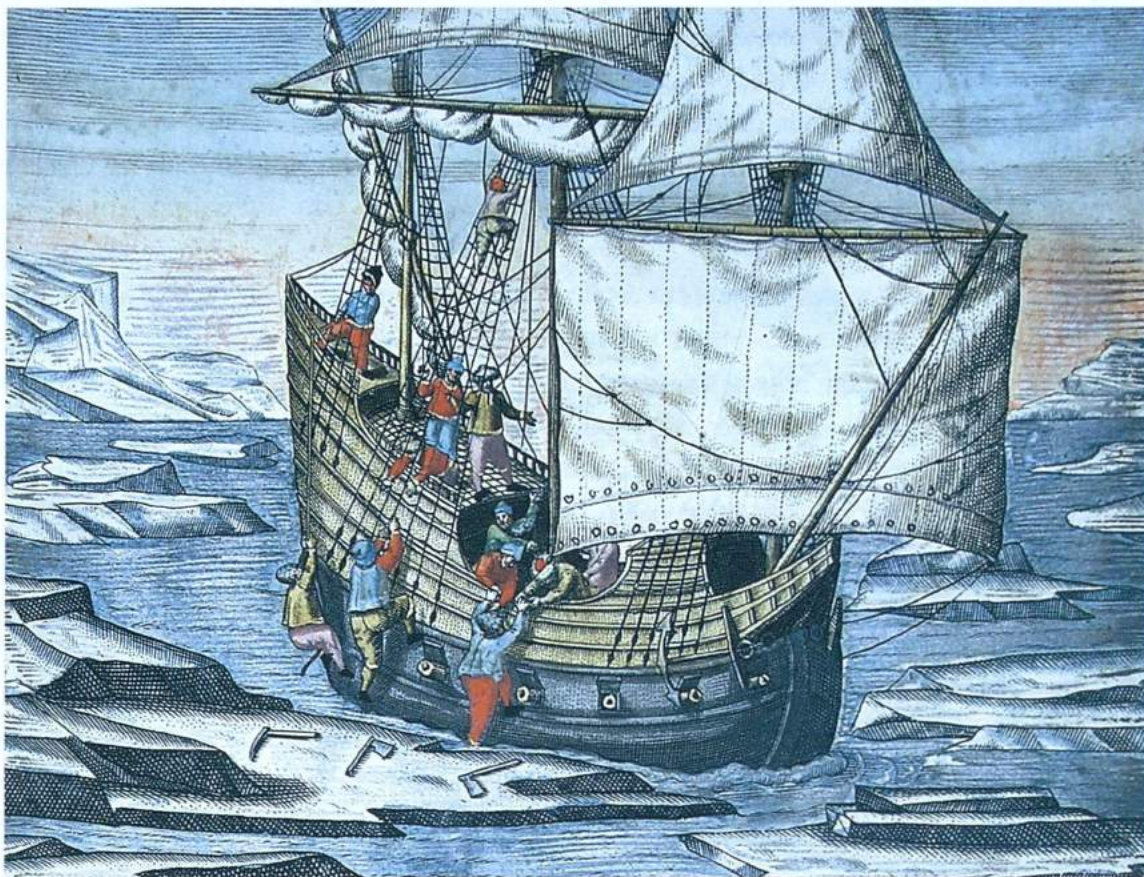
25 августа погода начала улучшаться; мы приложили много сил и труда, чтобы оттолкнуть лед, который нас настолько сковал, что все наши усилия были напрасны. Когда солнце было на SW, лед начало выносить течением, и мы решили направиться к югу, чтобы, обогнув Новую Землю с юга, пройти на запад через пролив Вайгач. Поскольку мы не нашли прохода на восток, хоть и обогнули Новую Землю²⁶³ мы отчаялись добраться до цели и решили вернуться домой. Однако, дойдя до залива Течений, мы должны были повернуть обратно из-за льда, который стоял там очень крепко; в эту ночь море стало замерзать, так что нам следовало поспешать, хотя ветер был слабый и дул с севера.

26 августа ветер усилился, и поэтому мы рассчитывали вернуться к мысу Желания и оттуда начать плавание домой, раз уж мы не смогли пробиться к проливу Вайгач. Но когда мы миновали Ледяную гавань, лед начал так сильно напирать, что сковал нас со всех сторон. Как мы ни старались продвинуться вперед, весь труд был напрасен. Мы чуть было не потеряли трех человек, которые спустились на лед, чтобы проделать проход для корабля, мы потеряли бы их, если бы лед продолжал двигаться в том же направлении. Но поскольку нас понесло обратно, как и их льдину, а у них были очень ловкие и сильные руки, то, когда их льдина оказалась около корабля, они схватились один — за канат, которым крепится большой парус, другой — за канат, прикрепленный к мачте, третий — за канат, свешивавшийся с кормы, и таким образом счастливо и ловко взобрались на корабль, за что от души благодарили Бога, потому что казалось, что их унесет на льдине. Но Господь Бог и сила их рук спасли их из смертельно опасного положения, смотреть на которое было ужасно: ведь не ухватись они руками, как сказано, они несомненно погибли бы.

В тот же день под вечер мы добрались до западной стороны Ледяной гавани²⁶⁴, где нам суждено было провести всю холодную зиму в великой нужде, в страданиях и тоске; ветер был ONO.

27 августа лед дрейфовал со всех сторон от корабля, погода была хорошая, и мы отправились на землю. Когда мы отошли от берега на порядочное расстояние, задул крепкий ветер SO,

Мы чуть было не потеряли трех человек, которые спустились на лед, чтобы проделать проход для корабля... Но когда их льдина оказалась около корабля, они схватились один — за канат, которым крепится большой парус, другой — за канат, прикрепленный к мачте, третий — за канат, свешивавшийся с кормы, и таким образом счастливо и ловко взобрались на корабль...

который погнал лед на наш корабль со стороны носа с такой силой, что нос поднялся вверх почти на четыре фута²⁶⁵, так что корма опустилась, как будто села задом на дно²⁶⁶, и казалось, что с кораблем уже все кончено. Поэтому находящиеся на корабле немедленно спустили на воду бок, чтобы спасти свою жизнь, и распустили флаг по ветру, подавая нам сигнал вернуться на корабль. Увидев развевающийся флаг и то, как поднялся корабль, мы поспешили изо всех сил к кораблю, полагая, что он уже треснул. Но когда мы пришли туда, то нашли все в более благоприятном состоянии, чем опасались.

28 августа лед немного отступил, и корабль стал опять выравниваться, но прежде чем он совсем выровнялся, Виллем Баренц вместе с другим штурманом подошли по льду к бугшприту²⁶⁷ посмотреть, в каком состоянии корабль и насколько он приподнят. Когда они, стоя на четвереньках, производили измерения, корабль треснул с таким громким звуком, что они подумали, будто пробил их последний час, и не знали, куда спрятаться.

...задул крепкий ветер, который погнал лед на наш корабль со стороны носа с такой силой, что нос поднялся вверх почти на четыре фута, так что корма опустилась, как будто села задом на дно...

29 августа, когда корабль вернулся в обычное положение, мы приготовили много орудий, железных фомок и других инструментов, чтобы ломать льдины, которые налезли одна на другую; но труд был напрасен, так что нам оставалось надеяться только на Бога, потому что лед не уходил, а только это помогло бы нам.

30 августа ледяные глыбы стали еще сильнее прежнего нагромождаться одна на другую у самого корабля, при мощнейшем ветре StW и густом снеге. Корабль был полностью окружен и сжат льдом, так что все стало трещать и раскалываться, и показалось, что он разламывается на сто частей; это было страшно и видеть и слышать; волосы вставали дыбом при таком пугающем зрелище. В эту опасную минуту (когда лед, до тех пор крепко сжимавший корабль с обеих сторон, прошел под его днище) корабль вытолкнуло вверх, как будто его подняло домкратом²⁶⁸.

31 августа лед опять понесло с огромной силой, и форштевень оказался торчащим надо льдом на 4 или 5 ²⁶⁹ футов, а корма находилась в трещине между льдинами. Поэтому мы думали, что руль не пострадает от движения льда, но льдины напирали с такой силой, что и руль то-

же разломался на части, вместе с пером. Если бы лед начал напирать со стороны кормы, то вся носовая часть целиком поднялась бы на лед или, возможно, уткнулась бы, наоборот, в дно, чего мы чрезвычайно боялись. Поэтому мы заранее спустили на лед наши шкоут и бок, чтобы спастись в случае беды. Но приблизительно четыре часа спустя лед сам собой ушел прочь, чему мы весьма обрадовались, как будто мы вернулись к жизни, оттого что корабль был снова на плаву. Потом, починив руль и его перо²⁷⁰, мы привесили их таким образом, чтобы в случае следующего сжатия во льду они были бы свободны.

СЕНТЯБРЬ 1596 г.

1 сентября, в воскресенье, во время нашей молитвы, лед начал снова напирать, так что корабль всем корпусом поднялся вверх на два фута, оставаясь, однако, целым. После полудня лед продолжал двигаться, и глыбы налезали одна на другую, так что мы приготовили все к тому, чтобы перетаскать лодки по льду на берег; ветер дул с SO.

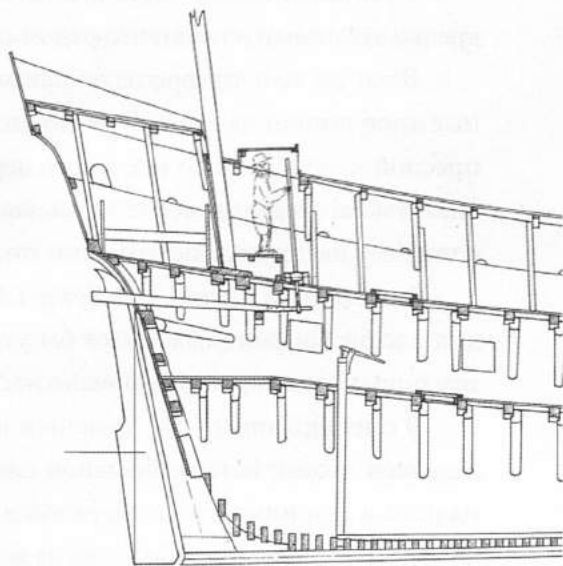
2 сентября валил густой снег при ветре с NO, корабль опять пришел в движение из-за движения льда, и он трещал так сильно, что мы сочли благоразумным, несмотря на непогоду, перетащить на берег шкоут с тринадцатью бочками хлеба и двумя бочонками вина, чтобы иметь пропитание в случае беды.

3 сентября ветер, дувший с NNO, оставался таким же сильным, но снег шел не так густо. Лед, к которому был прижат корабль, снова стал напирать и толкать, так что оторвал основание кормы от ахтерштевня*, но доски, которыми был обшит

корабль, еще удерживали эту корму, так что она продолжала висеть на досках. Под страшным напором льда сломалась в щепки также якорная балка с новым канатом, которым мы были привязаны ко льду; но канат все равно остался на месте, так как полностью вмерз в лед. То, что корабль все еще оставался целым, было удивительно, поскольку лед напирал со страшной силой, по морю двигались настоящие горы льда размером с Соляные горы в Испании²⁷¹; они шли на расстоянии всего лишь ружейного выстрела от корабля, и нас в таком окружении охватил великий страх.

4 сентября ветер начал утихать, опять показалось солнце, но все еще было холодно, ветер дул с NO и нам пришлось оставаться на месте.

5 сентября солнце светило ярко, погода была тихая. После ужина лед опять стал напирать, и так мощно нас сжал, что корабль начал сильно ложиться на один бок и при этом основательно

*Ахтерштевень—задняя оконечность корабля в виде жёсткой балки или рамы сложной формы, на которой замыкаются вертикально киль судна, борт, обшивка судна и набор. К ахтерштевню подвешивается руль. Происхождение от голландских слов: *achter*—задний и *stev*—стояк.

пострадал, но по милости Божьей он все еще оставался целым. Мы очень боялись, что корабль погибнет — такой страшной опасности он подвергался. В таком ужасном положении мы сочли благоразумным отнести на землю наш старый парус с фок-мачты²⁷² с порохом, свинцом, ружьями, мушкетами и другим оружием и соорудить около нашего шкюута, который мы уже раньше стащили на землю, палатку. Мы взяли также хлеб, вино и плотничьи инструменты, чтобы починить наш бок, если он в нашем тяжелом положении нам понадобится.

6 сентября погода опять была неплохая и тихая, солнце светило ярко, ветер дул западный, так что мы несколько ободрились, надеясь, что лед уйдет и мы выберемся.

7 сентября погода была неплохая, но мы нигде не видели открытой воды и оставались так крепко зажатými во льду, что рядом с кораблем невозможно было бы зачерпнуть даже ведро воды.

В тот же день пятеро из нашей команды отправились на сушу, но двое вернулись, а остальные трое пошли дальше. Они прошли несколько миль прочь от берега и нашли там реку²⁷³ с пресной водой, а около нее много дерева, принесенного туда по морю²⁷⁴ (плавника). Они заметили также следы оленей и лосей, как они полагали, так как следы были от раздвоенных копыт, одни больше других; потому они так и решили.

8 сентября дул сильный ветер с ONO — т.е. точно противоположный тому, который был бы для нас благоприятным и мог бы угнать лед; так что льда вокруг нас становилось чем дальше тем больше, что крайне огорчало нас.

9 сентября опять дул ужасный ветер с NO с легким снегом, и наш корабль был полностью задавлен льдом: ветер с бешеной силой гнал лед на корабль, так что вокруг образовалась стена льда в три или четыре фута высотой. Кормовая надстройка, оторвавшаяся от ахтерштевня, ломалась все больше и больше; да и весь корабль начал мало-помалу расшатываться, но все же большой беды еще не было.

Ночью очень близко к кораблю подошли два медведя, но мы дули в трубы и стреляли в них из ружей (мы не попали в них, так как было темно), и этим напугали их, и они ушли.

10 сентября погода немного улучшилась, так как немного ослаб ветер, дувший с того же направления.

11 сентября стояла тихая погода, и восемь человек из нас отправились на берег, хорошо вооруженные, чтобы проверить, правильно ли сообщили те трое, что у реки лежит много дерева. Дело в том, что после столь долгих и разнообразных блужданий, когда мы то попадали в лед, то выбирались из него, постоянно меняя курс, мы видели теперь, что не можем выйти из льда и крепко засели в нем, и уже не высвободимся, как бывало раньше, а между тем осень и зима были уже близко; поэтому настоятельная нужда заставила нас искать выход, как лучше всего поступить в данных обстоятельствах, чтобы провести здесь зиму, ожидая, какие еще приключения уготовит нам Господь Бог. Мы пришли к заключению, что для защиты от холода и диких зверей надо построить дом и жить в нем с возможными удобствами, а в остальном положиться на волю Божью. Для этого мы и отправились посмотреть, какие в этой местности имеются возможности, и поискать удобное место для постройки дома; строительного материала у нас было очень

немного, так как на этой земле не росло деревьев или других растений, пригодных для постройки. Но так как крайняя нужда заставляла что-то делать, некоторые из наших ушли вглубь суши, прочь от берега моря, поискать место, удобное для дома, и вообще посмотреть, не подвернется ли им что-нибудь полезное. Нас ждала неожиданная и счастливая случайность: на морском берегу мы нашли несколько лежащих деревьев с корнями, о которых нам уже раньше рассказывали наши трое товарищей. Эти деревья занесло сюда морем из Тартарии или из Московии, или еще откуда-нибудь из какой-либо другой страны, потому что там, где мы были, не растет никаких деревьев. Этой счастливой случайности (словно посланной нам Богом) мы чрезвычайно обрадовались, надеясь, что Бог и в дальнейшем будет даровать нам свою милость. Деревья послужили нам не только для постройки дома, но и как топливо, которым мы обогревались в течение всей той зимы; иначе без сомнения нам всем суждено было бы погибнуть из-за сильнейшего холода.

12 сентября погода была тихая, и наши люди отправились в другую сторону поискать деревьев где-нибудь поближе, но нашли совсем немного.

13 сентября погода была тихая, но очень туманная, и мы не могли ничего делать, так как при тумане было очень опасно идти на землю из-за медведей, которых мы не сможем вовремя увидеть, а они нас учуют, потому что обоняние у них сильнее зрения.

14 сентября день был ясный и солнечный, но очень холодный. Мы отправились на сушу и сложили деревья в большую кучу, чтобы их не занесло снегом и чтобы мы потом смогли доставить их на то место, где собирались строить дом.

15 сентября, в воскресенье, на рассвете, когда один из нас стоял на вахте, он увидел приближающихся трех медведей; один из них лег за ледяной глыбой, два другие направились к кораблю, и мы приготовились стрелять. На льду стоял чан с мясом²⁷⁵, выставленный, чтобы мясо вымочилось (так как рядом с кораблем не было воды), и один медведь сунул голову в кадку, чтобы вытащить кусок мяса, но — не воруй собака колбасу! — ему прострелили голову, и он упал замертво и больше не шевельнулся. Тут мы увидели удивительное зрелище: второй медведь остановился и долго смотрел на своего товарища, словно удивляясь, почему тот лежит неподвижно, он обнюхал его, и когда увидел, что тот лежит мертвый, то в конце концов ушел. Но мы продолжали следить за ним, не вернется ли он, и держали наготове оружие — алебарды и ружья. В конце концов медведь направился к нам, так что мы встали наизготовку, и когда медведь поднялся на задние лапы для нападения и стоял, вытянувшись, один из наших выстрелил ему в живот, так что он снова упал на четвереньки и убежал с громким ревом. Убитому медведю мы вспороли живот и выпотрошили, а затем поставили на четыре лапы и заморозили, чтобы отвезти его в Голландию, если удастся высвободить корабль. Поставив медведя на лапы, мы начали делать сани, чтобы возить лес на то место, где собирались строить дом. В это время соленая вода в море замерзла почти на два пальца толщиной; было очень холодно, дул ветер NO.

16 сентября светило яркое солнце, но под вечер стало туманно; ветер O. В этот день мы в первый раз поехали за лесом и перевезли четыре бревна на санях по льду, а дальше по снегу на расстояние около одной мили²⁷⁶. В ту ночь вода²⁷⁷ снова замерзла на два пальца толщиной.

На льду стоял чан с мясом, ...и один медведь сунул голову в кадку... второй медведь остановился... медведь поднялся на задние лапы для нападения и стоял, вытянувшись, один из наших выстрелил ему в живот...

17 сентября мы в количестве тринадцати²⁷⁸ человек отправились возить лес на двух санях; десятеро, по пять человек, тянули сани, а трое оставались у деревьев, чтобы обрубить все лишнее со стволов, потому что тогда будет легче везти. Обычно мы за день делали две поездки и сваливали лес в кучу в том месте, где собирались строить дом.

18 сентября дул западный ветер, но шел густой снег, и мы опять отправились на обычную работу по перевозке леса к дому. После полудня светило солнце и было тихо.

19 сентября было снова тихо и ярко светило солнце; мы возили на двух санях лес на расстояние в шесть тысяч шагов, по две возки в день.

20 сентября мы также сделали две поездки на санях; было туманно и тихо.

21 сентября было туманно, но после полудня прояснилось; лед по морю все еще несло, хотя уже не так сильно, как раньше. Стало страшно холодно, так что мы перенесли наш камбуз в нижнюю часть корабля, в трюм, так как наверху все замерзло.

...мы в количестве тринадцати человек отправились возить лес на двух санях; десятеро, по пять человек, тянули сани, а трое оставались у деревьев, чтобы обрубить все лишнее со стволов...

22 сентября стояла солнечная погода и было тихо, но очень холодно, ветер W.

23 сентября мы возили лес для постройки дома, за день сделали две ездки. Было туманно и тихо, ветер O и ONO. В этот день, когда мы после работы вернулись на борт корабля, скончался наш плотник; он был родом из Пурмеренда²⁷⁹.

24 сентября мы похоронили его под камнями в расщелине горы около реки, так как не могли раскопать землю из-за сильного мороза и холода²⁸⁰. В этот день мы сделали на наших санях две ездки за лесом.

25 сентября погода была темная, ветер дул с W, WSW и SW; море стало немного открываться, и лед начало относить, но это продолжалось недолго: продвинувшись на расстояние артиллерийского выстрела, лед остановился и сел на грунт на глубине трех саженей; там, где стоял наш корабль, лед не двигался²⁸¹, и корабль оставался окружен льдом. Если бы мы стояли в открытом море, то могли бы поднять паруса и уплыть, хотя время года было очень позднее.

В этот день мы сколотили остов нашего дома, и работали изо всех сил. Если бы наш корабль освободился из льдов, мы оставили бы постройку и починили бы ахтерштевень, чтобы быть готовыми к отплытию при первой же возможности. Уж очень нас тяготила та мысль, что здесь придется провести зиму, которая, как мы хорошо знали, будет очень тяжелой, но поскольку никакой надежды не оставалось, надо было, как говорится, не падать духом в беде, и покорно ожидать, какой выход нам пошлет Бог.

26 сентября ветер дул W, море было чисто, но наш корабль тем не менее оставался скованным льдом. Это доставляло нам больше горя, чем радости, но такова была Божья воля, с которой надо было смириться, и мы начали обшивать дом. Часть наших людей подвозила дрова, другая часть была занята постройкой. Нас оставалось еще 16 человек, так как наш плотник умер, но и из этих шестнадцати один все время болел.

27 сентября подул резкий ветер с NO и был такой мороз, что когда мы держали во рту гвоздь (как это принято у плотников), он примерзал к губам, и когда вынимали его из рта, то шла кровь. В этот же день к нам приблизилась старая медведица с детенышем, и когда мы все вместе направлялись к нашей стройке (ходить в одиночку мы боялись), то пошли было на нее, чтобы выстрелить, но она убежала. Лед опять начал наступать, день был ясный и солнечный, но такой холодный, так что мы с большим трудом могли заниматься нашей работой, и только крайняя необходимость заставляла нас продолжать.

28 сентября день был ясный и солнечный, ветер дул западный и несильный, в море видно было открытую воду, но наш корабль прочно сидел во льду. В этот день к кораблю подошел медведь, но, увидев нас, убежал, а мы продолжали строить дом.

29 сентября утром был западный ветер, а после полудня восточный. Между кораблем и домом появились три медведя: старый и два молодых²⁸². Мы тащили вещи от корабля к стройке и собирались пройти мимо медведей, но они все шли на нас, а мы не хотели из-за них сворачивать с дороги и принялись громко кричать, чтобы их напугать, но они не отступили и шли все так же прямо на нас. Тогда мы и те, кто был занят постройкой дома, подняли сильный шум, и медведи, услышав его, пустились наутек, о чем мы несколько не жалели.

30 сентября ветер был с OSO, всю ночь и весь день шел густой снег, так что наши люди не могли возить лес — так густо он валил с неба и таким толстым слоем лежал на земле. Мы разложили около дома большой костер, чтобы земля под ним растаяла, потому что хотели обложить ею низ дома, чтобы не было щелей. Но наш труд оказался напрасен; земля оказалась такой твердой и так глубоко промерзла, что никак не оттаивала, либо надо было бы потратить слишком много дров. Поэтому мы отказались от нашей затеи.

ОКТАБРЬ 1596 г.

1 октября дул очень сильный ветер с NO, а после полудня с N, потом поднялся шторм и началась метель, так что идти против ветра было очень трудно, трудно было даже дышать; снег так сыпал в лицо, что ничего не было видно на расстоянии, равном длине двух или трех кораблей.

2 октября до полудня светило солнце, а после полудня небо стало опять пасмурным и пошел снег, но погода была тихая; сперва дул ветер N, потом S. Мы закончили постройку каркаса для дома и поставили на нем майское дерево²⁸³, сделанное из заледеневшего снега.

3 октября до полудня было тихо и ясно, но нестерпимо холодно. С полудня подул сильный ветер W, принесший такую стужу, что, если бы она продолжалась, пришлось бы прекратить работу.

4 октября дул ветер W, а с полудня сильный N, принесший густой снег, что опять помешало нам работать. В это время мы зацепили еще один якорь о лед, чтобы лучше закрепить корабль, так как он находился уже всего на расстоянии выстрела из лука от открытой воды, так сильно отступил лед.

5 октября дул сильный ветер NW, и море было все свободно от льда, насколько хватало глаз, но наш корабль оставался все так же намертво вмерзшим, как и раньше. Он сидел во льду, вышавшимся на 2 или 3 фута, и единственное, что мы могли предположить, - это то, что под нами все промерзло до самого дна, а глубина здесь была 4 1/2 фута²⁸⁴.

В тот же день мы разобрали нижний настил в передней части корабля, и этими досками обшили дом; крышу сделали в середине повыше для стока воды, и в этот же день почти закончили работу. Холод был все такой же лютый.

6 октября все еще дул сильный ветер W и SW, но к вечеру он сменился на WNW с сильной метелью, так что никто не решался высунуть голову за дверь из-за страшного холода.

7 октября погода была довольно хорошая, но очень холодная, и мы конопатили и заделывали стены, и разобрали настил в задней части корабля, чтобы полностью обшить дом. Ветер в этот день все время менял направление.

8 октября. В предшествующую ночь и весь этот день был такой сильный ветер и шел такой снег, что казалось, будто задохнешься, если выйдешь наружу; никто не смог бы даже пройти расстояние, равное длине корабля, даже если бы от этого зависела его жизнь; находиться вне корабля или вне дома было невыносимо.

9 октября дул сильнейший ветер N с таким же густым снегом, как и накануне; дул он с суши, и мы из-за такой резкой погоды весь день оставались в корабле.

10 октября утром погода стала мягче, и ветер, дувший с SW и WSW, начал успокаиваться. Вода поднялась почти на два фута выше обычного, что, по нашему мнению, было вызвано сильным северным ветром, который недавно здесь дул.

В этот же день погода стала еще лучше, так что мы рискнули сойти с корабля. И случилось так, что когда один из наших вышел, ему навстречу вдруг попался медведь, с которым он чуть было не столкнулся раньше, чем его заметил. Наш товарищ тотчас побежал назад к кораблю, а медведь за ним, и преследовал его до того самого места, где мы несколько недель назад убили медведя, которого мы тогда поставили на лапы и заморозили; его потом занесло снегом, но одна лапа торчала из сугроба. Подойдя к этому месту, преследовавший медведь остановился. Благодаря этому наш товарищ добрался до корабля и стал кричать в страхе: «Медведь, медведь!» Услышав его крик, мы вышли на палубу, чтобы стрелять в медведя, но наши глаза почти ничего не видели из-за постоянного дыма, который мы все то время вынуждены были выносить, заключенные в корабле из-за суровой погоды; этот дым невозможно было бы вытерпеть ни за какие деньги, но сильный мороз и метель заставили нас; иначе мы бы не остались в живых, потому что на палубе несомненно умерли бы от стужи. Медведь не долго оставался на месте и неожиданно ушел. Ветер был NO.

В тот же день под вечер погода стала хорошая; мы вышли с корабля и отправились к дому, и отнесли туда уже большую часть нашего хлеба.

11 октября был штиль, ветер дул с S, стало довольно тепло. Мы снесли на берег вино и прочие запасы. Но пока мы были заняты выгрузкой вина, медведь, который лежал за льдиной (может быть, его разбудили наши крики), подошел к кораблю. Мы, правда, видели, как он лежал, но приняли его за льдину. Когда он стал приближаться к нам, мы выстрелили в него, но он ушел, и мы продолжали свою работу.

12 октября ветер был N и временами W. Половина наших отправилась в дом и там впервые провели ночь, но они страдали при этом от сильного холода, так как еще не были сделаны койки и не хватало одеял. Кроме того, невозможно было долго топить, потому что еще не оборудовали дымоход, из-за чего дым страшно ел глаза.

13 октября опять поднялся сильнейший ветер с N и NW. Мы втроем отправились на корабль и погрузили на сани пиво. Однако, когда мы его уже погрузили и хотели везти к дому, неожиданно поднялся такой сильный и холодный ветер, что нам пришлось вернуться на корабль, так как оставаться под открытым небом было невыносимо, но не могли и перенести пиво обратно в корабль, и потому бросили его на санях. На корабле нам было страшно холодно из-за нехватки одеял.

14 октября, сойдя с корабля, мы нашли бочку пива, оставленную на санях (а это была гигантская бочка), с лопнувшим от мороза дном. Но пиво, которое вытекло, замерзло и так крепко пристало ко дну бочонка, как будто его приклеили прочным клеем. Мы привезли эту бочку пива к дому и поставили стоймя, и прежде чем пить, растопили пиво, так как незамерзшего пива в бочонке

было совсем мало, и в этой влаге собралась вся сила напитка, так что из-за крепости его нельзя было пить; а то, что замерзло, оказалось безвкусным, как вода, и когда замерзшая часть растаяла, мы смешали одно с другим и так пили, но напиток получился очень слабый и безвкусный.

15 октября ветер дул с N, а также с O и OSO, погода была тихая. В этот день мы подготовили место для устройства сеней, убрав снег лопатами.

16 октября ветер дул с SO и S, погода была ясная и тихая. Накануне ночью на корабль забрался медведь, но с рассветом ушел, заметив людей. В этот день мы разобрали каюту, чтобы использовать доски для сеней, которые начали строить.

17 октября ветер дул с S и SO, было тихо, но очень холодно; в этот день мы также строили сени.

18 октября дул крепкий ветер с O и SO. Мы достали из шкоута, вытащенного на берег в начале сентября, хлеб, а также вино; оно не очень замерзло, хотя и пролежало здесь шесть недель, причем мороз часто бывал очень силен.

В этот день мы опять видели медведя. Море полностью замерзло, так что нигде не видно было открытой воды.

19 октября ветер дул с NO. На корабле находились всего двое взрослых мужчин и один юноша. В это время появился медведь, который хотел силой забраться на корабль, хотя мужчины кидали в него поленьями, тем не менее, он устрашающе наступал на них, так что они чрезвычайно испугались и бросились спасать свою жизнь, кто как мог: двое спрыгнули в трюм, а мальчик залез на ванты фок-мачты²⁸⁵. Тем временем некоторые из наших товарищей пошли от дома к кораблю, и медведь, увидев это, хотел наброситься и на них, но они выстрелили в него из мушкета, после чего он ушел прочь.

20 октября, при тихой и солнечной погоде, мы опять заметили в море открытую воду. В это время мы пришли на корабль взять остальное пиво и обнаружили, что несколько бочек лопнули от мороза, и даже железные обручи на гигантских бочках с иопенским пивом также лопнули от мороза.

21 октября стояла тихая погода и светило солнце. Большую часть нашей провизии мы уже перенесли с корабля в дом.

22 октября, при сильном ветре с NO, снег шел такой густой, что за порогом дома было невыносимо.

23 октября была тихая погода, ветер с NO. Мы отправились на корабль узнать, не захотят ли другие наши товарищи перебраться с корабля в дом; но они боялись, что снова поднимется сильный ветер, и не рискнули пуститься в путь с больным и еще на день остались там, так как больной был очень хил и слаб.

24 октября все остальные члены команды числом восемь человек перешли в дом, перевезя больного на санях. Мы с большим трудом перетащили к дому также плоскодонный бок с нашего корабля и перевернули его вверх дном, чтобы в будущем (если с Божьей помощью переживем зиму) воспользоваться им для обратного пути. Затем видя, что корабль по-прежнему прочно сидит во льду, и нет оснований ожидать, что море вскрыется, мы подняли на корабль якорь, чтобы

не потерять его под снегом, так как он еще мог нам пригодиться летом; мы все еще надеялись на Бога, что Он поможет нам каким-нибудь способом вернуться летом домой.

Поскольку солнце (самое высокое и прекрасное, что мы здесь видели) светило все меньше и меньше, мы прилежно каждый день перевозили на санях в дом разное добро, как еду и питье, так и необходимые вещи. Ветер был N.

25 октября мы отправились на корабль забрать все снасти, которые могли понадобиться для наших шкоута и бока. Когда мы уже нагрузили последние сани и впряглись в них, чтобы тащить их к дому, наш шкипер обернулся еще раз и увидел, что из-за корабля к нам идут три медведя. Он тотчас стал очень громко и страшно кричать, чтобы испугать их, а мы немедленно скинули с себя веревки (из-за этой неожиданной опасности, надвигавшейся на нас), чтобы защищаться как можно лучше. К счастью, на санях лежало две алебарды, одну из них взял шкипер, вторую я, чтобы дать посильный отпор; остальные же со всех ног бросились к кораблю. При этом бегстве один из них упал в трещину во льду; это было страшное зрелище, так как мы думали, что медведи кинутся к нему и сожрут его. Но Бог послал счастье, и медведи устремились к кораблю, за теми, кто убежал на корабль. Между тем мы воспользовались случаем и вместе с упавшим в трещину обошли корабль со стороны носа и безопасно взошли на него. Медведи, увидев, что мы трое от них ускользнули, в великой ярости подошли к кораблю; а у нас не было другого оружия, кроме двух упомянутых алебард, и так как мы на них не очень полагались, то пытались отбиться от медведей, бросая в них дрова и другие предметы, после чего они всякий раз снова возвращались к кораблю, как собаки, в которых бросают камнями. Между тем мы послали одного из наших в трюм, чтобы в камбузе высечь огонь, а другого за пиками, спрятанными под палубой; но высечь огонь не удалось, так что мы не могли стрелять. Поскольку медведи вновь и вновь бесстрашно нападали на нас, мы бросили алебарду одному в морду, так что он отошел от корабля, чувствуя, что ранен, и медленно двинулся прочь. Увидев это, ушли и другие двое, которые были меньше него размером; мы же поблагодарили Бога за то, что таким образом избавились от них, и спокойно повезли сани к дому и рассказали там, что с нами было.

26 октября ветер дул с N и NNW, погода была неплохая; мы видели открытую воду очень близко к берегу, но около корабля лед лежал по-прежнему крепкий.

27 октября, при ветре NO, шел такой густой снег, что на улице невозможно было работать. В тот день наши люди застрелили белого песца; сняв с него шкуру, мы поджарили и съели его мясо и нашли, что по вкусу он напоминает кролика. В тот же день мы наладили наши настенные часы, так что они стали бить. Мы заправили также светильник жиром, чтобы он нам светил ночью; для этого мы взяли растопленное медвежье сало и налили его в светильник.

28 октября, при ветре с NO, наши вышли за дровами, но поднялась такая сильная буря с пургой, что они вынуждены были вернуться. Под вечер погода стала лучше, и трое из наших отправились к медведю, которого в свое время поставили на лапы и заморозили, они хотели вырвать его зубы, но медведь оказался полностью засыпан снегом, притом внезапно опять поднялись такая метель и буря, что люди вынуждены были поспешно вернуться домой; добрались

...наш шкипер обернулся еще раз и увидел, что из-за корабля к нам идут три медведя. К счастью, на санях лежало две алебарды, одну из них взял шкипер, вторую я, чтобы дать посильный отпор; остальные же со всех ног бросились к кораблю. При этом бегстве один из них упал в трещину во льду...

они с трудом, потому что почти ничего не было видно, вследствие чего они едва не сбились с дороги, проложенной нами, еще чуть-чуть и им пришлось бы провести всю ночь под открытым небом на морозе.

29 октября дул ветер с NO. Мы привезли с берега на санях мелкие камни и засыпали ими парус, который лежал поверх дома, чтобы сделать крышу более плотной и лучше утеплить жилище, так как доски на крыше не были как следует пригнаны, поскольку плохая погода помешала нам пригнать их.

30 октября все еще дул NO, и солнце совершало свой путь очень близко к земле, чуть выше горизонта.

31 октября продолжался тот же ветер с метелью, так что мы не рисковали высунуть нос из дома.

НОЯБРЬ 1596 г.

---

1 ноября ветер дул с NO, и когда начинало темнеть, мы видели, как на востоке восходит луна, а солнце немного поднялось еще над горизонтом, так что мы могли бы его увидеть, но в тот день мы его не видели из-за пасмурной погоды и сильного снегопада. Холод был жестокий, так что в этот день мы ничего не могли делать вне дома.

2 ноября дул ветер W с отклонением к S, а вечером N, чередующийся со штилем. В этот день мы увидели, как солнце взошло на SSO и зашло на SSW. Оно взошло не полным диском, но прошло вдоль земли у горизонта. В этот день мы убили песца, бросив в него топор, сняли с него шкуру, зажарили и съели. До сих пор мы не видели ни одного песца: они появились только теперь, когда начало исчезать солнце, и вместе с ним ушли прочь медведи.

3 ноября ветер дул NW, погода была тихая, солнце взошло на StO (даже несколько южнее) и зашло на StW (тоже немного южнее); над горизонтом недолго была видна только верхняя его часть, хотя место, на котором мы стояли, когда измеряли положение солнца, было на такой же высоте, как марс нашего корабля²⁸⁶. И солнце было тогда в $11^{\circ}48'$ Скорпиона²⁸⁷, а склонение его было $15^{\circ}24'$ к югу от линии небесного экватора.

4 ноября погода была тихая. Солнца уже не было видно, так как оно больше не поднималось над горизонтом²⁸⁸. Наш лекарь велел устроить из винной бочки ванну для согревания в теплой воде, мы все садились в нее по очереди и чувствовали, что это очень содействует укреплению нашего здоровья. В тот же день мы поймали белого песца, песцы начали постепенно появляться, хотя раньше их не было, но поскольку медведи с исчезновением солнца ушли от нас и не возвращались до самого появления солнца, во время их отсутствия пришло много полярных лис.

5 ноября ветер был N, несколько отклонявшийся к W. Мы видели в море много открытой воды, но наш корабль оставался прочно зажатый льдом; и когда солнце нас покинуло, мы видели луну, не заходившую ни днем, ни ночью²⁸⁹, так как она была в своем наивысшем подъеме.

6 ноября ветер дул с NW, погода была тихая. Наши люди привезли сани с дровами, но, так как солнце исчезло, было очень темно.

7 ноября стояла пасмурная и тихая погода, ветер W. Было трудно отличить день от ночи, тем более, что в это время остановились наши часы, и поэтому мы думали, что день еще не наступил, когда на самом деле он уже начался. Наши люди вставали в этот день из своих коек только для того, чтобы опорожнить мочевого пузыря, а потому не знали, видят ли они дневной

свет или свет луны. Так что мнения разделились: одни утверждали, что это свет дневной, другие — что ночной. Но когда мы разобрались, то оказалось, что уже середина дня.

8 ноября была тихая погода, ветер S и SW. Наши люди опять привезли сани дров, а потом мы поймали песка и видели в море много открытой воды. В этот день мы разделили на всех хлеб: каждый получил на восемь дней 4 фунта 10 унций²⁹⁰. Таким образом, каждый бочонок хлеба мы стали растягивать на восемь дней, тогда как раньше его хватало на 5 или 6 дней. Делить же мясо и рыбу еще не было необходимости. Напитков не хватало, поэтому их пришлось собрать вместе и разделить между всеми. Пиво, которое у нас еще осталось, все промерзло и утратило силу, так что стало совсем слабым и безвкусным, к тому же значительная его часть и вовсе пропала.

9 ноября ветер дул NO, с отклонением к N. Дневного света было совсем немного, так что было очень темно.

10 ноября погода стояла тихая, ветер NW. Наши люди отправились на корабль посмотреть, как там дела, и обнаружили, что в корабль попало много воды, которая стояла поверх балласта; но так как вода замерзла, ее невозможно было выкачать помпой.

11 ноября погода была неплохая, ветер NW. В этот день мы сделали ловушку для песцов из обруча с надетой на него сетью, сплетенной из нитей каната, и установили ее так, чтобы она падала на песка, который под ней окажется. В этот день мы поймали одного песца.

12 ноября дул восточный ветер, небо было облачное. В этот день мы начали распределять и вино, в день по два стаканчика на человека, а помимо вина приходилось пить воду, мы топили снег, принесенный с улицы.

13 ноября была очень плохая погода и сильная метель, ветер O.

14 ноября была хорошая ясная погода, небо оставалось чистым, со множеством звезд; ветер O.

15 ноября было темно, ветер NO, небо закрыто тучами.

16 ноября была тихая погода, небо слегка затянуто облаками, ветер O.

17 ноября было темно, небо закрыто тучами; ветер O.

18 ноября погода была плохая, ветер SO. Шкипер разрезал тюк грубой шерстяной материи и раздал всем, кому сколько нужно, для защиты от холода.

19 ноября погода была бурная, ветер O. Мы открыли сундук с полотном, и разделили его между членами команды на рубашки, потому что время было такое, что следовало использовать все средства для поддержания тепла.

20 ноября стояла хорошая и тихая погода, ветер O. Мы постирали наши рубашки; но был такой холод, что когда мы их выстирали и отжали, то они сразу замерзли и стали как деревянные, а когда мы положили их у большого огня, они оттаивали только с одной стороны, а с другой, не обращенной к огню, оставались замерзшим. Они бы сломались, если бы мы начали их разнимать, и мы бросили их снова в кипящую воду, чтобы они оттаяли, такой сильный был холод.

21 ноября погода была неплохая, ветер NO. Тогда было принято решение, что все поочередно будут колоть дрова, чтобы освободить от этой работы кока, который и без того был достаточ-

но занят приготовлением пищи дважды в день и растапливанием снега для питья; от этой работы были освобождены только шкипер и штурман²⁹¹.

22 ноября ветер дул с SO при ясной погоде. У нас оставалось еще 17 кругов сыра из коровьего молока, один из них мы съели за общим столом, а остальные раздали каждому человеку по одному кругу, чтобы каждый сам решал, как его растянуть.

23 ноября погода была довольно хорошая, ветер с SO. Так как песцов стало появляться больше, чем прежде, мы воспользовались этим и сделали ловушки из толстых досок: на доски мы положили камни, а по краям глубоко вбили еловые стволы, чтобы песцы не могли прокопать себе проход снизу. В эти ловушки мы сразу поймали несколько песцов.

24 ноября была скверная резкая погода, ветер NW. Мы опять все приготовили для приема горячей ванны, так как некоторые очень ослабли. Четверо из нас приняли ванну, а когда мы вышли, то лекарь дал нам слабительного, которое нам чрезвычайно помогло. В этот день мы поймали четырех песцов.

25 ноября стояла хорошая ясная погода, ветер W. В этот день в одну из устроенных нами ловушек попало два песца.

26 ноября погода была суровая, при штормовом ветре SW; бушевала буря и страшная пурга, дом почти полностью засыпало снегом, так что невозможно было выйти, и мочиться и испражняться приходилось в доме.

27 ноября день был ясный, ветер SW. Мы сделали еще несколько ловушек для песцов, так как эту возможность надо было использовать в полной мере, песцы нам очень пригождались в пищу, их словно Бог послал нам в нашем тяжелом положении, потому что еды у нас оставалось немного.

28 ноября опять была ненастная погода с сильной бурей с N и страшной метелью, так что мы снова оказались совершенно заперты в доме и не могли выйти, так как все двери были завалены снегом.

29 ноября день был ясный и небо светлое, ветер N. Мы разгребли лопатами снег у двери и смогли ее свободно открыть. Выйдя на улицу, мы обнаружили, что все установленные нами ловушки завалены снегом. Мы выкопали их и опять установили для ловли песцов, причем одного поймали в тот же день; он пригодился нам не только для еды, из его шкуры мы сделали шапки, хорошо закрывавшие голову и защищавшие нас от сурового мороза.

30 ноября погода стояла хорошая и ясная, ветер дул с W. Когда Стражи (две звезды Малой Медведицы) находились на SW, что по нашим оценкам было приблизительно в полдень, мы отправились вшестером, хорошо вооружившись, к кораблю, чтобы посмотреть, как обстоят с ним дела; придя на корабль, мы поймали под палубой живого песца.

ДЕКАБРЬ 1596 г.

1 декабря погода была скверная, ветер SW и сильная метель, так что дом снова оказался совершенно завален снегом, из-за чего дым не уходил в дымоход и ел нам глаза, Мы перестали топить и большую часть дня пролежали в койках, но потом кок все же развел огонь, чтобы приготовить еду.

2 декабря погода была такой же скверной, и мы по-прежнему оставались дома. Мы не могли сидеть у огня, потому что дым от него был нестерпим, так что большей частью по-прежнему лежали в койках. Потом мы разогрели несколько камней и положили их другим, остававшимся в койках, чтобы согреть им ноги; холод и дым были невыносимы.

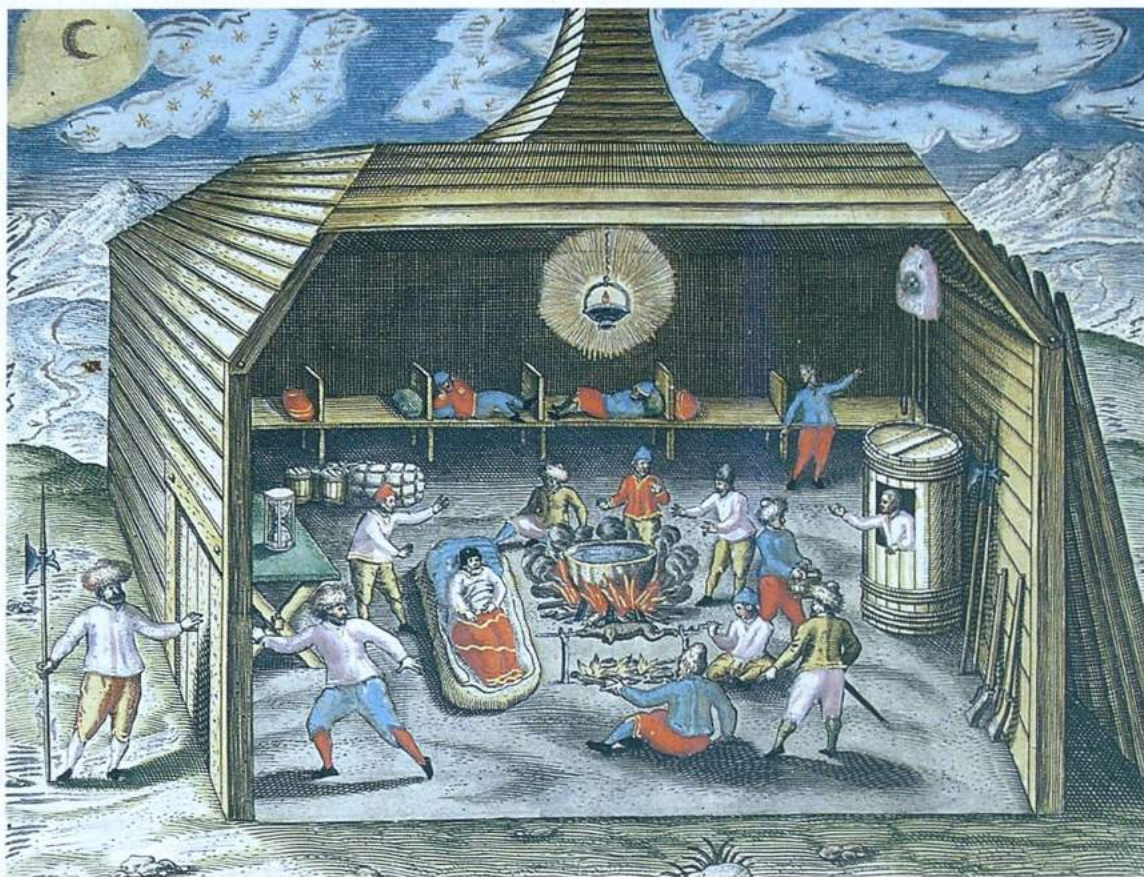
3 декабря оставалась такая же скверная погода. Лежа в койках, мы слышали страшный треск льда на море, находившемся от нас приблизительно в полумили. Грохот был ужасающий, и мы решили, что это передвигаются и сталкиваются огромные ледяные горы, которые, как мы видели летом, были толщиной во много сажений. Так как в те два или три дня мы топили меньше, чем раньше, из-за едкого дыма, то в дом проник такой резкий холод, что потолок и стены покрылись льдом в два пальца толщиной: почти то же было и с койками, в которых мы лежали. В эти три дня, когда мы из-за непогоды не могли выходить на улицу, мы пустили в ход песочные часы²⁹² на двенадцать часов: как только весь песок пересыпался, мы их переворачивали и внимательно следили за этим, чтобы не сбиться в счете времени. Холод был настолько силен, что стенные часы также замерзли и остановились, хотя мы привесили к ним груз больше обычного.

4 декабря было ясно и дул ветер с N. Мы начали поочередно откидывать снег, который завалил дверь. Поскольку мы видели, что нам придется очень часто заниматься этим делом, то постановили делать это по очереди, не исключая никого, кроме шкипера и штурмана.

5 декабря погода опять была ясная и хорошая, дул ветер с O. Мы снова очистили от снега ловушки для песцов.

6 декабря снова скверная погода, при ветре O и таком сильном холоде, что его было почти невозможно вынести. Мы горестно смотрели друг на друга, опасаясь, что если мороз будет еще усиливаться, то мы погибнем от холода, так как, хотя мы и развели сильный огонь, но все же не могли согреться; даже херес, который всегда бывает очень крепок, совершенно замерз от холода, так что его приходилось растапливать на огне в дни раздачи, когда каждый из нас получал свою порцию; она выдавалась нам раз в два дня, мерным стаканчиком объемом в полпинты²⁹³.

Мы большую часть дня пролежали в койках, но потом как все же развел огонь, чтобы приготовить еду...вечером мы развели при помощи упомянутого каменного угля прекрасный огонь, давший много тепла... после этого мы пошли спать, каждый на свою койку, радуясь, что согрелись.

Этим количеством мы и должны были поддерживать себя долгое время; а кроме того пили воду, не очень полезную при таком сильном холоде, ее надо было не остужать снегом или льдом²⁹⁴, а, наоборот, вытапливать из снега.

7 декабря скверная погода продолжалась, свирепствовал ураган и ветер NO, который принес сильнейший холод; мы не знали, что предпринять, чтобы защититься от него. Когда мы совещались, что делать, один из нас предложил использовать каменный уголь, который мы перенесли с корабля в дом, и развести им огонь, так как этот уголь дает сильный и продолжительный жар. Поэтому вечером мы развели при помощи упомянутого каменного угля прекрасный огонь, давший много тепла, но не убереглись при этом от большой беды. Поскольку тепло заметно прибавило нам сил, мы стали совещаться, как бы подольше удержать его. Мы решили закрыть дверь и дымоход, чтобы не выпускать это чудесное тепло; после этого мы пошли спать, каждый на свою койку, радуясь, что согрелись. Мы долго разговаривали между собой, но в кон-

це концов у нас началось сильное головокружение, у одних сильнее, у других слабее. Первым мы заметили головокружение у того из нас, который был болен и потому хуже его переносил, а затем и все почувствовали недомогание, что сильно испугало нас. Те, кто был посильнее, встали с коек и прежде всего открыли дымоход, а потом дверь, но тот, кто отворял дверь, потерял при этом сознание и с громким стоном упал на снег. Я, чья койка была ближе всего к двери, услышал стон и пошел посмотреть. Увидев его лежащим в обмороке, я сейчас же принес уксус и натер ему лицо, от чего он пришел в себя. При открытой двери нас освежил и оживил тот же самый холод, который раньше был для нас ярым врагом, но теперь спас нас, так как иначе мы все без сомнения погибли бы, не возвращаясь в сознание. Затем, когда мы пришли в себя, шкипер дал каждому немного вина для укрепления сердца.

8 декабря была та же скверная погода, ветер оставался таким же сильным и холодным, но мы все-таки боялись жечь уголь, как накануне, потому что несчастье научило нас, что избегая одной беды, легко можно попасть в другую, еще худшую.

9 декабря погода была хорошая и ясная, на небе сияло множество звезд. Поэтому мы опять совершенно расчистили от снега дверь. Мы также насторожили ловушки для ловли песцов.

10 декабря погода была ясная и звездная, ветер NW. Мы поймали двух песцов, которые пришли очень кстати, так как продовольственные запасы заметно убывали, а холод все возрастал, так что и песцовые шкуры оченьгодились.

11 декабря день был также ясный, с безоблачным небом, но невероятно холодный, так что не испытывший этого с трудом мог бы поверить. Даже сапоги на наших ногах стали от мороза твердые, как рог, и изнутри были все в белом инее, так что мы не могли больше носить сапог, а сделали себе широкие и просторные башмаки, внешняя часть которых была из овчины, так что мы могли надевать по три или четыре пары носков, чтобы ноги не мерзли.

12 декабря погода была светлая и ясная, с безоблачным небом и ветром с NW, но настолько холодная, что потолок, стены и наши койки покрылись льдом почти в палец толщиной. Даже одежда на нас самих побелела от инея. Хотя некоторые предлагали опять жечь уголь, чтобы согреться, но не закрывать дымоход, мы все же не отважились на это, наученные горьким опытом, сильно нас напугавшим.

13 декабря погода была опять ясная, ветер O. Мы поймали песка и потратили много труда на то, чтобы снова наставить ловушки, так как едва мы чуть подольше оставались вне дома, как от холода на лице и на ушах делались пузыри.

14 декабря погода была хорошая и радостная, ветер NO, на небе множество звезд. Мы измерили высоту правого плеча созвездия Ориона²⁹⁵, когда оно было на SSW и немного западнее (он находился тогда в самой высокой точке, по нашему компасу). Высота звезды над горизонтом составляла $20^{\circ}18'$; ее склонение было $6^{\circ}18'$, северное. Если это склонение отнять от найденной высоты, остается 14° ; вычитая это число из 90° , получаем северную широту 76° ²⁹⁶.

15 декабря погода была опять ясная, ветер с O. В этот день мы поймали двух песцов и видели восход луны на OSO, когда возраст ее составлял 26 дней, и она находилась в знаке Скорпиона.

16 декабря небо оставалось ясным, ветер NO. В это время у нас в доме не осталось больше дров, так как все были сожжены. Но около дома лежала куча дров, занесенная снегом. Нам пришлось отрывать их с большими трудностями и муками при помощи лопат, чтобы перенести в дом. Мы делали это по очереди, работая парами, и очень поспешно, так как вне дома нельзя было оставаться подолгу из-за невыносимого холода, хотя на головах у нас были песцовые шкуры и мы носили двойной слой одежды.

17 декабря ветер был по-прежнему NO и небо оставалось ясным, но мороз был такой сильный, что мы обсуждали друг с другом, что если выставить за дверь огромную бочку из-под иопенского пива,²⁹⁷ наполненную водой, то к утру она промерзла бы до дна.

18 декабря ветер был все еще NO, небо ясное. Мы всемером отправились на корабль посмотреть, как там обстоят дела, и, спустившись под палубу, рассчитывали поймать там песка; для этого мы заткнули все отверстия, но не видели ни одного. Когда же мы пришли в трюм и развели там огонь, чтобы осмотреть состояние корабля и определить, не прибыло ли воды, мы обнаружили там песка, которого принесли домой и съели. Мы заметили, что за те 18 дней, что мы не были на корабле, вода поднялась на дюйм, хотя это была не вода, а лед: как только вода попадала на воздух, она тотчас же замерзала; бочки с водой, привезенной из Голландии, тоже промерзли до дна.

19 декабря была хорошая ясная погода, ветер S, мы утешали друг друга тем, что солнце прошло уже половину своего пути, чтобы опять показаться нам, о чем мы очень мечтали, так как тяжело жить без солнца — самого прекрасного творения Божьего, наполняющего радостью весь мир.

20 декабря до полудня погода была ясная, и мы поймали песка. Но к вечеру поднялась жестокая буря с SW с такой сильной метелью, что дом со всех сторон занесло снегом.

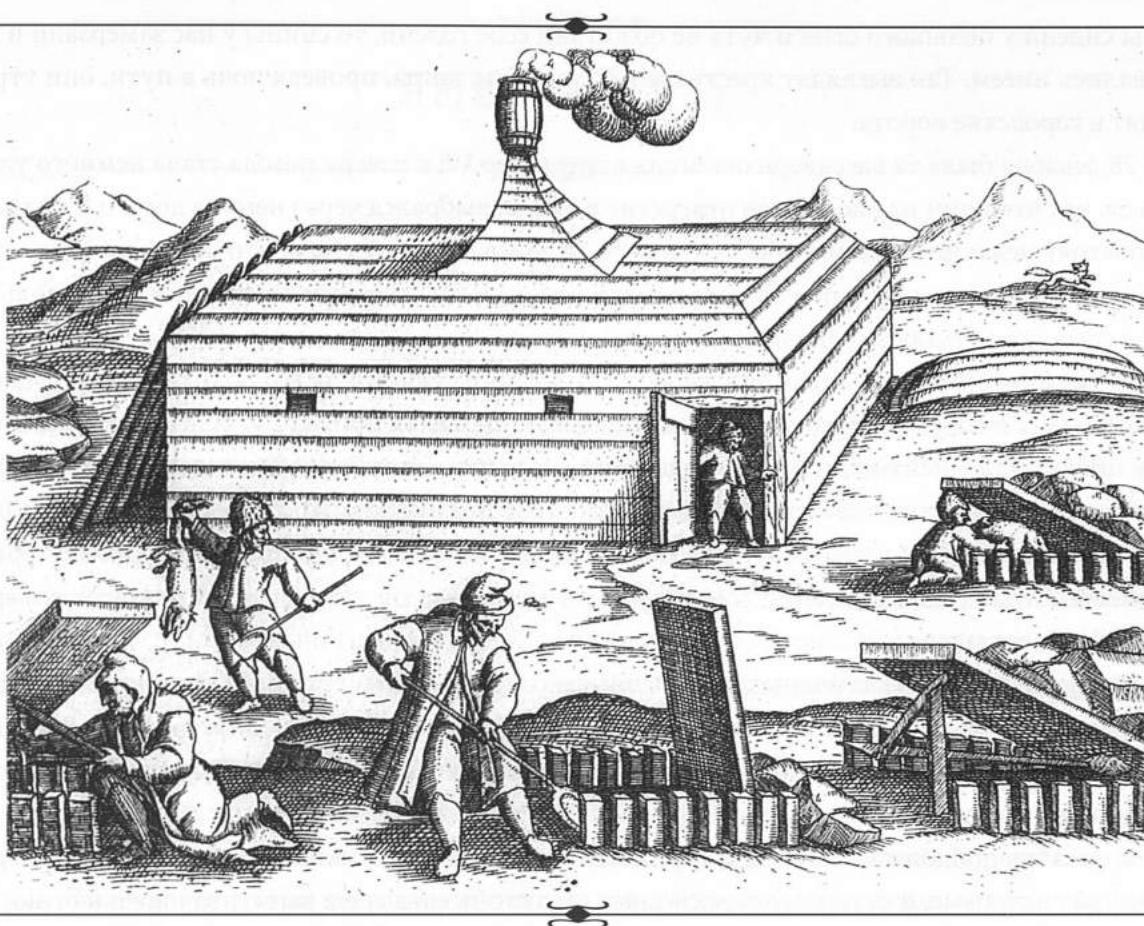
21 декабря была ясная погода, ветер NO. Мы привели все в порядок, прокопали проход от двери и, выйдя наружу, наставили капканы для песцов, что было очень кстати, так как мы сразу же одного и поймали, он казался нам таким же вкусным, как дичь.

22 декабря опять была скверная погода, с сильной метелью и ветром SW. Дверь дома совсем занесло, так что пришлось снова откапываться; это надо было делать почти каждый день.

23 декабря продолжалась скверная погода, ветер SW, сильно мело, но мы утешали себя тем, что солнце неуклонно приближается к нам, так как, по нашим подсчетам, оно в тот день должно было быть в тропике Козерога²⁹⁸, а это крайняя граница, у которой солнце проходит с южной стороны экватора, и оттуда оно опять возвращается на север. Этот тропик Козерога лежит на 23°28' к югу от экватора.

24 декабря, в Рождественский сочельник, погода была хорошая. Мы прорыли дорогу из дома и, посмотрев на море, увидели много открытой воды. Мы еще раньше слышали треск движущегося льда, и хотя не было дневного света, мы все же могли видеть достаточно далеко. К вечеру поднялся жестокий ветер NO и сильная метель, так что проход, который мы прокопали, снова занесло снегом.

Мы опять привели в порядок капканы для песцов, которых не ловили уже несколько дней. Один из наших, очищая ловушку от снега, нашел в ней мертвого песца, ставшего от мороза твердым, как камень.

25 декабря, в Рождество, погода была скверная, ветер дул с NW. Несмотря на ветер, мы слышали, как песцы бегают по крыше нашего дома. Кто-то из нас сказал, что это дурная примета, и другие спросили: почему это дурная примета? На что был дан ответ: потому что они не в горшке и не на вертеле, — вот тогда это была бы хорошая примета.

26 декабря продолжалась та же плохая погода, ветер NW. Мороз был такой невероятно сильный, что мы не могли согреться, хотя принимали все меры: разводили большой огонь, накрывались множеством одеял, клали себе в койки горячие камни и ядра²⁹⁹ к ногам и к телу, но несмотря ни на что на следующий день утром все койки были белые от льда или инея, так что мы часто с грустью смотрели друг на друга, но все же мы утешали себя, как только могли, тем, что находимся уже на спуске с горы, т. е. что солнце опять возвращается к нам. И хотя мы сочли справедливой поговорку «солнце на лето, зима на мороз», надежда помогала нам выносить мучения.

27 декабря погода оставалась плохой при том же ветре NW, так что мы целых три дня не выходили из дому и боялись даже высунуть голову; внутри дома стояла такая стужа, что даже ког-

да мы сидели у большого огня и чуть не обжигали себе голени, то спины у нас замерзали и покрывались инеем. Так выглядят крестьяне в Голландии, когда, проведя ночь в пути, они утром входят в городские ворота.

28 декабря была та же скверная погода и дул ветер W; к вечеру погода стала немного улучшаться, так что один из нас, сделав отверстие в двери, выбрался через него из дома посмотреть, как обстоят дела: но, пробыв снаружи совсем недолго, сообщил нам, что снегопад был такой сильный, что снег лежит выше нашего дома, и что если бы он оставался вне дома чуть дольше, то без сомнения отморозил бы уши.

29 декабря стояла тихая погода, небо было затянуто тучами, ветер S. Тот, чья очередь была копать снег в тот день, открыл дверь и под снегом проделал проход со ступеньками, по которому можно было выйти из дома как из подвала; ступенек было 7 или 8, каждая высотой в фут. Мы опять привели в порядок капканы для песцов, которых не ловили уже несколько дней. Один из наших, очищая ловушку от снега, нашел в ней мертвого песца, ставшего от мороза твердым, как камень. Мы принесли песца в дом, и когда он оттаял у огня, сняли с него шкуру; некоторые из нас съели его мясо.

30 декабря опять была очень скверная погода со штормовым ветром W и сильной метелью. Так что напрасным оказался весь труд, приложенный нами накануне, по устройству ступеней для выхода из дома и настраиванию ловушек, — все опять занесло снегом, даже более глубоким, чем раньше.

31 декабря продолжалась та же скверная погода с бурей с NW. Мы были полностью заперты в доме, как в тюрьме, и стужа держалась такая, что огонь едва грел: вытягивая ноги к огню, мы сжигали себе чулки раньше, чем ощущали тепло, так что нам беспрестанно приходилось ставить на них заплаты; можно сказать, если бы запах горелого не доходил до нас прежде, чем мы чувствовали, что у нас горят ноги, то мы бы их полностью сожгли, ничего не заметив.

ЯНВАРЬ 1597 г.

---

1 января. Дожив таким образом до конца года в холоде, опасностях и неудобствах, мы вступили в год 1597 от рождества Христова, начало которого ничем не отличалось от конца 1596 года. Погода оставалась по-прежнему скверной и холодной, свирепствовали сильные метели, так что первого января нам пришлось сидеть дома взаперти; ветер дул западный. С этого дня вино стали раздавать по маленькой мерке, раз в два дня. И так как мы опасались, что еще нескоро сдвинемся с этого места (что нас сильно тревожило), то некоторые из нас сберегали свою порцию вина как можно дольше, чтобы иметь какой-то запас, если наше приключение окажется еще очень долгим.

2 января западный ветер продолжал дуть так же сильно, со снежной бурей и большим морозом. Поэтому мы четыре или пять дней не смели даже высунуть голову, и из-за холода израсходовали все дрова, которые были в доме; тем не менее, мы боялись выйти из дома, потому что мороз был настолько жестокий, что находиться вне дома было невыносимо. Хорошенько поискав, мы обнаружили, что на стенах сеней нашего дома есть несколько лишних досок, без которых можно обойтись, и отломали их, а также раскололи на дрова чурбак, на котором до сих пор колотили вяленую рыбу, и благодаря этому как-то продержались.

3 января продолжалась та же суровая погода, с пургой и ветром NW, было так ужасно холодно, что мы по-прежнему не могли выйти из дома, хотя у нас было мало дров.

4 января погода была такая же, с сильнейшей метелью и холодом, ветер SW. Мы все еще оставались запертыми в доме. Чтобы знать, откуда дует ветер, мы высунули из дымохода половину пики с привязанным к ней куском ткани или флажком: но смотреть, в какую сторону его сносит, надо было сразу же, потому что едва ткань оказалась на воздухе, она тотчас стала твердой, как дерево, и не могла ни развеиваться, ни поворачиваться. И мы сказали друг другу: как там должно быть холодно.

5 января буря немного притихла. Мы опять откопали дверь, так что можно было выйти, вынесли все нечистоты и грязь, которые накопились, пока мы были заперты, и все прибрали. Мы принесли дров и накололи их, и занимались этим весь день, стараясь заготовить как можно больше дров, так как боялись, что опять будем заперты в доме. Так как у нас в сенях было три выхода с тремя дверьми, а дом был полностью погребен под снегом, то мы сняли среднюю дверь и вырыли в снегу рядом с ней снаружи дома большую пещеру или нору, вроде свода или погреба, чтобы там можно было справлять нужду и бросать туда прочие нечистоты. Проработав весь

день, мы вспомнили, что сегодня сочельник праздника Трех Волхвов, и попросили шкипера позволить нам среди стольких бедствий немного повеселиться. Мы слили вместе все сбереженное нами вино из того, которое нам выдавалось раз в два дня, и очень взбодрились и устроили настоящий праздник. Мы взяли два фунта муки, изначально предназначавшейся для проклейки пороховых патронов для корабельных пушек, нажарили блинов на масле, и получили по белому бисквиту, который макали в вино. Мы так развеселились, что представили себе, будто находимся на родине, среди друзей, и еда наша была такой вкусной, словно мы ели дома прекрасный ужин. Мы тянули записочки, кому быть королем, и наш пушкарь стал королем Новой Земли, которая тянется в длину на двести миль³⁰⁰ и расположена между двумя морями.

6 января погода была ясная, ветер NO. Мы вышли из дома и установили ловушки для песцов, которые служили нам дичью. Мы также сделали большой подкоп в снегу, которым были завалены наши дрова, а сверху снег не трогали, так что получилось что-то вроде погреба; так мы и брали отсюда дрова, когда было нужно.

7 января погода сильно испортилась; ветер дул с NW, мела метель, а холод был жесточайший. Мы очень испугались, что придется опять сидеть взаперти.

8 января небо было опять ясное, ветер дул с N. Мы вновь подготовили капканы, чтобы ловить нашу дичь, в которой очень нуждались. Мы стали уже замечать, что дни становятся все светлее и светлее, а это значило, что солнце возвращается к нам, и эта мысль доставляла нам немалую радость.

9 января опять была скверная погода, ветер дул с NW, но не так сильно, как в предыдущие дни, и мы могли пробыть некоторое время вне дома, чтобы расчистить капканы. Тем не менее, нас не пришлось уговаривать поскорее вернуться домой — холод сам сказал свое веское слово о том, что нельзя долго оставаться вне дома, потому что жары там не наблюдалось.

10 января погода была ясная, ветер дул с N. Семеро из нас, хорошенько вооружившись, отправились на корабль. Придя туда, мы нашли его в прежнем состоянии; мы заметили также много медвежьих следов, больших и малых, по которым было видно, что их здесь побывало не один и не два. Спустившись в нижнюю часть корабля, мы развели огонь, зажгли свечу и нашли, что вода в корабле прибыла почти на фут.

11 января был ясный день, ветер дул с NW. Мороз несколько спал, так что мы все свободнее стали выходить из дома. Мы сходили на гору, приблизительно за четверть мили, чтобы набрать камней: мы клали их у огня, а потом согревались ими в койках.

12 января продолжалась хорошая погода, ветер дул с W. К вечеру стало совсем ясно, и небосвод засиял яркими звездами. Тогда мы измерили высоту Глаза Вола³⁰¹, яркой и хорошо известной звезды. Она возвышалась над горизонтом на $29^{\circ}54'$, ее склонение было $15^{\circ}54'$ северное. Если отнять это от найденной высоты, остается $13^{\circ}54'$; вычитая это из 90° , получаем 76° . Таким образом, измерение положения этой звезды, как и нескольких других, дало тот же результат, что и наблюдение над солнцем, а именно, что мы находимся на широте 76° , скорее чуть выше, чем ниже³⁰².

13 января погода была ясная и тихая, ветер W, и мы смогли заметить, что дневной свет начал прибывать. Мы вышли из дома и стали метать шар³⁰³, для чего использовали навершие флажштока, чего раньше не могли делать из-за темноты, так как не видно было, куда укатился шар.

14 января погода была тихая, но пасмурная, ветер дул с W. В этот день мы поймали двух песцов.

15 января погода была ясная, ветер с W. Мы вшестером отправились на корабль. Придя туда, мы нашли на снегу теплый бушлат³⁰⁴, которым в прошлый раз заткнули отверстие палубы, чтобы поймать песцов; теперь он лежал на большом расстоянии от корабля, вытащенный и разорванный медведями, как мы поняли по следам.

16 января была ясная погода, ветер N. Мы вышли из дома и, чтобы набраться сил, гуляли, метали шар и бегали, а в полдень мы видели на небе красноватый отблеск (это был предвестник возвращающегося солнца).

17 января погода была ясная, ветер N. Мы замечали все больше и больше, что солнце приближается к нам, от него днем становилось чуть теплее; когда же в доме горел хороший огонь, то со стен и с потолка время от времени падали большие куски льда, и в наших койках таял иней и капал водой на пол. До сих пор такого не бывало, какой бы сильный огонь мы ни разводили. Однако ночью мороз оставался все таким же сильным.

18 января погода была хорошая и ясная, ветер дул с SO. Запас дров стал заметно убывать, и мы обсудили, что надо опять топить каменным углем, но не закрывать дымоход, чтобы не угореть. Так мы и поступили, и плохо себя не почувствовали; тем не менее мы решили, что правильнее будет приберечь уголь и более расчетливо жечь дрова, так как уголь может еще больше пригодиться в будущем, когда мы будем возвращаться домой в открытых лодках.

19 января была ясная погода, ветер с N. Запасы хлеба стали быстро сокращаться, так как не все бочки оказались полновесными. Поэтому пришлось убавить ежедневную порцию, так что большинство стали подъедать и собственные запасы, то, что прежде сберегли из своего пайка. Некоторые из наших в ясную погоду иногда отправлялись на корабль, где было еще полбочки хлеба, который мы рассчитывали сохранить как неприкосновенный запас, и тайком брали один-два сухаря.

20 января небо было закрыто облаками, погода стояла тихая, ветер дул с SW. Мы оставались дома и кололи дрова, кроме того разбили на доски несколько пустых бочек, а железные обручи бросили на крышу³⁰⁵.

21 января погода была ясная, при ветре с W. Ловля песцов стала уменьшаться, что являлось предвестником того, что скоро вернутся медведи, в чем мы впоследствии убедились. Песцы приходили, пока не было медведей, и их стало намного меньше к тому времени, как появились медведи.

22 января погода была ясная, ветер дул с W. Мы снова вышли из дома поиграть в шар и увидели, что дневного света становится больше, так что некоторые из нас сказали, что скоро появится солнце; но Виллем Баренц ответил, что оно появится не раньше, чем через две недели.

23 января стояла ясная и тихая погода, при ветре SW. Мы вчетвером отправились на корабль, ободряя друг друга и благодаря Бога, что самая суровая часть зимы уже прошла, и надеясь, что останемся в живых и вернемся на родину, где обо всем расскажем. Взойдя на корабль, мы обнаружили, что воды здесь прибыло; потом взяли по одному или по два сухаря и отправились домой.

24 января погода была ясная, ветер дул с W. И тогда я, вместе с Якобом Хеймскерком и еще третьим человеком, пошли к берегу моря, на южную сторону Новой Земли³⁰⁶, где, сами того не ожидая, увидели — причем я самым первым — край солнца. Мы немедленно вернулись домой сообщить эту радостную весть Виллему Баренцу и остальным товарищам. Виллем Баренц, мудрый и опытный штурман, ни за что не хотел верить нашему сообщению, говоря, что солнце на этой широте может появиться только через 14 дней. Мы упорно утверждали, что видели солнце. По этому вопросу было заключено несколько пари³⁰⁷.

25 и 26 января погода была туманная и темная, так что ничего не было видно. Поэтому те, кто бился с нами об заклад, считали, что выиграли спор; но 27 числа, когда погода улучшилась, мы все увидели над горизонтом полный диск солнца. Тут уже никто не мог сомневаться, что мы видели его и 24 числа.

По данному поводу впоследствии были высказаны различные мнения: что это, дескать, противоречит всем древним и новым писателям, а также самому ходу природы и шарообразности земли и неба. А некоторые говорят, что поскольку так долго не было дневного света, то мы, вероятно, просто слишком долго спали, хотя мы убеждены, что это не так. Но какой бы ни была причина, это дело рук Божьих, и пусть другие спорят сколько угодно. Но дабы никто не заподозрил, будто мы обходим вопрос молчанием, мы хотим обосновать, почему мы убеждены в правильности наших наблюдений и подсчетов.

Да будет вам известно, что когда мы увидели солнце впервые, оно было в 5°25' Водолея, а согласно нашему первому вычислению должно было появиться только в 16°27' Водолея, при широте 76°, где мы находились.

Нас чрезвычайно удивляло это противоречие³⁰⁸, и мы спрашивали друг друга, не ошиблись ли мы в счете времени, что казалось нам невероятным, так как каждый день, не пропуская ни одного, мы делали записи обо всем, что происходило, и всегда пользовались нашими стенными часами, а когда они замерзали, то песочными, рассчитанными на двенадцать часов. Кроме того, мы искали разные другие способы правильно определить время. Обращая внимание на все, на что можно было обращать внимание, мы решили, что стоит почитать в «Эфемеридах» Иосифа Скалигера³⁰⁹, напечатанных в Венеции, охватывающие 1589–1600 годы. Мы нашли в этой книге, что 24 января (когда у нас впервые появилось солнце) в Венеции в час ночи было соединение луны с Юпитером. Поэтому мы постарались внимательно проследить, когда это соединение произойдет у нас, около дома, в котором мы находились. Мы установили тщательнейшее наблюдение и увидели, что того же 24 января, когда в Венеции произошло вышеназванное соединение в 1 час ночи, у нас оно было утром, около того времени, когда солнце находилось на востоке. Постоянно наблюдая за двумя указанными планетами, мы видели, как они постепен-

но сближались, пока, наконец, не стали прямо одна над другой, обе в созвездии Вола, и это было утром в шесть часов. Когда Луна и Юпитер были над нашим домом в соединении, они, согласно компасу, находились на NtO, а юг компаса был на самом деле SSW³¹⁰. Луне было уже восемь дней. Отсюда видно, что луна и солнце отстояли друг от друга на восемь румбов³¹¹. Было это около шести часов утра; от того места, где мы находились, до Венеции пять часов долготы, из чего можно вычислить, насколько восточнее Венеции мы находились: на пять часов, каждый час равен 15°, выходит, что мы были на 75° восточнее, чем Венеция³¹². Из всего этого можно сделать тот вывод, что мы в своем расчете не допустили ошибки и даже определили нашу истинную долготу на основании наблюдения над двумя вышеупомянутыми планетами. Ведь Венеция расположена на долготе 37°25' ³¹³, а склонение³¹⁴ ее составляет 46°5'; отсюда следует, что место на Новой Земле, где мы находились, имело долготу 112°25', при 76° Северной широты. Вот правильные долгота и широта³¹⁵.

Разница долгот между самой крайней восточной оконечностью Новой Земли и мысом Табин³¹⁶ — крайней оконечностью Тартарии, откуда берег поворачивает к югу, составляет 60° ³¹⁷, но не надо забывать, что градусы здесь не так велики, как на экваторе. Ведь у самого экватора градус равен 15 милям³¹⁸, но по мере удаления к северу или югу длина градуса уменьшается, так что чем ближе человек к северному или южному полюсу, тем градус становится короче. Таким образом: на 76° северной широты, где мы зимовали, градус равен всего лишь 3 2/3 мили³¹⁹. Отсюда легко рассчитать, что раз до мыса Табин оставалось всего 60°, то нам надо проплыть до этого мыса 220 ³²⁰ миль, если, как принято считать, долгота этого мыса 172°. Обогнув его, мы, надо думать, попадем в пролив Аниан³²¹, откуда с легким сердцем можно плыть к югу, вдоль берега. Впрочем, сейчас важно, чтобы из вышесказанного стало ясно, на упомянутой широте 76° солнце исчезло 4 ноября и появилось вновь 24 января, а дальнейшими дискуссиями пусть занимаются те, кто специалист в этом деле. Для нас достаточно, что мы доказали, что не ошиблись в счете времени.

25 января небо покрылось тучами, и было темно, ветер дул с W, так что опять возникли сомнения в том, что мы накануне видели солнце; по этому поводу с нами заключили еще несколько пари, и мы все время выходили посмотреть, не покажется ли солнце. В этот день мы увидели медведя, приближавшегося к нашему дому с SW, — а ведь все то время, что не было солнца, медведи не показывались. Но мы подняли крик, и он не стал к нам приближаться, а ушел.

26 января погода была ясная, но над горизонтом висело темное облако, из-за которого мы не могли увидеть солнце. Поэтому наши товарищи считали, что и 24 числа мы плохо смотрели и на самом деле солнце не показывалось. Они смеялись над нами, но мы упорно твердили, что видели солнце, хотя и не полный диск. Вечером наш больной, который лежал в тяжелом состоянии уже очень долго, стал очень слаб и почувствовал себя совсем плохо. Мы все утешали его, как могли, говорили ему слова из Библии, и вскоре после полуночи он умер³²².

27 января погода была ясная при ветре с SW. Утром мы выкопали в снегу рядом с домом яму, но мороз был такой сильный, что мы не могли оставаться на улице подолгу и копали по очереди, каждый понемногу, потом быстро бежали к огню, а на его место шел другой, пока, наконец,

не вырыли яму глубиной семь футов³²³, в которой могли похоронить умершего. После этого мы устроили своего рода панихиду, с чтением Библии и пением псалмов, и все вместе отнесли тело к могиле и похоронили, а затем, вернувшись домой, стали обедать. Мы разговаривали о снеге, который шел каждый день, о том, что если дом опять занесет, то мы в любом случае сможем вылезти через дымоход. Тут наш шкипер решил залезть в дымоход, чтобы выбраться наружу, а один из нас выбежал из дому посмотреть, удастся ли капитану пролезть через дымоход. Поднявшись на снег, он увидел солнце и позвал нас всех на улицу. Мы тотчас поспешно вышли на улицу и все разом увидели полный диск солнца немного выше горизонта. Тут же отпали все сомнения насчет того, правда ли мы видели солнце 24 января. Мы все очень обрадовались и возблагодарили Бога за его милость, что он вернул нам это дивный сияющий свет.

28 января погода была ясная, ветер с W. Мы начали выходить из дома и упражняться в ходьбе, беге и бросании шара (теперь его было видно), чтобы размять тело, так как долго сидели без движения и ослабли, к тому же многие страдали цингой³²⁴.

29 января была опять скверная погода с сильной метелью и ветром с NW, так что дом снова совсем завалило снегом.

30 января было пасмурно, ветер дул с O. Мы опять начали прокапывать выход на улицу, но продвинулись не дальше сеней, так как едва мы увидели, какая погода, у нас пропало всякое желание выходить.

31 января погода была тихая и ясная, ветер дул с O. Мы очистили сени от снега, бросая его на крышу дома, и вышли на улицу, где увидели сияющее солнце, что очень обрадовало нас. Между тем мы заметили, что прямо к дому идет медведь. Мы тихонько вернулись в дом и стали ждать, а когда он подошел к нам, выстрелили в него у самой двери, но он все же убежал.

ФЕВРАЛЬ 1597 г.

---

1 февраля в канун праздника Сретения³²⁵, погода была чрезвычайно скверная, неистовствовала буря с метелью, так что дом опять со всех сторон занесло снегом, и мы были в нем заперты, ветер был NW.

2 февраля продолжалась та же скверная погода: нас приводило в отчаяние то, что солнце не прогнало ненастья, так как, надеясь на улучшение погоды, мы не запаслись таким же количеством дров, как прежде.

3 февраля небо расчистилось, при восточном ветре, но стоял сильный туман, из-за которого мы не видели солнца. Мы не очень-то радовались тому, что туманы по сравнению с зимой участились. Раскопав снег у дверей, мы внесли лежавшие у входа дрова, которые пришлось доставать из-под снега с большими трудом.

4 февраля погода снова была плохая, с очень сильной снежной вьюгой и ветром с SW. Нас опять засыпало снегом, но мы не стали тратить много сил на то, чтобы каждый раз откапывать двери, а когда нужда заставляла выходить наружу, то вылезали через дымоход и, сделав, что нужно, возвращались назад тем же путем.

5 февраля погода оставалась такой же скверной, при ветре с О и сильной метели. Дом занесло, и единственный выход из него был через дымоход: те, кто не мог через него вылезти, справляли свои дела, как могли, прямо в доме.

6 февраля продолжалась та же скверная погода с бурей и снежной вьюгой. Мы больше не утруждали себя раскапыванием снега у дверей, так как мы уже привыкли лазать через дымоход, что некоторые из нас считали совершенно легким делом.

7 февраля продолжалась скверная погода при ветре с SW и метели. Мы опять были вынуждены сидеть дома, что огорчало нас еще больше, чем раньше, когда не было солнца; теперь же, когда мы его увидели и ощутили даруемую им радость, было жалко, что мы по-прежнему были ее лишены.

8 февраля погода начала улучшаться, небо расчистилось, ветер дул с SW. Мы увидели, как солнце восходит на SSO и заходит на SSW, согласно компасу³²⁶ в нашем доме, который мы сделали из свинца и установили по истинному меридиану; показания обычных компасов отличались от этого на два с лишним румба³²⁷.

9 февраля погода была хорошая и ясная, ветер SW; тем не менее мы не могли видеть солнца, так как на юге, где оно должно было взойти, небо заволочло дымкой.

10 февраля была хорошая, ясная погода и такой штиль, что мы не могли определить направления ветра; мы понемногу начали ощущать тепло от солнца, но вечером подул ветер W.

11 февраля погода была хорошая, ясная, ветер S. Около полудня к дому подошел медведь, мы его поджидали, вооружившись мушкетами, но он не подошел достаточно близко, чтобы в него можно было выстрелить. Ночью мы опять слышали лай песцов, которых стали видеть редко с тех пор, как начали появляться медведи.

12 февраля погода была ясная и тихая; ветер SW. Мы опять очистили ловушки и капканы. Между тем к дому подошел огромный медведь, так что мы поспешили в дом и приготовились стрелять в него через дверь из ружей и мушкетов. Когда медведь подошел прямо к двери, мы выстрелили ему прямо в грудь, так что пуля прошла через все его тело и вышла у хвоста; эта свинцовая пуля была совсем плоская, точно медный грош, расплюснутый молотком. Медведь, почувствовав ранение, сделал прыжок назад, отошел от дома на 20 или 30 шагов и упал. Тогда все быстро выбежали из дома и бросились к медведю: он был еще жив, так как поднял голову и повернул ее к нам, будто хотел посмотреть, кто в него стрелял. Мы же, зная его силу по прошлому опыту, на всякий случай еще раз выстрелили в него из двух мушкетов, и тогда он подох. Мы вспороли ему живот, выпотрошили и перетащили к дому, где сняли шкуру и собрали с нее почти сто фунтов жира, который растопили и заправили в светильники. Это было нам очень кстати, потому что мы могли теперь стать менее бережливыми и оставлять огонь в светильниках на всю ночь, тогда как раньше не позволяли себе этого из-за недостатка масла. Теперь каждый из нас держал свой собственный светильник у своей койки зажженным столько, сколько ему хотелось. Шкура была 9 футов в длину и 7 в ширину³²⁸.

13 февраля погода была ясная, но дул сильный ветер W. Благодаря горящим светильникам в доме стало теперь так светло, что за чтением³²⁹ и тому подобными занятиями мы могли проводить время гораздо приятнее, чем раньше, когда из-за темноты мы с трудом отличали ночь от дня и светильники горели только часть времени.

14 февраля погода была ясная, при сильном ветре W; но после полудня стало тихо, и мы впятером отправились к кораблю посмотреть, как там обстоят дела. Воды в корабле прибыло, но не очень сильно.

15 февраля погода была скверная, бушевал шторм с SW, сопровождавшийся обильным снегопадом, весь дом снова оказался занесен. Ночью к туше медведя, лежавшей рядом с домом, подошли песцы. Мы испугались, что сюда придут все медведи, бродившие поблизости. Поэтому мы решили зарыть тушу поглубже в снег, как только можно будет выйти из дома.

16 февраля продолжалась скверная погода с метелью при том же ветре с SW. Это был день Масленицы³³⁰, так что мы немного повеселились среди наших тягот и горестей: каждый внес свой вклад в виде сбереженной порции вина, чтобы выпить за то, что зима идет на убыль и приближается более веселое время.

17 февраля погода была тихая, но небо было пасмурное, ветер дул с S. Мы открыли дверь нашего дома, убрали снег и бросили медвежью тушу в яму, оставшуюся после дров; мы зарыли ее, чтобы не приманивать к себе медведей. Потом опять установили песцовые ловушки. В этот

Когда медведь подошел прямо к двери, мы выстрелили ему прямо в грудь... зная его силу по прошлому опыту, на всякий случай еще раз выстрелили в него из двух мушкетов, и тогда он подох. Мы вспороли ему живот, выпотрошили и перетащили к дому...

день пятеро из нас снова пошли на корабль посмотреть, как там дела, и нашли, что там все по-прежнему; в корабле было видно много медвежьих следов, как будто они в наше отсутствие стали хозяевами корабля.

18 февраля погода была скверная, ветер SW, со снежной вьюгой и страшным холодом. Ночью, когда горели наши светильники и некоторые из нас не спали допоздна, мы слышали на крыше топот каких-то животных, показавшийся более громким, чем он был на самом деле: это так громко скрипел снег, что мы подумали, будто это медведи. Когда же рассвело, мы нашли только следы песцов. Ночь, сама по себе темная и страшная, сделала страшное еще страшнее.

19 февраля погода была тихая и ясная, ветер SW. В этот день мы измерили высоту солнца, которую уже долгое время не могли определить, оттого что горизонт был закрыт облаками, а также оттого что солнце не поднималось высоко и не давало такой тени, какая нам требовалась для астролябии. Мы устроили собственный астрономический инструмент в форме полукруга, на одной половине прорисовали 90° , а посередине привесили к нему нитку с кусочком свинца, как у ватерпаса³³¹. Этим

прибором мы измерили высоту солнца, когда оно было в высшей точке, и обнаружили, что оно поднимается над горизонтом на 3° , а склонение его было $11^{\circ}16'$. Если сложить это с высотой солнца, получается $14^{\circ}16'$, а отняв это число от 90° , получаем высоту полюса $75^{\circ}44'$. Но так как упомянутая высота в 3° была взята от самого нижнего края солнца, то к высоте полюса следует прибавить $16'$ ³³². В этом случае получается ровно 76° , как мы и определяли при всех предшествующих измерениях³³³.

20 февраля погода была скверная, при ветре с SW и сильной метели, так что мы снова оказались заперты в доме, как часто бывало и раньше.

21 февраля погода стояла такая же скверная, с жестокой метелью и сильным ветром с NW. Это огорчало нас еще больше, чем прежде, так как у нас совсем не было дров, приходилось то там, то сям отламывать доски и собирать то, что лежало под ногами и на что мы раньше, когда у нас было достаточно дров, не обращали внимания. Мы провели тот день и ночь, как могли.

22 февраля погода была ясная и тихая, при ветре SW. Мы приготовили все к тому, чтобы привезти сани дров, нужда заставляла нас это сделать, как гласит пословица, «голод выгоняет волка из лесу». Итак, хорошо вооружившись, мы отправились в путь в количестве 11 человек. Придя на место, где мы рассчитывали найти дрова³³⁴, мы ничем не смогли поживиться, так как плавник был очень глубоко засыпан снегом. Пришлось идти намного дальше, где мы с большим трудом кое-что раздобыли. Обратная дорога была настолько тяжелой, что мы были близки к отчаянию; из-за долгого холода и лишений мы настолько ослабли, что у нас почти не осталось сил, мы даже испугались, что у нас в будущем не хватит сил ходить за дровами, так что мы погибнем от холода. Но нынешняя острая нужда и надежда на лучшее прибавили сил, и потому мы делали больше, чем позволяли силы. Придя к дому, мы увидели в море много открытой воды, чего не было уже долгое время. Это также ободрило нас и внушило надежду на лучшее будущее.

23 февраля погода была тихая, но облачная, ветер SW. Мы поймали двух песцов, которые были нам очень кстати как дичь.

24 февраля погода была такая же, как и накануне, ветер SW. Наши ловушки для песцов были постоянно наготове, но тем не менее мы ничего не поймали.

25 февраля опять была скверная погода с вьюгой и ветром N; нас так занесло снегом, что не могли выйти.

26 февраля погода стояла пасмурная, ветер SW, но несильный. Мы открыли дверь и вышли наружу и упражнялись в ходьбе и беге, чтобы размять конечности, совершенно заочевенвшие.

27 февраля погода стояла тихая, ветер S, но было очень холодно. Наш запас дров заметно уменьшался, что нас крайне беспокоило, так как мы помнили, как тяжело нам далась последняя поездка, а между тем надо было повторить ее, чтобы не погибнуть от холода.

28 февраля продолжалась тихая погода при ветре с SW. Мы вдесятером привезли в тот день сани дров, причем с не меньшим трудом, чем в прошлый раз, так как один из нас не мог с нами работать, оттого что у него была отморожена первая фаланга большого пальца на ноге.

МАРТ 1597 г.

---

1 марта погода была ясная и тихая, при ветре W, но холод оставался таким же сильным и резким. Дрова мы жгли очень бережливо, так как ходить за ними было слишком тяжело, и днем мы, насколько могли, согревались ходьбой и бегом, а тем, кто лежал в койках, давали горячие камин для согревания, и только ближе к ночи разводили хороший огонь.

2 марта погода была холодная и ясная, ветер W. В этот день мы измерили высоту солнца, когда оно было в высшей точке, и определили, что оно стояло в $6^{\circ}48'$ над горизонтом, а склонение было $7^{\circ}12'$: в сумме это дает 14° : если это число отнять от 90° , то получается широта 76° .

3 марта погода была ясная и тихая, ветер SW. Нашим больным стало полегче, и они могли сидеть у себя на койках и чем-то заниматься, чтобы скоротать время. От этого, им, впрочем, потом снова стало хуже, так как они поднялись раньше времени.

4 марта погода была тихая, ветер W. В этот день к дому опять подошел медведь, а мы, как и в прошлый раз, поджидали его с ружьями, выстрелили в него и ранили, но тем не менее он убежал. Потом мы впятером отправились на корабль и увидели, что медведи там основательно похозяйничали, проломили люк от камбуза, хотя он был завален глубоким снегом, (вероятно, надеялись там чем-нибудь поживиться), и утащили большой кусок люка с корабля на лед, где мы его потом и нашли.

5 марта погода была опять суровая, ветер SW. Под вечер немного распогодилось, так что мы прокопали проход в снегу, вышли из дома и увидели много открытой воды, гораздо больше, чем когда-либо раньше. Это обрадовало нас и вселило надежду, что мы рано или поздно выберемся отсюда.

6 марта была скверная погода с сильнейшим штормовым ветром с SW и мощной метелью. В этот день несколько человек вылезли наверх через дымоход и увидели в море и около земли много открытой воды, но корабль все еще оставался крепко скованным льдом.

7 марта продолжалась та же скверная погода с сильным ветром, так что мы были полностью заперты в доме. Тем, кто хотел выйти на улицу, приходилось вылезать через дымоход, к чему мы уже совершенно привыкли. Мы видели все больше и больше открытой воды в море и у берега и боялись, что при таких бурях и передвижках льда корабль окажется наплаву и его унесет, в то время как мы, сидя взаперти в доме, не сможем спасти его.

8 марта продолжалась плохая погода, при штормовом ветре SW и снежной выюге.

На море в направлении NO вообще не было видно льда, так что мы предположили, что к северо-востоку от нас море свободно.

9 марта была плохая погода, но все же менее суровая, чем в последние два дня; ослабла и метель, так что мы могли видеть намного дальше, чем прежде. На NO от нас вода была открытая, но в направлении от нас к Тартарии, то есть к S, дело обстояло иначе: там, на Тартарском³³⁵ море, иначе называемом Ледовитым морем, мы видели лед. Поэтому мы предположили, что оно не очень велико. Да и раньше в ясную погоду нам часто казалось, что мы видим землю, мы показывали друг другу на S и SSO от нашего дома, где словно бы смутно виднелась горная местность, как обычно выглядит земля, когда смотришь издали³³⁶.

10 марта погода была ясная, ветер дул с N. Мы убрались в доме и, раскопав проход, вышли наружу. Мы увидели полностью открытое море, так что сказали друг другу: если бы корабль был свободен ото льда, мы могли бы начать наше плавание, но на открытых шкоте и боке этого делать не следует из-за сильного холода, который все еще не прекращался. Под вечер мы вдвоем пошли с санями на корабль, чтобы привезти оттуда дрова, так как прежний запас уже сожгли, и увидели, что корабль по-прежнему крепко сидит во льду.

11 марта погода была холодная, но солнечная, ветер дул с NO. Мы измерили высоту солнца астролябией и обнаружили, что оно стоит над горизонтом под углом $10^{\circ}19'$, склонение его было $3^{\circ}41'$; в сумме с высотой это дает, как и при предыдущем измерении, 14° . Если последнее число отнять от 90° , то широта по-прежнему получается 76° . Затем мы в составе двенадцати человек отправились с санями за дровами туда же, где их добывали обычно, но это стоило нам раз от разу все большего труда, потому что мы день ото дня слабели. Вернувшись домой с санями дров, мы чувствовали себя полностью измученными и попросили у шкипера, чтобы он выдал каждому его порцию вина, что и было сделано. Это нас подбодрило и подкрепило, и мы стали более способны к работе, которая была бы невыносима, если бы острая необходимость не придавала нам сил. Мы часто говорили друг другу: если бы дрова можно было купить за деньги, то мы бы охотно отдали за них все наше жалованье.

12 марта была скверная погода, ветер дул с NO; лед, который недавно отогнало ветром SW, теперь принесло обратно в огромном количестве, и стало так невероятно холодно, как не было за всю зиму.

13 марта погода оставалась такой же скверной, дул штормовой ветер с NO с сильнейшей метелью, лед мощно напирал с ужасающим треском, льдины сталкивались и налезали одна на другую, так что от грохота становилось страшно.

14 марта продолжалась та же скверная погода при порывистом ветре ONO; море опять полностью покрылось льдом, как зимой. Настал сильнейший холод, из-за чего нашим больным, которые при более мягкой погоде слишком рано взялись за работу, опять стало резко хуже.

15 марта стояла ясная погода, ветер дул с N. В этот день мы опять откопали двери, так что можно было выйти, но холод скорее усилился, чем ослабел, он стал даже резче, чем прежде.

16 марта, погода была ясная, но невероятно холодная, при том же ветре N. Для нас она была совершенно мучительна, потому что мы уже успели, можно считать, распрощаться с морозом, а тут он снова заявился к нам в гости.

17 марта продолжалась та же ясная, но невообразимо холодная погода, при ветре N. От этих упорных морозов мы пали духом, мы боялись подумать, что будет с нами дальше, так как холод был невыносим.

18 марта была немыслимо плохая и холодная погода с сильнейшей метелью, так что наш дом полностью замело и из него нельзя было выйти, ветер дул с NO.

19 марта оставалась та же скверная погода со жгучим морозом и ветром NO. Лед напирал все больше, льдины громоздились одна на другую все выше, при этом стоял такой треск и грохот, что мы слышали его даже из дома, но удовольствия от этого не получали.

20 марта погода была такая же скверная с тем же ядреным морозом и ветром с NO. У нас осталось совсем мало дров, и мы не знали, что делать: без дров нас ждала гибель, а силы были настолько истощены, что их едва ли хватит, чтобы привезти дров.

21 марта погода стала ясной и тихой, но холод не уменьшался, ветер был N. В этот день солнце вступило в знак Овна на линии экватора, и в полдень мы измерили его высоту над горизонтом и определили ее в 14° ; так как солнце находилось на равном расстоянии от обоих тропиков³³⁷, то оно не имело никакогоклонения, ни к югу ни к северу. Вычтя высоту солнца из 90° , мы нашли, что мы находились на 76° северной широты.

В этот день мы соорудили из своих фетровых шляп башмаки: ходить в обычной обуви из-за сильного холода было невозможно, кожа наших сапог затвердевала, как рог. Мы привезли сани дров, с большим трудом и великими мучениями, на морозе, нещадно выматывавшем нас, словно март напоследок хотел показать себя. Но нас утешала мысль, что холод, даже самый жестокий, не будет длиться вечно, и рано или поздно сломает себе шею.

22 марта была ясная и тихая погода при ветре NO, однако оставалось так же холодно. Некоторые из нас снова предложили раз в день разжигать огонь из каменного угля, поскольку возить дрова было так тяжело и трудно.

23 марта погода была очень скверная и холод жесточайший, ветер дул с NO. Нам пришлось топить намного больше, чем накануне, так как холод был резче, чем когда-либо, на потолке и стенах внутри дома образовался толстый слой льда.

24 марта стояла такая же холодная и скверная погода, с сильнейшей метелью и ветром с N. Мы опять были полностью заперты в доме, и тут нам очень пригодился уголь, от которого мы в свое время отказались, поскольку неправильно им воспользовались.

25 марта стояла все та же скверная погода, ветер W, холод никак не смягчался, а оставался все таким же суровым; поэтому мы совершенно пали духом.

26 марта погода была ясная и тихая, при несильном ветре с W. Мы отрыли выход из дома и выбрались наружу, привезли тогда еще одни сани дров, так как из-за сильного холода сожгли все, что у нас было.

27 марта стояла та же ясная и тихая погода, ветер W, перемежавшийся со штилем. Лед опять начало относить, так что показалась открытая вода, но корабль оставался вмерзшим.

28 марта оставалась ясная погода, ветер SW. Лед уносило прочь с большой скоростью, и море открывалось все больше. В этот день мы вшестером пошли на корабль посмотреть, как там обстоят дела: мы нашли его в том же состоянии, но обнаружили, что медведи там похозяйничали весьма основательно.

29 марта погода была ясная, ветер дул с NNO. Лед опять начало приносить обратно. В этот день мы привезли еще одни сани дров, что становилось все труднее и труднее из-за нашей слабости.

30 марта была ясная погода, ветер дул с O, так что лед продолжал прибывать с огромной силой. После полудня приблизились два медведя, но прошли мимо дома к кораблю, а нас оставили в покое.

31 марта все еще была ясная погода, ветер с NO, так что льда прибывало все больше и больше, глыбы напозлали одна на другую, образуя огромные горы.

АПРЕЛЬ 1597 г.

---

1 апреля дул сильный восточный ветер, погода оставалась ясная, но очень холодная, мы спасались тем, что топили углем, так как добывать дрова было слишком тяжело.

2 апреля погода была ясная, ветер NO чередовался со штилем. Мы измерили высоту солнца над горизонтом, которая была $18^{\circ}40'$, а склонение солнца составляло $4^{\circ}40'$. Если отнять склонение от полученной высоты, то останется 14° , вычтя последнее число из 90° , получаем северную широту 76° .

3 апреля погода была ясная, ветер дул с NO, чередуясь с штилем. Мы сделали из дерева лапту³³⁸, чтобы игрой в мяч размяться и поупражнять тело, для чего выдумывали всевозможные способы.

4 апреля также была ясная погода, ветер переменный. В этот день мы все вместе пошли на корабль, где вытравили канат, к которому крепился якорь, на тот случай, если корабль вдруг окажется наплаву.

5 апреля погода снова испортилась, дул сильный ветер с NO, опять нагнавший много льда. Лдины громоздились одна на другую, и корабль оказался зажат льдом еще больше, чем прежде.

6 апреля продолжалась скверная погода при сильном ветре NW. Ночью к дому подошел медведь, мы пытались выстрелить в него, но так как воздух был влажный и порох отсырел, то наши ружья дали осечку. Медведь, совершенно не боясь, спустился по ступенькам к самым дверям и попытался войти в дом, но наш шкипер закрыл перед ним дверь, но от спешки и неожиданности не мог задвинуть засов сверху двери. Видя, что дверь заперта, медведь повернулся и ушел. Часа через два тот же медведь вернулся к дому, обошел его кругом и влез на крышу, где поднял такой шум, что было страшно слышать. Затем он набросился на нашу трубу с такой силой, что казалось, будто он вот-вот свалит ее, а парусину, которой была обвязана труба, он растерзал в клочки с неистовством, от которого становилось страшно. Так как была ночь и мы ничего не видели, мы ничего не предпринимали. В конце концов он ушел прочь своей дорогой и оставил нас в покое.

7 апреля погода была скверная, ветер дул с SW. Мы приготовили свое оружие и мушкеты, думая, что медведь снова придет к дому, но он не вернулся. Тогда мы залезли на дом и увидели, что там учинил медведь и с какой силой сорвал парусину, которая была так хорошо закреплена на трубе.

8 апреля продолжалась плохая погода, ветер дул с SW. Лед опять унесло, и море открылось, так что у нас уже в который раз появилась надежда, что мы когда-нибудь выберемся из этого горестного места.

9 апреля погода была ясная, но к вечеру испортилась; ветер дул с SW, и море открывалось все больше и больше. Мы очень радовались и благодарили Бога, что он избавил нас от прежнего холода и невыносимо жестокой зимы; вместе с тем мы стали надеяться на скорый и благополучный отъезд.

10 апреля погода была скверная, штормовой ветер NO и сильнейшая метель. Лед, который недавно унесло прочь, пригнало обратно, и он покрыл все море.

11 апреля погода была ясная, но дул резкий ветер NO, от которого ледяные глыбы все более громоздились одна на другую, образуя высокие торосы.

12 апреля была ясная погода, хотя ветер NO дул с той же силой, как и в предыдущие два дня. Льдины напоздали одна на другую точно горы, так что вдоль берега нагромождения льда были больше, чем зимой.

13 апреля при ветре N погода была ясная и тихая. Мы привезли сани дров, надев обувь, сделанную из наших шляп, что принесло нам большую пользу.

14 апреля была та же ясная погода, ветер W. Мы увидели вокруг корабля такие высокие ледяные горы, каких не видели никогда раньше, так что смотреть было страшно, и мы удивлялись, как он не разломался на куски.

15 числа погода была ясная и тихая, ветер N. В этот день мы всемером отправились на корабль посмотреть, в каком он положении, и нашли, что там все по-прежнему. На обратном пути встретили огромного медведя; мы приготовились дать ему отпор, но, заметив это, он ушел. Мы пошли на то место, откуда он появился, посмотреть, нет ли там какой берлоги, и увидели во льду большую яму, глубиной в рост человека, при входе узкую, а внутри очень широкую. Мы просунули туда свои пики, проверить, нет ли там еще медведя. Выяснив, что там никого нет, один из наших забрался в эту берлогу, но не слишком далеко, так как ему было страшно. Затем, проходя по берегу моря, мы увидели, что в конце марта и начале апреля льдины так высоко взгромоздились одна на другую, что было похоже на целые города с башнями и крепостными стенами.

16 апреля была скверная погода, ветер NW, так что лед опять начало относить.

17 апреля погода стала ясной, при ветре с SW. Мы всемером пошли на корабль и, дойдя до него, увидели в море открытую воду. Мы перебрались, как могли, через гигантские ледяные торосы к воде, которой не видели вблизи целых шесть или семь месяцев. Подойдя к воде, мы увидели там маленькую птичку, которая, увидев нас, нырнула. Мы сочли это признаком того, что в море теперь больше открытой воды, чем прежде, и уже приближается время, когда море освободится.

18 апреля погода была ясной, ветер с SW. Мы измерили высоту солнца и определили ее в $25^{\circ}10'$, а склонение его было $11^{\circ}12'$. Если это отнять от полученной высоты, то остается $13^{\circ}58'$, которые вычитаем из 90° и получаем северную широту $75^{\circ}58'$ ³³⁹. Затем мы в составе одиннадцати

человек отправились за дровами и привезли домой полные сани. Ночью на наш дом опять забрался медведь, но мы, заметив его, все выскочили из дома со всевозможным оружием, и медведь, услышав шум, ушел прочь.

19 апреля была ясная погода при ветре с N. В этот день пятеро из нас приняли ванну и прогрелись, что нас сильно подбодрило и освежило.

20 апреля оставалась та же ясная погода, ветер дул с W. В этот день мы впятером отправились на место, где брали дрова, и отвезли туда на санях котел и другие принадлежности, чтобы выстирать рубашки, так как там дрова имелись в большом количестве, а их требовалось много, чтобы растопить лед, нагреть воду и затем высушить рубашки. Мы решили, что таким образом затратим меньше усилий, чем если повезем дрова домой, что давалось нам с большим трудом.

21 апреля все еще была ясная погода, ветер дул с O, такая же погода стояла и на следующий день, но к вечеру ветер сменился на N.

23 апреля погода была ясная, при чистом небе и сильном ветре с NO. На следующий день погода была такая же, при ветре с O.

25 апреля погода была ясная, ветер дул с O. В этот день к дому опять подошел медведь. Мы выстрелили в него, прямо в шкуру, но он убежал. Это увидел другой медведь, бывший неподалеку, но не подходивший близко, и тоже убежал.

26 и 27 апреля была ясная погода, но дул штормовой ветер с NO.

28 апреля погода была ясная и тихая при ветре N. Мы опять измерили высоту солнца, которая оказалась $28^{\circ}8'$, а склонение было $14^{\circ}8'$; вычитая это из 90° , получаем 76° северной широты.

29 апреля была ясная погода, безветрие и легкий ветер SW. Мы играли в лапту и забивали мяч от дома до корабля и оттуда обратно до дома, чтобы размяться и натренировать руки и ноги.

30 апреля погода была ясная и тихая, небо чистое, ветер дул с SW. Ночью мы видели солнце над самым горизонтом, когда оно было в низшей точке на севере. С этого дня мы видели солнце и днем, и ночью³⁴⁰.

МАЙ 1597 г.

Первый день мая был ясный, ветер дул с W. Мы сварили наше последнее мясо³⁴¹, которое очень долго берегли, и оно было в полном порядке, последний кусочек был не менее вкусным, чем первый: единственный его недостаток заключался в том, что он был последним.

2 мая погода была скверная, с сильным штормовым ветром SW. Море в основном уже освободилось ото льда, поэтому мы страстно желали выбраться отсюда, ведь мы прохозяйничали тут уже достаточно долго.

3 мая сохранялась скверная погода, при том же ветре с SW. Весь лед угнало прочь, и только вокруг корабля обстановка не изменилась. Поскольку хорошей пищи, такой как мясо, ячмень и прочее, которая придавала нам больше всего сил, у нас больше не было — а нам следовало быть сильными для выполнения работы, предстоящей при обратном пути, — то шкипер распределил между нами весь остаток шпика, засоленного в маленьком бочонке; таким образом, каждый из нас в течение трех недель получал ежедневно по две унции³⁴² шпика, пока и он не кончился.

4 мая погода была неплохая, ветер SW. В этот день мы впятером отправились на корабль, и нашли его окруженным льдом еще в большей мере, чем раньше; а именно, в середине марта он находился всего в 75 шагах от открытой воды, а теперь в 500 шагах, причем теперь вокруг него громоздились высоченные горы льда, так что нас охватил немалый страх при мысли о том, каким образом мы сможем протащить между ними или через них к воде наш шкоут и бок, когда мы, рано или поздно, захотим покинуть это место. Ночью к дому опять подошел медведь, но услышав производимый нами шум, быстро убежал. Это увидел один из наших, вскарабкавшийся наверх по дымоходу. Медведь улепетывал со всех ног, так что казалось, что они теперь начали бояться нас и подходили к дому уже не так бесстрашно, как раньше.

5 мая погода была хорошая и тихая, со снегом и ветром O. Вечером и ночью мы видели солнце, которое, даже находясь в своей низшей точке, стояло намного выше горизонта.

6 мая погода была ясная, дул сильный ветер SW, так что мы видели открытое море как на востоке, так и на западе. Это очень обрадовало нас, потому что мы страстно желали отправиться домой.

7 мая погода была скверная, шел густой снег и дул ветер с N. Мы опять были заперты в доме, так что наши люди пришли в уныние и стали говорить друг другу: такой погоде не будет конца, поэтому лучше всего, как только откроется море, немедленно убираться отсюда.

8 мая сохранялась скверная погода с сильным снегопадом, ветер дул с W. Некоторые из наших обсуждали между собой, как бы сказать шкиперу, что уже давно пора убираться отсюда. Никто, однако, не решался заговорить с ним об этом, так как он уже раньше заявил во всеуслышание, что хочет выждать до конца июня, т. е. до разгара лета, и посмотреть, не освободится ли к тому времени корабль.

9 мая погода была ясная, ветер умеренный NO. Желание поскорее уплыть отсюда разгоралось у членов команды все сильнее и сильнее, так что они решили обратиться к Виллему Баренцу с просьбой убедить капитана в необходимости отъезда. Но Баренц отговорил их, произнеся убедительную речь, и успокоил их, причем все это не носило характера мятежа, так как у всех были только добрые намерения, и наши товарищи охотно согласились с его доводами.

10 мая была ясная погода, ветер NW. Ночью, когда солнце, согласно нашему обыкновенному компасу, было на NNO в самой низкой точке, мы измерили его высоту и определили ее в $3^{\circ}45'$, склонение было $17^{\circ}45'$; если от этого отнять определенную высоту, остается 14° , которые мы считаем из 90° и получаем 76° северной широты.

11 мая погода была ясная, ветер дул с SW, так что в море вода полностью открылась. Наши люди опять убеждали Виллема Баренца обратиться к шкиперу с той же просьбой, и он пообещал это сделать при первой же возможности.

12 мая погода была скверная, дул штормовой ветер NW; в море становилось все больше и больше открытой воды, что вселило в нас добрую надежду.

13 мая погода была тихая, но шел густой снег, при ветре NW.

14 мая погода была ясная, ветер N. Мы привезли последние сани дров, и не снимали с ног сделанные из фетровых шляп башмаки, потому что они были очень удобны и полезны для нас. В этот день наши товарищи опять напомнили Виллему Баренцу, что он собирался посоветовать шкиперу поискать способ вернуться домой, и он обещал исполнить это на следующий день.

15 мая было ясно, ветер дул с W. Всем нам было приказано выйти из дома, чтобы на свежем воздухе упражняться в забивании мяча лаптой, беге, прыжках и тому подобном, с целью размять и укрепить тело. Между тем Виллем Баренц сообщил капитану о том, что команда считала правильным, и тот ответил, что он будет ждать не дольше, чем до конца этого месяца, а тогда, если все еще невозможно будет освободить корабль, то придется готовиться к отъезду на шкоуте и боке.

16 мая погода была очень ясная, ветер дул с W. Команда обрадовалась ответу капитана, но назначенный срок казался слишком поздним, так как потребуются много времени для приведения шкоута и бока в такое состояние, чтобы на них можно было совершить морской переход. Некоторые считали, что бок стоит распилить поперек и удлинить. Хотя сама по себе эта мысль была хорошая, но в то же время удлинение бока принесет нам слишком много осложнений: насколько лучше станут его мореходные качества, настолько же труднее нам будет перетащить его через лед, что нам предстояло сделать.

17 и 18 мая погода была ясная, ветер W. Мы считали дни до того времени, когда можно будет готовиться к отъезду.

19 мая погода была ясная и тихая, ветер дул с О. Четверо из нашей команды отправились на корабль и на морской берег посмотреть, каким путем в надлежащее время можно будет дотащить шлюпки до воды.

20 мая погода была скверная, ветер NO, так что опять стало нагонять много льда. После полудня мы сказали шкиперу, что пора уже начинать приготовления, если мы хотим когда-нибудь отсюда уплыть. Он ответил, что его жизнь ему так же дорога, как нам наша, и что мы можем начинать готовить для себя одежду и прочее, необходимое для путешествия, что нам следует починить свою одежду, чтобы потом не задержаться из-за этого; он сказал, что надо подождать до конца мая и тогда уже снарядить шкоут и бок и подготовить все остальное.

21 мая погода была ясная, ветер NO, так что лед продолжал прибывать. Тем не менее мы занялись кое-какими приготовлениями, подбирая для себя подходящую одежду, чтобы потом из-за этого не было задержки.

22 мая погода была ясная и тихая, при ветре с NW. Так как дров оставалось мало, мы сломали стену сеней и топили ею.

23 мая погода была ясная и тихая при ветре с О. Некоторые из нас опять пошли стирать рубашки на то место, где лежали дрова.

24 мая погода была также хорошая и ясная, при ветре SO, так что открытой воды было немного.

25 мая была хорошая ясная погода, ветер дул с О. В полдень мы измерили высоту солнца. Оно возвышалось над горизонтом на $34^{\circ}46'$, склонение его было $20^{\circ}46'$; отняв склонение от высоты, получаем 14° , а вычтя это из 90° , получаем 76° северной широты.

26 мая погода была ясная, но дул мощный штормовой ветер NO, который опять нагнал чрезвычайно много льда.

27 мая погода все еще была скверная, при сильнейшем ветре с NO, который пригнал очень много льда. По настоянию команды шкипер согласился немедленно начать первые приготовления к отъезду.

28 мая утром была скверная погода при ветре NW, но после полудня она немного улучшилась. Мы всемером отправились на корабль и принесли оттуда все необходимое для оснащения шкоута и бока, а именно старый парус с фокмачты³⁴³, чтобы сделать из него паруса для бока и шкоута, а также ванты, канаты и многое другое.

29 мая утром погода была довольно хорошая при ветре с W, и мы вдесятером отправились к шкоуту, чтобы подтащить его к дому для починки, но подойдя к нему, обнаружили, что он засыпан глубоким снегом. Мы с большим трудом откопали его. Когда мы затем вытащили его из-под снега и попытались волоком подтащить к дому, то не смогли этого сделать, так как были слишком слабы и истощены. Тут мы совсем пали духом, боясь, что нам придет конец от этой работы. Но шкипер призвал каждого из нас сделать чуть больше, чем мы могли: ведь от этого зависели наши спасение и жизнь, и если мы не сдвинем шкоут с места и не починим его, то мы останемся пожизненными гражданами Новой Земли и найдем здесь свою могилу. Желания работать у нас,

...мы воспряли духом после того, как перевернули бок, лежавший около дома вверх килем. Мы принялись чинить его и наращивать ему борта, чтобы улучшить его мореходные качества.

впрочем, было достаточно, а вот сил не хватало; пока же пришлось прекратить работу и оставить шкоут на месте, что крайне огорчило нас и привело в большое расстройство, так как мы боялись, что не сможем сделать то, что надо.

Вернувшись после полудня домой совершенно расстроенные, мы воспряли духом после того, как перевернули бок, лежавший около дома вверх килем. Мы принялись чинить его и наращивать ему борта, чтобы улучшить его мореходные качества. Мы рассчитывали на то, что нам предстоит долгий и мучительный путь, в котором нас ждут самые неожиданные несчастья, так что для подготовки к этому морскому переходу надо использовать все средства, какие только можно придумать.

И вот, пока мы работали, к нам приблизился свирепый медведь; так что мы ушли в дом и там поджидали его с ружьями у всех трех дверей³⁴⁴, а еще один из нас стоял, высунувшись из дымохода, с мушкетом. Медведь шел на нас смелее, чем все прочие, заявлявшиеся к нам до сих

пор: он даже спустился по ступенькам к одной из дверей. Человек, стоявший у этой двери, не видел его, так как обернулся в этот момент к другой двери, но те, кто был в доме, заметили, что медведь совсем близко, в закричали в страшном испуге. Тогда человек обернулся, увидел медведя и в испуге тотчас выстрелил прямо в зверя, из-за чего тот ушел прочь. От этого зрелища кровь стыла в жилах: еще чуть-чуть и медведь бы набросился на нашего товарища, и если бы ружье дало осечку (как это иногда случается), то человек несомненно погиб бы, и медведь наверное вошел бы в дом. Раненый медведь отбежал от дома и упал; тогда мы все, с ружьями, мушкетами и пиками, пошли к нему, чтобы его прикончить. Вскрыв потом его желудок, мы нашли в нем куски тюленя, прямо со шкурой, которого медведь недавно разорвал и съел.

30 мая погода была неплохая, не очень холодная, но пасмурная, ветер дул с W. Все, кто умел плотничать, продолжали чинить бок, остальные трудились в доме над парусами и прочим, что потребуется для пути домой. Пока находившиеся вне дома трудились над боком, опять пришел медведь, так что они бросили работу и застрелили его. Затем мы оторвали доски от крыши дома, чтобы надставить борта. Мы работали изо всех сил и с большой охотой, потому что все давно желали взяться за дело, и делали даже больше, чем могли.

31 мая погода была ясная, но холоднее прежнего, ветер дул с SW и угонял лед. Мы продолжали сколачивать борта для бока, и когда дело наше ладилось особенно хорошо, снова появился медведь. Звери словно чуяли, что мы готовимся уехать, и хотели до того узнать, каковы мы на вкус; ведь уже третий день подряд они яростно нападали на нас. Бросив работу, мы пошли домой, а медведь за нами. Дождавшись его приближения с ружьями наперевес, мы убили его, выстрелив одновременно из трех стволов, один выстрел был сделан сверху из дымохода, а другие два из дверей, так что медведю досталось не меньше, чем собаке, позарившейся на колбасу.

Однако мертвый медведь принес нам больше вреда, чем живой: выпотрошив его, мы сварили его печень и съели. Она была очень вкусной, но нам всем от нее стало плохо, особенно трое, заболевшим так, что мы уже мысленно распрощались с ними, потому что у них со всего тела, от головы до пят, стала сходить кожа³⁴⁵. Но они все же выздоровели, за что мы благодарили Бога, так как если бы мы потеряли трех человек, то, может быть, не в силах были бы выбраться отсюда, так как по малочисленности были бы слишком слабы для того, чтобы волочить и поднимать наши шлюпки.

ИЮНЬ 1597 г.

Первого июня погода была хорошая и ясная. Большинство из нас, как уже сказано, болело после медвежьей печени, так что в тот день нельзя было заниматься починкой бока. Горшок с остатками печени все еще висел над огнем, и теперь шкипер унес его прочь из дома и выбросил содержимое, потому что этим соусом мы полакомились уже более чем достаточно. Затем четверо из нас, кто был покрепче, отправились на корабль посмотреть, не осталось ли там чего-нибудь, что может пригодиться нам в предстоящем плавании. Они нашли бочонок морской щуки³⁴⁶, и поделили находку между моряками, так что каждый получил по две рыбины, которые оказались очень вкусными.

2 июня утром погода была ясная при ветре SW. Мы вшестером отправились к морю посмотреть, каким путем удобнее всего доставить к воде шкоут и бок, так как везде были такие высокие торосы, что перетащить лодки через них или между ними казалось невозможным. Мы все же решили, что лучше всего будет воспользоваться самым коротким путем прямо от корабля к открытой воде, хотя и здесь были сплошные горы льда, так что нам придется приложить огромные усилия и много труда, но поскольку этот путь был самым коротким, мы посчитали его лучшим.

3 июня был яркий солнечный день, при ветре W. Мы уже немного окрепли и поправились после болезни, так что снова могли усердно трудиться, так что привели наш бок в полный порядок, после шести дней работы.

К вечеру западный ветер заметно усилился и море полностью открылось, что вселило в нас мужество и надежду на скорое освобождение и на то, что мы наконец выберемся из этого горестного угла.

4 июня была ясная, солнечная и не очень холодная погода. Когда солнце было на SO, мы в количестве 11 человек отправились к шкоуту и перетаскивали его к кораблю. Теперь эта работа далась нам легче, чем в прошлый раз, когда нам пришлось прекратить попытки и уйти восвояси. Причина заключалась, по нашему мнению, в том, что снег теперь лежал плотнее, да и мы сами стали намного бодрее, оттого что видели открытую воду и верили, что скоро уедем отсюда. Трое остались у шкоута, чтобы починить и перестроить его. Поскольку первоначально это был шкоут для ловли селетки, у которых корма делается заостренная, они отпилили самый конец и сделали настоящую широкую корму, чтобы лучше было плыть по морю. Они также надстроили борта и вообще придали ему насколько возможно более удобную форму.

Остальные приготавливали все необходимое для плавания в доме, а также отвезли из дома на корабль двое саней с продовольствием и прочей утварью. Любая работа казалась нам сейчас легкой, потому что мы надеялись скоро покинуть эту пустынную, дику, суровую, горестную и холодную землю.

Остальные приготавливали все необходимое для плавания в доме, а также отвезли из дома на корабль двое саней с продовольствием и прочей утварью. Корабль находился на полпути между домом и открытой водой, так что потом, перед отплытием, нам будет ближе везти все это к воде. Любая работа казалась нам сейчас легкой, потому что мы надеялись скоро покинуть эту пустынную, дику, суровую, горестную и холодную землю.

5 июня погода была скверная, с сильным градом и снегом; ветер дул с W и очищал море ото льда. Мы не могли ничего делать вне дома, а дома готовили к отплытию все, что было надо: паруса, весла, мачты, рей³⁴⁷, руль, шварт³⁴⁸ — все необходимое.

6 июня утром погода была хорошая, ветер дул с NO. Мы с плотниками отправились к кораблю для работы над шкоутом, а заодно отвезли к кораблю двое саней, нагруженных как продовольствием, так и купеческими товарами и всем прочим, что мы считали нужным взять с собой. Позднее подул очень сильный ветер SW со снегом, градом и дождем — последнего мы уже

давно не видели. Плотникам пришлось прервать работу и вместе с нами пойти домой, но дома тоже невозможно было укрыться от дождя, так как доски от крыши мы взяли для починки бока и шкоута, и крышей служил только парус³⁴⁹, пропускавший воду. Снег, покрывший дорогу, начал таять, так что мы сняли башмаки, сделанные из наших шляп³⁵⁰, и надели прежние кожаные.

7 июня был сильный ветер с NO, из-за чего стало опять пригонять лед; но когда солнце было на SO, погода улучшилась, и плотники вновь отправились к кораблю для окончания работы над шкоутом, а мы запаковали самые лучшие и дорогие купеческие товары, которые хотели взять с собой, и завернули их в брезент, чтобы предохранить от морской воды, так как должны были везти их в открытом шкоуте.

8 июня была ясная погода, и мы отвезли на санях на корабль запакованные товары, а плотники трудились над шкоутом, чтобы вечером полностью закончить работу. В тот же день мы все вместе подтащили волоком к кораблю бок: для этого мы накинули на плечи лямки, как для перевозки саней, и руками тоже ухватились за борта, так что мы тащили бок и плечами, и руками, что было легче; но больше всего сил нам придавало веселое настроение и желание работать, так что мы делали больше, чем могли бы в другое время, так как с одной стороны бодрость духа, с другой стороны надежда увеличивали наши силы.

9 июня погода была хорошая, ветер переменный. В этот день мы выстирали наши рубашки и прочее полотняное белье, чтобы все было готово к отплытию. Плотники сколачивали мостки, чтобы положить их на дно шкоута и бока.

10 июня мы отвезли на корабль четверо саней с товарами; ветер переменный, вечером N. Дома мы занимались приготовлениями к отъезду. Оставшееся вино мы разлили по маленьким бочонкам, чтобы поделить его на обе шлюпки, а также для того, чтобы легко было переложить весь груз на лед, а потом обратно в шлюпку, если нас затрут льды (что наверняка с нами случится, это мы знали).

11 июня погода была скверная, дул сильнейший ветер с NNW, так что мы весь день не могли ничего делать и очень боялись, что шторм взломает лед у корабля и унесет его в море (что действительно могло бы случиться), и вот тогда наше несчастье будет по-настоящему полным, так как все наше продовольствие и товары были на корабле; но Бог уберет нас от этого.

12 июня погода была неплохая. Мы все вместе отправились с топорами, кирками и другими орудиями прокладывать среди ледяных торосов дорогу, по которой нам предстояло волоком тащить лодки к воде. Мы работали во всю мочь, мы скалывали, откидывали, копали лопатой и разбрасывали лед и снег. И вот, в самый разгар работы, из моря вылез огромный тощий медведь и двинулся на нас. Мы решили, что он приплыл на льдине из Тартарии (потому что мы уже встречали в море медведей на расстоянии 20–30 миль от берега). Так как у нас не было мушкетов кроме того единственного, который взял с собой наш цирюльник, я поспешил на корабль, чтобы принести один-другой мушкет. Медведь увидел это и погнался за мной и, может быть, догнал бы меня, но мои товарищи, заметив происходящее, оставили работу и пустилась за ним. Заметив это, медведь повернулся и пошел на них, а меня оставил в покое. Когда медведь приблизился

Мы все вместе отправились с топорами, кирками и другими орудиями прокладывать среди ледяных торосов дорогу, по которой нам предстояло волоком тащить лодки к воде. Мы работали во всю ночь, мы скалывали, откидывали, копали лопатой и разбрасывали лед и снег. И вот, в самый разгар работы, из моря вылез огромный толстый медведь и двинулся на нас.

к людям, цирюльник выстрелил в него, медведь хотел убежать, но не смог из-за торосов, так что мы его догнали и пристрелили; мы выбили у него зубы, когда он был еще жив.

13 июня была хорошая погода. Шкипер в сопровождении плотников пошел на корабль, и они окончательно приготовили к отплытию и оснастили шкоут и бок, так что оставалось только спустить их на воду. Шкипер и бывшие с ним моряки увидели, что море открыто и с W дует благоприятный ветер, так что шкипер вернулся в дом и сообщил Виллему Баренцу (который уже давно был болен), что следует воспользоваться этим подходящим случаем для отплытия, и они решили вместе с командой, что шкоут и бок пора спустить на воду, чтобы с Божьей помощью отправиться в плавание и покинуть Новую Землю. Тогда Виллем Баренц, предварительно написавший записку, спрятал ее в мушкетный патрон и повесил в дымоходе³⁵¹. В ней было описано, как мы прибыли из Голландии с целью плыть в Синское царство и что с нами происходило здесь, на этой земле; в ней рассказывалось и про все наши невзгоды — на тот случай, если

кто-нибудь после нас придет сюда, чтобы он знал, что с нами было и как мы поневоле построили этот дом и хозяйничали в нем десять месяцев. Поскольку нам предстояло отправиться в море на двух открытых лодках и предпринять рискованное плавание, полное опасностей и приключений, капитан тоже написал два письма (и все мы подписали их) о том, как мы долгое время жили на этой земле с большими горестями и страданиями, надеясь, что корабль освободится ото льда и мы на нем уплывем отсюда; и как этого не случилось, и как вместо этого корабль оставался крепко скованным льдом, а время уходило и продовольствия перестало хватать; как необходимость заставила нас для сохранения своей жизни покинуть корабль и начать плавание на лодках, положась на Божью волю. Одно письмо взяли с собой те, кто плыл в шкоуте, другое — те, кто плыл в боке, на случай если мы потеряем друг друга или будем разлучены штормом или непогодой, или одна из шлюпок утонет, то в другой, уцелевшей, останутся сведения о том, как мы уезжали. Прodelав все это, мы стащили бок на воду и оставили на нем человека, потом сделали то же самое со шкоутом; затем подвезли 11 саней с вещами, как с продовольствием и вином, которые у нас оставались, так и с товарами купцов, причем очень старались прикрыть их как можно лучше. Здесь было 6 кип хорошего тонкого сукна, ящик полотна, две кипы бархата, два сундучка с деньгами, две бочки с вещами команды, такими как рубашки и прочим, 13 бочек с хлебом, одна бочка с сыром, один свиной бок, два бочонка растительного масла, шесть маленьких бочонков вина, два - уксуса и разное имущество и одежда команды, а также много другого. Когда все было сложено в кучу, то с виду казалось, что это никак не поместится в лодки. Погрузив все в лодки, мы отправились домой и перевезли на санях к воде, где стояли лодки, Виллема Баренца, а затем Клааса Андрисона, которые оба были больны. Мы сели в шлюпки, разделившись и приняв в каждую по одному больному. Тогда шкипер велел поставить обе шлюпки рядом и дал нам подписать письмо, которое, как уже говорилось, он заранее составил и копия которого приводится ниже. После этого мы вверили себя Божьей милости и вышли в море под парусом при ветре с WNW по сравнительно открытой воде.

Мы ждали вплоть до сегодняшнего дня в надежде, что корабль освободится ото льда, но что теперь остается очень мало надежды или нет никакой, потому что корабль крепко окружен льдом, при том что в конце марта и начале апреля лед образовал такие торосы, что мы даже не знаем, как добраться до воды бок и шкоут и где найти для этого удобное место. И так как представляется почти невозможным, что корабль освободится ото льда, я предложил Виллему Баренцу, главному штурману корабля, а также другим офицерам и всем прочим членам команды все-сторонне обсудить и взвесить вопрос о том, как нам спасти себя и некоторые товары, принадлежащие купцам. Мы не нашли лучшего средства, как починить и укрепить наши бок и шкоут и приготовить, насколько возможно, все необходимое, чтобы не пропустить подходящее время и погоду, если их пошлет нам Бог, так как, не воспользовавшись лучшим моментом, мы погибнем от холода и лишений, чего и теперь

еще надо опасаться, так как среди нас есть трое или четверо человек, от которых в работе нет помощи, да и самые сильные из нас так истощены от холода и лишений, что не обладают силой даже и на полчеловека. При этом следует ожидать, что положение не улучшится, с учетом длительного пути, который нам предстоит, и того, что хлеба нам хватит самое большее до конца августа, а между тем легко может войти, что если путешествие наше будет не вполне благоприятным, то раньше этого времени мы не доберемся ни до какой страны, где можно приобрести что-либо, даже несмотря на то, что начиная с этого часа будем делать все от нас зависящее. Поэтому мы сочли нежелательным медлить дольше, так как сама природа учит нас думать о сохранении собственной жизни. Все это мы постановили единогласно и подписали 1 июня 1597 г. Так как сегодня приготовления закончены, дует уверенный западный ветер и вода в море достаточно свободна от льда, то мы с Божьей помощью собрались отплыть и отправляемся в путь. Так как корабль по-прежнему еще остается крепко заперт льдом, и так как за время наших сборов мы не заметили никакой перемены в его положении несмотря на частые и сильные ветры с W, N и NW, мы в конце концов решили его покинуть.

13 июня 1597 года.

Подписали:

Якоб Хейлскерк

Питер Питерс Вос

магистр Ханс Вос³⁵²

Лауренс Виллемс

Питер Корнелис

Ян Рейнирсон

Виллем Баренц

Херрит де Вейр

Ленард Хендрикс

Якоб Янс Схидам,

Якоб Янс Стерренбургх³⁵³

14 июня утром, когда солнце было на востоке, мы, положась на милость Божью, отошли под парусами от прибрежного льда на наших боке и шкоуте, под западным ветром, и, взяв курс на ONO, прошли в тот день пять миль до Островного мыса³⁵⁴, но наш первый день плаванья получился не слишком удачным: мы снова застряли во льду, который был очень мощным и плотным, что немало расстроило нас и испугало. Оказавшись там, мы вчетвером сошли на землю, чтобы разведать обстановку, и поймали четырех птиц, которых сбили со скал камнями³⁵⁵.

15 июня лед немного отступил, и мы пошли под парусами при южном ветре дальше: миновали Головной мыс и Флиссингенский мыс, где береговая линия дальше всего выдается в на-

правлении NO, и затем идет на N до Мыса Желания, расположенного тринадцатью милями дальше³⁵⁶, и там остались до 16 числа.

16 июня мы снова пошли под парусами и при южном ветре добрались до Оранских островов, отстоящих от мыса Желания на восемь миль³⁵⁷. Здесь мы высадились на берег с двумя бочонками и котлом, чтобы растопить снег и залить воду в бочонки, а также надеясь раздобыть птиц и яиц для больных. На берегу мы развели огонь из найденных дров и растопили снег, но птиц не обнаружили. Поэтому трое из наших отправились по льду на другой остров и поймали там трех птиц³⁵⁸. По дороге обратно шкипер (который был одним из этих троих) провалился под лед и подвергся большой опасности, так как там было сильное течение. Но с Божьей помощью его спасли, так что он пришел к нам и обсушился у огня, который мы развели. Тут же мы сварили птиц, которых потом отвезли больным в лодки, и наполнили водой наши бочонки, вмещавшие около 8 мингелов (16 пинт³⁵⁹) каждая, и с ними отправились обратно к нашим в море. Вернувшись к шкоуту, мы пошли дальше под парусом при ветре SO, при плохой погоде с моросящим дождем, так что полностью промокли, так как наши лодки были совершенно открытые и не имели никаких навесов. Мы плыли на W и WtS до самого Ледяного мыса³⁶⁰. Около Ледяного мыса, когда лодки подошли близко друг к другу, шкипер крикнул, обращаясь к Виллему Баренцу, как мол его здоровье. На это Виллем Баренц ответил: «Хорошо, я надеюсь еще встать на ноги, прежде чем мы подойдем к Вархейзену³⁶¹» — и тут же обратился ко мне и сказал: «Херрит, когда мы будем около Ледяного мыса, приподними меня, я хочу еще раз посмотреть на этот мыс». От Оранских островов до Ледяного мыса мы прошли под парусом приблизительно пять миль³⁶², и когда ветер переменялся на западный, мы закрепили лодки у больших льдин и немного поели. Погода становилась все хуже, моросило все сильнее, мы снова были окружены льдом, так что пришлось здесь остаться.

17 июня утром, когда мы кончили завтракать, лед снова стал двигаться на нас³⁶³ с такой силой, что у нас волосы встали дыбом, такое это было страшное зрелище. Мы думали, что нам уже не спасти наши шкоут и бок, и полагали, что это уже и есть наше последнее плавание. Дрейфующий лед стремительно тащил нас вместе с собой, нас так крепко сдавливало льдинами, что казалось, будто шкоут и бок вот-вот разлетятся на сто частей; мы беспомощно смотрели друг на друга, не зная, что делать, и каждый миг видели перед собой смерть. Наконец, среди всеобщей растерянности и отчаяния, кто-то сказал, что если закрепить трос или канат на неподвижном береговом льду, то по этому канату можно будет подтянуть лодки и вырваться из дрейфующих льдин. План был, конечно, хороший, но сопряженный с такой опасностью, что мог стоить кому-то жизни. Если же ничего не делать, то было ясно как день, что всем нам придет конец. Никто не решался повесить колокольчик коту на шею, боясь быть съеденным³⁶⁴, но бедственное положение заставляло это сделать, и жизнь многих весила больше, чем жизнь одного. В этой крайней опасности, когда жалеть об утонувшем теленке³⁶⁵ уже не было смысла, я как самый легкий из всех взялся снести канат на припай. Перебираясь с одной дрейфующей льдины на другую, я с Божьей помощью добрался до неподвижного льда³⁶⁶ и прикрепил

канат к высокому торосу. Тогда те, кто остался на лодках, подтянулись по канату к берегу, и таким образом один человек сумел совершить больше, чем до того могли все вместе. Причалив к припаю, мы поспешно перенесли на него больных, подстелив предварительно одеяла и другие вещи, на которых они могли лежать, а затем полностью разгрузили шкоут и бок и вытащили их на лед. Так мы спаслись тогда от большой опасности и считали себя вырванными из пасти смерти, и это было правдой.

18 июня мы починили наши лодки, сильно пострадавшие от напиравшего льда; в том числе пришлось законопатить все швы и кое-где укрепить их, наложив дополнительные дощечки, что мы сделали с Божьей помощью, так как Господь послал нам дрова и мы смогли растопить смолу и приготовить все, что требовалось. Затем несколько человек отправились на берег³⁶⁷ поискать яиц, которых очень хотелось больным, но яиц не нашли, зато принесли четырех птиц, пойманных с риском для жизни между льдом и берегом, где лед у нас под ногами то и дело ломался, так что мы подверглись немалой опасности.

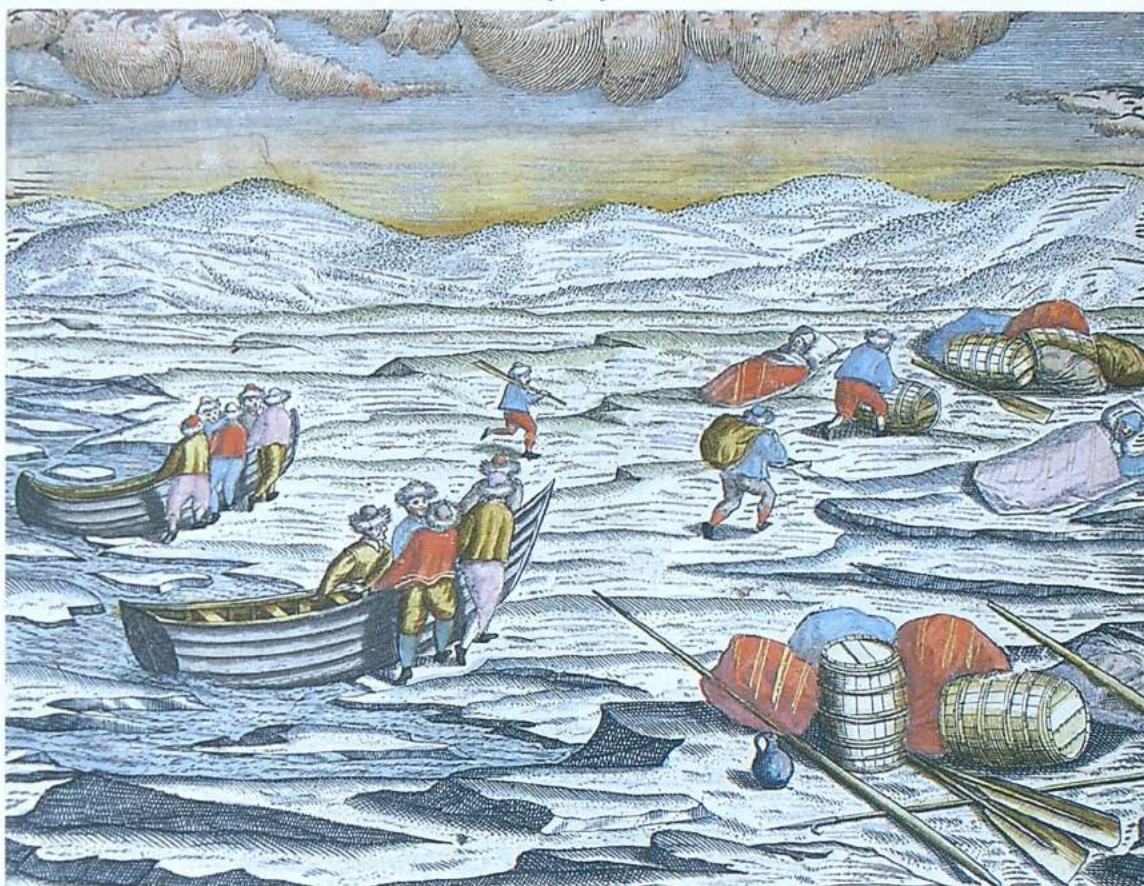
19 июня погода была неплохая; ветер NW, а с полудня W и WSW. Мы оставались окружены льдом и совсем не видели открытой воды и поэтому думали, что это наше последнее плавание и нам отсюда никогда не выбраться. Но мы все-таки утешали себя тем, что господь Бог нас уже столько раз спасал в самый неожиданный момент и что десница его не стала короче и что он сможет помочь нам, если ему будет угодно, и на это мы полагались и старались вселить друг в друга бодрость.

20 июня погода была неплохая, ветер W. Около того времени, когда солнце было на SO, Клаасу Андрису стало очень плохо, и было ясно, что он уже долго не протянет. Старший боцман пришел к нам в бок и рассказал, в каком положении находится Клаас Андрис, и что он проживет недолго. Тогда Виллем Баренц произнес: «Мне кажется, что и я протяну недолго». Мы не предполагали, что болезнь Виллема Баренца настолько опасна, потому что мы тогда сидели и беседовали, и он читал мою карту, которую я начертил за время нашего путешествия³⁶⁸, и мы обменивались мнениями о ней. Наконец он отложил карту и обратился ко мне: «Херрит, дай мне попить». Когда я это сделал и он попил, ему стало так худо, что у него закатились глаза и он умер столь неожиданно быстро, что у нас даже не было времени позвать со шкоута шкипера. Виллем Баренц умер раньше, чем Клаас Андрис, который тоже вскоре за ним последовал. Смерть Виллема Баренца причинила нам немалое горе, ведь он был наш главный вожатый и единственный штурман, на которого мы полностью полагались³⁶⁹. Но против воли Божией мы ничего не могли поделать, так что пришлось смириться³⁷⁰.

21 июня лед начало относить, и Бог послал нам очистившуюся ото льда воду при ветре SSW, а когда солнце было на NW, довольно сильно задуло с SO, и мы начали готовиться к отплытию.

22 июня утром, при довольно сильном ветре с SO, море в большой мере очистилось, но нам пришлось с большим трудом и тратя много сил перетаскивать лодки по льду. Сперва лодки с лежавшим в них грузом надо было перетащить через льдину на расстояние приблизительно в 50 шагов, спустить в воду, а затем втащить их на другую льдину и опять волочить по ней почти на

Причалив к припаю, мы поспешно перенесли на него больных, подстелив предварительно одеяла и другие вещи, на которых они могли лежать, а затем полностью разгрузили шкуну и бок и вытащили их на лед.

300 шагов. Только после этого мы добрались до открытой воды, где и смогли поставить паруса. Солнце в это время было приблизительно на ONO, ветер дул с S и SSO, но не сильный. Мы держали курс на W и WtS, пока солнце не оказалось на S. Затем мы опять были окружены льдом, через который не могли пробиться, и застряли. Однако немного спустя лед сам собой разошелся, словно открылся шлюз. Мы пошли дальше вдоль земли, но вскоре опять были затерты льдом; надеясь, что проход где-нибудь откроется, мы тем временем поели, потому что лед не расходился. Затем, напрягая все силы, мы стали расталкивать льдины, но старания наши были напрасны. Однако спустя некоторое время сам собой возник проход, и мы прошли через него и держали курс на WtS, вдоль побережья, при южном ветре.

23 июня мы продолжали плавание на WtS, пока солнце не перешло на SO, и добрались до мыса Утешения, отстоящего от Ледяного мыса на 25 миль³⁷¹. Дальше мы не могли продвинуться, так как лед был слишком плотным и льдины напоздали одна на другую, при том что погода стояла ясная. В этот день мы измерили высоту солнца с помощью астролябии, а также астроно-

мического кольца, и определили ее в 37° , а склонение его было $23^\circ 30'$; вычтя склонение из высоты, получаем $13^\circ 30'$; а если это отнять от 90° , то широта получается $76^\circ 30'$ ³⁷².

Хотя солнце светило ярко, ему не хватало сил, чтобы растопить снег, так что у нас была бы вода для питья. Потому мы взяли оловянные блюда и разные медные сосуды, какие у нас были, наполнили их снегом и выставили на солнце, и тогда солнце растопило снег. Мы также брали кусочки снега в рот, вместо питья, но это мало помогало, и нас мучила жажда.

24 июня, когда солнце было на О, мы плавали на веслах туда-сюда среди льда и искали, где лучше всего можно выйти на открытую воду, но прохода нигде не видели. Когда солнце было на S, мы прошли через лед в море, за что всей душой возблагодарили Бога, который снова даровал нам выход из безнадёжного положения. Дальше мы плыли под парусом под ветром с О и быстро подвигались вперед, так что думали уже обогнуть мыс Нассау, но опять наткнулись на лед, который обступил нас со всех сторон, так что пришлось встать у восточной стороны мыса Нассау, близко от берега; нам был хорошо виден сам мыс, находившийся, по нашим оценкам, примерно в трех милях от нас; ветер дул с S и SSW. Тогда шестеро из нас отправились на берег, нашли там дрова и приволокли их на борт, сколько могли унести; ни птиц, ни яиц они не обнаружили. На этих дровах мы, чтобы поесть горячего, сварили котел водянистой каши, которую называли «матсаммора» ³⁷³. Ветер S, дул все сильнее и сильнее.

25 июня также дул сильнейший южный ветер, и поскольку припай, к которому мы прикрепились, был не слишком прочный, мы очень боялись, что он оторвется от берега и нас унесет в море. Действительно, вечером, когда солнце было на западе, от нашей льдины отломался большой кусок, и нам пришлось переменить стоянку и пришвартоваться к другой льдине.

26 июня все еще дул штормовой ветер S; он разбил в куски лед, у которого мы стояли, так что нас понесло в море, и мы не могли опять добраться до припая и поэтому подвергались тысяче опасностей и могли совсем погибнуть. Дрейфуя в море, мы изо всех сил налегали на весла, но были не в состоянии приблизиться к берегу. Так что пришлось поставить фок-сель ³⁷⁴, чтобы идти долее под парусом, но фок-мачта ³⁷⁵ сломалась в двух местах, и наше положение стало хуже некуда. Несмотря на сильный шторм мы вынуждены были поставить грот-сель ³⁷⁶, но ветер так сильно ударил в него, что если бы мы срочно не спустили его снова, то отправились бы прямо на дно, либо шкоут залило бы водой и затопило. Вода уже начала переливаться через борт, а мы были в море далеко от берега, и волны были такие, что даже не сказать, перед нашими глазами стояла только смерть, мы готовы были в любой момент утонуть. Но Господь Бог, уже столько раз спасавший нас от смерти, помог нам снова и неожиданно послал нам ветер NW, который все привел в порядок, и мы, хотя и с большой опасностью, могли достичь припая.

Спасшись от этой опасности и не зная, где остались наши товарищи, мы проплыли вдоль припая одну милю, но не нашли их, так что стали думать плохое, боясь, не утонули ли они; между тем налетел густой туман. Продолжая плыть вдоль берега и не находя товарищей, мы выстрелили из мушкета; они слышали и тоже сделали выстрел, но мы все равно не могли увидеть друг друга. Постепенно мы стали сближаться, да и туман немного рассеялся; так что когда и мы, и они

выстрелили снова, мы увидели дым от их выстрела и наконец-то подошли к ним поближе, и тогда увидели, что их зажало между дрейфующим льдом и припаем. Оказавшись совсем рядом с ними, мы сошли на лед и направились к ним пешком и помогли им вынести на лед все из бока, а затем протащили его по льду и с большим трудом и напряжением спустили его опять в открытую воду. Пока они были зажаты льдом, им удалось найти на берегу дрова. Когда же мы все соединились, то сварили из хлеба и воды теплую кашу, чтобы положить в желудок что-нибудь горячее, и это было очень вкусно.

27 июня мы шли под парусом при умеренном восточном ветре и обогнули мыс Нассау. Когда мы были примерно в миле от его западной стороны, задул встречный ветер, так что пришлось убрать паруса и плыть на веслах. Пока мы так шли вдоль припая, мы увидели такое множество моржей, лежавших на льду, какого раньше никогда не видали, их здесь было несчетное количество, и тут же сидело огромное количество птиц. Мы выстрелили в птиц одновременно из двух мушкетов и убили сразу двенадцать штук, которых забрали в наши лодки. Пока мы шли дальше на веслах, налетел туман, и мы опять наткнулись на плавучий лед, так что пришлось вернуться к припаю и оставаться там, пока не рассеется туман. Ветер оставался встречным, он дул с WNW.

28 июня, когда солнце было на востоке, мы выгрузили все, что было в лодках, на лед, и потом затащили туда же и сами лодки, так как льдины сильно сдавливали нас со всех сторон, а ветер дул прямо с моря. Мы боялись, что будем совершенно зажаты и потом не сможем выбраться. На льду мы устроили из парусов палатку, под которой легли отдохнуть, поставив одного вахтенного. Когда солнце было приблизительно на севере, к нашим лодкам подошли три медведя. Увидев их, вахтенный сразу же закричал: «Три медведя, три медведя!» Мы выскочили из палатки с мушкетами, заряженными дробью для стрельбы по птицам, но поскольку у нас не было времени перезарядить их, мы выстрелили в медведей дробью, и хотя мы не могли нанести им вреда, они отошли от нас на большое расстояние и дали нам достаточно времени, чтобы перезарядить мушкеты, так что одного из трех медведей мы убили. Другие, увидев это, бросились бежать, но часа через два вернулись; однако, подойдя ближе и услышав производимый нами шум, они опять ушли. Ветер дул с W и WtN, так что лед с большой силой несло на восток.

29 июня, когда солнце было на SSW, те же два медведя вернулись на место, где лежал убитый медведь, и один из двоих взялся зубами за убитого, протащил его по неровному льду на большое расстояние и начал его пожирать. Увидев это, мы выстрелили в них из мушкета, но звери, услышав выстрел, убежали, оставив тушу. Мы вчетвером подошли к ней и обнаружили, что медведи за это короткое время съели почти половину. Мы оттащили остаток туши на высокий торос, чтобы наблюдать с нашего шкоута, вернутся ли медведи, и стрелять в них. Мы подивились огромной силе медведя, который с легкостью волок мертвого сородича, словно тот ничего не весит, тогда как нам четверым было очень тяжело тащить даже половину туши. Продолжал дуть западный ветер, который по-прежнему с силой гнал лед на восток.

30 июня утром, когда солнце было на OtW и ветер W по-прежнему гнал лед на восток, мы увидели на дрейфующей льдине двух медведей, которые намеревались подобраться к нам, и хо-

Когда солнце было приблизительно на севере, к нашим лодкам подошли три медведя... и хотя мы не могли нанести им вреда, они отошли от нас на большое расстояние и дали нам достаточно времени, чтобы перезарядить мушкеты, так что одного из трех медведей мы убили... два медведя вернулись на место, где лежал убитый медведь, и один из двоих взялся зубами за убитого...

дили по льдине туда-сюда, словно хотели прыгнуть в воду и доплыть до нас, но не сделали этого. Мы решили, что это те же медведи, которые побывали здесь накануне. Когда солнце было на SSO, еще один медведь направился было по припаю прямо к нам, но, приблизившись и слышав шум, ушел прочь. Ветер дул с WSW, и лед начал немного отступать. Но так как стоял туман, а ветер был сильный, мы не решились отправиться в плавание, ожидая более благоприятных условий.

ИЮЛЬ 1597 г.

Первого июля погода была неплохая, ветер WNW. Утром, когда солнце стояло на востоке, со стороны дрейфующего льда появился медведь, он поплыл в нашу сторону по воде и вылез на припай рядом с местом, где мы расположились, но услышав поднятый нами шум, не стал подходить близко, а убежал.

Когда солнце было на SO, дрейфующий лед начал прибывать и надвигаться на нас с такой силой, что припай, на котором мы находились с лодками и со всем нашим разложенным грузом, раскололся на много частей, и льдины полезли одна на другую. Мы оказались в крайне тяжелом положении, так как большая часть груза упала в воду. Мы приложили все силы, чтобы протаскать бок по льду ближе к земле, где, как мы думали, нам будет грозить меньшая опасность со стороны движущегося и напирającego льда. Когда мы вернулись на прежнее место, чтобы забрать вещи, мы оказались, пожалуй, в самом тяжелом положении за все время плавания, потому что подвергались огромной опасности, собирая груз: пока мы вытаскивали один тюк, под другим ломался лед и он падал в воду, да и под нашими ногами лед то и дело крошился, так что мы были на грани отчаяния и совсем пали духом, не видя никакого выхода, ведь эта работа и эти усилия превосходили все прежние. Когда мы тащили бок, то лед проломился у нас под ногами, и шкоут вместе с остальным имуществом поволокло дрейфующими льдинами. Пока мы пытались спасти имущество, лед еще больше раскололся под нашими ногами, и шкоут сильно повредило движущимися льдами, особенно в той части, которую мы чинили, пострадали мачта³⁷⁷, мачт-банка³⁷⁸, да и вообще весь шкоут. Между тем в шкоуте лежал больной и находилась шкатулка с деньгами: и больного, и шкатулку мы вытащили с большим риском для жизни, потому что лед, на котором мы стояли, уже уходил под другие льдины, и мы чуть было не переломали себе ноги и руки, так что мы считали, что совсем уже лишились шкоута, и с сожалением смотрели друг на друга, не зная, как нам быть, ведь от этого зависела наша жизнь. Но Господь Бог сделал так, что лед начал раздвигаться. Тогда мы как можно скорее устремились к шкоуту и, как он был, вытащили его подальше на припай и поставили рядом с боком, где он оказался в большей безопасности.

Эта тяжелая и горестная работа продолжалась беспрерывно с того времени, как солнце было на SO, до того, когда оно перешло на WSW. За это время мы не отдыхали ни минуты, так что совершенно обессилили и пали духом, и произошедшее невероятно потрясло нас, это было на-

много страшнее, чем то, что случилось после смерти Виллема Баренца, так как мы сами чуть не утонули, и к тому же у нас в этот день ушли под воду две бочки хлеба, ящик льняного полотна, бочка с обмундированием, в которой хранилась вся лучшая одежда моряков, астрономическое кольцо³⁷⁹, кипа алого сукна, бочонок масла, несколько кругов сыра и бочонок вина, у которого лед выбил дно, так что в нем ничего не осталось.

2 июля, когда солнце было близ О, к нам опять подошел медведь, но, заслышав поднятый нами шум, ушел прочь. Когда же солнце было приблизительно на WSW, погода начала проявляться. Поэтому мы немедленно стали чинить шкоут с помощью досок от настила дна. Пока мы вшестером занимались починкой шкоута, шестеро других пошли на берег поискать дров и принести камней, чтобы положить их на льду друг на друга, развести на них огонь и растопить смолу, необходимую для починки шкоута. Они собирались также поискать дерево³⁸⁰, из которого можно будет сделать мачту для шкоута. Они нашли такое дерево, а также камни, и принесли все это к месту починки шкоута. Вернувшись к нам, они сообщили, что нашли несколько стволов, обработанных топором, и принесли с собой клинья для распорки колод, из чего следовало, что тут побывали люди³⁸¹. Мы изо всех сил спешили развести огонь, растопить смолу и сделать все, что нужно для починки шкоута, чтобы он был готов к тому времени, когда солнце будет на NtO. Мы сварили также птиц, подстреленных в тот день, и полакомились ими.

3 июля утром, когда солнце было близ О, двое из нашей команды пошли к воде и нашли там два наших весла, перо руля, а также кипу алого сукна, ящик с льняным полотном и шляпу из бочки с обмундированием, из чего мы заключили, что сама бочка разбилась. Наши товарищи, увидев все это, взяли столько, сколь могли нести, вернулись к нам и сообщили, что там еще много имущества. Тогда шкипер и пятеро из наших отправились туда и перенесли все на припай, чтобы при отплытии взять с собой, но ящик и кипу сукна из-за их тяжести (они были полны воды) принести не удалось, их поставили на попа, чтобы дать воде стечь и взять потом, когда будем уезжать, как это потом и было сделано. Когда солнце было на SW, к нам опять приблизился большой медведь, но стоявший на вахте его не заметил, так что зверь напал бы на его, если бы один из моряков не увидел медведя из шкоута и не закричал вахтенному «Берегись!» Услышав этот крик, вахтенный побежал прочь; тем временем в медведя выстрелили, и он повернул восвояси. Ветер дул с ONO.

4 июля погода была настолько хорошая и ясная, какой у нас ни разу не было за все время нашей жизни на Новой Земле. Мы выстирали в чистой воде, растопленной из снега, бархат, промокший в соленой воде, затем высушили его и опять свернули в кипу. Ветер дул с W и WSW.

5 июля днем была хорошая ясная погода; ветер WSW. В этот день умер Ян Франц из Харлема³⁸², двоюродный брат Клааса Андриса, умершего в один день с Виллемом Баренцем. Он испустил дух, когда солнце было примерно на NNW и лед опять стал мощно напирать на нас. Шестеро из нас снова сходили на берег³⁸³ и принесли еще дров, чтобы сварить еду.

6 июля было туманно, но к вечеру стало проясняться, ветер сменился на SO, что нас несколько ободрило, но мы все-таки еще остались сидеть на льду.

7 июля была хорошая погода, небольшой дождь, ветер WSW, а к вечеру WtN. Мы сходили к открытой воде и подстрелили 13 птиц, подобрали их с плавучей льдины и перенесли на припай.

8 июля моросил дождь и было туманно. Мы сварили подстреленных накануне птиц, и получился чудесный обед. Вечером поднялся ветер NO, который дал нам надежду уплыть с этого места.

9 июля утром лед пришел в движение, так что около берега появилась открытая вода; припай, на котором мы находились, тоже начало отрываться, и поэтому несколько членов команды вместе со шкипером отправились за ящиком и кипой сукна, оставленными на льду, чтобы отнести их в шкоут; а мы отволокли шкоут и бок к воде на расстояние 340 шагов, что далось нам очень нелегко, потому что работа была очень тяжела, а мы сильно ослабли. Около того времени, когда солнце было на SSO, мы поставили паруса при восточном ветре. Но когда солнце было на W, нам пришлось снова подойти к берегу и припаю, потому что лед там еще не разошелся. Но ветер дул южный, т. е. от берега, и мы твердо надеялись, что лед унесет и мы сможем продолжать путь.

10 июля с того времени, как солнце было на ONO, и до того, как оно перешло на O, мы приложили все усилия и проделали огромную работу, чтобы пройти через лед, а затем налегли на весла, пока снова не оказались между двух больших ледяных полей, которые смыкались друг с другом, так что мы не могли между ними пройти; пришлось вытащить бок и шкоут на лед, выгрузив все, что в них находилось, а потом перетащить их до открытой воды у другого края, а также перенести туда груз, а расстояние было сто шагов. Эта работа далась нам крайне тяжело, но надо было двигаться дальше, и мы не позволяли себе думать об усталости. Когда мы снова были на воде, то стали грести изо всех сил и вскоре опять оказались между двумя большими ледяными полями, которые неуклонно сближались, но с Божьей помощью и благодаря нашей усиленной гребле мы проскочили раньше, чем они сомкнулись. Когда мы миновали этот лед, поднялся сильный западный ветер, прямо в лоб, так что мы стали грести изо всех сил к припайному льду у берега, куда мы едва смогли добраться. Подойдя к припаю, мы рассчитывали пройти на веслах вдоль его края к острову³⁸⁴, который мы видели, но из-за сильного встречного ветра это оказалось невозможно. Поэтому нам опять пришлось вытащить на лед шкоут и бок с тем, что в них было, и ждать, какой выход нам пошлет Бог. Но мы начали падать духом из-за того, что всякий раз натывались на лед, и боялись, что от длительной тяжелой работы, которую нам приходилось выполнять, мы лишимся сил и не выдержим.

11 июля утром мы оставались на льду, и около того времени, когда солнце было на NO, из воды вылез огромный жирный медведь и направился к нам, но мы ждали его с тремя направленными на него мушкетами. Когда он был примерно в 30 шагах от нас, все три выстрелили в него одновременно и убили наповал, так что он больше и не шелохнулся, а жир из пробитых пулями дыр в шкуре растекся по воде, точно масло. Пока туша медведя покачивалась на воде, мы на льдине подплыли к нему, набросили на шею веревку и вытащили на лед; затем выбили ему зубы и измерили его тушу, которая была 8 футов толщиной³⁸⁵. Ветер дул западный, погода стояла туманная. Когда солнце было приблизительно на юге, начало проясняться. Трое из нашей

команды отправились на остров, находившийся перед нами, и придя туда, они увидели Крестовый остров³⁸⁶, лежавший к западу от них, и, посоветовавшись, решили сходить туда посмотреть, не побывали ли там минувшим летом какие-нибудь русские³⁸⁷; они пошли туда по припайному льду, лежавшему между двумя островами³⁸⁸. Добравшись туда, они не обнаружили никаких признаков того, чтобы кто-нибудь был там после нас. Они собрали там штук 70 яиц горных уток³⁸⁹ и не знали, как их донести. Наконец один из них снял брюки и перевязал штанины снизу; двое из них понесли яйца, повесив брюки на пику, а третий нес мушкет. Так они и вернулись после 12-часового отсутствия, когда мы уже ломали голову, что с ними могло случиться. Они рассказали нам, что когда шли по льду между двумя островами, вода иногда доходила им до колена, а всего туда и обратно они проделали путь в шесть миль, так что мы удивлялись, как они решились на это, ведь мы все были такие слабые. Принесенные яйца доставили нам большое удовольствие, мы устроили себе пир, точно знатные господа, это было словно Рождество среди наших невзгод. Тогда же мы разделили на всех последнее вино, и нам досталось приблизительно по три мингеля.

12 июля утром, когда солнце было на востоке, начал дуть ветер с О и ОНО; стоял туман. Вечером шестеро из нас пошли искать камешки³⁹⁰ и нашли некоторое количество, но не очень хороших. На обратном пути каждый прихватил с собой дров³⁹¹, сколько мог унести.

13 июля была хорошая погода, и мы всемером пошли на материк³⁹² искать камешки и нашли их некоторое количество; ветер был SO.

14 июля погода была еще хорошая; дул благоприятный южный ветер, так что лед начало относить от берега, и в нас воскресла надежда, что вода откроется. Но ветер опять переменялся на W, и лед снова встал. Когда солнце было на SW, трое из нас отправились на ближайший остров, расположенный впереди, и подстрелили там горную утку³⁹³ (пеганку). Они принесли ее к лодкам и отдали в общее пользование, так как у нас все было общее.

15 июля была туманная погода, утром дул ветер SO, но когда солнце было на западе, пошел дождь, а ветер перешел на W и WSW.

16 июля с материка к нам пришел медведь, мы подпустили его близко, так как он был белый, как снег, и мы вначале не видели, что это медведь, так он сливался со снегом, потом по его движению мы его заметили, и когда он оказался достаточно близко, выстрелили в него и ранили, после чего он сразу ушел. Ветер утром был W, а потом ОНО, погода туманная.

17 июля, когда солнце было на SSO, пятеро из наших людей опять пошли на ближайший остров посмотреть, есть ли где-нибудь открытая вода, потому что нас уже начало угнетать то, что мы так долго остаемся на этом месте, а мы не видели никакого выхода, как выбраться отсюда. Примерно на полпути они нашли медведя, лежавшего за льдиной, того, которого мы ранили накануне. Заслышав людей, он пустился бежать, но один из наших погнался за ним с багром и вонзил багор в ему шкуру. Медведь стал на задние лапы, и когда моряк снова ткнул в него багром, он сломал железную часть багра с такой силой, что человек сел на свой зад. Другие товарищи, увидев это, выстрелили в медведя, и тот побежал прочь; но человек со сломанным багром

побежал за ним и время от времени тыкал им медведю в шкуру, медведь же каждый раз оборачивался и трижды прыгал на него. Между тем подошли еще двое наших и еще раз выстрелили в медведя, так что он сел задом на лед и не мог идти дальше, тогда они снова в него выстрелили, и он упал. Потом ему выбили зубы. Весь тот день дул ветер с NO и ONO.

18 июля, когда солнце было на востоке, трое из наших пошли на землю, на самое возвышенное место, чтобы посмотреть, не открылось ли море с какой-нибудь стороны. Они увидели много открытой воды, но так далеко от земли, что сердце у них сжалось, ведь это было так далеко от земли и от припая, что им казалось невозможным перетащить на такое огромное расстояние лодки и их содержимое, так как сил у нас оставалось чем дальше, тем меньше, а тягости и трудности только возрастали. Вернувшись к лодкам, они рассказали нам обо всем, и мы, черпая мужество из отчаяния, заставили себя спустить лодки и груз на воду, чтобы на веслах подойти к тому льду, через который надо было перебраться к открытому морю. Добравшись до льда, мы разгрузили лодки, вытащили на лед, по очереди проволокли их до воды, затем сделали то же самое с грузом, на расстояние примерно тысячи шагов. Это было для нас так горько и тяжело, что нам казалось, еще немного и мы не выдержим. Однако, преодолев уже столько трудностей, мы надеялись одолеть и эту, желая, чтобы она оказалась последней. Таким образом добрались мы с превеликим трудом до открытой воды около того времени, когда солнце было на SW. Затем мы шли под парусами, пока солнце не перешло на WtS, и опять наткнулись на лед, на который пришлось вытащить лодки. Отсюда был виден Крестовый остров, по нашим оценкам, приблизительно на расстоянии одной мили от нас. Ветер дул с O и ONO.

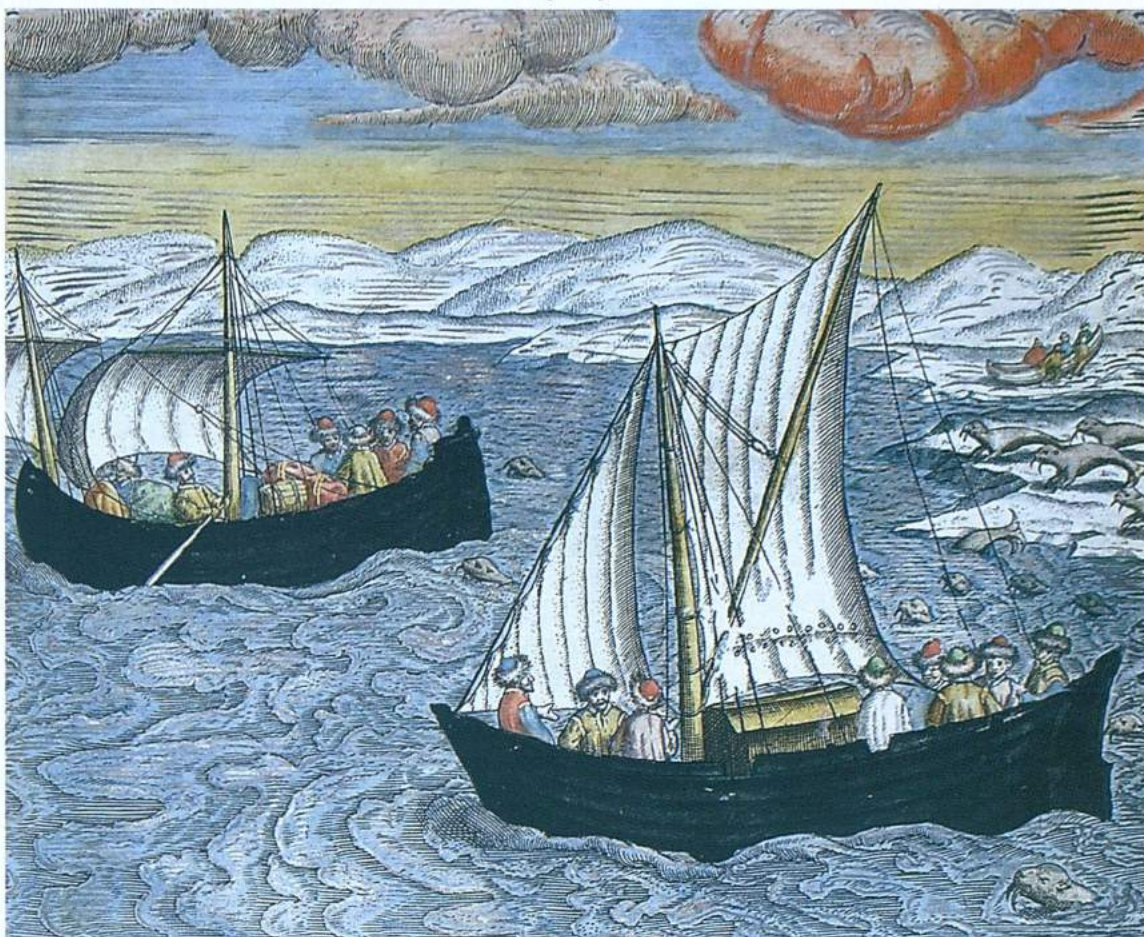
19 июля, когда мы, как сказано, сидели на льду, семеро из нас пошли утром (солнце было на O) на Крестовый остров, откуда увидели в западном направлении очень много открытой воды, чему весьма обрадовались и поспешили как можно скорее вернуться к лодкам, набрав тем не менее сотню яиц, которые они и принесли с собой. Вернувшись к лодкам, они рассказали, что видели открытую воду повсюду, насколько хватало глаз, так что они надеялись, что теперь нам придется тащить лодки по льду в последний раз и что больше такого делать не придется, и мы все стали подбадривать друг друга. Мы поспешно сварили яйца и разделили между собой, а потом немедленно, когда солнце было на SSW, взялись за работу, чтобы все приготовить и оттащить шкоут и бок к воде. Их надо было волочить по льду на расстояние 270 шагов, но мы делали все с большим подъемом, надеясь, что это в последний раз. Спустив лодки на воду, мы с Божьей помощью и полагаясь на его волю пошли под парусами при ветре с O и ONO, попутном нам, и двигались так быстро, что к тому времени, когда солнце было на W, мы уже обогнули Крестовый остров, отстоящий от мыса Нассау на десять миль³⁹⁴. Сразу после этого лед пропал, мы полностью вышли из него, потом мы видели немного льда в море, но он не мешал нам. Мы шли курсом на WtS при постоянном ветре с O и ONO, так что по нашим оценкам в сутки мы делали приблизительно 18 миль³⁹⁵, что наполняло нас радостью, и мы благодарили Бога, что он избавил и спас нас от стольких великих трудностей (в которых казалось, что мы погибнем), и полагались на его милость, что он и в дальнейшем будет нам помогать.

20 июля, так же прекрасно продвигаясь под парусом вперед, к тому времени, когда солнце было приблизительно на SO, мы прошли Черный мыс³⁹⁶, отстоящий от Крестового острова на 12 миль³⁹⁷, и взяли курс на WSW, а вечером, при солнце на W, мы увидели остров Адмиралтейства и прошли мимо этого острова около того времени, когда солнце было на N, а расстояние от Черного мыса до острова Адмиралтейства 8 миль³⁹⁸. Когда мы проходили этот остров, то увидели около 200 моржей, лежавших на льдине, и поплыли близко к ним, так что спугнули их, за что чуть не поплатились слишком дорого: так как эти огромные морские чудовища очень сильны, они стремительно подплыли к нам (как будто желая отомстить за то, что мы их потревожили) и со страшным шумом окружили лодки, словно собирались нас уничтожить, но мы все же ускользнули благодаря попутному ветру. Тем не менее с нашей стороны было неблагоприятно разбудить спящих собак.

21 июля около того времени, когда солнце было на ONO, мы миновали мыс Планция³⁹⁹, отстоящий от острова Адмиралтейства на 8 миль⁴⁰⁰ в направлении к WSW. Затем, продолжая плыть при попутном ветре, мы около того времени, когда солнце было на SW, прошли Лангенес⁴⁰¹, отстоящий от вышеупомянутого мыса Планция на 9 миль⁴⁰²; отсюда земля простирается преимущественно к SW. Дул благоприятный для нас ветер NO.

22 июля, продолжая успешное плавание под парусами, мы добрались до мыса Кант⁴⁰³, где вышли на землю поискать птиц и яиц, но не нашли ничего и поплыли дальше. Затем, когда солнце было на S, мы увидели утес, усеянный птицами, подплыли к нему и, бросая камни, сбили 22 птицы и собрали 15 яиц, которые один из наших снял с утеса. Если бы мы захотели остаться здесь дольше, то могли бы добыть одну или две сотни птиц, но поскольку наш шкипер ждал нас в море, а также чтобы не упустить благоприятного ветра, мы сразу продолжали плавание вдоль земли. Около того времени, когда солнце было на SW, мы опять подошли к какому-то мысу, где добыли огромное количество птиц, штук 125, которых брали прямо руками с их гнезд, или бросали в них камни, так что птицы падали с высоты в воду. Должно быть, они никогда не видели людей и никто никогда не пытался их ловить, иначе они улетели бы от нас; они боялись только песцов и других диких животных, которые не могут забраться на высокие крутые утесы; поэтому птицы и устроили себе там гнезда и были спокойны, что никто туда не залезет. Да и мы подвергались немалой опасности сломать себе руки и ноги, особенно при спуске, потому что утес был таким крутым. У этих птиц было всего по одному яйцу у каждой, лежащему на голом утесе, без всякой соломы или другой подстилки; удивительно, как они на таком холоде могут высиживать яйца. Надо полагать, они потому-то и несут только одно яйцо, что тепло, которое они отдают при высиживании, намного сильнее, если сосредоточено на одном яйце, а не делится между несколькими яйцами одновременно. Мы нашли здесь также много яиц, но большей частью тухлых. Когда мы отплыли от этого мыса, поднялся сильный встречный ветер с NW и появилось много льда, который мы изо всех сил пытались обойти, но не могли. В конце концов, лавируя туда-сюда, мы попали в лед. Отсюда мы увидели в направлении к земле много открытой воды, к которой и направились. Шкипер, на-

Когда мы проходили этот остров, то увидели около 200 моржей, лежавших на льдине, и поплыли близко к ним, так что спугнули их, за что чуть не заплатили слишком дорого: так как эти огромные морские чудовища очень сильны, они стремительно подплыли к нам.

ходившийся со своим шкоутом дальше от берега, увидел нас посреди льда и решил, что дела наши плохи, и поэтому держался вне льда, лавируя туда и сюда. Но, заметив наконец, что мы под парусом движемся через лед, предположил, что мы видим открытую воду, к которой и держим курс, как это и было на самом деле. Тогда он также повернул к нам и подошел к земле рядом с нами. Тут мы нашли удобную гавань⁴⁰⁴, защищенную почти от всех ветров; шкипер пришел сюда через два часа после нас. Мы вместе высадились на берег, нашли сколько-то яиц и набрали дров для разведения костра, на котором сварили пойманных птиц. Ветер был NW, погода ненастная.

23 июля погода была мрачная и туманная; ветер N, так что нам пришлось остаться в этой гавани. Между тем некоторые из нас отправились на землю поискать птичьих яиц и, если повезет, камешков, но нашли немного; зато часть камешков были хорошие.

24 июля погода была хорошая и ясная, но ветер оставался N, так что мы решили не двигаться с места. В полдень мы измерили высоту солнца нашей астролябией и определили ее в $37^{\circ}20'$, а склонение было $20^{\circ}10'$. Отнимая это от найденной высоты, имеем в остатке $17^{\circ}10'$, а если вычесть их из 90° , то широта получается $73^{\circ}10'$ ⁴⁰⁵. Раз уж нам пришлось здесь оставаться, некоторые из наших часто ходили искать камешки, и находили их, причем такие хорошие, каких мы никогда раньше не находили.

25 июля погода была мрачная и туманная, ветер N. Нам пришлось оставаться на берегу, потому что слишком сильно дуло.

26 июля погода начала проясняться, чего у нас не было несколько дней; ветер оставался N. Когда солнце было приблизительно на S, мы отплыли отсюда под парусом. Но так как это был большой залив⁴⁰⁶, нам пришлось плыть к морю почти четыре мили, прежде чем мы смогли обогнуть мыс залива⁴⁰⁷, а ветер по большей части был встречный, поэтому была уже полночь, когда мы выбрались из залива, идя то под парусами, то на веслах. Миновав мыс, мы спустили паруса, налегли на весла и пошли вдоль побережья.

27 июля была хорошая тихая погода, так что мы целый день гребли среди расколовшегося льда вдоль земли⁴⁰⁸; ветер был NW. Вечером, при солнце на W, мы добрались до места, где было мощное течение. Поэтому мы предположили, что находимся около Костина Шара⁴⁰⁹, так как видели большой залив или пролив и полагали, что он проходит до Татарского моря, а курс наш был в основном на SW. Около того времени, как солнце было на N, мы обогнули Крестовый мыс⁴¹⁰ и пошли на парусах между основной землей и каким-то островом⁴¹¹, а затем взяли курс на SSO⁴¹² при ветре NW, так что мы хорошо продвигались вперед. Шкипер с его шкоутом были далеко впереди нас, но, добравшись до мыса острова, он дождался нас. Придя туда, мы остановились на некоторое время у утеса, надеясь поймать каких-нибудь птиц, но не поймали ни одной. От мыса Кант, через Костин Шар и до Крестового мыса мы проделали под парусами путь 20 миль на SSO⁴¹³. Ветер дул с NW.

28 июля была хорошая ясная погода при ветре NO. Мы шли под парусами вдоль берега и, когда солнце было на SW, достигли залива св. Лаврентия⁴¹⁴ или мыса Шанц⁴¹⁵, пройдя 6 миль в направлении SSO. Добравшись до этого места, мы обнаружили за мысом две русские лодьи. Нас отчасти обрадовало, что наконец-то мы добрались до таких мест, где есть люди, но, с другой стороны, нас испугало, что их так много, потому что мы видели по крайней мере человек 30 и не знали, что это за люди, дикие или какие-то другие иностранцы. С большим трудом мы добрались до земли, а они, увидев нас, бросили работу и пошли в нашу сторону, но без оружия, и мы тоже сошли на землю — те из нас, кто был достаточно здоров, потому что многие очень страдали и совсем ослабли от цинги. Приближаясь друг к другу, и они, и мы выказывали обоюдное глубокое почтение, они по своему обычаю, мы по нашему. Но сойдясь поближе, мы посмотрели друг на друга с жалостью, потому что некоторые из них узнали нас, а мы их, это были те же люди, которые два года назад, когда мы проходили пролив Вайгач, поднимались к нам на корабль. Тут мы заметили, что они огорчены и расстроены нашим видом, ведь в тот раз у нас все было

Приближаясь друг к другу, и они, и мы выказывали обоюдно глубокое почтение, они по своему обычаю, мы по нашему.

так хорошо, мы плыли на большом прекрасном корабле, богато оснащенном, который привел их в восхищение, а теперь мы были такие тощие и жалкие и плыли в открытых лодочках. Среди них было двое, которые дружески похлопали по плечу меня и шкипера, поскольку узнали нас по прошлой встрече (так как кроме меня и его в Вайгаче тогда не было никого), и спросили про наш *scrabble*, как они называли наш корабль, что с ним случилось? Мы объяснили, насколько могли, (поскольку переводчика у нас не было), что наш корабль остался во льду. Тогда они спросили: «*scrabble pro ral?*», и мы поняли это так: «Вы потеряли корабль?» И мы ответили: «*scrabble pro ral*», то есть «да, мы потеряли корабль», но много разговаривать с ними мы не могли, так как не понимали друг друга. Правда, они показывали своими лицами, что сочувствуют нам и жалеют о том, что раньше вместе с нами плыло столько кораблей, а теперь мы находимся в столь жалком состоянии; они показали также, что тогда на нашем корабле пили вино, и спрашивали, какой теперь у нас напиток? Поэтому один из наших моряков пошел к шкоуту, набрал из бочонка во-

ды и дал русским ее попробовать, но те покачали головой и сказали: «*no dobbre*», что значит «не хорошо». Тогда наш шкипер подошел к ним поближе и показал им открытый рот, чтобы объяснить, что нас мучает цинга, и спросить, не знают ли они от нее средства. Но они поняли, что мы голодны, и один из них пошел к своей ладье и принес круглый ржаной хлеб весом около 8 фунтов⁴¹⁶ и несколько копченых птиц. Мы приняли это с благодарностью и дали им в ответ полдюжины сухарей. Наш шкипер повел двух главных из них к своему шкоуту и налил им вина, которое у него оставалось, приблизительно один мингель⁴¹⁷, вино уже почти кончилось. Пока мы там находились, мы чувствовали себя хорошими товарищами с русскими. Мы пошли на их стоянку и на их огне сварили тюрю из сухарей и воды, чтобы съесть горячего. Мы очень радовались присутствию русских, потому что в течение 13 месяцев, с тех пор, как расстались с Яном Корнелисом⁴¹⁸, мы ни разу не видели людей, а встречали только свирепых, диких и прожорливых медведей. Потому теперь нам и было хорошо и весело, что мы дожили до того времени, когда вернулись к людям, и мы говорили друг другу: теперь все будет благополучно, раз мы добрались до людей, и благодарили Бога, что он столь милостив и позволил нам дожить до этого часа.

29 июля погода была неплохая. Утром русские начали готовиться к отправлению, вырыли из гальки несколько бочек ворвани, которые у них там были спрятаны, и снесли их на свои корабли. Мы, не зная, куда они направляются, увидели, что они идут к Вайгачу; поэтому мы также поставили паруса и последовали за ними. Когда же они ушли вперед, а мы плыли за ними, держась берега, стало туманно и пасмурно, так что мы их потеряли из виду: подошли ли они к земле и укрылись в каком-нибудь заливе, или поплыли дальше, — мы не знали. Тем не менее мы продолжали идти под парусом на SSO при ветре NW, а затем пошли на SO между двумя островами⁴¹⁹, пока лед снова не окружил нас, так что не стало видно чистой воды. Мы полагали, что находимся около Вайгача, и что ветер с NW нагнал лед в этот залив. Оказавшись во льду и не видя впереди никакого прохода, мы с большим трудом поплыли обратно к двум вышеупомянутым островам. Добравшись до них около того времени, когда солнце было на NO, мы пристали к одному из островов, так как ветер становился чем дальше, тем сильнее.

30 июля, когда мы таким образом стояли у острова, а ветер с прежней силой дул с NW, пошел сильный дождь, и погода была бурная, так что мы промокали даже под парусами, растянутыми над лодками. Это было для нас необычно, потому что дождя у нас не было уже очень давно, и нам пришлось оставаться здесь весь день.

31 июля утром, около того времени, когда солнце было на NO, мы на веслах пошли к другому острову⁴²⁰, на котором стояли два креста, и мы предполагали, что там могут быть какие-нибудь люди, занимающиеся промыслом, подобно тем русским несколько дней назад, но мы не нашли никого. Ветер продолжал дуть с NW, поэтому лед с прежней силой двигался к Вайгачу. Мы высадились на берег к нашему великому счастью, так как нашли там ложечную траву⁴²¹ (*Cochlearia officinalis*. — Прим. И. М.), которая была нам очень кстати, как будто ее послал нам Господь Бог, потому что многие из нас были больны, и большинство так сильно страдали от цинги, что едва двигались, а от этой травы им стало заметно лучше. Она помогла так явно и так

быстро, что мы сами удивились и благодарили Бога, который уже сколько раз помогал нам в тяжелой минуту. Мы ели ее прямо руками, полными пригоршнями, так как слышали еще у себя дома об ее силе, а теперь выяснили, что ее целебная сила намного больше, чем мы думали.

АВГУСТ 1597 г.

---

1 августа был сильнейший ветер с NW, лед, который уже долгое время несло в пролив Вайгач, остановился, но поднялись такие огромные волны, что нам пришлось перевести наши лодки на другую сторону острова, чтобы остров защищал нас от этих валов. Стоя здесь, мы опять пошли на берег собирать ложечную траву, от которой мы чувствовали огромную пользу, наше здоровье поправлялось все больше и больше и притом так быстро, что мы сами удивлялись: некоторые сразу смогли есть сухари, чего еще только что не могли.

2 августа погода была пасмурная и туманная, дул все тот же сильный ветер NW. Наши запасы продуктов сильно уменьшались, у нас осталось только немного хлеба, а также вода, да еще совсем чуть-чуть сыра. Поэтому нам не терпелось отсюда уехать из-за голода, от которого наши слабые руки и ноги еще более лишались силы, тогда как нам приходилось выполнять тяжелую работу. Эти два обстоятельства противоречили одно другому, так как нам скорее нужен был полный желудок для восстановления сил, нежели воздержанность.

3 августа около того времени, когда солнце было на N, погода немного улучшилась, и мы приняли решение покинуть Новую Землю и плыть в Россию. С Божьей помощью мы вышли под парусами при ветре NW и шли на SSW, пока солнце не оказалось на O. Тогда мы опять наткнулись на лед, что очень испугало нас, так как мы уже перебирались через лед и простились с ним, и не ожидали, что он так скоро опять устроит нам засаду. Итак, мы очутились среди льда при безветрии, и поскольку от парусов было мало прока, мы их сняли и опять принялись гребсти, и гребли через лед с большим трудом и с горечью в душе. Около того времени, когда солнце было на SW, мы миновали лед и добрались до открытого моря, где льда вовсе не было видно. Всего под парусами и на веслах мы проделали путь в двадцать миль⁴²². Идя далее под парусами, нам казалось, что мы уже видим русский берег; но около того времени, когда солнце было на NW, мы опять попали в лед, причем сильно похолодало, что нас крайне огорчило, и мы уже стали думать, что никогда не выберемся из льда. Оттого что мы на нашем боке шли не очень быстро и не смогли обойти лед, нам пришлось войти прямо в него, так как мы видели, что за льдом опять открывается чистая вода. Но оказалось крайне трудно пробиться через край льда, так как льдины дрейфовали очень плотно друг к другу; но в конце концов мы нашли возможность прорваться. Когда мы вошли в лед, то нам стало немного легче и, приложив большие усилия, мы добрались до открытой воды. Наш шкипер, который находился в шкоуте, где паруса были лучше,

обошел лед стороной и боялся за нас, что нас зажал ледом. Но по милости Божьей мы прошли через лед как раз к тому же времени, когда шкипер обогнул его, так что мы опять встретились.

4 августа, около того времени, когда солнце было на SO, а мы освободились из льда, мы вместе шли под парусами при ветре с NW, преимущественно курсом на юг, и около полудня, когда солнце было приблизительно на S, увидели русский впереди берег, что очень нас обрадовало. Приблизившись, мы спустили паруса и на веслах пошли к земле и увидели, что она очень низменная: песчаный берег, который легко может залить водой⁴²³. Мы оставались там до тех пор, когда солнце перешло на SW, но видя, что ничего хорошего мы здесь не дождемся, при том что от мыса Новой Земли прошли досюда около 30 миль, мы пошли дальше под парусами вдоль русского берега и шли с неплохой скоростью. Когда солнце было на N, мы опять увидели небольшой русский корабль (йол)⁴²⁴, к которому и направились, чтобы поговорить с этими людьми. Когда мы приблизились, они все поднялись наверх своего йола, а когда мы закричали: «Candi Nas, Candi Nas⁴²⁵», желая этим спросить у них, не находимся ли мы у Канина Носа, они ответили: «Pitzora, Pitzora», подразумевая, что мы находимся около Печоры⁴²⁶. Когда мы плыли вдоль самого берега, где было очень мелко⁴²⁷, и думали, что плывем на WtN, чтобы обогнуть мыс Канди Нас⁴²⁸, наш компас, закрепленный на сундуке с железной окантовкой, обманул нас на два румба⁴²⁹, и поэтому мы оказались намного южнее, чем думали, и намного восточнее, так как полагали, что находимся вблизи Канди Наса, а на самом деле были в трех днях пути под парусом от него, как узнали впоследствии. Обнаружив свое заблуждение, мы остановились и стали дожидаться дня.

5 августа, пока мы там стояли, один из наших товарищей пошел на берег и обнаружил, что там есть зелень и низкорослые деревья. Стоя на берегу, он крикнул нам, чтобы мы шли к нему с ружьями, так как можно было стрелять дичь, чему мы очень обрадовались, ведь наш запас еды почти закончился, у нас осталось только немного заплесневелого хлеба. От этого мы были в таком отчаянии, что некоторые предлагали бросить лодки и пойти вглубь земли, говоря, что иначе все мы умрем от голода. Нам уже несколько дней нечего было есть, и голод был точно острый меч, и мы не могли терпеть его дольше.

6 августа погода начала улучшаться, так что мы взяли себя в руки и поплыли дальше на веслах, ведь чтобы выйти из залива⁴³⁰, надо было двигаться против ветра, дувшего с OSO. Пройдя на веслах три мили, мы не могли плыть дальше, так как и ветер был точно встречный, и мы были измучены и обессилены; кроме того оказалось, что берег простирался к NO гораздо дальше, чем мы думали. Поэтому мы с жалостью смотрели друг на друга, близкие к отчаянию. Мы не знали, сколько нам еще плыть, прежде чем мы достигнем избавления, и продовольствие у нас почти кончилось.

7 числа ветер задул с WNW, что позволило нам выбраться из залива. Мы шли на парусах на OtN, пока не вышли из залива в том месте и у того мыса материка⁴³¹, где уже были раньше. Тут мы опять остановились, так как ветер с NW дул нам в лоб. Наши люди совсем упали духом, так как было совершенно непонятно, как мы отсюда сможем выйти. Болезни, голод и беспрос-

ветность положения истощали наши плоть и кровь, если бы отчаяние могло помочь, нам было бы намного лучше.

8 августа погода не улучшилась, дул тот же сильный встречный ветер, и мы стояли довольно далеко друг от друга, так как каждый выбрал себе место поудобнее. На нашем боку уныние было особенно сильным, потому что некоторые уже потеряли голову от голода, они не могли больше так голодать и хотели умереть.

9 августа погода оставалась прежней, ветер дул точно навстречу, мы не двигались с места, так как плыть вперед не могли, и наше отчаяние росло с каждым часом. Наконец из шкоута, где был шкипер, высадилось два человека, увидев это, из нашего бока двое тоже сошли на землю. Они вместе прошли около одной мили вдоль берега и увидели бакен напротив устья реки. Они решили, что здесь проходит путь, которым пользуются русские между Канди Насом и русским материком. На обратном пути они нашли дохлого тюленя, который сильно вонял; они притащили к его к нашему боку и думали, что это хорошая дичь, которую можно съесть, так ужасно их мучил голод, но мы их отговорили, сказав, что от этой еды наверняка умрем. Лучше еще немного пострадать от голода, ведь Господь Бог, уже столько раз спасавший нас в неисповедимую минуту, все еще жив, и надо надеяться, что он и теперь не покинет нас, а поможет.

10 августа продолжался тот же ветер NW при туманной и мрачной погоде, так что нам приходилось по-прежнему стоять на том же месте. О том, каково было наше душевное состояние, гадать не приходилось, так как это было видно по нашим лицам.

11 августа утром погода была хорошая и тихая; около того времени, когда солнце было на NO, шкипер послал к нам человека сказать, чтобы мы готовились к отплытию, но мы уже были готовы и плыли на веслах к нему. Так как я очень ослаб и не мог больше грести, и наш бок шел на веслах намного тяжелее шкоута, то меня поместили в шкоут и посадили к рулю, а на мое место отправили другого, более сильного, чтобы двигаться наравне. Таким образом мы плыли на веслах до полудня. Затем подул попутный ветер с S, мы сложили весла и пошли на парусах с хорошей скоростью, однако вечером ветер настолько усилился, что пришлось убрать паруса и на веслах подойти к земле, где мы встали у самого берега и отправились на поиски пресной воды, но не нашли ее. Так как мы не могли двигаться дальше, то устроили из парусов палатки, чтобы спрятаться в них, и начался самый сильный дождь, какой только может быть; в полночь ударили страшные гром и молния, а дождь полил еще сильнее. Все это окончательно лишило нас присутствия духа, так как мы не видели впереди спасения, и нас ждали только страдания и горести.

12 августа была ясная погода, и когда солнце было на O, мы увидели русскую лодью, идущую в нашу сторону на всех парусах, что нас немало обрадовало. Увидев ее с берега, на котором мы стояли с нашими лодками, мы убедили шкипера пойти навстречу лодье, поговорить с русскими и купить у них какого-нибудь продовольствия. Поэтому мы как можно скорее спустили лодки на воду и пошли на парусах к лодье. Доплыв до нее, шкипер поднялся на борт лодьи и спросил, далеко ли мы от Канди Наса⁴³², но мы не могли понять ответа, так как мы говорили на разных языках. Они показывали нам пять пальцев, но нам все равно было неясно, о чем они;

...когда солнце было на О, мы увидели русскую лодью... мы как можно скорее спустили лодки на воду и пошли на парусах к лодье... наш шкипер прошел на их корабль, указал на стоявшую там бочку с рыбой и спросил знаками, не хотят ли они нам ее продать...

впоследствии мы догадались, что они имели в виду пять крестов, которые стоят на мысу⁴³³. Они принесли наверх также свой компас⁴³⁴ и стали показывать, что Канди Нас находится к NW от нас, что показывал и наш компас, и мы рассчитали это точно так же. Поскольку мы больше ничего не могли понять из их ответов, наш шкипер прошел дальше на их корабль, указал на стоявшую там бочку с рыбой и спросил знаками, не хотят ли они нам ее продать, и вынул при этом монету в 8 реалов⁴³⁵. Они поняли и дали нам сто две рыбы с несколькими хлебцами, которые они приготовили из муки, пока варили рыбу. Когда солнце стояло приблизительно на S, мы расстались с ними, радуясь, что добыли продовольствия, так как давно уже не ели ничего, кроме четырех унций⁴³⁶ хлеба в день, и запивали водой. Эти рыбы были поделены на всех поровну, причем самый низший и самый высший получили одинаково. Расставшись с русскими, мы пошли дальше нашим курсом на WtN при ветре с S и StO, и около того времени, когда солнце было на WSW, ударил опять сильный гром и поил дождь, но продолжалось это недолго, и вскоре погода

опять стала хорошей. Продолжая путь под парусами, мы видели, как солнце садится на NtW⁴³⁷ по нашему обычному компасу.

13 августа ветер опять был встречный, с WSW, а наш курс был WtN; поэтому нам опять пришлось пристать к земле. Пока мы там стояли, двое из наших отправились на берег выяснить, какова там обстановка и что за мыс выдается впереди нас в море, не есть ли это Канди Нас, так как нам казалось, что мы уже неподалеку от него. Вернувшись, они рассказали, что обнаружили на суше дом, но без людей, и что скорее всего увиденный нами мыс и есть Канди Нас. Это вселило в нас мужество, мы сели в лодки и стали грести вдоль берега. Надежда прибавляла нам сил, и мы делали больше, чем сделали бы, если бы от этого не зависело спасение нашей жизни. Плывая так вдоль берега, мы увидели русский корабль, выброшенный на берег и разбитый, и прошли мимо него. Вскоре после этого мы заметили на берегу домик, несколько человек из нас отправились к нему, но людей там не было, а была только печь. Они вернулись к лодке и принесли с собой ложечной травы. Когда мы плыли дальше на веслах вдоль мыса, опять поднялся благоприятный ветер с О, так что мы подняли паруса и пошли дальше под парусами. После полудня, когда солнце было на SW, мы заметили, что за увиденным нами мысом береговая линия уходит на юг. Поэтому мы были уверены, что это Канди Нас⁴³⁸, откуда мы можем перейти под парусом через вход в Белое море. Поэтому мы поставили лодки борт к борту и передали друг другу свечи и все, чем могли поделиться друг с другом и что могло пригодиться во время этого перехода. И так мы пошли прочь от берега, как мы думали, через вход в Белое море к России⁴³⁹. Так мы и шли под парусами при попутном ветре, но около полуночи налетела сильная буря с N, так что мы убавили паруса, убрав один или два рифа. Но наши товарищи, чей бок шел под парусами устойчивее нашего шкоута, не зная, что мы сократили свои паруса, продолжали путь, так что мы потеряли друг друга, тем более, что уже стемнело.

14 августа утром погода была неплохая, при ветре SW мы держали курс на WNW. Начало проясняться, и мы какое-то время могли видеть наших товарищей на боке; мы прилагали все усилия, чтобы догнать их, но не смогли, так как все заволокло туманом, и мы сказали друг другу: «Пойдем дальше нашим курсом, мы непременно догоним их у северного берега Белого моря⁴⁴⁰». Мы шли на NW, при ветре с SWtW, но около того времени, когда солнце было на SW, мы не смогли идти дальше из-за встречного ветра, так что пришлось спустить паруса и взяться за весла. Так мы гребли, пока солнце не перешло на W; в это время задул благоприятный ветер с О, и мы опять поставили паруса, но все равно продолжали грести и двумя веслами. Когда солнце было на NNW, ветер с О и OSO усилился, поэтому мы убрали весла и пошли дальше на парусах, держа курс на WNW.

15 августа мы видели, как солнце встает на ONO, так что мы решили, что наш компас, по видимому, довольно сильно отклонился⁴⁴¹. Когда солнце было приблизительно на О, настал штиль; нам пришлось убрать паруса и снова взяться за весла. Но штиль простоял недолго, и поднялся ветер с SO, так что мы опять поставили паруса и пошли на WtS. Идя с попутным ветром, мы около полудня увидели землю и подумали, что уже достигли западного берега Бело-

го моря, много западнее мыса Канди Нас⁴⁴². Но когда приблизились к берегу, то увидели шесть русских лодей, мы подошли к ним под парусами и спросили, далеко ли до Кильдина⁴⁴³. Хотя они нас не совсем поняли, но все же объяснили, что дотуда еще далеко, и что мы еще находимся с восточной стороны от Канди Наса. Они широко развели руки, желая показать, что нам надо сначала пройти через Белое море, что наши лодки слишком малы, и что слишком опасно плыть на таких маленьких лодках через это море, и что Канди Нас лежит от нас на NW. Между тем мы попросили у них хлеба; они нам дали один, и мы от голода съели его всухомятку, не переставая грести. Мы не верили им, что мы находимся все еще по восточную сторону Канди Наса, так как были убеждены, что уже прошли Белое море. Расставшись с русскими, мы пошли на веслах вдоль берега; ветер дул с N. Когда солнце было на NW, опять задул благоприятный для нас ветер с SO, так что дальше мы пошли вдоль берега под парусами, и увидели по правому борту большую русскую лодью на приколе, и решили, что она пришла из Белого моря.

16 августа утром, продолжая идти под парусами курсом на NW, мы обнаружили, что вошли в какой-то залив⁴⁴⁴, и решили приблизиться к русской лодье, которую видели накануне по правому борту, и добрались до нее с большим трудом. Подойдя к русским, когда солнце было на SO, при сильном ветре, мы спросили, где Зембла Кольская⁴⁴⁵ (или Кильдин), но они покачали головами, и объяснили, что это Зембла Канди Нас⁴⁴⁶, однако мы им не поверили. Мы попросили у них какой-нибудь пищи, и они дали нам партию камбалы, за что шкипер заплатил им деньги. Мы отошли от них и поставили паруса, чтобы пойти через пролив, против которого они стояли, но они заметили, что мы идем неправильным курсом и что прилив уже кончается, и послали к нам в маленькой лодочке двух своих людей с большим хлебом, который они нам преподнесли и объяснили, что нам лучше вернуться на их корабль, так они хотели подробнее поговорить с нами и объяснить путь. Желая отблагодарить их, мы дали им серебряную монету и кусок полотна, но они оставались рядом с нами, а люди на большой ладье поднимали вверх соленую свинину и масло, приманивая нас, чтобы мы вернулись к ним, что мы и сделали. Когда мы подошли к ним вплотную, они объяснили, что мы находимся только еще у восточной стороны Канди Наса, но мы достали нашу карту и показали им, и по ней они разъяснили нам, что мы действительно находимся с восточной стороны от Белого моря и Канди Наса. Когда мы поняли это, нас охватил страх, что нам предстоит проделать такой длинный путь и пройти Белое море, но больше всего мы волновались о наших других товарищах, которые шли на боке; нас пугало также, что, проплыв двадцать две мили по морю, мы продвинулись так мало, и что нам еще предстоит пересечь устье Белого моря с таким малым запасом продовольствия. Поэтому шкипер купил у русских три мешка муки, два с половиной свиных бока, горшок русского сливочного масла и бочонок меда, в качестве продовольствия для нас и наших товарищей, когда мы с ними снова встретимся. Между тем прилив кончился, и мы, поставив паруса, пошли с отливным течением через тот же пролив, через который к нам пришла маленькая русская лодья, в море; при попутном ветре с SO мы держали курс на NNW и увидели вдали выдающийся мыс⁴⁴⁷, который приняли было за Канди Нас, но двигаясь дальше, увидели, что за ним берег идет на NW. Под вечер, когда солнце

было на NW, мы заметили, что двигаемся на веслах очень медленно и что течение почти прекратилось. Поэтому мы остановились и сварили горшок каши из муки и воды, которая показалась нам очень вкусной, потому что мы добавили в нее немного свинины и меда, так что нам почудилось, будто мы празднуем Рождество. Но мы очень беспокоились о своих товарищах, о которых не знали, где они находятся.

17 августа, стоя на якоре, мы на самой заре увидели русскую лодку, vyplывающую под парусом из Белого моря. Увидев ее, мы пошли к ней на веслах, чтобы получить какие-нибудь сведения, и когда мы приблизились к русским, они тотчас дали нам хлеб, хотя мы не просили, и как могли, объяснили знаками, что разговаривали с другими нашими товарищами и что их было в лодке семь человек. Поскольку мы с трудом понимали и не могли поверить этому, они объяснили нам то же самое еще более понятно, подняв семь пальцев и указывая на нашу лодку, чем хотели дать понять, что это было такое же открытое суденышко, и что они продали нашим хлеба, мяса, рыбы и так далее. Так как мы все еще стояли вплотную к их лодке, мы увидели маленький компас, который тотчас узнали, это был компас нашего старшего боцмана, что они и подтвердили. Правильно все поняв, мы спросили их, как давно это было и где они видели наших товарищей. Они показали знаками, что это было накануне, и выказали нам большое расположение, за что мы их очень благодарили, и расстались с ними, радуясь известию о наших товарищах, и особенно тому, что у них теперь есть продовольствие. Об этом мы больше всего беспокоились, зная, как мал был их запас. Мы гребли изо всех сил, чтобы их догнать, так как боялись, что они получили от русских мало продовольствия, и хотели поделиться с ними нашим. После того как мы изо всех сил целый день гребли вдоль берега, около полуночи мы нашли ручеек с пресной водой. Мы вышли здесь на сушу, запаслись свежей водой и набрали ложечной травы. Однако, когда мы собрались плыть дальше, оказалось, что нам придется тут остаться, так как благоприятное для нас течение прекратилось. Мы пристально вглядывались вдаль, не виден ли там Канди Нас с пятью крестами, о которых нам говорили русские, но не высмотрели ничего.

18 августа утром, когда солнце было приблизительно на востоке, мы, чтобы выиграть время, подняли наш камень, служивший нам якорем, и пошли затем на веслах вдоль земли до того времени, как солнце перешло на S. Тогда мы увидели выдающийся мыс, а на нем смутно виднелось несколько крестов, которые мы увидели совершенно четко, подойдя ближе. Около того времени, когда солнце было на W, мы убедились, что за мысом берег уходит на W и SW; по этим признакам мы точно определили, что это мыс Канди Нас, лежащий у устья Белого моря, которое нам предстояло пересечь, и к которому мы так давно стремились. Этот мыс легко узнать по стоящим на нем пяти крестам⁴⁴⁸, а также по тому, что очень ясно видно, что стороны его сходятся под острым углом: одна обращена к SO, а другая к SW. Когда мы собирались уже плыть отсюда к западной стороне Белого моря, к норвежскому берегу, то обнаружили, что из нашего единственного бочонка для пресной воды почти все вытекло. Так как нам предстояло пройти по морю сорок миль, прежде чем мы доберемся до пресной воды, то мы хотели сначала подойти на веслах к земле и запастись водой, однако прибой был такой сильный, что мы побоялись сделать

это, а поскольку ветер дул с NO и был нам попутным, чем нельзя пренебрегать, мы и отправились в путь, положась на милость Божию, и отошли от берега около того времени, когда солнце было на NW. Мы шли под парусами всю ночь и следующий день с хорошей скоростью, так что за все это время нам пришлось грести только на протяжении трех склянок, а в следующую ночь плавание также проходило успешно, и утром, когда солнце было на ONO, мы увидели землю с западной стороны Белого моря, которую заметили по шуму прибоя, прежде чем увидели глазами. И увидев потом, что это совсем другая земля, с множеством скал, не такая, как с восточной стороны Белого моря, которая была плоской, песчаной, и почти без гор, мы убедились, что находимся у западной стороны Белого моря, у берегов Лапландии, и благодарили Бога за то, что он помог нам перейти через Белое море всего часов за 30, а прошли мы около сорока миль⁴⁴⁹, двигаясь курсом на W, при благоприятном ветре с NO.

20 августа, когда мы были близко от земли, ветер с NO прекратился, и сильно задуло с NW. Увидев, что, плывя вперед, мы все равно далеко не подвинемся, мы решили войти в залив между скалами. Приблизившись к берегу, мы увидели несколько крестов и изображенные на них створные знаки, по которым поняли, что тут удобный рейд для кораблей; сюда мы и зашли. Едва войдя, мы увидели стоявшую там большую русскую лодью, к которой и стали грести изо всех сил; а также увидели там несколько домов, в которых были люди. Подойдя к лодье, мы поставили наш шкоут на якорь и накрыли его парусом, так как пошел сильный дождь. Затем мы сошли на берег и отправились к стоявшим там домам, где нас встретили очень приветливо: нас отвели в комнаты с печками, высушили нашу мокрую одежду, сварили для нас рыбы и дружески предложили поест ее. В этих маленьких домах жило 13 человек, и они каждое утро выходили на двух лодках ловить рыбу, двое из них стояли во главе остальных. Они жили очень скудно и ели только рыбу с рыбой. Вечером, когда мы собрались вернуться на наш шкоут, они предложили шкиперу и мне остаться у них в избушке. Шкипер поблагодарил их и вернулся на шкоут, а я провел ночь у них. Кроме упомянутых 13 человек там были еще два лапландца с тремя женщинами и ребенком, которые жили совсем бедно и питались остатками, получаемыми от русских, то кусочком рыбы, то несколькими рыбьими головами, — все, что русские выбрасывали, они подбирали с большой благодарностью, так что их бедность поразила нас, и хотя наше собственное положение тоже было достаточно жалкое, но было похоже, что они так жили постоянно. Нам пришлось остаться там, потому что ветер дул с NW и был нам встречным.

21 августа почти весь день шел дождь, но после полудня он стал слабее. Наш шкипер купил свежей рыбы; мы сварили ее и наелись досыта, чего уже давно не было. Мы приготовили также кашу из муки и воды, вместо хлеба, и пришли в самое веселое настроение. После полудня, когда дождь немного стих, мы пошли погулять вглубь суши, чтобы поискать ложечной травы, и увидели по дороге на горе двух человек. Мы сказали друг другу: «Наверное, в этих местах живут еще люди». Эти два человека пошли в нашу сторону, но мы не обратили на них внимания и вернулись к нашей лодке и к хижинам. А двое мужчин, стоявших на горе (они потом оказались нашими товарищами с другой лодки), увидев русскую лодью, спустились с горы, чтобы купить

у русских еды; но поскольку они попали туда непредвиденно и не взяли с собой денег, то собирались снять пару брюк (так как они носили их по две или по три пары одну поверх другой) и обменять их на еду. Но когда они спустились с горы и подошли ближе, то заметили рядом с русским кораблем наш шкоут, а мы увидели, как они идут, и все узнали друг друга. И мы, и они очень обрадовались и принялись рассказывать друг другу о своих злоключениях, о том, как мы странствовали по морю в великой нужде и страдая от голода, в то время как они перенесли еще большие тяготы, чем мы, и все благодарили Бога за то, что он не оставил нас, а спас нам жизнь и снова свел нас вместе. Мы вместе поели и выпили по стаканчику, а в стаканчике был тот же прозрачный напиток, который течет в Рейне мимо Кёльна⁴⁵⁰. Мы договорились, что они на боке подойдут к нам, чтобы дальше плыть вместе.

22 августа наши товарищи приплыли к нам на боке около того времени, когда солнце было на OSO, чему мы все очень обрадовались, и мы уговорили русского повара испечь нам из мешка муки хлеба, за что обещали заплатить ему; он согласился. Между тем с моря вернулись рыбаки, и наш шкипер купил у них четыре большие трески, которые мы зажарили на огне и съели. Пока мы ели, к нам пришел главный из русских и, увидев, что у нас маловато хлеба, сходил за хлебом и отдал его нам. Хотя мы приглашали их поесть вместе с нами, они не поддавались уговорам, потому что у них был пост, а мы смазали нашу рыбу некоторым количеством растопленного масла или жира. Мы даже не могли убедить их выпить вместе с нами, оттого что немного жира попало на нашу кружку, настолько суеверно блюдут они свою религию и пост. Они также не захотели дать нам своих чарок для питья: боялись, что мы запачкаем их жиром. Ветер дул постоянно с NW.

23 августа повар пустил в дело нашу муку и испек из нее хлеба. Когда хлеб был готов, погода и ветер стали более благоприятными, так что мы стали готовиться к отъезду. Наш шкипер дал старшему из русских, когда они вернулись с моря, много денег на водку за все то, что они для нас сделали, а также заплатил и повару, и они очень благодарили нас. Старший из русских еще раньше попросил у шкипера дать ему немного пороха, что тот теперь и сделал; за это он также очень благодарил. Закончив приготовления к отплытию, мы перенесли мешок муки из шкоута к нашим товарищам в бок, чтобы у них было пропитание, если мы опять потеряем друг друга. Вечером, когда солнце было на W, мы поставили паруса и по высокой воде под ветром с NO пошли вдоль берега курсом на NW.

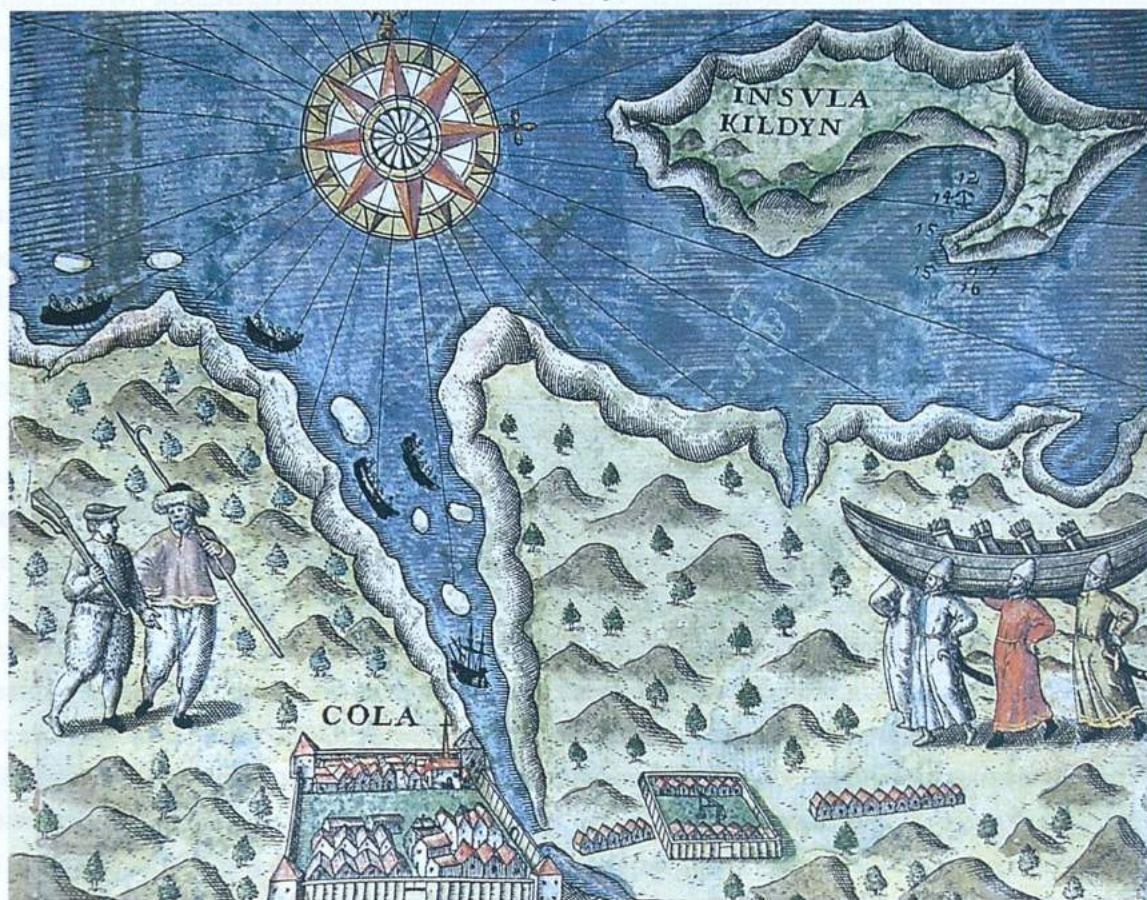
24 августа ветер дул с O, и когда солнце было на O, мы дошли до Семи островов⁴⁵¹, где встретили много рыбаков, которые на вопрос о Коле и Кильдине показали нам на запад, что совпадало с нашими представлениями. Они всячески выказывали нам свое расположение и бросили нам в шкоут треску, но поскольку мы быстро шли с попутным ветром, заплатить за нее мы не могли и только поблагодарили их, удивляясь их вежливости. Идя таким образом на всех парусах, мы к тому времени, когда солнце было на SW, миновали Семь островов и встретили у берега рыбаков, которые подошли к нам на веслах и спросили, где наш «crabble», т. е. корабль. Мы, используя все наше знание русского, ответили: «Crabble pro pal», т. е. что мы бросили наш корабль. Поняв это,

они закричали: «Cool Brabanse crabble⁴⁵²», из чего мы поняли, что в Коле есть какие-то нидерландские корабли, но не придали этому большого значения, так как собирались идти на Вархейзен⁴⁵³, боясь, что русские или их Великий князь на границе могут задержать нас.

25 августа, идя под парусами вдоль берега при ветре с SO, мы увидели Кильдин⁴⁵⁴, когда солнце стояло на S, и взяли курс на NW. Мы прошли между Кильдином и материком, и когда солнце было на SSW, добрались до западной оконечности Кильдина. Тут мы стали внимательно всматриваться, нет ли на берегу домов или людей, и увидели лоды, вытасщенные на берег, около которых мы нашли удобное место для стоянки наших лодок. Чтобы узнать, есть ли здесь люди, наш шкипер сошел на сушу и направился вглубь острова, где обнаружил пять или шесть хижин — жилище лапландцев. Он спросил у них, Кильдин ли это, и те ответили, что это действительно Кильдин, и что в Коле находятся брабантские корабли, два из которых в этот день готовятся выйти в море. Мы, получив такой ответ, собирались все равно идти в Вардехуз, и отплыли отсюда, когда солнце было на WSW при ветре с SO. Но пока мы шли под парусами, этот ветер так усилился, что мы не рискнули оставаться ночью в море, поскольку волны вставали настолько высокие, что нам всякий раз казалось, будто следующая волна обязательно отправит наши лодки на дно. Поэтому мы прошли между двумя скалами к берегу. Миновав скалы, мы увидели маленькую хижину, в которой были три человека с большой собакой. Они приняли нас приветливо и спросили о нашем положении и о том, как мы сюда попали. Мы сообщили, что остались без нашего корабля и пришли сюда, чтобы найти корабль, на котором сможем добраться до Голландии. Они сообщили нам то же самое, что мы раньше слышали от других русских, а именно, что там находятся три корабля, из которых два готовятся выйти в море в тот же день. Тогда мы спросили их, не проводят ли они одного из нас пешком в Колу к кораблям, которые смогут доставить нас в Голландию, и обещали заплатить за это. Они извинились и сказали, что не могут уйти отсюда так далеко, но предложили перевести нас через гору, где мы найдем лапландцев, которые, вероятно, проводят нас дальше. Так все и произошло: шкипер вместе с одним из наших товарищей перешел с русскими через гору, где нашлись лапландцы, одного из которых удалось убедить, предложив в награду две монеты по 8 реалов, пойти с нашим товарищем дальше. Лапландец взял с собой ружье, наш товарищ багор, и они вдвоем отправились в тот же день, на ночь глядя. Ветер дул с O и ONO.

26 августа была ясная погода, ветер SO. Мы выволокли обе наши лодки на берег и достали из них груз, чтобы проветрить, сами же пошли к русским погреться и сварить ту пищу, которая у нас была. Мы опять стали питаться дважды в день, так как видели, что теперь с каждым днем будем встречать все больше и больше людей. Мы выпили русского напитка, который они называют quas⁴⁵⁵, приготовленный из кусочков плесневелого хлеба, и он показался нам вкусным, ведь мы давно не пили ничего кроме воды. Некоторые из нас пошли вглубь материка, где нашли синие ягоды и ежевику⁴⁵⁶, мы их собирали и ели, и они были нам очень кстати, потому что мы явственно чувствовали, что они лечат нас от цинги. Ветер по-прежнему дул с SO.

Лапландец взял с собой ружье, наш товарищ багор, и они вдвоем отправились в тот же день, на ночь глядя. Ветер дул с О и ОНО.

27 августа погода была очень плохая, сильно штормило при ветре N и NNW. Поскольку мы стояли на низком берегу, нам пришлось (тем более что шел сизигийный прилив⁴⁵⁷) подтащить шкоут и бок выше на сушу. Опасаясь высокой воды, мы поставили их намного дальше от моря и намного выше, чем первоначально, и пошли к русским, чтобы погреться у их огня и сварить себе нашу еду. Между тем шкипер послал одного из наших товарищей на берег к лодкам развести огонь в дровяной плите, чтобы, когда мы туда придем за ним следом, там уже горел огонь, а дымить бы уже перестало. И когда этот человек был там, а остальные вскоре должны были подойти, вода поднялась так высоко, что обе лодки снесло в море, и им грозила большая опасность, так как на шкоуте было только два человека, а на боке трое; с огромным трудом им удавалось отталкиваться от берега, чтобы лодки не разбились о него. Увидев это, мы страшно испугались, но не могли им помочь, и только благодарили Бога за то, что он дал нам доплыть до этого места, откуда мы сможем двигаться дальше, даже если лишимся лодок, - а казалось, что именно так и будет. В этот день и следующую ночь шел сильный дождь, от которого мы очень страдали, так

как мы совершенно промокли и не могли от него ни защититься, ни спрятаться. Однако тем, кто находился в лодках, было тяжелее всех, потому что в такую погоду, под дождем, должны были оставаться у берега.

28 августа погода была неплохая, и мы снова вытащили лодки на берег, чтобы выгрузить из них оставшиеся там товары и избежать повторения той опасности, которой они подверглись накануне, так как все еще дул сильный ветер с N и NNW. Вытащив лодки, мы растянули над ними паруса, чтобы спрятаться под ними, потому что было по-прежнему туманно и дождливо. Нам не терпелось узнать новости от нашего товарища, ушедшего с лапландцем к Коле выяснить насчет кораблей, на которых мы могли бы вернуться в Голландию. Пока же, находясь тут, мы каждый день ходили собирать синие ягоды и ежевику⁴⁵⁸, которые мы ели и которые приносили нам большую пользу.

29 августа погода была неплохая, мы терпеливо ждали хороших известий из Колы и каждый день смотрели на горы вокруг — не увидим ли лапландца с нашим товарищем. Но в этот день, оставив дела, мы опять пошли к русским сварить себе пищу на их огне, чтобы потом вернуться ночевать на лодки. Но на обратном пути мы увидели лапландца, спускающегося с горы без нашего товарища, что удивило нас и встревожило; однако, подойдя к нам, лапландец показал нам письмо, адресованное шкиперу, который вскрыл его в нашем присутствии. В письме говорилось, что написавший его очень удивлен нашим прибытием, так как уже долгое время думал и боялся, что мы погибли; поэтому он несказанно радуется нашему приезду и немедленно привезет нам необходимый запас еды и питья для нашего подкрепления. Мы недоумевали, кто бы это мог быть и почему он выказывает нам такое расположения и дружбу, и не могли сообразить, кто он, ведь из письма было ясно, что мы с ним знакомы. И хотя письмо было подписано именем «Ян Корнелис Рейп», мы все равно не догадались, что это тот самый Ян Корнелис — шкипер корабля, который в прошлом году отправился в плавание в одной флотилии с нами и с которым мы расстались около Медвежьего острова. Получив это радостное известие, мы отдали лапландцу обещанные деньги, а также одежду: чулки, штаны и прочее, так что он был одет совершенно, как голландец, ведь мы чувствовали себя уже в безопасной гавани, а потому могли повеселиться, после чего пошли спать. Здесь следует рассказать о том, как быстро умел ходить это лапландец. По словам нашего товарища, на дорогу от нас до Колы, притом быстрым шагом, им потребовалось два дня и две ночи, а обратный путь лапландец прошел всего за одни сутки, что было настоящим чудом, ведь это вдвое быстрее. И мы говорили друг другу, что лапландец, наверное, умеет колдовать⁴⁵⁹. Он принес нам также куропатку, которую подстрелил по дороге.

30 августа погода была неплохая; мы все еще недоумевали, кто такой этот Ян Корнелис, приславший нам письмо. В одном из разговоров на сей счет кто-то предположил, что не нашли это Ян Корнелис, отправившийся в плавание вместе с нами в прошлом году, но мы отвергли эту догадку, потому что точно так же не чаяли увидеть его живым, как и он нас, так как полагали, что ему выпала еще худшая доля, чем нам, и что он уже давно погиб. В конце концов шкипер сказал: «Я посмотрю в моих письмах, там у меня есть его почерк, это разрешит наши сомнения».

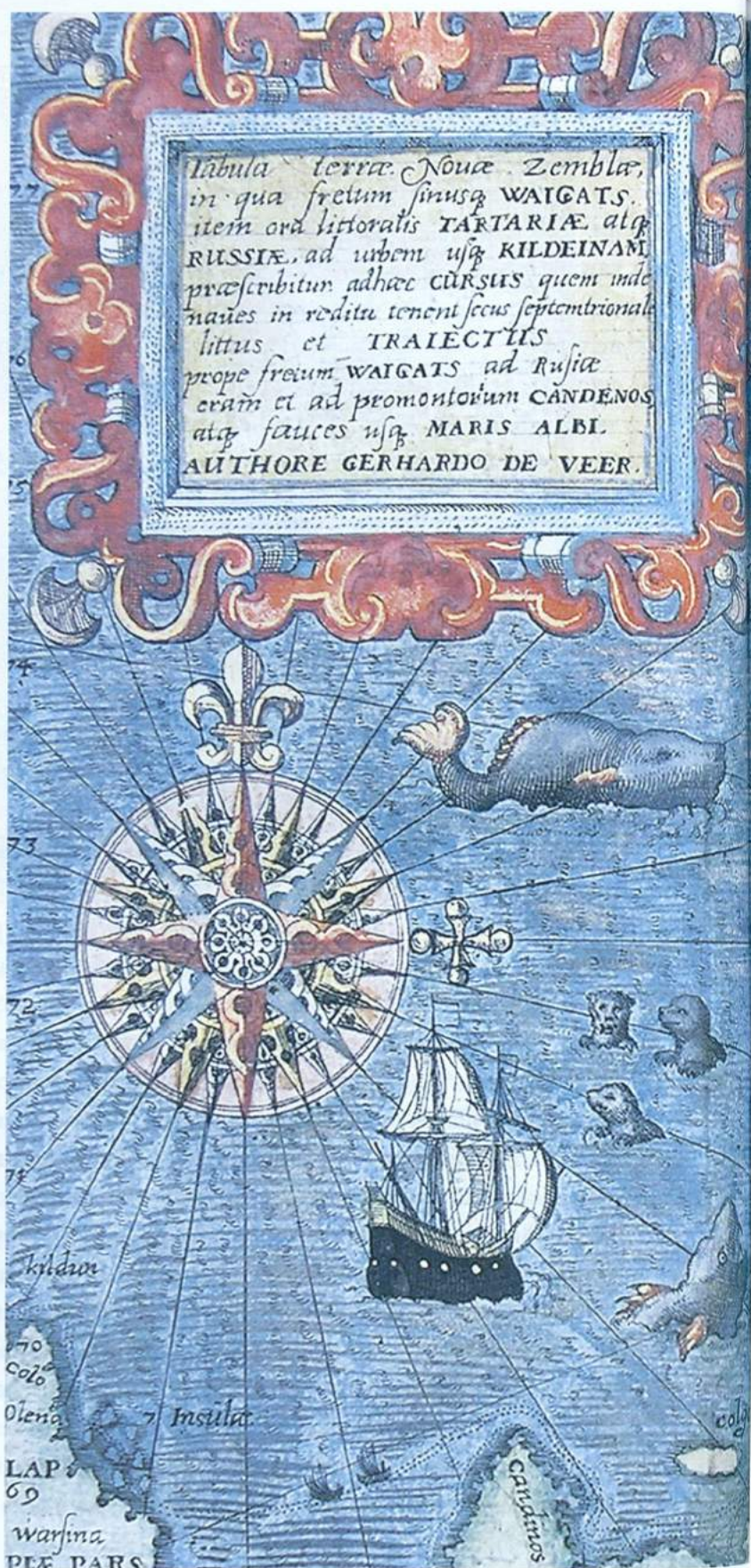

Просмотрев письма, мы обнаружили, что это тот самый Ян Корнелис, и точно так же обрадовались его спасению, как он нашему. Пока мы об этом разговаривали, и некоторые из наших все еще не верили, что это тот самый Ян Корнелис, к нам подошла гребная лодка, в которой сидел сам Ян Корнелис вместе с нашим товарищем, отправленным в Колу с лапландцем. Они вышли на берег, и мы приветствовали друг друга с огромной радостью, словно и те и другие вернулись с того света, ведь он считал нас уже давно погибшими, а мы то же самое думали про него. Он привез нам бочонок роствикского пива⁴⁶⁰, вина, водки, хлеба, мяса, свинины, семги, сахара и много другого, что нас очень порадовало и подкрепило. Мы вместе радовались столь неожиданному спасению и благополучной встрече, и благодарили Бога за его милость.

31 августа была та же неплохая погода, ветер О, но к вечеру задул с суши. Поэтому мы приготовились к отплытию в Колу, предварительно от души поблагодарив русских за приют и заплатив им деньги. Ночью, во время прилива, когда солнце было на N, мы отплыли оттуда под парусом.

Путь от дома, где мы зимовали, вокруг северной стороны Новой Земли до пролива Вайгач, который мы пересекли к Русскому берегу, и далее через вход в Белое море до Колы, согласно указаниям на прилагаемой карте.*

* Для удобства чтения редакция переставила сюда (на стр. 162–165) текст, которым в голландском оригинале заканчивалось описание событий 23 июля 1597 года. (Прим. редакции).

LIX

ZEMBLA

TARTARIE
PARS

Theutsche meilen 15. in ein gradt
10 20 30 40 50

От низкой земли до залива Течений, курс О и W	4 мили
От залива Течений до мыса у Ледяной гавани, курс OtN	3 мили
От мыса Ледяной гавани до Островного мыса, курс ONO	5 миль
От Островного мыса до Флиссингенского мыса, курс NOtO	3 мили
От Флиссингенского мыса до Головного мыса, курс NO	4 мили
От Головного мыса до мыса Желания, курс S и N	6 миль
От мыса Желания до островов Оранских, курс NW	8 миль
От островов Оранских до Ледяного мыса, курс W и WtS	5 миль
От Ледяного мыса до мыса Утешения, курс W и WtS	25 миль
От мыса Утешения до мыса Нассау, курс WtN	10 миль
От мыса Нассау до восточной оконечности Крестового острова, курс WtN	8 миль
От восточной оконечности Крестового острова до острова Виллема, курс WtS	3 мили
От острова Виллема до Черного мыса, курс WSW	6 миль
От Черного мыса до восточной оконечности острова Адмиралтейства, курс WSW	7 миль
От восточной оконечности острова Адмиралтейства до западной оконечности того же острова, курс WSW	5 миль
От западной оконечности острова Адмиралтейства до мыса Планция, курс SWtW	10 миль
От мыса Планция до залива Ломсбэй, курс WSW	8 миль
От залива Ломсбэй до мыса Штатов, курс WSW	10 миль
От мыса Штатов до мыса Приора, или Лангенес, курс SWtS	14 миль
От мыса Приора, или Лангенес, до мыса Кант, курс SWtS	6 миль
От мыса Кант до мыса с Черным утесом, курс StW	4 мили
От мыса с Черным утесом до Черного острова, курс SSO	3 мили
От Черного острова до Костина Шара, курс О и W	2 мили
От Костина Шара до Крестового мыса, курс SSO	5 миль
От Крестового мыса до залива св. Лаврентия, курс SO	6 миль
От залива св. Лаврентия до Мучной гавани, курс SSO	6 миль
От Мучной гавани до Двух островов, курс SSO	16 миль
От Двух островов, откуда мы пошли к русскому берегу, до Матфлоо (Матвеева) и Делгой (Долгого), курс SW	30 миль
От Матвеева и Долгого до залива, где мы обошли круг компаса и опять пришли на то же место	22 мили
От этого залива до Колгуева, курс WNW	18 миль
От Колгуева до восточного мыса Канденас (Канина носа), курс WNW	20 миль
От Кандинаса до западной стороны Белого моря, курс WNW	40 миль
От западного конца Белого моря до Семи островов, курс NW	14 миль

От Семи островов до западной оконечности Кильдина, курс NW	20 миль
От Кильдина до того места, где нас встретил Ян Корнелис, курс NWtW	7 миль
От того места, где нас встретил Ян Корнелис, до Колы, курс преимущественно S	18 миль

Так что всего мы проделали в двух открытых лодках местами среди льдов, местами волоком по льду, и наконец по морю, путь в 381 милю.

СЕНТЯБРЬ 1597 г.

---

1 сентября на рассвете, когда солнце было на О, мы добрались до западной стороны реки Колы⁴⁶¹ и, войдя в нее под парусами, шли дальше на веслах, пока не кончился прилив. Тогда, бросив на дно камни, служившие нам якорями, мы встали у одного мыса, и простояли там, пока не начался новый прилив⁴⁶². Тогда, при солнце приблизительно на S, мы с приливом продолжали путь под парусами и на веслах и плыли до полуночи; затем снова встали на якорь до утра.

2 сентября утром мы пошли на веслах дальше вверх по реке⁴⁶³ и заметили на берегу несколько деревьев, что обрадовало нас настолько, будто мы только теперь попали в какой-то новый мир, ведь с тех пор как мы отправились в наше долгое плавание, мы вообще не видели деревьев. Добравшись до солеварен⁴⁶⁴, находящихся приблизительно в трех милях⁴⁶⁵ ниже по течению, чем Кола, мы остановились передохнуть, а затем двинулись дальше и около того времени, когда солнце было на WNW, доплыли до корабля Яна Корнелиса; мы взошли на корабль и выпили. Тут началось новое веселье, точно на ярмарке, с теми, кто в прошлом году плавал с Яном Корнелисом и сейчас был на корабле. Затем мы отправились дальше и к ночи прибыли в Колу⁴⁶⁶. Здесь некоторые из нас сошли на берег, другие же остались в лодках охранять груз. Им принесли еды, молока и прочего. Мы все очень радовались, что Бог по своей милости спас нас вопреки стольким опасностям и трудностям и привел сюда; теперь мы чувствовали себя уже в достаточно надежном положении, и если раньше эти места представлялись нам далекими и совершенно незнакомыми, почти за пределами мира, то теперь нам казалось, что мы здесь почти дома.

3 сентября мы выгрузили все наше имущество и отдохнули от трудностей пути, голода и пережитых нами бедствий, чтобы опять запастись здоровьем и силами. 11 числа мы с разрешения боярина, губернатора Великого Князя⁴⁶⁷, перетащили наши шкуот и бок в гостинный двор⁴⁶⁸ и оставили их там на память о долгом и далеком, до тех пор небывалом плавании, сделанном нами в открытых лодках на протяжении почти четырехсот миль по морю и вдоль его берегов до Колы, чему дивились и не могли надивиться жители этого города.

15 сентября вся наша команда вместе с грузом спустились на русской лодке вниз по реке⁴⁶⁹ до корабля Яна Корнелиса, стоявшего приблизительно в полумиле от города, а в полдень уже на этом корабле прошли под парусом вниз по реке приблизительно полпути до устья, и миновав самую узкую часть, встали в ожидании Яна Корнелиса и нашего шкипера, обещавших догнать нас на следующий день.

17 сентября вечером прибыли Ян Корнелис и наш шкипер, а на следующий день, около того времени, когда солнце было на востоке, мы вышли под парусом из реки Колы⁴⁷⁰ в море, чтобы плыть домой. Выйдя из реки, мы взяли курс вдоль побережья на NWtN, ветер дул с S.

19 сентября около полудня мы прибыли в Вардехуз, где стали на якорь и сошли на берег, так как Ян Корнелис хотел принять на корабль еще товаров, и оставались тут до 6 октября. В это время дули сильные ветры с N и NW. Пока мы здесь стояли, мы еще больше окрепли и посвежели; нам надо было выздороветь от наших болезней и набраться сил, но для этого требовалось время, так как мы были слишком истощены.

6 октября под вечер, когда солнце было на SW, мы, положась на милость Божию, отправились под парусом из Вардехуза домой. Так как этот путь общеизвестен, то я не могу сообщить о нем ничего особенного, скажу только, что 29 октября при ветре с ONO мы вошли в Маас⁴⁷¹, на следующий день утром высадились в Мааслантслейсе⁴⁷² и через Дельфт⁴⁷³, Гаагу⁴⁷⁴ и Харлем⁴⁷⁵ прибыли 1 ноября около полудня в Амстердам, одетые так же, как ходили на Новой Земле, и в песцовых шапках, и пошли в дом Питера Хасселара, одного из правителей города Амстердама, в свое время занимавшегося снаряжением двух кораблей, а именно корабля Яна Корнелиса и нашего. Когда мы туда пришли, многие невероятно удивились нашему возвращению, так как считали нас давно уже погибшими. Слух распространился по городу, и известие о нашем прибытии дошло даже до Дворца Принца, где в то время за обеденным столом сидел канцлер и посол его величества короля Дании, Норвегии, Готов и Вендов. Поэтому их превосходительства схаут и двое бургомистров пригласили нас туда, и тут, в присутствии упомянутого господина посла и двух бургомистров, мы рассказали о нашем плавании и наших злоключениях, после чего те из нас, кто жил в Амстердаме, разошлись по домам, а остальных поселили на несколько дней в трактире, пока нам не заплатили наши деньги, и затем каждый отправился своей дорогой. Вот имена тех, кто вернулся из этого плаванья: Якоб Хеймскерк — представитель купцов и шкипер, Питер Питерс Вос, Херрит де Вейр, магистр Ханс Вос — цирюльник-врач, Якоб Янс Стерренбург, Ленарт Хендрикс, Лауренс Виллемс, Ян Хиллебрандс, Якоб Янс Хохвауд, Питер Корнелис, Ян ван Бейзен, Якоб Эвертс.

Конец

Примечания

Посвящение

* С 1581 по 1795 гг. на большей части современного королевства Нидерландов существовала Республика Объединенных Нижних Земель (Республика соединенных провинций, известная как Голландская Республика). Республика являлась конфедерацией семи провинций и управлялась Генеральными Штатами. (Прим. П. Б.).

** Голландия — одна из республик в составе конфедерации. (См. Прим.1. — Прим. П. Б.).

*** Зеландия — одна из республик в составе конфедерации. (См. Прим.1. — Прим. П. Б.).

**** Фрисландия — одна из республик в составе конфедерации. (См. Прим.1. — Прим. П. Б.).

Предисловие к дневниковым записям

¹ Подразумеваются Нидерланды. (Прим. П. Б.).

² Одно из царств на территории Китая. (Прим. П. Б.).

³ Подразумевается одно из легендарных царств средневекового Китая. (Прим. П. Б.).

⁴ Здесь под Тартарией подразумевается территория северной Сибири. (Прим. П. Б.).

⁵ Китай, в который входят разные царства. (Прим. П. Б.).

⁶ Под восточной оконечностью Гренландии здесь понимается открытая в 1596 г. голландской экспедицией часть побережья Шпицбергена. (Прим. П. Б.).

⁷ Под Тартарским морем здесь подразумеваются моря, омывающие Сибирское побережье России. (Прим. П. Б.).

⁸ Наиболее известный мыс на территории северной Норвегии. (Прим. П. Б.).

⁹ Баренц. Его имя было Виллем Барентзоон, т.е. Вильгельм сын Барента или Бернарда (около 1560–1597 гг.), но в обычном сокращении это писалось Баренц. По другим источникам его звали Виллем Баренц Ван дер Схеллинг, и он был известен как создатель атласа Средиземного моря. (Прим. П. Б.).

¹⁰ Якоб Ван Хеймскерк был сыном амстердамского парусных дел мастера. В возрасте около тридцати лет участвовал вместе с Виллемом Баренцем в третьей голландской экспедиции. В 1607 г. погиб в битве при Гибралтаре в чине адмирала флота. (Прим. П. Б.).

¹¹ Херрит де Вейр — автор книги о трех плаваниях голландских экспедиций 1594, 1595, 1596–1597 гг., из которых он участвовал в двух последних. Ранее в нашей отечественной литературе его имя переводилось как Геррит Де-Фер. (Прим. П. Б.).

Путешествия на Север. Первая часть

¹² В Нидерландах. (Прим. П. Б.).

¹³ Эрнан Кортес (1485–1547) — испанский конкистадор, завоевавший Мексику. Васко Нуньес де Бальбоа (1475–1519) — испанский конкистадор, в 1513 г. впервые пересек Панамский перешеек, достигнув берега открытого им Тихого океана. Фернан Магеллан (1480–1521) — португальский море-

плаватель, впервые совершивший кругосветное путешествие и плававший по океану, который называл Тихим. (Прим. П. Б.).

¹⁴ Александр Македонский (356–323 гг. до н.э.) — величайший полководец и государственный деятель древнего мира. Созданная им огромная держава простиралась от Дуная до Индии. (Прим. П. Б.).

¹⁵ Киликия — горная область Малой Азии. Текст, вероятно, представляет перефразировку римского биографа Александра, Курцила Руфа (I век до н.э.). (Прим. А. М.).

¹⁶ Марк Туллий Цицерон (106–43 гг. до н.э.) — известный древнеримский оратор, политик и философ. (Прим. П. Б.).

¹⁷ Под Ост-Индией в прошлом подразумевалась Восточная Индия и страны Южной и Юго-Восточной Азии. Под Вест-Индией — острова Карибского моря. (Прим. П. Б.).

¹⁸ Южным морем Васко Нуньес де Бальбоа (см. прим. 13) назвал Тихий океан в 1513 г., впервые выйдя к нему с востока по Панамскому перешейку. (Прим. П. Б.).

¹⁹ Здесь имеется в виду лед, приплывающий из Карского моря. (Прим. П. Б.).

²⁰ На самом деле это Шпицберген. (Прим. В. В.).

²¹ На Новой Земле, кроме указанных Х. де Вейром «плотоядных», уже в то время жили олени и лемминги. (Прим. П. Б.).

²² Действительно, в районе северного побережья Новой земли наблюдается воздействие одной из ветвей теплого течения Гольфстрима. (Прим. П. Б.).

²³ Виллем Баренц вслед за географом Петрусом Планциусом (1552–1622) из Фландрии считал, что путь на восток надо искать огибая Новую Землю с севера. (Прим. П. Б.).

²⁴ Зеландия (см. примеч. ***); Энкхёйзен — город в Голландии, был одной из основных баз Ост-Индской компании. (Прим. П. Б.).

²⁵ В западной христианской традиции день святой Троицы отмечается в следующее воскресенье за Пятидесятницей. (Прим. П. Б.). 29 мая 1594 г. (Прим. В. В.).

²⁶ Тексел — самый большой остров из Западно-Фризских островов в Нидерландах. (Прим. П. Б.).

²⁷ Автор всюду употребляет «новый стиль», который в конце века уже был введен в Голландии. (Прим. П. Б.).

²⁸ Кильдин — остров в Баренцевом море, в 1,5 км от берега Кольского полуострова (Мурманская область России). (Прим. П. Б.).

²⁹ В тексте всюду приводятся голландские мили. Одна голландская миля равна четырем морским (английским) милям. (Прим. В. В.). Морская миля Великобритании (английская) до 1970 года 1853,184 метра. То есть голландская миля здесь равна 7412,736 метра. (Прим. П. Б.).

³⁰ Лот — прибор, для измерения глубины моря. (Прим. П. Б.).

³¹ Сажень голландская равна 1,883679 метра. (Прим. П. Б.).

³² Широта места определялась по высоте солнца над горизонтом. (Прим. П. Б.).

³³ Фок — передняя мачта на парусном судне. Убрать фок — убрать парус на передней мачте. (Прим. П. Б.).

³⁴ Мореплаватели делят окружность на 16 румбов («делений») по $11\frac{1}{4}^\circ$. В данном случае Де-Фер (Х. де Вейр — Прим. П. Б.) под одним делением понимает два румба, т.е. $22\frac{1}{2}^\circ$. (Прим. В. В.).

³⁵ $2\frac{3}{4}$ деления соответствуют $61,9^\circ$ ($2\frac{3}{4} \times 22\frac{1}{2} = 61,9$). Откладывая это число градусов влево от SO и вправо от WtS (при этих азимутах Баренц определял высоту солнца), получаем S $16,9^\circ$ W. Это определение магнитного склонения не приведено в «Каталоге магнитных определений в СССР» (изд. Главной Геофизической обсерватории, 1929), где помещен ряд других определений Баренца. (Прим. В. В.).

³⁶ Здесь подразумевается градшток. (Прим. П. Б.).

³⁷ Ланге Нас. Ф. П. Литке, В. Ю. Визе, и Ю. А. Настеко отождествляют этот мыс (Длинный Нос) с мысом Сухой Нос. «Этот мыс, — пишет Ю. Н. — однозначно можно отождествлять с м. Сухой Нос ($73^\circ 78'$), ошибка в определении голландцами широты небольшая ($7'$). Такой вывод подтверждает и большой залив с восточной стороны мыса — губа Софронова». (Прим. Ю. Н.).

³⁹ Капо Баксо. В. Ю. Визе определяет его как мыс Лаврова. Ю. А. Настеко указывает, что мыс Лаврова не низкий (высота 366 м) и не имеет возвышенности. Он считает, что больше подходит мыс Прокофьева с находящейся на нем сопкой Прокофьева с заостренной вершиной. По мнению Ю. А. Настеко, «этот мыс согласовывается и с расстоянием, указанным Х. де Вейром». (Прим. П. Б.).

41 Ломсбэй (Ломсбаай.— П. Б.) мы отождествляем с Северной Сульменевой губой, а не с Крестовой губой, как это делает Литке (ор. cit., р. 28). Даваемые Де-Фером расстояния между различными точками довольно хорошо согласуются с нашим предположением. (Прим. В. В.). Мы предполагаем, что это губа Машигина. Но давайте вернемся к первоисточнику. По Х. де Вейру, от Капо Баско (мыс Прокофьева) до залива Ломсбаай имеются два залива. Это губы Южная Сульменева и Северная Сульменева. В западной части залива должна иметься превосходная гавань с глубинами 6—8 сажень. Это залив Немак с такими глубинами. В заливе имеется возможность высадки на берег, что сделала экспедиция, водрузив там старую мачту. В Северной Сульменевой (по В. Ю. Визе) в западной части губы бухты с такими глубинами нет, да и высадка невозможна из-за обрывистых берегов. Также имеется у Х. де Вейра карта залива Ломсбаай (широта по Х. де Вейру 74 град. 20 мин.), составленная голландской экспедицией. По своим очертаниям она безусловно больше подходит к губе Машигина (74 град. 40 мин.). (Прим. Ю. Н.).

Карта 1594 года Новой Земли и залива Ломсбэй (Ломсбаай).

⁴³ Губы Южная и Северная Сульменевы. (Прим. П. Б.).

⁴⁴ Здесь указатель фарватера, приметный знак. (Прим. П. Б.).

⁴⁵ Имеется в виду кайра. На карте этого залива в книге Х. де Вейра (см. прим. 41) они изображены. (Прим. П. Б.).

⁴⁶ В. Ю. Визе считает, что это мыс Черницкого в губе Северная Сульменева. (Прим. П. Б.). Мыс Борисова в губе Машигина. (Прим. Ю. Н.).

⁴⁷ В. Ю. Визе считает, что это остров Черницкого (Прим. П. Б.).

Остров Борисова, расположенный неподалеку от мыса Борисова в губе Машигина (Прим. Ю. Н.).

⁴⁸ В тексте перевода на русский книги Х. де Вейра 1936 года издания на латинском языке в этом месте имеется следующее описание «бухточки»: «В восточной части этого низменного мыса есть широкая и вместительная бухта» (стр. 48). Поэтому вызывает сомнение возможность реконструкции плавания В. Баренца на основе перевода 1936 года. (Прим. П. Б.).

⁴⁹ На самом деле Северная Сульменева губа (середина входа в губу) лежит под $74^{\circ}27'$ сев. широты. (Прим. В. В.) На голландской карте залива Ломсбаай широта его $74^{\circ}20'$, но по очертаниям больше подходит губа Машигина ($74^{\circ}40'$). (Прим. Ю. Н.).

⁵⁰ Острова Адмиралтейства в настоящее время не существует, а есть полуостров Адмиралтейства. Интересно, что Де-Фер описывает восточные берега острова, вследствие чего сомнения, что мореплаватели приняли полуостров за остров, должны отпасть. Очевидно, превращение острова в полуостров явилось результатом общего поднятия суши Новой Лемли. (Прим. В. В.).

В. Ю. Визе в своем примечании (примеч. 41) указывает, ссылаясь на исследование Ф. П. Литке 1822 года, что этот остров в то время на большое расстояние был окружен мелью. «Между тем судно Баренца еще могло пройти через этот пролив». Весьма сомнительно, что Баренц обошел его с восточной стороны. В те далекие времена фронт ледника Низкий, вероятно, проходил несколько западнее нынешнего. (Прим. Ю. Н.).

В лоции Н. И. Евгенова говорится: «Берега полуострова Адмиралтейства окаймлены во многих местах рифами». (Прим. В. В.).

⁵¹ См. примечание 31 (Прим. П. Б.).

⁵² Черный мыс Де-Фера (Х. де Вейра. — Прим. П. Б.) можно отождествить с Черным мысом современных карт. Расстояние от полуострова Адмиралтейства (мыс Николая) до Черного мыса равно 35 милям, Де-Фер дает 20–24 мили. Широта мыса Черного равна $75^{\circ}30' N$, тогда как Баренц определил ее в $75^{\circ}20' N$. (Прим. В. В.). Мыс Капо Негро (Черный) сейчас $75^{\circ}28'$ (Прим. Ю. Н.).

⁵³ Илесто-песчаный бар около Амстердама, обычно называвшийся Пампус. (Прим. В. В.).

⁵⁴ Залив Вилькицкого. (Прим. В. В.).

⁵⁵ На востоке от мыса Черный имеются две вершины: 918 и 972 метра. (Прим. Ю. Н.).

⁵⁶ Под островом, называемым Де-Фером (Х. де Вейром. — Прим. П. Б.) островом Виллема, следует понимать не остров Вильгельма современных карт, а остров Берха. Это явствует прежде всего из того, что расстояние между Черным мысом и о-вом Виллема (т. е. о-вом Берха) оценивается Де-Фером в 28–32 мили (английские мили. — Прим. П. Б.), в действительности равно 28 милям, т. е. совпадение очень хорошее. Между тем расстояние между Черным мысом и о-вом Вильгельма составляет только 17 миль. Ниже Де-Фер говорит, что расстояние между о-вом Виллема (т. е. о-вом Берха) и Крестовым о-вом (имеется в виду о-в Пинегина) равно 12 милям, а на самом деле оно составляет 15 миль (считая от южной оконечности о-ва Берха); снова хорошее совпадение. Между тем расстояние между о-вом Вильгельма и Крестовым о-вом равно 25 милям. Далее следует отметить, что никакой хорошей якорной стоянки (о которой упоминает Де-Фер) у о-ва Вильгельма не имеется, тогда как у о-ва Берха таковая имеется (у SO-го берега). Наконец, о-в Вильгельма не богат плавником, а на о-ве Берха его очень много. Остров Виллема (Willems Eyland) назван по-видимому в честь Виллема Баренца. Литке переделал его имя в немецкое Вильгельм. (Прим. В. В.).

Остров Виллема у Х. де Вейра соответствует современному острову Берха. Поморы называли его Большим Горбовым и он входил в систему Горбовых островов. В 1822 году был описан и нанесен на карту экспедицией на бриге «Новая Земля» под командованием Ф. П. Литке. Тогда же назван в честь историка русского флота, участника первой русской кругосветной экспедиции В. Н. Берха. (Прим. П. Б.).

⁵⁷ Маленький островок на полпути, расположенный к юго-западу от Горбовых островов, до 1958 года на отечественных картах имел несколько названий: Вильгельма, Вильяма и Вильгельма (Вильяма). В 1958 году Архангельским Губисполкомом утверждено название остров Вильяма в честь Виллема Баренца. При этом ошибочно исходили из того, что именно он был назван у Х. де Вейра островом Виллема. В своих примечаниях 1936 года В. Ю. Визе называет его островом Вильгельма. (Прим. П. Б.).

⁵⁸ Широта острова Виллема у Х. де Вейра (75°54') совпадает с широтой острова Берха. (Прим. П. Б.).

⁵⁹ Судя по тексту и по обилию плавника на острове в наши дни, остатки «русского корабля» свидетельствовали об освоении северо-восточной части Баренцева моря русскими мореплавателями. (Прим. П. Б.).

⁶⁰ Архангельская губа. В оригинальном голландском издании Berenfort. Комментатор английского издания полагает, что правильное правописание этого слова Beren-voert. Слово voert Де-Фер (Х. де Вейр. — Прим П. Б.) в другом месте употребляет в смысле «бухта». Во всяком случае толкование слова Berenfort в смысле «Медвежий форт» едва ли правильно. Литке отождествляет Berenfort с Горбовым становищем, к чему, на наш взгляд, достаточных оснований не имеется. Если бы голландцы посетили становище, то Де-Фер, конечно, не преминул бы упомянуть о следах людей, как он это делает в других местах своего сочинения. (Прим В. В.).

В 1992 году Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ) под начальством П.В. Боярского обнаружила на побережье Северного острова Новой Земли, напротив острова Личутина губы Архангельской руины нескольких старинных поморских зимовий. (Прим. П.Б.).

⁶¹ В латинском издании Cruciferum. В голландском оригинале Het Eyland mette Cruysen — остров с крестами. Речь идет о западном из двух Крестовых островов современных карт, как это будет видно ниже из плавания в 1597 году. Остров получил свое название по находившимся на нем крестам, поставленным русскими промышленниками. Это самые северные обнаруженные Баренцом следы пребывания русских на Новой Земле. (Прим. В. В.).

Остров с Крестами по описанию похож на острова Южные Крестовые. Видимо, в то время они были одним островом или существовала осушка между островами. В настоящее время между ними мелководье. Спутать два острова с одним голландские мореплаватели не могли, так как обследовали залив, ставший проливом, и удобный рейд к востоку от острова. Глубины на рейде в тексте Х. де Вейра соответствуют нынешним. (Прим. Ю. Н.).

⁶² То есть около 3700 метров. (Прим. П. Б.).

⁶³ Мыс Нассау у Х. де Вейра, скорее всего — весь полуостров Литке. Широта, определенная Баренцем 76°30', близка к широте полуострова Литке 76°18'. (Прим. Ю. Н.).

Если сравнивать карту экспедиции В. Баренца с современными, то большой массив выступа на голландской карте с названием мыса Нассау совпадает с аналогичным на современной карте и названным полуостровом Литке. При анализе текстов первого и последнего плаваний В. Баренца следует, что расположенный восточнее современные залив Русская Гавань и мыс Утешения проходились голландцами или в сложной ледовой обстановке вдали от берега, или в тумане. Поэтому они не нашли должного отображения ни на их карте, ни в описаниях. (Прим. П. Б.).

⁶⁴ Расстояние между Крестовыми островами и мысом Нассау по современным картам равно 39 милям (английским — П. Б.), Де-Фер (Х. де Вейр. — П. Б.) же дает 32 мили (в переводе на морские английские — П. Б.). Впрочем, в районе между Сухим Носом и мысом Нассау Баренц почти всюду преуменьшил расстояния, что можно объяснить действующим у западных берегов северного острова Новой Земли нордостовым течением.

	Баренц	В действительности
Сухой Нос–мыс Лаврова	16	18
Мелкая губа–Сев. Сульменева губа	20	27

	Баренц	В действительности
Сев. Сульменева губа–п-ов Адмиралтейства	24–28	30
П-ов Адмиралтейства–мыс Черный	20–24	35
Черный мыс–о-в Берха	23–32	28
О-в Берха–о-в Крестовый	12	15
О-в Крестовый–мыс Нассау	32	39

(Прим. В. В.).

⁶⁵ См. примечание 29. (Прим. П. Б.).

⁶⁶ Полуостров Литке на современных картах. Экспедицией В. Баренца был назван в честь принца Морица Оранского (1567–1625 гг.), графа Нассауского, штатгальтера Республики Соединенных провинций (Нидерланды). Принц принял активное участие в организации и снаряжении голландской экспедиции. (Прим. П. Б.).

⁶⁷ Марс — площадка, которая крепится на лонга-салингах (горизонтальных брусках, расположенных вдоль судна на топе (верхняя часть мачты) парусного судна с прямым вооружением. (Прим. П. Б.).

⁶⁸ Широта места равнялась следовательно 76°55' N. (Прим. В. В.).

⁶⁹ Мыс Утешения очень сложно опознать, но вероятнее всего это современный мыс Визе, так как он имеет отмели на северо-востоке и хорошо опознается по вершине горы Потоцкого с приметной снежной вершиной, которую можно увидеть далеко с моря. Также в описании Х. де Вейра недалеко от этого мыса к северо-востоку должен быть большой залив. Это залив Иностранцева — другого большого залива здесь нет. (Прим. Ю. Н.).

На основе проведения историко-географических экспериментов по маршруту плаваний голландской экспедиции В. Баренца (во время работ Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) у побережья Северного острова Новой Земли) мы пришли к выводу, что мысом Утешения для голландской экспедиции стали острова Гольфстрим. Подробнее мы остановимся на этом в примечании 83. Здесь только отметим, что на карте экспедиции В. Баренца мыс под названием «Cape des Troosts» (мыс Утешения) расположен значительно северо-восточнее полуострова Литке и современного мыса Утешения. Более того, на всей голландской карте больше нигде нет выступа, значительно удлиненного параллельно береговой линии и имеющего столь тонкую «ножку-основание», соединяющую его с берегом. Ниже мы расскажем, что эта «ножка» была льдом, стоявшим между островами Гольфстрима и побережьем. (Прим. П. Б.).

⁷⁰ Это число стоит в голландском оригинале, но оно ошибочно, следует 76°15'. В немецком переводе цифры даны несколько иные: высота солнца 6°45', склонение 19°50'; вычитая первое из второго, получаем 13°5', а отнимая это число от 90°, определим высоту полюса в 76°55'. (Прим. В. В.).

⁷¹ На самом деле 57°6' представляет собой не высоту солнца над горизонтом, а зенитное расстояние. (Прим. В. В.).

⁷² Здесь Де-Фер (Х. де Вейр. — П. Б.) вполне определенно утверждает, что мыс Ледяной есть крайняя северная оконечность Новой Земли (De aldernoordelijckste hoeck van Nova Sembla genaemt Is hoeck), т. е. мыс Карлсена современных карт. Определенная Баренцом географическая широта этого мыса в точности совпадает с действительной. Впоследствии картографы название «мыс Ледяной» неправильно присвоили мысу, лежащему к юго-западу от северной оконечности Новой Земли. Это было сделано по-видимому на том основании, что мыс Карлсена свободен от ледников, тогда как мыс Ледяной современных карт представляет собой «вторгающийся в море выступ ледника» (лоция Н. И. Евгенова). Вероятно северная оконечность Новой Земли была названа Баренцом Ледяным мысом по причине находившихся недалеко больших масс морского льда (а не потому, что самый мыс был покрыт глетчером). (Прим. В. В.).

Здесь очень важно подчеркнуть, что В. Ю. Визе в своем примечании как бы предвосхитил более точный перевод именно с первоисточника, который сейчас и находится в руках читателя. Здесь после указания Ледяного мыса следуют строки: «Они нашли на нем камешки». Именно «на нем», на Ледяном мысе. Тот же смысл в строках перевода 1936 года о Ледяном мысе: «Там нашли на нем несколько камешков». И тут же говорится о расположенном рядом «хорошем заливе с песчаным дном». Поэтому вызывает удивление попытка неких доказательств того, что «голландцы за Ледяной мыс приняли не столько часть суши, сколько край ледника Петерсена» (В. Ф. Старков, В. Л. Державин Экспедиция Виллема Баренца на Новой Земле (1596–1597 гг.). М.: 2003. С. 26–27; Корякин В. С. Исторические материалы исследования памятников истории освоения Арктики: Новая Земля. М.: 1991. С. 17). Надо обладать достаточно богатой фантазией, чтобы представить карабкающихся на ледник Петерсена (мыс Ледяной) голландских мореплавателей, находящихся на его поверхности «камешки, сверкавшие как золото». И более того, какой там примыкал к нему тогда «хороший залив с песчаным дном»? Конечно, это не мог быть современный залив Красивый, находящийся южнее залива Иванова и ограниченный с юга мысом с современным названием Большой Ледяной. И если западный мыс залива Иванова как-то прикрывал движущийся на лодки голландцев лед в 1597 году, то залив Красивый открыт для всех западных ветров. Забегая вперед, отметим, что 18 июня 1597 года, находясь у Ледяного мыса на лодках, «несколько человек отправились на берег поискать яиц». Невозможно представить себе нормальных людей, ушедших искать птичьи гнезда и яйца на леднике Петерсена. Поэтому мыс Ледяной — это один из мысов, расположенных в непосредственной близости от залива Иванова: мыс Вилькицкого или мыс Варнека. Это подтверждает историко-географический эксперимент, проводившийся МАКЭ на судовых спасательных мотоботах в 1988 году по маршруту: мыс Желания–Оранские острова–залив Иванова. И наши работы здесь в последующие годы. (Прим. П. Б.).

⁷³ Вероятно железный колчедан. (Прим. В. В.).

⁷⁴ То есть от Ледяного мыса они шли на юг к Оранским островам. Здесь или ошибка в первоначальном тексте, или льды заставили их во время плавания после Ледяного мыса отойти немного севернее. (Прим. П. Б.).

⁷⁵ Эти острова и на современных картах носят название, данное им Баренцом. (Прим. В. В.).

⁷⁶ Во время исследований МАКЭ в 1988, 1992 и в последующие годы мы постоянно наблюдали у Оранских островов плавающих моржей, а на косе, соединяющей западный из Больших Оранских островов с останцом — их лежбище. В 1998 г. биолог МАКЭ А. Н. Кулиев провел подсчет моржей на лежбище. Их оказалось, как и во времена Баренца, 200 штук. (Прим. П. Б.).

⁷⁷ Ластами. (Прим. В. В.).

⁷⁸ Столь подробное описание моржей связано с тем, что голландские мореплаватели понимали их промысловое значение. Видимо, конкретные участники экспедиции не видели раньше моржей. (Прим. П. Б.).

⁷⁹ На некоторых картах голландских мореплавателей остров Вайгач изображается как южная часть Новой Земли. (Прим. П. Б.).

⁸⁰ Пролив Югорский Шар. (Прим. П. Б.).

⁸¹ Здесь подразумевается не только сам пролив Югорский Шар, но и возможность его «прохода», как важной составляющей конечной цели всей экспедиции — достижения берегов Китая. Что было целью и остальных судов голландской экспедиции, к которым и решил вернуться Виллем Баренц. (Прим. П. Б.).

⁸² От северной оконечности Новой Земли до мыса Утешения 85 миль (морских — П. Б.) (вместо 120, даваемых Х. де Вейром). Возможно, что столь крупное расхождение объясняется влиянием встречного течения, которое испытывало судно Баренца. (Прим. В. В.).

В 1597 году это же расстояние от Ледяного мыса до мыса Утешения голландские мореплаватели определяли в 25 миль голландских, или около 100 миль морских английских, то есть на 20 морских миль меньше. (Прим. П. Б.).

⁸³ Проверка этой любопытной приметы на месте могла бы выяснить, действительно ли мыс Утешения Х. де Вейра есть одноименный мыс современных карт. (Прим. В. В.).

Наши специальные наблюдения во время исследований МАКЭ на Новой Земле свидетельствуют следующее. Мыс Утешения современных карт не является ни низким, ни плоским. Да и таких мысов на всем протяжении от залива Иванова до современного мыса Утешения мы не обнаружили. Проходя на этом участке вдоль побережья мы только в одном месте увидели выступающий в море берег, «низкий и плоский, с четырьмя-пятью черными холмами, напоминающими крестьянские дома». Надо добавить — старинные крестьянские дома в Голландии. Это были острова Гольфстрим, расположенные значительно севернее мыса Утешения. Расстояние этих островов от побережья около 10 км. Часть этого расстояния во времена голландской экспедиции могла быть перекрыта выводными ледниками Броунова, Воейкова, Мака и Велькена. Часть могла быть перекрыта многолетним припаем, нагромождением обломков айсбергов и самими айсбергами. Торошенный береговой припай с включениями земли и камней так же мог способствовать впечатлению, что острова Гольфстрим являются мысом. Наши исследования подтверждают и упоминание Х. де Вейра именно о «четырёх-пяти холмах, напоминающих крестьянские дома», так как пятый холм под одним углом наблюдения с моря напоминает крестьянскую хижину, а под другим углом единственный приобретает вид обычной возвышенности. (Прим. П. Б.).

⁸⁴ Гусиная Земля. (Прим. В. В.).

⁸⁵ Трудно определить о каком утесе вблизи мыса идет речь. (Прим. П. Б.).

⁸⁶ Вероятно Южный Гусиный Нос. (Прим. В. В.).

⁸⁷ Остров Подрезов, который действительно представляет собой темный выступ над водой. (Прим. Ю. Н.).

⁸⁸ Географическая широта острова Подрезова, определяемая Баренцом в 71°20' N, составляет на самом деле 71°26' N. (Прим. В. В.).

⁸⁹ Северо-западная часть пролива Костин Шар, которая была принята Баренцем за большую бухту. Название пролива было дано поморами задолго до плавания Баренца. Словом шар поморы называют пролив, соединяющий два залива или два моря. (Прим. П. Б.).

⁹⁰ Оливир Брунель, уроженец Брюсселя, совершил несколько плаваний на север. Во второй половине XVI века он жил в Холмогорах, а затем поступил на службу к известным в то время богачам Строгановым. В период между 1577 и 1580 гг. Брунель, по поручению Строгановых, совершил два путешествия на нижнюю Обь, причем второе путешествие он сделал морем из устья Печоры. Около 1584 года Брунель снарядил собственную экспедицию для плавания Северным морским путем в Китай, но не прошел дальше Вайгача и южной части Новой Земли. В эту экспедицию Брунель очевидно и побывал в Костином Шаре. (Прим. В. В.).

⁹¹ Один из северо-западных небольших мысов острова Междушарский. В.Ю. Визе называет мыс Хохарей-Сале. Ю.А. Настеко — район мыса Шадровского. И оба исследователя считают, что остров Междушарский был обойден В. Баренцем с западной стороны. Но тщательное изучение его и Де Вейра нас приводит к мысли и о возможности прохода голландской экспедицией вдоль восточного побережья острова Междушарского и возвращении проливом Костин Шар из-за льдов, двигавшихся южнее и юго-западнее мыса Черный. Аналогичную ситуацию с ледовой обстановкой здесь мы не раз наблюдали. А в северной части острова Междушарского наша экспедиция (МАКЭ) обнаружила и исследовала останки поморских крестов и зимовий на полуострове Ярцева, у входа в губу Валькова острова Междушарского. (Прим. П. Б.).

⁹² Возможно, что имеется в виду мыс Костин — южная оконечность острова Междушарского. Однако в лоции Н. И. Евгенева этот мыс описывается как утесистый, высотой до 30–35 футов, а потому характеристика «мало приметный» к нему едва ли подходит. Не исключено, что во времена Баренца Обманый Шар представлял собою еще пролив. В таком случае упоминаемый Де-Фером (Х. де Вейром. — П. Б.) мыс следует искать в районе Обманного Шара. (Прим. В. В.). Здесь важно подчеркнуть, что в голландском тексте нет слов о мысе «мало приметный», а речь идет о «следующем плоском мысе». Мыс Костин действительно хорошо наблюдаем и виден с моря, а перешеек Обманый Шар зачастую незаметен. И во времена Баренца мыс мог быть островом. (Прим. П. Б.).

⁹³ Южный вход в Костин Шар, а может быть и Обманный Шар. (Прим. В. В.). Большой бухтой могла быть губа Нехватова или Башмачная. (Прим. П. Б.).

⁹⁴ На восток в проливе Костин Шар тянутся несколько губ. (Прим. П. Б.).

⁹⁵ См. примеч. 92. (Прим. П. Б.).

⁹⁶ Мыс Сханс по мнению В. Ю. Визе «следует искать на полуострове, у которого находится губа Строганова. Повидимому этот мыс можно отождествить с Мучным Носом (как это и делает Литке), около которого находится две скалы (острова Мучные). Скала находится однако и у мыса Черного. Расстояние от мыса Костина до Мучного Носа равно 13 милям, что хорошо согласуется с даваемым Де-Фером (Х. де Вейром. — П. Б.) расстоянием между мысом Лаврентия и мысом Шанц (12 миль)». Ю. А. Настеко предполагает, что это мыс Черный. (Прим. П. Б.).

⁹⁷ Лед не дал пройти судну В. Баренца на восток — вдоль южного побережья Новой Земли. Из-за сложной ледовой обстановки на его карте нет пролива Карские Ворота, а южное побережье Новой Земли сплошной линией с заливами и несколькими островами переходит в «Вайгач». (Прим. П. Б.).

⁹⁸ Здесь прослеживание пути Баренца по современной карте встречает особенно большие затруднения. Литке полагает, что этот залив (названный голландцами заливом Лаврентия) есть губа Строганова, расположенная в широте 70°48' N, каковая величина весьма близко подходит к определению Баренца (70°45' N, см. ниже). (Прим. В. В.).

⁹⁹ Залив Святого Лаврентия по широте близок к губе Селезнева (70°44'). (Прим. Ю. Н.).

¹⁰⁰ Если залив Лаврентия есть действительно губа Строганова, то мыс Шанц (Сханс — П. Б.) есть очевидно Мучной Нос (а не Черный мыс), так как Де Вейр говорит, что мыс Шанц (Сханс) лежит к SSO от Строгановой губы. Однако расстояние между губой Строгановой и мысом Шанц (Сханс), даваемое Х. де Вейром (8 морских миль), в таком случае преувеличено по крайней мере в два раза. (Прим. В. В.). Мыс Сханс с длинным черным утесом — вероятно мыс Черный. (Прим. Ю. Н.).

¹⁰¹ В голландском оригинале: «Salm vang». Имеется в виду несомненно голец (*Salvelinus alpinus*), промысел которого ведется на Новой Земле и в настоящее время. (Прим. В. В.).

¹⁰² Видимо, как мы это не раз наблюдали на Новой Земле, из-за вечной мерзлоты захоронения сделали неглубокими, гробы завалили камнями, а песцы растащили кости умерших. (Прим. П. Б.).

¹⁰³ В голландском оригинале: «Lodding». (Прим. В. В.). Мы хотим подчеркнуть здесь, что несколько раз за три плавания голландской экспедиции Х. де Вейр упоминает именно о русских (поморских) лодьях. Это подтверждает нашу версию, что на Новую Землю ходили и кочи, и лодьи. Некоторые современные исследователи неверно утверждают, что лодьи ходили только на Шпицберген (Груммант). (Прим. П. Б.).

¹⁰⁴ Мучная Гавань (в голландском оригинале Meel-haven) есть повидимому одна из якорных стоянок губы Строгановой. Литке предполагает, что это есть Васильево становище — крайний северо-восточный угол губы Строгановой. В этой губе в конце XVI века жила новгородская семья Строгановых, бежавшая на Новую Землю по политическим обстоятельствам. «Нет сомнений, — пишет Литке (op. cit., p. 31), — что строения эти [т. е. строгановские избы] суть те самые, кои были найдены голландцами». (Прим. В. В.).

Х. де Вейр пишет, что они прошли еще две мили на юго-восток до мыса Сханс и нашли «хорошую гавань, защищенную от всех ветров», названную ими Мучной. Но здесь вероятно ошибка. Скорее от мыса Сханс они пошли на юго-восток. Доказательством этого является составленная голландцами карта, на которой Мучная гавань нарисована южнее мыса Сханс. И описание ее весьма подходит для губы Черная. Там у входа находится старинное становище, на которое голландцы и вышли. В губе имеются хорошие промысловые реки, где издревле ловили и заготавливали гольца — именно поэтому голландцы там увидели бочарные доски. Черная скала — это мыс Олонкина. (Прим. Ю. Н.).

¹⁰⁵ Остров Раковая Лудка, лежащий в 8 морских милях от Мучного Носа, что вполне совпадает с даваемым Де-Фером (Х. де Вейром — П. Б.) расстоянием. (Прим. В. В.).

В двух милях на юго-восток от Черной Скалы (мыс Олонкина) находится небольшой, далеко выдающийся в море остров Большой Саханин. (Прим. Ю. Н.).

¹⁰⁶ Эти слова следует понимать так, что широта места, определенная по солнцу, была равна 70°50' N. Однако эта широта несомненно ошибочна, ибо для залива Лаврентия Де-Фер (Х. де Вейр—П. Б.) дает широту 70°45' N, а от этого залива голландцы плыли на SSO (истинный SO). (Прим. В. В.).

¹⁰⁷ Острова Малый и Большой Саханины. Из текста не вполне ясно, равно ли расстояние между островом Раковая Лудка и островами Саханиными 9–10 голландским милям или четырем. Правильнее повидимому первое, так как по современной карте (1930-х годов—П. Б.) это расстояние составляет 41 морскую милю (около 10 голландских миль). (Прим. В. В.). Остров Святой Клары—юго-западный остров Петуховского архипелага (Прим. Ю. Н.).

¹⁰⁸ Остров Колгуев. (Прим. В. В.) Продвигаясь к Вайгачу и обходя лед, экспедиция В. Баренца, судя по приводимым глубинам и направлению движения, наткнулась не на остров Колгуев, а на мыс Русский Заворот. Описание Х. де Вейра, что «земля состояла из низких плоских дюн и простиралась с востока на запад»—это точное описание полуострова Русский Заворот. Тогда как северный берег острова Колгуев высокий и обрывистый. (Прим. Ю. Н.)

¹⁰⁹ Остров Колгуев—по предположению голландской экспедиции. (Прим. П. Б.).

¹¹⁰ Остров Матвеев. Карта этого острова была издана в книге участника плаваний голландцев, одного из торговых комиссаров в 1594 и 1595 году Яном Хейгеном ван Линсхотеном. На карте указаны поморские кресты на острове и дан рисунок одного из крестов с надписями. Во время наших исследований на острове Матвеев в 1991 и 1995 годах сотрудниками МАКЭ старинные многометровые поморские кресты были выявлены и исследованы в тех же местах, что и на карте Яна Линсхотена. Как это описано у него, здесь много луж, озер, высокой травы и одуванчиков, плавника на пляжах. И если голландцы обнаружили здесь останки одной лодьи, то МАКЭ—останки нескольких парусных судов среди завалов плавника. Правда, мы не нашли ни одного гнезда сокола, из одного из которых они взяли птенцов, но наблюдали, как и они, лебедей, казарок и уток. (Прим. П. Б.).

¹¹¹ Остров Долгий. Здесь в 1594 году Ян Хейген ван Линсхотен обнаружил много крестов. Останки многих стоящих и сейчас, наклоненных и упавших древних крестов наблюдали и мы во время исследований МАКЭ на острове. Наибольшие их скопления находятся в южной части острова. На северном мысу острова так же много останков крестов. Но как мы убедились—часть из них относится к обетным и могильным крестам 1730-х годов, когда во время зимовки здесь погибли около 70 богомольцев с Оби, которые возвращались домой на лодье после посещения Соловецкого монастыря. Непроходимые льды заставили их зазимовать в небольшой бухте у северной оконечности острова Долгова. Это место получило название Сибирское становье. Кроме крестов мы обнаружили здесь останки землянок и часть церковного сосуда. (Прим. П. Б.).

¹¹² См. примечания *** и 24. (Прим. П. Б.).

¹¹³ Под названием Вайгач Де-Фер (Х. де Вейр—П. Б.) понимает пролив Югорский Шар. (Прим. В. В.).

¹¹⁴ На самом деле суда достигли только западных берегов полуострова Ямал. (Прим. В. В.).

¹¹⁵ См. примечание 4. (Прим. П. Б.).

¹¹⁶ Мыс Табин—вероятно географическая фикция. См. М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932, стр. 173–174. (Прим. А. М.).

¹¹⁷ См. примечание 2. (Прим. П. Б.).

¹¹⁸ Остров Местный на современных картах. (Прим. П. Б.).

¹¹⁹ Канин Нос, на старинных картах называвшийся Кандин Нос. (Прим. В. В.).

¹²⁰ Широта местонахождения судна. (Прим. П. Б.).

¹²¹ Варде (в голландском оригинале Wachhuysen). Крепость Вардехуз, на крайнем севере Норвегии, была построена в 1307 году. (Прим. В. В.).

¹²² Морж—морское млекопитающее из отряда ластоногих. (Прим. П. Б.).

Путешествия на Север. Вторая часть

¹²³ Ян Хейген ван Линсхотен (Jan Hughen van Linschoten) родился в Гаарлеме в 1563 г.; в ранней молодости он отправился в Португалию, а оттуда в Индию, где пробыл несколько лет. По возвращении в Голландию он получил поручение принять участие в экспедиции в северные моря. Он плывал туда на корабле «Меркурий» (энкхейзенском), в качестве судового приказчика (comis). Таким же образом сопровождал он и вторую экспедицию и написал о них подробный отчет (первое издание, на голландском языке, появилось в 1601 г.), равно как и о своем путешествии в Индию. Умер в 1633 г. в должности видного финансового чиновника в Эйнкхезене. (Прим. А. М.).

¹²⁴ О принце Морице Оранском см. Примеч. 66. (Прим. П. Б.).

¹²⁵ В Китай. (Прим. В. В.).

¹²⁶ Петрус Плансиус (1552–1622) — уроженец Фландрии, богослов, астроном и картограф. В 1585 году, опасаясь религиозных преследований инквизиции (был священником датской кальвинистской церкви) бежал в Амстердам. Здесь заинтересовался навигацией и картографией и своими познаниями помогал успешному проведению многих торговых экспедиций голландских мореплавателей. (Прим. П. Б.).

¹²⁷ Уже судя по этим названиям, Петрус Плансиус использовал и информацию о несуществующих государствах. (Прим. П. Б.).

¹²⁸ Закон понижения температуры воздуха с увеличением высоты над уровнем моря Де-Феру (Х. де Вейру. — П. Б.) не был известен. (Прим. В. В.).

¹²⁹ Де-Фер (Х. де Вейр) ошибочно считает, что главная масса льдов около Новой Земли речного происхождения (а не морского). (Прим. В. В.).

¹³⁰ В голландском оригинале: «Orper Comis». Якоб ван Хеймскерк, уроженец Амстердама, по возвращении из полярных плаваний служил в военном флоте Голландии. В 1607 г. он командовал голландской эскадрой и принимал участие в сражении с испанцами у входа в Гибралтар. В этом бою ван Хеймскерк погиб. (Прим. В. В.).

¹³¹ Самый крупный остров, входящий в состав Западно-Фризских островов в нидерландской провинции Северная Голландия. (Прим. П. Б.).

¹³² В рассматриваемую эпоху время на корабле измеряли песочными часами (склянками). При переворачивании получасовой склянки вахтенный матрос, следивший за временем, бил в колокол. Количество ударов зависело от начальной точки отсчета времени. Если счет начинался в 12 часов полудня, то в 12:30 бьется одна склянка, в 13:00 две склянки и так до 16:00, когда отбивается восемь склянок. При этом переворачивают как получасовую, так и четырехчасовую склянки. В 16:30 вновь бьется одна склянка и т.д. при четырехчасовых вахтах. (Прим. П. Б.).

¹³³ Т. е. широта места была равна 71°15' N. (Прим. В. В.).

¹³⁴ Т. е. широта места была равна 72°20' N. (Прим. В. В.).

¹³⁵ На острове северной части Норвегии, где сейчас располагается центр города Тромсё, издревле существовало поселение. В 1252 году здесь была построена первая церковь. В 1794 году Тромсё получил статус города. (Прим. П. Б.).

¹³⁶ Брандт Тетгалес, известный также под именем Брандта Избрандтзона (Brandt Isbrandszoon). Избранд не был вице-адмиралом, но назван здесь так потому, что состоял помощником начальника экспедиции. «Адмиралом», т. е. начальником всей экспедиции, был Корнелий Най. (Прим. В. В.).

¹³⁷ Мыс Нордкап на норвежском острове Магерё является самой северной точкой Европы. Его скалы вздымаются до 307 метров. (Прим. П. Б.).

¹³⁸ Три скалы у северных берегов Норвегии. (Прим. В. В.).

¹³⁹ Мыс Нордкин расположен на северной оконечности Норвежского полуострова Нордкин и является самой северной точкой континентальной (материковой) Европы. (Прим. П. Б.).

¹⁴⁰ Это был торговый корабль, на пути присоединившийся к экспедиции и здесь покинувший ее, чтобы идти в Колу, или в Белое море. (Прим. В. В.).

¹⁴¹ Видимо, эти суда направились к побережью России. (Прим. П. Б.).

- ¹⁴² Определение делалось, как и раньше, по высоте солнца над горизонтом. (Прим. П. Б.)
- ¹⁴³ Это острова Матвеев и Долгий. Они были открыты Корнелиусом Най во время его плавания в 1594 году. (Прим. В. В.).
- ¹⁴⁴ В русском издании 1936 года здесь указан «пролив Вайгач», но в первом голландском издании упомянут только «Вайгач». Мы считаем, что речь здесь идет о берегах острова, а не о проливе. (Прим. П. Б.).
- ¹⁴⁵ Здесь, видимо, речь идет о «скалах» у юго-западного входа в пролив Югорский Шар в районе современной полярной станции Белый Нос. (Прим. П. Б.).
- ¹⁴⁶ Видимо, в районе мыса Раздельный. (Прим. П. Б.).
- ¹⁴⁷ Судя по дальнейшему описанию на этом мысе большого святилища с идолами, речь идет о современном мысе Дьяконова. Так он был назван в 1902 году в честь лейтенанта В. В. Дьяконова (1873–1905), участвовавшего в 1898–1900 годах в Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на пароходе «Пахтусов» под начальством А. И. Варнека. Во времена голландской экспедиции он назывался (до 1902 года) поморами Мыс Болванский Нос. (Прим. П. Б.).
- ¹⁴⁸ Земля Самоедов — материковое (южное) побережье пролива Югорский Шар. Обычно МАКЭ наблюдала скопление льда, идущего по проливу из Карского в Баренцево море, в районе от мыса Дьяконова на севере до мыса Хабарова на юге. (Прим. П. Б.).
- ¹⁴⁹ Бухта Варнека. Получила такое название в 1902 году в честь известного полярного исследователя А. И. Варнека. (Прим. П. Б.).
- ¹⁵⁰ Ворвань — так называли жир, добытый из морских млекопитающих и рыб. Чаще всего употреблялся для освещения. (Прим. П. Б.).
- ¹⁵¹ Указанные глубины совпадают с современными. (Прим. Ю. Н.).
- ¹⁵² Неправильное выражение, часто употребляемое Де-Фером (Х. де Вейром. — П. Б.). 69°21' есть не высота солнца над горизонтом, а широта места. На самом деле бухта Варнека лежит в широте 69°41' N. (Прим. В. В.).
- ¹⁵³ О месте существования этого самоедского святилища до сих пор ничего не известно. (Прим. П. Б.).
- ¹⁵⁴ На мысе Идолы (мысе Дьяконова) по нашей версии с древнейших времен существовало святилище верховного божества предшественников ненцев (самоедов) — Вэсако (Старик). В XVI веке оно перешло от сменявших друг друга племен морских охотников (печеры, югры, сихиртя) к ненцам, ассимилировавшим местное население. (Прим. П. Б.).
- ¹⁵⁵ Самоеды (ненцы). (Прим. П. Б.).
- По нашему мнению голландцы узнали от самоедов о проживании на острове нескольких семей морских охотников. Вполне возможно, что они были вытеснены сюда с побережья самоедами и не хотели покидать остров с их главными святилищами. (Прим. П. Б.).
- ¹⁵⁶ Видимо, основная часть морских охотников была вытеснена самоедами со священного острова предшественников на юг Новой Земли. (Прим. П. Б.).
- ¹⁵⁷ Корнелис Якобс — шкипер судна, на котором капитаном был Виллем Баренц. (Прим. П. Б.).
- ¹⁵⁸ Карское море. (Прим. П. Б.).
- ¹⁵⁹ Мыс Сухой Нос. За 400 лет его южная часть, видимо, несколько размылась и сейчас представляет собой песчаные косы. На карте голландской экспедиции он изображен еще целым. (Прим. Ю. Н.).
- На карте Линсхотена на этом мысу нанесен крест. Скорее всего это один из многочисленных поморских крестов, в то время уже стоявших на острове Вайгач. (Прим. П. Б.).
- ¹⁶⁰ Twist hoeck, в английском издании ошибочно West Point. Он назван так по причине возникшего здесь при первом путешествии между Наем и Брандтом Избрандом спора, имеется ли дальнейший проход на восток или нет. Мыс Спора — мыс Канин современных карт. (Прим. В. В.).
- ¹⁶¹ В немецком тексте сказано, что лодья «была починена или сшита лыком». В голландском оригинале: *met bast tsamen ghenaeuet* — сшитая при помощи лыка. (Прим. А. М.).
- Лыком называют волокнистую древесную ткань, которую отделяют непосредственно от ствола. Из лыка плели лапти. Это луб молодой ивы, липы и некоторых других деревьев, разделяемый

на слои и узкие полосы. Скорее всего речь идет о вице-еловом или можжевельниковом корне, который использовался для «шитья» поморских судов. Их обшивка делалась внакрой, в перекрывающихся краях досок сверлили ряд отверстий, сквозь которые доски сшивались вицей или лыковой веревкой. (Прим. П. Б.).

¹⁶² У Линсхотена сказано: «до другой реки, которая по их словам называется Гиллисси» (Gillissy), т. е. до Енисея. (Прим. В. В.).

¹⁶³ *Mermaere* — искаженное Нарзомское море, как русские в старину называли южную часть Карского моря. В одной написанной собственноручно Баренцом записке, найденной Пэрчезом (Purchas) в бумагах Гаклюйта (Hakluyt), приводятся следующие данные о море Мермаре (перевод проф. А. Маленина с английского издания 1853 года): «24 августа н. ст. 1595 г. мы говорили с самоедами и спросили их, что за страна и море лежат к востоку от Вайгача. Они сказали, что после пяти дней пути в направлении к северо-востоку мы должны придти к большому морю в направлении к юго-востоку. Это море к востоку от Вайгача, по их словам, называлось Мармория, что значит спокойное море. И люди из Вардехуза сказали то же самое. Я спросил их, есть ли время в году, когда оно замерзает. Они отвечали утвердительно и прибавили, что иногда переезжали по нему на санях. И первого сентября н. ст. 1595 русские на лодье или барке утверждали то же самое, говоря, что море замерзало иногда настолько, что лодьи или барки, идущие иногда в Енисей (Giehlsidi) из Печоры, принуждены были зимовать там». (Прим. В. В.).

¹⁶⁴ На карте Линсхотена отмечено место якорной стоянки восточнее современного мыса Сухой Нос. (Прим. П. Б.).

¹⁶⁵ Фоксель — самый нижний прямой парус на фок-мачте (передней мачте). (Прим. П. Б.).

¹⁶⁶ Вернулись в Залив Ворвани (Бухту Варнека). (Прим. П. Б.).

¹⁶⁷ Видимо, они имели в виду Байдарацкую Губу. (Прим. П. Б.).

¹⁶⁸ Судя по этому описанию и рисункам голландцев одежда местных жителей отличалась от национальной одежды современных ненцев. (Прим. П. Б.).

¹⁶⁹ Здесь непонятна неосведомленность самоедов о существовании огнестрельного оружия, которым, пусть и в меньшей мере, но пользовались русские, постоянно проводившие в этом районе летние плавания и промысловую деятельность. (Прим. П. Б.).

¹⁷⁰ Деревянный идол. (Прим. П. Б.).

¹⁷¹ Современный мыс Дьяконова на юге острова Вайгач. (Прим. П. Б.).

¹⁷² Очень важные для нас замечания, так как ненецкие идолы остроголовые. По нашей версии это были идолы морских охотников, одно из главных святилищ которых находилось на юге Вайгача. (Прим. П. Б.).

¹⁷³ Видимо эти жертвоприношения осуществлялись оленеводами самоедами (ненцами), начавшими недавно осваивать регион и поклоняться местным божествам. (Прим. П. Б.).

¹⁷⁴ См. Прим. 165. (Прим. П. Б.).

¹⁷⁵ Верп-анкер — вспомогательный якорь на судне. Он заводится с кормы судна для снятия его с мели или перемещения судна на другое место при отсутствии хода. (Прим. П. Б.).

¹⁷⁶ Фрегат вице-адмирала. (Прим. П. Б.).

¹⁷⁷ В голландском оригинале: «Staten Eylandt». Это Мясной остров современных карт, называемый также Местным. (Прим. В. В.).

¹⁷⁸ Горный хрусталь. (Прим. В. В.).

¹⁷⁹ В 1995 году сотрудники МАКЭ осуществили поиск этой могилы на острове Местный. Мы использовали голландскую карту Линсхотена, на которой указано примерное место захоронения. Потепление климата привело к возникновению процессов солифлюкции, заболачивания значительной части острова и усиления задернованности низин. При этом необходимо было учитывать нам и глобальные процессы «нарастания» слоя земного покрова. Ландшафт острова (по сравнению с 1595 г.) как бы «сгладился». Голых каменистых гряд — возвышенностей, указанных на карте Линсхотена, уже не наблюдалось. Могилу голландцев, скрытую под толстым слоем дерна, нам не удалось найти. Нами только было обнаружено место казни в 1595 году пятерых голландских моряков,

о которой ничего не говорится у Херрита де Вейра, но описывает в своем сочинении, изданном в 1598 году, Конрад Лев. Более того, эта виселица на острове Местный изображена на карте одного из голландских изданий 1598 года. (Прим. П. Б.).

¹⁸⁰ Плавание в этом районе опасно из-за многочисленных отмелей и «подводных скал». Особенно при сложной ледовой обстановке. (Прим. П. Б.).

¹⁸¹ В пролив Югорский Шар. (Прим. П. Б.).

¹⁸² Лодья пересекала пролив Югорский Шар от южного берега острова Вайгач к материковому побережью пролива. (Прим. П. Б.).

¹⁸³ Видимо, речь идет о материковом (южном) побережье пролива Югорский Шар, где в настоящее время расположена группа островов в устье реки Большая Ою (Великая). (Прим. П. Б.).

¹⁸⁴ В этом большом устье сливаются несколько рек. (Прим. П. Б.).

¹⁸⁵ Остров Матвеев. (Прим. П. Б.).

¹⁸⁶ Остров Долгий. (Прим. П. Б.).

¹⁸⁷ Грот — большой прямой парус на нижнем рее средней мачты (грот-мачте) парусного судна. (Прим. П. Б.).

¹⁸⁸ Фок — самый нижний прямой парус на передней мачте (фок-мачте). (Прим. П. Б.).

¹⁸⁹ Мыс Канин Нос. (Прим. П. Б.).

¹⁹⁰ Фок-мачта — передняя мачта на парусном судне. (Прим. П. Б.).

¹⁹¹ Прямой парус, второй (или третий) снизу на любой мачте. (Прим. П. Б.).

¹⁹² Главные паруса — те паруса, которые судно может носить безопасно в свежий ветер, например, у фрегата это — кливер, фок, грот, бизань, марсели и брамсели, у шхуны — кливер, фок и грот. У барка — как у фрегата, за исключением прямых парусов на бизань-мачте. (Прим. П. Б.).

¹⁹³ Добавочные паруса — паруса, которые добавляют к основным прямым парусам, чтобы увеличить скорость при слабом ветре. (Прим. П. Б.).

¹⁹⁴ Остров Кильдин расположен в Баренцевом море, в 1,5 км от Мурманского берега Кольского полуострова. Длина острова 17,6 км при ширине 7 км. (Прим. П. Б.).

¹⁹⁵ Подветренная сторона — противоположная направлению ветра. (Прим. П. Б.).

¹⁹⁶ См. примеч. 121. (Прим. В. В.).

¹⁹⁷ Маас — река, протекающая по Франции, Бельгии и Нидерландам. Соединяется с рукавом Рейна, образуя общую дельту и впадает в Северное море. (Прим. П. Б.).

Путешествия на Север. Третья часть

¹⁹⁸ См. Примеч. 10. (Прим. П. Б.).

¹⁹⁹ Jan Cornelisz Rijp. В дальнейшем Де-Фер (Х. де Вейр. — П. Б.) обычно употребляет Jan Corneliszoon, что отвечает русскому Ян Корнелиевич. (Прим. В. В.).

²⁰⁰ Вли — северная часть водной территории в Нидерландах, соединявшаяся с морем через протоку, которая и сейчас является проливом Влистром между островами Влиланд и Терсхеллинг. (Прим. П. Б.).

²⁰¹ См. Примеч. 200. (Прим. П. Б.).

²⁰² Hitlandt — голландское название Шетландских островов. (Прим. В. В.).

²⁰³ Fyeril — остров Фер, лежащий между Оркнейскими и Шетландскими островами. (Прим. В. В.).

²⁰⁴ Это не высота солнца, а зенитное расстояние. (Прим. В. В.).

²⁰⁵ Это — явление гало, особенно часто наблюдаемое в полярных странах. Гало бывают разного вида как около солнца, так и около луны. Иногда видны только круги, иногда же появляются ложные солнца и луны. (Прим. В. В.).

²⁰⁶ См. Примеч. 204. (Прим. П. Б.).

²⁰⁷ Крайний северный мыс на территории Норвегии. Вздмается выше 300 метров на острове Магерё. (Прим. П. Б.).

²⁰⁸ В русском издании 1936 года ошибочно указана высота солнца 51°22'. (Прим. П. Б.).

²⁰⁹ Результат 74° северной широты совпадает и в русском издании 1936 года. (Прим. П. Б.).

²¹⁰ Воды холодного течения около Медвежьего острова своим зеленоватым цветом резко отличаются от синих атлантических вод. (Прим. В. В.).

²¹¹ Остров Медвежий. Необходимо отметить хорошее определение географической широты острова, произведенное голландцами. (Прим. В. В.).

²¹² Старый амстердамский фут был равен 28,31 см. (Прим. П. Б.).

²¹³ Это название сохранилось за островом до настоящего времени. Оно было перенято также русскими поморами, которые встарину называли этот остров «Медведь». (Прим. В. В.).

²¹⁴ Это был Шпицберген, который голландцы принимали за часть Гренландии. (Прим. В. В.).

²¹⁵ В голландском оригинале, а также в английском издании, приводится высота солнца $33^{\circ}37'$, откуда при склонении $23^{\circ}26'$ получается широта места $79^{\circ}49'$. В голландском издании вследствие ошибки в вычислениях приводится однако широта $80^{\circ}11'$. В латинском издании вычисления сделаны правильно, однако они исходят из высоты солнца $33^{\circ}15'$, а не $33^{\circ}37'$, как в голландском издании. Причину этого расхождения установить нельзя, а потому нельзя и решить, какой результат правильнее — $80^{\circ}11'$ N или $79^{\circ}49'$ N. На карте, приложенной к английскому изданию 1853 г., путь голландских кораблей показан к востоку от Шпицбергена и далее через весь пролив Хинлопен с SO на NW. Предположение, что голландские суда прошли на север у восточных берегов Шпицбергена, кажется нам совершенно невероятным в силу ряда причин. Во-первых, в столь раннее время года (13–19 июня) восточные берега Шпицбергена блокируются тяжелыми льдами, через которые голландские суда несомненно не могли бы пробраться. Во-вторых, в середине июня еще ни одному судну не удалось пройти через пролив Хинлопен, и нет никаких оснований предполагать, что это удалось голландцам. В третьих, Де-Фер (Х. де Вейр) нигде не упоминает о прохождении через пролив Хинлопен. В четвертых, голландцы на пути от Медвежьего острова к $80^{\circ}11'$ N (или $79^{\circ}49'$ N) держали курс на N или NtO; принимая во внимание магнитное склонение в ту эпоху, следует, что от Медвежьего острова суда голландцев шли на N с некоторым отклонением к W, а никак не на NO, как показано на упомянутой карте в английском издании. На переходе от Медвежьего острова к Шпицбергену голландские суда могли быть снесены на запад также течением. (Прим. В. В.).

²¹⁶ Русские поморы называли эту землю Грумантом. (Прим. П. Б.).

²¹⁷ Определить, в каком именно заливе побывали голландцы, чрезвычайно затруднительно. Описание этого залива по Де-Феру (Х. де Вейру), а также даваемая им географическая широта ($79^{\circ}42'$ N, см. ниже) скорее всего подходит к Liefde-Bay, на северном берегу главного острова Шпицбергена. (Прим. В. В.).

²¹⁸ Отсюда следует, что шкют был быстроходнее бока. (Прим. П. Б.).

²¹⁹ Форштевень — носовая оконечность судна, являющаяся продолжением киля. (Прим. П. Б.).

²²⁰ Русские поморы на Новой земле и Вайгаче за несколько столетий до этого охотились на казак на местах их арктических гнездовий. (Прим. П. Б.).

²²¹ Видимо и русские поморы принимали Шпицберген за часть Гренландии, называя архипелаг Грумантом. (Прим. П. Б.).

²²² Речь идет о северных оленях. (Прим. П. Б.).

²²³ Воздействие Гольфстрима на побережье Новой Земли меньше, чем на Шпицбергене. На Новой Земле в годы плаваний голландских экспедиций были и северные олени и «лиственные растения и травы». (Прим. П. Б.).

²²⁴ Голландские мореплаватели все еще находились у архипелага Шпицберген. (Прим. П. Б.).

²²⁵ Следует считать, что магнитное склонение было западное. (Прим. В. В.).

²²⁶ Фунт (амстердамский) равен 0,4941 кг. (Прим. П. Б.).

²²⁷ Перевод с латинского в русском издании 1936 года сильно отличается здесь от староголландского оригинала дневников Херрита де Вейра. Поэтому В. Ю. Визе решил, что «это несомненно пролив между островом Prince Charles Foreland и главным островом Шпицбергена». Но из нашего текста убедительно следует, что речь идет об одном из больших заливов на Шпицбергене. (Прим. П. Б.).

²²⁸ Трудно установить о каком мысе идет речь. (Прим. П. Б.).

²²⁹ Т. е. обогнув с севера Шпицберген. (Прим. В. В.).

²³⁰ Баренц намеревался плыть на восток, но в этом направлении, как видно из текста, находил-ся лед. (Прим. В. В.).

²³¹ Видимо, в голландский текст первоначально вкралась ошибка, т.к. здесь речь идет о Кани-ном Носе. (Прим. П. Б.).

²³² Это предположение было неправильно, так как и до 11 июля и после широта места корабля дается 72° N. (Прим. В. В.).

²³³ На карте Баренцова моря, изданной Гидрографическим управлением в 1930 г. под №1062, в широте 71°53' N и долготы 41°52' O действительно значится 70-саженная банка. (Прим. В. В.).

²³⁴ Это зенитное расстояние, а не высота солнца. (Прим. В. В.).

²³⁵ В 1553 году английский мореплаватель Виллоуби, плывя от Нордкапа на восток, увидел зем-лю. По предположению А. Норденшельда это был остров Колгуев, по мнению же некоторых дру-гих исследователей — западный берег южного острова Новой Земли. (Прим. В. В.).

²³⁶ Белый медведь способен преодолевать большие расстояния и по льдам и вплавь. (Прим. П. Б.).

²³⁷ См. Примеч. 41. (Прим. П. Б.). Здесь ошибка в вычислениях: $90^\circ - 16^\circ 40' = 73^\circ 20'$, а не $74^\circ 40'$. Что широта $74^\circ 40'$ неверна, видно также из курсов корабля за время с 14 июля (когда корабль нахо-дился в $74^\circ 10' N$) до 17 июля. (Прим. В. В.).

²³⁸ Формарсель — второй снизу парус, привязанный к формарсарю. Бизань — парус на бизань-мачте. (Прим. П. Б.).

²³⁹ См. Примеч. 50. (Прим. П. Б.).

²⁴⁰ См. Примеч. 61. (Прим. П. Б.).

²⁴¹ Широта преувеличена, так как Северный Крестовый остров лежит на $76^\circ 02' N$. (Прим. В. В.).

²⁴² Здесь удивляет беспечность моряков, которые знали о трагических событиях предшествую-щих плаваний, связанных с агрессивностью и нападениями белых медведей. (Прим. П. Б.).

²⁴³ Это наблюдение голландских мореходов свидетельствует, что в предшествующем плавании они изучили некоторые особенности поведения белых медведей. (Прим. П. Б.).

²⁴⁴ Здесь две ошибки: 1) разность между $35^\circ 15'$ и 21° есть $14^\circ 15'$, а не 14° ; 2) если из 90° вычесть $14^\circ 15'$, то получаем $75^\circ 45'$, а не $76^\circ 15'$. (Прим. В. В.).

²⁴⁵ Магнитное склонение было западное. (Прим. В. В.).

²⁴⁶ Редактор английского издания справедливо полагает, что здесь опечатка и что на самом деле следует не 17° , а 27° . (Прим. В. В.).

²⁴⁷ Т. е. к северной оконечности Новой Земли. (Прим. В. В.). См. Прим. 72. (Прим. П. Б.).

²⁴⁸ См. Прим. 63. (Прим. П. Б.).

²⁴⁹ См. Прим. 69. (Прим. П. Б.).

²⁵⁰ Кабестан — механизм для передвижения груза. (Прим. П. Б.).

²⁵¹ Мыс Малый Ледяной — видимо, мыс Большой Ледяной современных карт (а мыс Большой Ледяной у Х. де Вейра — это современный мыс Вилькицкого). Именно у Большого Ледяного совре-менных карт сидят на мели айсберги, к одному из которых отшвартовались голландцы, и с гор сте-кает большой ручей. (Прим. Ю. Н.).

²⁵² См. Прим. 75. (Прим. П. Б.). В 1594 году В. Баренц, дойдя до Оранских островов, повернул на-зад. (Прим. П. Б.).

²⁵³ Судя по описанию, голландцы забрались на возвышенность южнее или немного юго-восточнее малых Оранских островов, откуда и сотрудники МАКЭ в 1988 году наблюдали указан-ные Х. де Вейром «повороты» берега к югу. (Прим. П. Б.).

²⁵⁴ Т. е. отыскание морского пути в Китай. (Прим. В. В.).

²⁵⁵ Мыс Желания русские промышленники-поморы называли мысом Доходы, т.к. дойдя от северо-западного побережья Новой Земли до него, дальше не рисковали идти на своих судах. Мыс так был назван голландцами в 1596 году, так как они обогнули северное побережье архипелага и перед ними виделся прямой путь на юго-восток, в Китай. (Прим. П. Б.). В голландском оригинале: «De hoeck van Begheerte». (Прим. В. В.).

²⁵⁶ В голландском оригинале: «De Hooft-hoeck». Это мыс Де-Фер современных карт (на русских картах обычно Девер). Расстояние между мысом Желания и мысом Де-Фер автором сильно преувеличено (13 миль вместо 24).

²⁵⁷ В голландском оригинале: «Het Vliissinger hooft». На русских картах часто неправильно «Виссингер Гофт». Расстояние между мысом Головным и мысом Флиссингенским тоже сильно преувеличено (5 миль вместо 12). (Прим. В. В.).

²⁵⁸ В голландском оригинале: «Den hoeck vant Eylandt». Это мыс Константин современных карт, около которого находится остров Гемскерк. Расстояние между мысом Флиссингенским и мысом Константин, определяемое Де-Фером в 12 миль, составляет на самом деле 10 миль. (Прим. В. В.).

²⁵⁹ В голландском оригинале: «De hoeck van den Ishaven». Это мыс Спорый Наволок современных карт (а не «мыс Ледяной Гавани» на карте Гидрологического управления № 1067 изд. 1932 г.). Расстояние между мысом Константин и мысом Спорый Наволок, определяемое Де-Фером в 16 миль, составляет на самом деле 20 миль. (Прим. В. В.).

²⁶⁰ В голландском оригинале: «Het afwater ofte Stroom Bay», в английском издании: «the fall of water or the Stream Bay». Расстояние между мысом Спорый Наволок и заливом Течений современных карт равно 29 милям. (Прим. В. В.).

²⁶¹ Это был, вероятно, обломок глетчера с поверхностной мореной. (Прим. В. В.).

²⁶² Перо руля — вертикальная плоская часть руля, поворачивающаяся на оси (баллере) в кормовой подводной части судна. Служит для поворота судна в ту или иную сторону. (Прим. П. Б.).

²⁶³ Подразумевается «с севера». (Прим. В. В.).

²⁶⁴ Бухта Ледяная Гавань, названная так в 1596 году голландской экспедицией, на карте В. Баренца находится северо-восточнее мыса Спорый Наволок, на котором в тот год и было построено зимовье-убежище. На самом деле мыс находится в южной части этой бухты. (Прим. П. Б.).

²⁶⁵ Голландский (амстердамский) фут равен 283 мм. (Прим. П. Б.).

²⁶⁶ На основе исследований МАКЭ в 1992 году мы сделали вывод, что голландское судно село на прибрежную мель, расположенную северо-восточнее места постройки зимовья. (Прим. П. Б.).

²⁶⁷ Бугшприт (бушприт) — от голландского *boeg* — нос корабля, и *spriet* — шест. Это мачта, выступающая горизонтально или наклонно впереди носа судна. (Прим. П. Б.).

²⁶⁸ Приспособление для поднятия груза на сравнительно небольшую высоту. (Прим. П. Б.).

²⁶⁹ См. Прим. 265. (Прим. П. Б.).

²⁷⁰ См. Прим. 262. (Прим. П. Б.).

²⁷¹ Редактор английского издания предполагает, что здесь может быть имеются в виду соляные копи Кардоны, недалеко от Барселоны. (Прим. В. В.).

²⁷² Фок-мачта — передняя мачта на судне. (Прим. П. Б.).

²⁷³ Речка в куту бухты Ледяная Гавань. (Прим. П. Б.).

²⁷⁴ Плавник. (Прим. П. Б.).

²⁷⁵ В 1992 году нами были обнаружены на месте зимовки Баренца свиные кости. Видимо, речь идет о солонине, привезенной из Голландии. (Прим. П. Б.).

²⁷⁶ Видимо, речь идет о плавнике у речки. См. Прим. 273. (Прим. П. Б.).

²⁷⁷ В. Ю. Визе считает, что речь здесь идет о «воде в море». Скорее всего — это так. Но может быть, что замерзла питьевая вода в бочке на судне или в другой посуде. (Прим. П. Б.).

²⁷⁸ Остались на судне еще четверо участников голландской экспедиции. (Прим. П. Б.).

²⁷⁹ Город на севере Голландии, в 17 км от Амстердама. (Прим. В. В.).

²⁸⁰ В русском переводе 1936 года с латинского издания говорится, что «его похоронили в песке под морским тростником (т.е. — водорослями. — П. Б.), в расщелине горы около водопада». А, оказывается, плотник был похоронен под камнями (и нет упоминания о водопаде), что во многом меняет наши представления о возможном месте захоронения. (Прим. П. Б.).

²⁸¹ Все это свидетельствует, что не только окружающий судно лед, но и оно само прочно «село на грунт» в районе обнаруженной нами в 1992 году отмели вблизи берега в северной части мыса

Спорый Наволок. В этом районе и надо тщательно искать возможно сохранившиеся останки голландского судна. (Прим. П. Б.).

²⁸² Вполне возможно, что это была самка с двумя взрослыми медвежатами. (Прим. П. Б.).

²⁸³ В голландском оригинале: «een Meuboom». Было в обычае украшать дома зелеными ветвями, для чего особенно часто употреблялась береза. (Прим. В. В.).

²⁸⁴ См. Прим. 265. (Прим. П. Б.).

²⁸⁵ См. Прим. 272. (Прим. П. Б.).

²⁸⁶ Можно ориентировочно принять, что эта высота составляла 30 футов над уровнем моря. (Прим. В. В.).

²⁸⁷ Созвездие Скорпиона содержит 17 звезд и расположено в южной части зодиака. (Прим. П. Б.).

²⁸⁸ Так как широта места зимовки Баренца была $76^{\circ}15'$ (= широта мыса Спорый Наволок по карте № 1067 издания Гидрографического управления 1932 г.), то полярная ночь в Ледяной Гавани должна была наступить уже 1 ноября (принимая, что рефракция = $36'$ и наклонение видимого горизонта = $5'$). То, что голландцы видели солнце еще 2 и 3 ноября, можно объяснить аномально большой рефракцией в эти дни. (Прим. В. В.).

²⁸⁹ В широте места зимовки Баренца луна не заходит каждый месяц в течение 8–9 дней подряд. (Прим. В. В.).

²⁹⁰ На каждого приходилось, следовательно, около 300 граммов хлеба в день. (Прим. В. В.).

²⁹¹ Якоб Ван Хеймскерк Хейндрикс и Виллем Баренц. (Прим. П. Б.).

²⁹² На судне было несколько песочных часов для отсчета различных промежутков времени. (Прим. П. Б.).

²⁹³ Около 240 граммов. (Прим. П. Б.).

²⁹⁴ Подразумевается, «как это часто делают с вином». (Прим. В. В.).

²⁹⁵ В голландском оригинале: «De Reus». Вероятно Де-Фер имел в виду не правое, а «левое плечо» Ориона, где находится звезда Bellatrix, высоту которой голландцы по видимому и измеряли; высота «правого плеча» Ориона дает широту места более 79° . (Прим. В. В.).

²⁹⁶ При более точном вычислении, как это указано в английском издании 1853 года, получается широта $75^{\circ}43' N$. (Прим. В. В.).

²⁹⁷ Мы не смогли найти такое название пива. (Прим. П. Б.).

²⁹⁸ Тропики — воображаемые параллельные круги на поверхности земного шара, отстоящие на $23^{\circ}27'$ от экватора к северу и югу. К северу от экватора расположен тропик Рака (Северный тропик), к югу — тропик Козерога (Южный тропик). (Прим. П. Б.).

²⁹⁹ Металлические шары — ядра от корабельных пушек. (Прим. П. Б.).

³⁰⁰ Расположенный между Баренцевым и Карским морями архипелаг Новая Земля имеет протяженность с юга на север почти 930 км. 200 голландских миль составляют около 1482 км. То есть представление голландских мореплавателей о протяженности Новой Земли отличаются на 550 км от истинного значения: в сторону увеличения. (Прим. П. Б.).

³⁰¹ Звезда Альдебаран — ярчайшая звезда в созвездии Тельца, одна из ярчайших звезд на ночном небе. Альдебаран в переводе с арабского означает «идущий вослед». Эту звезду называли также Воловий Глаз. (Прим. П. Б.).

³⁰² Предположение (высказанное вероятно Баренцем), что зимовка голландцев находилась севернее $76^{\circ} N$, было справедливо, ибо широта мыса Спорый Наволок по современным картам равна $76^{\circ}15' N$. (Прим. В. В.).

³⁰³ Игра в мяч с использованием в качестве биты наверхия флагштока. (Прим. П. Б.).

³⁰⁴ Голландская верхняя одежда (куртка) моряков, рассчитанная на северные моря. (Прим. П. Б.).

³⁰⁵ Эти обручи были обнаружены сотрудниками МАКЭ в 1992 году на месте голландского зимовья и вывезены нами в Музей МАКЭ Института наследия (г. Москва). Часть из них мы передали в экспозицию на ледокол-музей «Красин» (С.-Петербург). (Прим. П. Б.).

³⁰⁶ Видимо, речь идет о южном побережье мыса Спорый Наволок. (Прим. П. Б.).

³⁰⁷ В широте места зимовки голландцев ($76^{\circ}15' N$) солнце должно было появиться только 15 февраля (принимая рефракцию $42'$ и наклонение видимого горизонта $5'$). (Прим. В. В.).

³⁰⁸ Раннее появление солнца можно объяснить только весьма большой аномалией рефракции, которая должна была достичь величины около 4° . (Прим. В. В.).

³⁰⁹ Иосиф Юстус (Жозеф Жюст) Скалигер (1540–1609) — итальянец по происхождению, известен как французский историк, филолог, воин, был одним из основателей современной научной исторической хронологии. Он впервые применил астрономический метод для подтверждения своей версии хронологии предыдущих веков. Эфемериды — астрономические таблицы, указывающие положение небесных светил на определенные дни месяца или года. (Прим. П. Б.).

Полное заглавие этой книги: «Josephi Scala, Siculi, Ephemerides ex Tabuli Magini, ab anno 1589 ad annum 1600 continuatae, una cum introductionibus Ephemeridum Josephi Moletii. Venetiis, 1589». (Прим. В. В.).

³¹⁰ Магнитное склонение составляло таким образом около $22\ 1/2^{\circ} W$. В «Каталоге магнитных определений в СССР», изданном Главной Геофизической обсерваторией в 1929 г., приводятся магнитные определения Баренца, однако магнитного склонения для Ледяной гавани там нет. (Прим. В. В.).

³¹¹ 90° . (Прим. В. В.).

³¹² Так как долгота Венеции составляет $12^{\circ}21'$ к востоку от Гринвича, то долгота места зимовки по определению голландцев получается равной $87^{\circ}21'$. На самом деле долгота места зимовки Баренца, согласно Карте № 1067 издания Гидрографического управления 1932 г., равна $68^{\circ}24'$. (Прим. В. В.).

³¹³ Долгота здесь дается от меридиана Ферро, но неверная (на самом деле следует $30^{\circ}01'$). (Прим. В. В.).

³¹⁴ Не склонение, а широта. (Прим. В. В.). На самом деле широта Венеции равна $45^{\circ}26' N$. (Прим. В. В.).

³¹⁵ Х. де Вейр здесь пишет о долготе и широте местонахождения голландской экспедиции на Новой Земле. (Прим. П. Б.).

³¹⁶ Мыс Табин — вероятно географическая фикция. См. М. П. Алексеев, Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932, стр. 173–174. (Прим. А. М.). А. И. Малеин считает, что мыс Табин — северная оконечность полуострова Таймыр, то есть мыса Челюскин. (Прим. П. Б.).

³¹⁷ Разница долгот между крайней восточной оконечностью Новой Земли (мыс Флиссингенский) и мысом Челюскин равна 35° , а между Ледяной гаванью и мысом Челюскин 36° . (Прим. В. В.).

³¹⁸ Т. е. 60 английских или морских миль. (Прим. В. В.).

³¹⁹ Эта величина совпадает с действительной (3,64 географ. мили, или 14,66 английских миль). (Прим. В. В.).

³²⁰ 880 морских миль. (Прим. В. В.).

³²¹ De strate Anian. Картографы конца XVI века помещали между северо-восточной оконечностью Азии и северо-западным выступом Америки Анианский пролив. По мнению Л. С. Берга (Известия о Беринговом проливе до Беринга и Кука. Записки по гидрографии, XLIII, 2, 1920), реальных оснований к нанесению этого пролива в те времена не имелось. Л. С. Берг называет Анианский пролив «картографическим мифом». (Прим. В. В.).

³²² В русском издании 1936 года отсутствует упоминание о Библии. Странно, что Х. де Вейр не называет его имя или должность. Причиной болезни и смерти нескольких участников голландской экспедиции могли быть: цинга, из-за нехватки витаминов и малоподвижного образа жизни в замкнутом пространстве зимовья, или трихиниллез, которым они заразились от питания плохо проваренным медвежьим мясом. (Прим. П. Б.).

³²³ То есть глубиной около 2-х метров (1, 981 м). К сожалению, здесь нет точного указания на выкапывание ямы в земле или в плотном снегу, которым занесло дом. (Прим. П. Б.).

³²⁴ Поморы во время зимовки на Новой Земле издавна пытались физическими упражнениями лечить цынггу. (Прим. П. Б.).

³²⁵ Конечно, упоминания об этом празднике нет в русском издании 1936 года. Сретение — один из двенадцатых праздников у христиан (2 февраля по старому стилю).

³²⁶ Под «компасом» здесь следует понимать «указатель стран света». (Прим. В. В.).

- ³²⁷ Т. е. склонение магнитной стрелки составляло около $22\frac{1}{2}^\circ$. (Прим. В. В.).
- ³²⁸ Около 2,6 метра на 2 метра. (Прим. П. Б.).
- ³²⁹ Эти строки свидетельствуют о наличии книг в библиотеке голландской экспедиции. (Прим. П. Б.).
- ³³⁰ В голландском оригинале: «Vastelavont» — канун поста; в латинском переводе *Vacchalia*. По старому русскому счислению это вторник первой недели так называемого великого поста. (Прим. А. М.). Известный христианский праздник перед Великим постом. (Прим. П. Б.).
- ³³¹ Ватерпас — прибор для проверки горизонтальности и измерения небольших углов наклона. (Прим. П. Б.).
- ³³² Это полудиаметр солнца. (Прим. В. В.).
- ³³³ Де Вейр делает ошибку, прибавляя эту величину к «высоте полюса» (т. е. широте места). На самом деле полудиаметр солнца следует прибавлять к высоте солнца или вычитать из «высоты полюса». В результате широта места получается не 76° , а $75^\circ 28'$. (Прим. В. В.).
- ³³⁴ Предположительно, основное скопление плавника находилось в куту бухты Ледяная Гавань. (Прим. П. Б.).
- ³³⁵ В Карском море. (Прим. П. Б.).
- ³³⁶ Расстояние от места зимовки Баренца до острова Белого составляет около 140 морских миль, а до северной оконечности Ямала около 180 миль. В Арктике, при аномально большой рефракции, на таких больших расстояниях земля иногда бывает видна. (Прим. В. В.).
- ³³⁷ Воображаемые параллели, отстающие на $23,3$ градуса к северу и югу от экватора. (Прим. П. Б.).
- ³³⁸ Выше Х. де Вейр уже упоминал об игре голландцев в мяч с использованием для удара палки. (Прим. П. Б.).
- ³³⁹ В своем примечании к этому месту В. Ю. Визе пишет об ошибочности этой цифры в голландском и английском издании и дает «высоту полюса $76^\circ 2'$ ». (Прим. П. Б.).
- ³⁴⁰ В широте места зимовки голландцев ($76^\circ 15' N$) полуночное солнце должно было быть видимо начиная с 25 апреля. (Прим. В. В.).
- ³⁴¹ Видимо, это была солонина из корабельных запасов, привезенных из Голландии. (Прим. П. Б.).
- ³⁴² Унция — единица веса. Голландская унция равна 100 граммам. (Прим. П. Б.).
- ³⁴³ См. Примеч. 190. (Прим. П. Б.).
- ³⁴⁴ Наличие трех дверей указывает на то, что у дома были пристроены специальные сени, в которые с улицы можно было попасть через одну из этих трех дверей. (Прим. П. Б.).
- ³⁴⁵ Ядовитые свойства печени белого медведя описывались полярными путешественниками неоднократно. (Прим. В. В.).
- ³⁴⁶ *Belone vulgaris*. На Черном море народное название этой рыбы сарган; книжное имя ее — морская щука (по любезному сообщению проф. Л. С. Берга). (Прим. А. М.).
- ³⁴⁷ Рей — вид каната. (Прим. П. Б.).
- ³⁴⁸ Шварт — запасной судовой якорь. (Прим. П. Б.).
- ³⁴⁹ При строительстве крыши зимовья голландскими путешественниками использовался парус. (Прим. П. Б.).
- ³⁵⁰ См. дневник от 21 марта 1597 года. (Прим. П. Б.).
- ³⁵¹ Эта записка была в 1875 году обнаружена норвежским промышленником Гундерсоном на месте зимовки голландцев. (Прим. П. Б.).
- ³⁵² В голландском оригинале «meester». Это был врач экспедиции, называемый Де Вейром иногда цирюльником. В средние века функции врача обычно выполняли цирюльники. Звание «meester» (магистр) указывает однако, что Ханс Вос был не цирюльником, а ученым медиком. (Прим. В. В.).
- ³⁵³ Следует заметить, что запись в дневнике под 13 июня и только что приведенный документ Якоба Хеймскерка написаны очень тяжелым неправильным слогом, что, может быть, объясняется волнением составителей. (Прим. А. М.).
- ³⁵⁴ Мыс Константина. (Прим. П. Б.).
- ³⁵⁵ На находящемся неподалеку от мыса Константина небольшом острове Гемскерка, в рассекающей его долине, мы, сотрудники МАКЭ, обнаружили в 1998 году большое стадо моржей, которое

наблюдали у острова и в 1992 году, проходя мимо на судне. На скалах острова и в 1988, 1992 и в 1995 годах мы наблюдали птичий базар. (Прим. П. Б.).

³⁵⁶ Здесь Х. де Вейром имеется в виду расстояние от мыса Островного (Константина) до мыса Желания. (Прим. П. Б.).

³⁵⁷ Проведенные нами в 1988 году и в последующие годы историко-географические эксперименты в разных условиях ледовой обстановки у северного побережья Новой Земли выдвинули ряд вопросов. Например, почему никак не упоминаются остров Лошкина и Большой и Малый Безымянные? Более того, сам мыс Желания в XVI веке мог быть островом, а прилегающая территория — низменным берегом. (Прим. П. Б.).

³⁵⁸ И на Малых и на Больших Оранских островах мы с 1988 года наблюдали птичьи базары. Видимо, птицы были пойманы голландцами на западном из Больших Оранских островов, а шкипер провалился под лед при возвращении на восточный из Больших Оранских островов. Действительно, между этими островами существуют сильные приливно-отливные течения, которые мешают образованию толстого слоя припайного льда. (Прим. П. Б.).

³⁵⁹ 1 конгий = 3,28 куб. метра. (Прим. А. М.). В голландском оригинале «8 minghelen». Согласно комментариям к английскому изданию 1853 г. один minghel несколько больше одной английской кварты. В английском издании 1609 г.; «eight gallons». (Прим. В. В.).

³⁶⁰ См. Примеч. 72. (Прим. П. Б.).

³⁶¹ Вардегуз — крепость, построенная на крайнем севере Норвегии в 1307 году. Современный город Вардё. (Прим. П. Б.).

³⁶² Расстояния между географическими точками здесь очень условны, так как указывается пройденный путь, а не истинное расстояние. Парусные суда, а тем более лодки, сильно зависели от погодных условий (от скорости и направления ветра), морских течений и ледовой обстановки. Поэтому Х. де Вейр указывает: «приблизительно пять миль». (Прим. П. Б.).

³⁶³ В аналогичные условия попал в 1988 году мотобот МАКЭ в этом районе у западного мыса залива Иванова. С юго-запада здесь еще продолжает действовать одна из ветвей Гольфстрима. Сильные приливно-отливные течения проносили в тот год мимо нас большие скопления льда и при западном ветре, и в безветрие. (Прим. П. Б.).

^{364–365} Здесь в текст Х. де Вейром включены народные поговорки. (Прим. П. Б.).

³⁶⁶ Речь здесь идет о припайном льде. (Прим. П. Б.).

³⁶⁷ Так как события эти происходили, судя по тексту Х. де Вейра, у Ледяного мыса, то он не мог быть ледником (или сплошь покрыт им); голландцы в последнем случае не пошли бы искать на леднике птичьи яйца. (Прим. П. Б.).

³⁶⁸ Судя по этим строкам, автором начерченной карты был Х. де Вейр. В русском переводе 1936 года с латинского здесь сказано о чтении В. Баренцом дневника Де Вейра и ни слова не говорится о карте. (Прим. П. Б.).

³⁶⁹ Эти слова Х. де Вейра говорят о ведущей роли в экспедиции Виллема Баренца не только как мореплавателя. (Прим. П. Б.).

³⁷⁰ Этой строки с упоминанием Воли Божьей, конечно, нет в русском издании 1936 года. (Прим. П. Б.).

³⁷¹ На основе историко-географических экспериментов МАКЭ мы пришли к заключению, что за мыс (Утешения) голландскими мореплавателями был принят остров Гольфстрим. (Прим. П. Б.).

³⁷² Мыс Утешения на современных картах расположен в широте 76°16' N. (Прим. В. В.). О мысе Утешения более подробно см. статью П. В. Боярского в Приложениях к данной книге. (Прим. П. Б.).

³⁷³ Это, по-видимому, испорченное испанское слово тазомогга, т. е. измельченные или истолченные сухари. (Прим. В. В.).

³⁷⁴ Старинное название фок-стакселя (косой парус треугольной формы впереди фок-мачты). (Прим. П. Б.).

³⁷⁵ Фок-мачта: передняя мачта на судне, то есть первая от носа к корме. (Прим. П. Б.).

³⁷⁶ Старинное название грот-стакселя (косой парус треугольной формы между фок- и грот-мачтами). (Прим. П. Б.).

³⁷⁷ Мачту в шкоуте сломало 26 июня. (Прим. П. Б.).

³⁷⁸ Мачт-банка: мачтовая банка, через которую проходит мачта. Банка — деревянная доска, которая служит для укрепления лодки от сдавливания; одновременно служит сидением для гребцов. (Прим. П. Б.).

³⁷⁹ Астрономическим кольцом называли астрoliaбию. (Прим. П. Б.).

³⁸⁰ Выброшенный на берег плавник. (Прим. П. Б.).

³⁸¹ Следы пребывания русских поморов. (Прим. П. Б.).

³⁸² Город на западе Голландии, в 20 км западнее Амстердама. Городские права получил в 1245 году. (Прим. П. Б.).

³⁸³ Видимо на этом берегу и был похоронен Ян Франц. (Прим. П. Б.).

³⁸⁴ Это остров Назимова (восточный из Южно-Крестовых островов). (Прим. В. В.).

³⁸⁵ Здесь разумеется античный фут — 0,2957 метра. (Прим. А. М.).

³⁸⁶ Остров Пинегина (западный из Южно-Крестовых островов). (Прим. В. В.).

³⁸⁷ 19 июля 1596 года Х. де Вейр записал, что на острове голландцы увидели два креста, а 22 июля этого же года они поставили свой крест с метками. Путешественники понадеялись в 1597 году встретить здесь и другие следы пребывания русских этим летом, или их самих. (Прим. П. Б.).

³⁸⁸ Голландцы перешли через пролив Тобисена, разделяющий остров Пинегина от острова Назимова. (Прим. В. В.).

³⁸⁹ В голландском оригинале: «bergh-eenden». Речь идет несомненно о гагачьих яйцах, возможно о яйцах гаги-гребенушки (*Somateria spectabilis*), называемой на Новой Земле также «горной гагой». (Прим. В. В.).

³⁹⁰ Вероятно горного хрусталя. (Прим. А. М.).

³⁹¹ Здесь — небольшой по размерам и весу плавник. (Прим. П. Б.).

³⁹² Имеется в виду основное, а не мелких островов, побережье Новой Земли. (Прим. П. Б.).

³⁹³ См. Примечание 389. (Прим. П. Б.).

³⁹⁴ См. Примечание 63. (Прим. П. Б.).

³⁹⁵ Здесь в латинском переводе имеется ошибка. В голландском оригинале: «in elck eetmal», т. е. каждые 24 часа (ср. немецкое «im Etmal»); это дает скорость хода в 3 узла, тогда как согласно латинскому тексту получается несомненно преувеличенная скорость в 6 узлов. (Прим. В. В.).

³⁹⁶ См. Примечание 50. (Прим. П. Б.).

³⁹⁷ В своеобразной таблице пути от зимовья до Колы (см. основной текст, стр. 164–165) — от восточной оконечности Крестового острова до Черного мыса было пройдено 9 миль (3 мили от Крестового острова до острова Виллема и 6 миль от последнего до Черного мыса). (Прим. П. Б.).

³⁹⁸ См. Примечание 52. В своеобразной таблице пути от зимовья до Колы (см. основной текст, стр. 164–165) — от Черного мыса до восточной оконечности полуострова Адмиралтейства было пройдено 7 миль. (Прим. П. Б.).

³⁹⁹ Саро Plancio — северный входной мыс в Ломсбэй. (Прим. В. В.).

⁴⁰⁰ В указанной в ссылке 397 своеобразной таблице (стр. 164–165) — от западной оконечности острова (ныне полуострова) Адмиралтейства до мыса Планция было пройдено 10 миль.

⁴⁰¹ См. Примечание 37. (Прим. П. Б.).

⁴⁰² В своеобразной таблице пути (стр. 164–165) от зимовья до Колы — от мыса Планция до Лангенес расстояние 32 мили (8+10+14 миль). Видимо здесь были перепутаны в голландском издании названия — Ломсбэй и Лангенес — залива и мыса. (Прим. П. Б.).

⁴⁰³ У В. Ю. Визе мыс Кант это мыс Бритвин, а Ю. А. Настеко считает, что это мыс Большевик. (Прим. П. Б.).

⁴⁰⁴ Это была одна из бухт в заливе Моллера. (Прим. В. В.).

⁴⁰⁵ В вычисление вкралась ошибка: $90^\circ - 17^\circ 10' = 72^\circ 50'$, а не $73^\circ 10'$. (Прим. В. В.).

⁴⁰⁶ По предположению Ю. А. Настеко с 22 по 25 июля голландцы находились в одной из губ в районе Малых Кармакул. А «большой залив» В. Ю. Визе считает заливом Моллера. (Прим. П. Б.).

⁴⁰⁷ Северный Гусиный Нос. (Прим. В. В.).

⁴⁰⁸ Вдоль полуострова Гусиная Земля. Это название было дано в старину поморами. (Прим. П. Б.).

⁴⁰⁹ См. Примечание 89. (Прим. П. Б.).

⁴¹⁰ См. Примечание 91. (Прим. П. Б.).

⁴¹¹ Пролив Костин Шар огибает с севера и востока остров Междушарский, отделяя его от юго-западного побережья Новой Земли. (Прим. П. Б.).

⁴¹² В 1597 году голландцы, по-видимому, прошли проливом Костин Шар, тогда как в 1594 году они следовали вдоль западного берега Междушарского острова. (Прим. В. В.).

⁴¹³ В своеобразной итоговой таблице расстояний у Х. де Вейра (стр. 164–165) — от мыса Кант (мыс Бритвин) до Крестового мыса 14 миль (4+3+2+5 миль). (Прим. П. Б.).

⁴¹⁴ См. Примечания 98 и 99. Ю. А. Настеко предполагает, что русские лоды находились в районе губы Селезнева. (Прим. П. Б.).

⁴¹⁵ См. Примечание 100. (Прим. П. Б.).

⁴¹⁶ См. Примечание 265. (Прим. П. Б.).

⁴¹⁷ В голландском оригинале: «Een minghelen», т. е. приблизительно третью часть галлона, т. е. около 1,5 литра. В немецком переводе «глоток вина, которого у нас было еще приблизительно две меры» (2 mass). (Прим. А. М.).

⁴¹⁸ Именно, у Медвежьего острова, 1 июля 1596 г. (Прим. А. М.).

⁴¹⁹ В. Ю. Визе считал, что это острова Саханины. Мы предполагаем, что это острова у северо-западного побережья острова Вайгач. Например, Большой и Малый Оленьи. (Прим. П. Б.).

⁴²⁰ Южнее островов Оленьих находятся еще небольшие группы островов. О том, что голландцы находились у Вайгача свидетельствуют и строки от 1 августа, где говорится, что лед «несло в пролив Вайгач». (Прим. П. Б.).

⁴²¹ *Cochlearia officinalis*. (Прим. А. М.).

⁴²² Здесь указано расстояние, пройденное голландскими мореплавателями после ухода от побережья Новой Земли и, видимо, за 3 августа. (Прим. П. Б.).

⁴²³ Побережье материка к востоку от устья Печоры. (Прим. В. В.).

⁴²⁴ По аналогии со всеми предыдущими встречами поморских судов — это была лодья. (Прим. П. Б.).

⁴²⁵ Канин Нос. (Прим. П. Б.).

⁴²⁶ В Печорском заливе, в который впадает река Печора. (Прим. П. Б.).

⁴²⁷ Голландские мореплаватели могли находиться у северо-западной мелководной части Печорского залива. (Прим. П. Б.).

⁴²⁸ Канин Нос. (Прим. П. Б.).

⁴²⁹ То есть обманул компас на 22 1/2 градуса. (Прим. П. Б.).

⁴³⁰ Из Печорского залива. Если голландцы плыли вдоль западного берега Печорского залива, то им в районе мыса Кузнецкий Нос, а затем в Кузнецкой губе, пришлось плыть на OSO, чтобы обогнуть полуостров Русский Заворот. Здесь мелководье и песчаные острова — Гуляевские Кошки. (Прим. П. Б.).

⁴³¹ Обогнув мыс Русский Заворот, голландские мореплаватели остановились, так как ветер с NW дул им навстречу. (Прим. П. Б.).

⁴³² Канин Нос. (Прим. П. Б.).

⁴³³ На мысу Канин Нос стояли приметные или обетные многометровые кресты, которые издавна служили поморским мореплавателям ориентирами. (Прим. П. Б.).

⁴³⁴ Компас у поморов, судя по дальнейшей фразе, был магнитным морским компасом. (Прим. П. Б.).

⁴³⁵ Т. е. около 70 копеек. (Прим. А. М.).

⁴³⁶ Т. е. около 115 граммов. (Прим. А. М.).

⁴³⁷ Принимая, что голландцы находились в широте 68° N, солнце должно было заходить в тот день на N 46 1/2° W; таким образом получается аномально большое (по сравнению с другими определениями голландцев) склонение магнитной стрелки, а именно 35° W.

Редактор английского издания 1853 г. делает предположение, что Х. де Вейр ошибочно дает NtW, вместо NNW. В последнем случае магнитное отклонение получается 24° W. (Прим. В. В.).

⁴³⁸ На самом деле это был не Канин Нос, а вероятно Святой Нос Тиманский, на восточном берегу Чешской губы. (Прим. В. В.).

- ⁴³⁹ Имеется в виду берег Кольского полуострова. (Прим. В. В.).
- ⁴⁴⁰ Т. е. у восточного Мурмана. (Прим. В. В.).
- ⁴⁴¹ Солнце в этот день должно было восходить на N 50° O. Поэтому склонение магнитной стрелки компаса составляло 17 1/2° W. (Прим. В. В.).
- ⁴⁴² На самом деле это был западный берег Чешской губы. (Прим. В. В.).
- ⁴⁴³ Остров Кильдин у северного побережья Кольского полуострова. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁴⁴ Залив к югу от мыса Микулкин. (Прим. В. В.). Вполе возможно, что это был небольшой заливчик у мыса Ернысаля, или у мыса Рыбный, или еще севернее, в районе мыса Ладейный. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁴⁵ Кольская земля. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁴⁶ Земля Канина Носа. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁴⁷ Мыс Микулкин. (Прим. В. В.).
- ⁴⁴⁸ Эта информация о пяти поморских крестах была получена голландскими мореплавателями от русских 12 августа 1597 года. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁴⁹ Около 296 км. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁵⁰ В голландском оригинале: «Ende gedroncken, van den claren, als in den Rhijn voorby Colen loopt». Здесь непереводаемая игра со словом *clar*, которое означает ясный и чистый, прилагаясь одинаково к спирту и к воде. В общежитии *een glasje klare* значит стакан чистого голландского джина (водки). (Прим. А. М.).
- ⁴⁵¹ Семь Островов: этим островам название дали поморы по числу островов, входящих в группу. Все семь островов нанесены и на карте Х. де Вейра. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁵² Т. е. «В Коле брабантские корабли». Это название давалось голландским кораблям потому, что до независимости северных провинций все Нидерланды были под властью брабантских герцогов, и голландские корабли обычно ходили под их флагом. (Прим. В. В.).
- ⁴⁵³ Вардехуз — крепость на северо-востоке Норвегии. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁵⁴ См. Примечание 443. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁵⁵ Русский квас. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁵⁶ Черника и морошка. (Прим. переводчика этого издания И. М.).
- ⁴⁵⁷ Сизигийный прилив — наибольший прилив, когда Солнце, Земля и Луна выстраиваются в одну линию так, что силы тяготения Солнца и Луны действуют на Землю в одном направлении, усиливая влияние друг друга на нашу планету. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁵⁸ См. Примечание 456. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁵⁹ В те времена лопари славились во всей Европе как могущественные колдуны. В XVI веке лопарские колдуны призывались по приказу Ивана Грозного в Москву. (Прим. В. В.).
- ⁴⁶⁰ Роствик — город в Швеции. (Прим. А. М.).
- ⁴⁶¹ Здесь следует понимать не реку Колу, а Кольский залив. (Прим. В. В.).
- ⁴⁶² Скорость отливного течения в Кольском заливе составляет 2 1/2 морских миль в час, что и вынудило голландцев стать на якорь и ожидать приливного течения. (Прим. В. В.).
- ⁴⁶³ Т. е. вверх по Кольскому заливу. (Прим. В. В.).
- ⁴⁶⁴ Русские выпарывали здесь соль из морской воды в специальных помещениях. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁶⁵ В 12 морских милях. (Прим. В. В.).
- ⁴⁶⁶ Кольский острог, возведенный в 1582 году и гостиный двор. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁶⁷ Федор Иоанович (1557–1598 гг.) — Царь всея Руси и Великий князь Московский с 18 марта 1584 года; третий сын Ивана IV Грозного и царицы Анастасии Романовны. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁶⁸ В голландском оригинале: *Int soormans huys*. Гостиный двор был выстроен в Коле в 1582 году. (Прим. В. В.).
- ⁴⁶⁹ Т. е. по Кольскому заливу. (Прим. В. В.).
- ⁴⁷⁰ Т. е. из устья Кольского залива. (Прим. В. В.).
- ⁴⁷¹ Маас — река, протекающая по Франции, Бельгии и Нидерландам. (Прим. П. Б.).
- ⁴⁷² В голландском оригинале: «*Maeslantsluys*». Это *Maassluis* — город недалеко от устья р. Маас. (Прим. В. В.).

⁴⁷³ Дельфт — старинный голландский город на пути из Гааги в Роттердам. В Новом соборе города находится усыпальница королевской семьи и мавзолей Виллема I, принца Оранского, который был убит в Дельфте в 1584 году. В честь представителя королевской фамилии Оранские-Нассау принца Мориса Оранского (1567–1625 гг.), графа Нассауского, с июля 1584 года штатгальтера (правителя) Нидерландов, — были названы экспедицией Виллема Баренца Оранские острова и мыс Нассау на Новой Земле. Принц Мориц Оранский оказывал помощь в организации и снаряжении голландской экспедиции в Китай через Северный ледовитый океан. (Прим. П. Б.).

⁴⁷⁴ Гаага — город в Нидерландах, основан в 1230 году. С 1581 года в Гааге находился высший орган правительства Республики Соединенных провинций — Генеральные Штаты. (Прим. П. Б.).

⁴⁷⁵ Харлем — город на западе Нидерландов. В 1245 году получивший городские права. (Прим. П. Б.).

Приложения

Ян Хейген ван Линсхотен
Фрагменты из книги
«Плавания на север 1594–1595 гг.»

Ержи Гавронский
Лёд и дерево. Археологические исследования
«VENOUDEN HUYS» на Новой Земле в 1993 и 1995 гг.

Пётр Боярский
Историко-географические эксперименты и
исследования МАКЭ по маршрутам плавания
Виллема Баренца

Сведения
об участниках проекта

Портрет Яна Хейгена ван Линсхотена.
Художник Л. Корнелис, 1595 г.
Фото из коллекции Рейксмузеум, Амстердам.

Ян Хейген ван Линсхотен

Плавания на север
1594–1595 гг.

Фрагменты из книги

Перевод выполнен И. М. Михайловой по книге:

Reizen van Jan Huygen van Linschoten naar het Noorden (1594–1595), uitgegeven door
S.P.L'Honore Naber. 's Gravenhage, Martinus Nijhoff, 1914.

В 1594 г. в экспедиции на Север участвовало три корабля: «Зваан» («Лебедь») из провинции Зеландия, «Меркурий» из г. Энкхёйзена с торговым представителем Яном Хёйгеном ван Линсхотеном и руководителем экспедиции адмиралом Корнелисом Наем на борту, корабль из Амстердама, которым командовал Виллем Баренц, а также небольшая яхта для исследования мелких заливов и береговой линии. 29 июня, у о. Кильдин они разделились: Баренц поставил перед собой цель обойти Новую Землю с севера, а энкхейзенцы и зеландцы — с юга, а именно, пройти через пролив между островом Вайгач и материком. Поскольку эти места, в отличие от Новой Земли, в то время уже были более или менее обитаемы, журнал Я. Х. ван Линсхотена, опубликованный в 1601 г., содержит намного больше описаний встреч с местными жителями, в основном лопарями и самоедами, чем описание плавания Баренца. Из журнала Я. Х. ван Линсхотена для перевода были отобраны именно те фрагменты, в которых сообщается об этих встречах, а также о предметах русской культуры, обнаруженных голландскими мореплавателями в регионе острова Вайгач¹.

¹ Примечания издателя приводятся из указанного выше издания 1914 года, как и номера страниц.

ИЮЛЬ 1594 г.

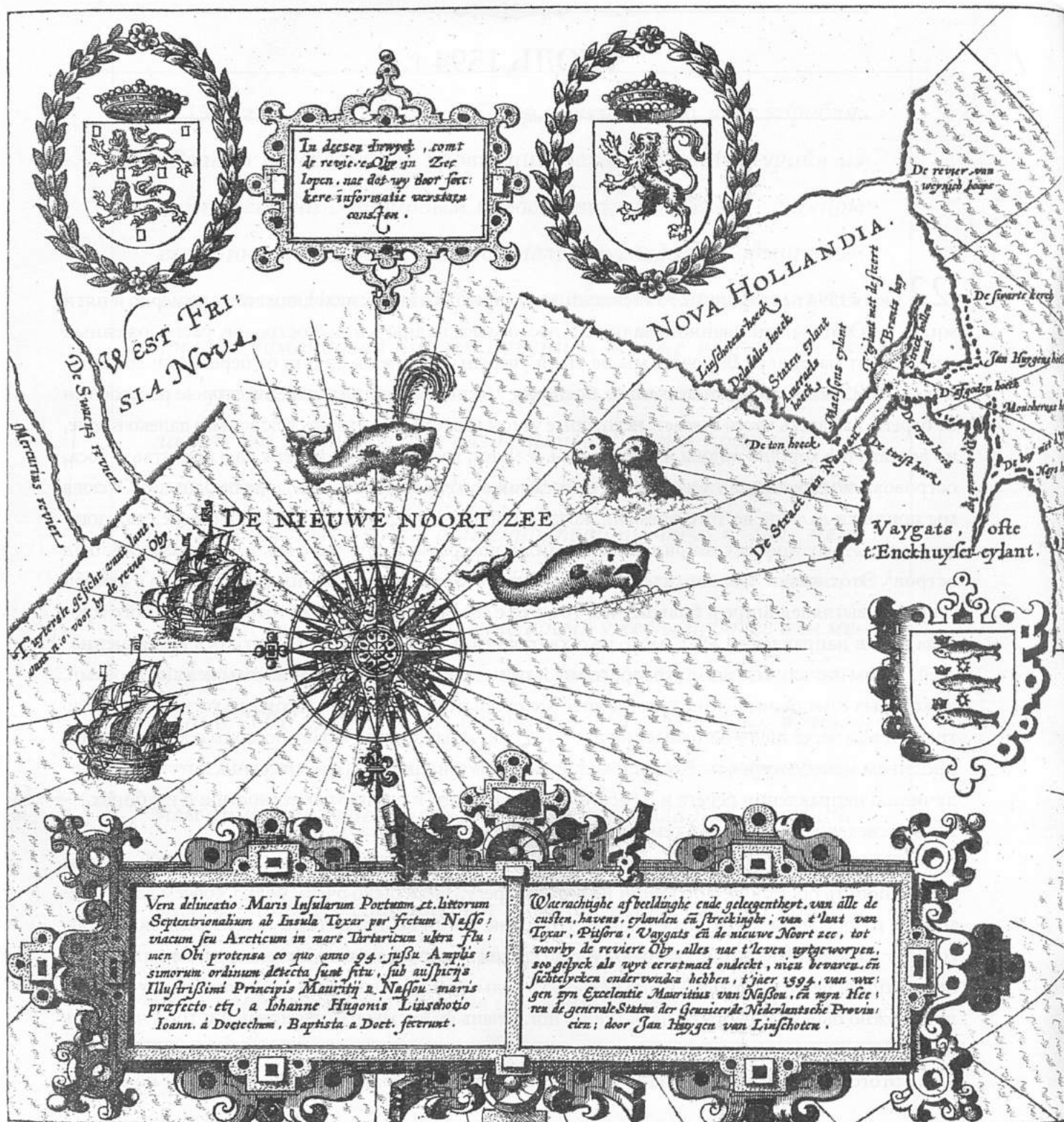
(22 июля 1594 г., вторник) ... Так дошли до следующего мыса, находящегося примерно в пяти милях к SO от вышеназванного залива. У этого мыса видны 4 или 5 островов, расположенных недалеко от материка¹. Впрочем, мы не были уверены, отделены ли они от берега или соединяются с ним. Затем увидели несколько больших утесов, находящихся на некотором расстоянии от берега, как здесь часто бывает: некоторые утесы или скалы находятся довольно далеко в воде, но достаточно хорошо видны и различимы. У мыса, на одном из этих, как нам представлялось, островов, стояло еще два деревянных креста такой же формы, как мы видели раньше. Отсюда мы поплыли дальше до того времени, когда солнце было приблизительно на севере, и подошли к открытому проходу шириной около мили, посередине которого, как нам показалось, был остров². Этот вытянулся параллельно берегу, так что виднелось два прохода: тот, что с южной стороны, выглядел шире и больше, чем тот, что с северной. К тому же берег вдоль южного прохода шел в направлении SSO, насколько хватало глаз, и был плоским, почти без возвышенностей, таким же, как тот, мимо которого мы плыли до сих пор. Расстояние от мыса с островами, на которых стояли последние кресты, до этого открытого прохода с островом в устье было около трех миль, а берег шел в направлении SO. Этот открытый проход и был, по моим соображениям, проливом между островом Вайгач и материком, по той причине, что сведения, которые мы получили о направлении берега и о расстояниях на Вагаче и о широте местности и о глубинах, — все эти сведения сходились с тем, что указано на глобусе и на картах./.../

(23 июля, суббота) /.../ В полдень опять измерили широту и определили ее в 69°30', и чтобы лучше понять обстановку, подошли на яхте к берегу. Здесь было очень мелко, совсем как у Светоноса, и побережье здесь такое низкое, что мы не могли выйти на берег, на замочив ног. пляж состоит из коричневатого песка, с примесью глины и мелкой гальки. Мы нашли там маленькую пересохшую речку, в которой было чуть-чуть воды. Мы поднялись по ней, и поскольку был отлив, можно было идти, почти не намочив ног. Очень скоро мы нашли признаки того, что здесь недавно было несколько людей, так как мы обнаружили место, где еще недавно разводили огонь и для этого рубили дрова, и еще другие несомненные признаки. Мы пошли дальше по сухому

---

¹ Имеются в виду Карповы острова.

² Коса между мысами Приметный и Дьяконова показала голландским морякам островом.

руслу вглубь суши и вдоль других длинных лощин, где тек ручей, и нашли целый киль большой лодьи, длиной около 40 футов, с пришитыми к нему досками; другие доски от боков лодьи лежали поблизости, так что похоже, что она прямо здесь и развалилась, хотя это очень далеко от берега моря. Здесь лежало также много плавника, по виду также принесенного морем, что представляется очень странным, как и откуда все это могло сюда забросить. /.../ Вдали на материке мы заметили поднимающийся к небу дым, так что там должны жить люди. Однако со стороны моря не видели совсем никаких людей и ничего, похожего на дома.

(25 июля 1594 понедельник)... Северная сторона, которая, по нашим представлениям, является островом Вайгач, выглядит более крутой / обрывистой, но сверху там также плоская поверхность; со стороны же воды много серых утесов, в некоторых местах скальные обломки, между ними серый галечный пляж, точно такой же, какой мы видели на острове Вайгач, когда были там первый раз. На самом первом, самом выдающемся мысе¹ видели много деревянных крестов, по поводу которых можно предположить с достаточной долей уверенности, что тут часто бывают русские, хотя мы не заметили поблизости ни домов, ни людей. Оба берега извилистые, с бухтами и мысами, особенно с северной стороны. /.../

Этим признакам все были очень рады, так как почти полностью убедились, что это настоящий пролив, выводящий с другой стороны в открытое море. (Наши люди на яхте) Подплыли также к берегу с северной стороны, который мы считали островом Вайгач, в чем уже не сомневались. Нашли там снова деревянный крест и свежее кострище с наколотыми дровами, в земле было сделано много ловушек, видимо, чтобы ловить песцов и соболей. Нашли также большое количество рогов косуль и северных оленей, некоторые прямо с головами, обглоданными до кости, что, вероятно сделали волки и медведи, которых они видели, как им показалось, издали. Других признаков людей или человеческого жилья они больше не заметили, а поскольку темнота, град и снег усилились, они вернулись на борт, ожидая улучшения погоды, чтобы продолжить путь.

Здесь мы измерили широту и определили ее в 69 градусов 43 минуты, находясь на расстоянии выстрела от пролива близ Вайгача, которому мы дали название Нассау. Эта каменистая суша, близ которой мы находились, является, по-видимому, островом² /.../, хотя точно увидеть это мы не смогли.

(С. 75) Когда мы первый раз шли мимо этого берега и пролива на юг, эта земля казалась издали несомненным островом, лежащим посередине устья и оставлявшим с двух сторон проход, как описано выше. Но когда мы приблизились и вошли в проливчик, ведущий в бухту, то стало видно, что коса, казавшаяся островом, соединяется с северным побережьем и образует выдающийся мыс, на котором, как мы думали, стояли кресты и где адмирал поставил створный знак. Эта коса простирается на SO и NW на расстояние около полумили /.../

¹ Мыс Гребень.

² Этот «остров», о котором говорит Ян Хейген, — это длинная и одинокая коса между мысами Приметный и Дьконова (См. 27 этого же месяца).

27 июля, в среду, была такая же погода и тот же ветер, но к полудню начало проясняться, показалось солнце, хотя ветер оставался прежним и таким же сильным. Когда прояснилось, мы поплыли к земле прямо напротив нас, туда, где был, как мы считали, остров, направляясь к тому месту, где суша образует единственный наклонный песчаный пляж среди отвесных каменных берегов, и глубина была, соответственно: 8, 7, 6, 5, 4 сажени, естественным образом уменьшаясь, пока мы не оказались на расстоянии брошенного камня от пляжика, где легко могла причалить наша яхта, так что нам удалось посуху выйти на берег. Этот наклонный пляж состоит из мелкой серой гальки, перемешанной, как кажется на первый взгляд, с серым песком; но если взять это в руку, то отчетливо видно, что все это тоже камушки, которые, по-видимому, таким образом растут, так как они похожи на зернышки песка.

Мы обнаружили, что у этого острова с восточной стороны есть неподвижный закрытый водоем¹, который почти совсем отделяет его от остальной суши, так что только с южной стороны и с северной стороны между морем и этим внутренним водоемом есть узенькие песчаные перемычки, которые во время высокого прилива уходят под воду, так что это вполне можно назвать островом в силу его вышеописанной отделенности, а также потому, что на нем есть собственная возвышенность. На крайней оконечности, на южной стороне острова, стоит две или три сотни деревянных идолов, как малых, так и больших, вырезанных из дерева, плохо и неумело обработанного; нетрудно заметить, что они изображают человеческие фигуры; они стоят наклонно, прислоненные к опоре, и повернуты лицом к востоку, а вокруг них множество рогов северных оленей, которые там, как представляется, были принесены в жертву. Эти рога и идолы издали показались нам крестами, вроде тех, что мы раньше находили тут и там на разных мысах, о чем говорилось выше. Но теперь мы обнаружили, что это идолы лапландцев или финнов или других местных жителей, придерживающихся языческих верований, что вполне ясно по этим знакам. Я вижу только одно объяснение тому, что здесь столько фигур идолов, составленных в одном месте: думаю, что всякий раз, когда кто-то умирает, сюда, на этот жертвенный холм, привозят еще одну деревянную фигуру. Это подтверждается и тем, что мы нашли здесь фигуры, совсем сгнившие и истлевшие от времени, а также несколько совершенно новых, сделанных недавно. Некоторые из них изображали мужчин, другие женщин, а отдельные детей, некоторые мужчину и женщину вместе, подобным же образом на некоторых было вырезано по четыре, пять, а то и семь, восемь и еще больше лиц, одно под другим, словно изображения целых семей. Возможно, в какое-то время года они совершают сюда паломничество, и тогда каждый оставляет здесь фигуру со своим изображением. Видели здесь также подобие носилок с вертикальными столбиками, на которых также вырезаны лица; можно предположить, что на таких носилках они несут деревянные изображения во время своих

¹ Такой водоем виден на современной карте на востоке от Мыса Дьяконова. Так что описываемый здесь «остров» на самом деле является полуостровом, в двух местах соединяющийся с Вайгачом. Следовательно, мыс Дьяконова — это и есть мыс Идолов.

процессий. Сначала мы подумали, что это кладбище с местами захоронений, но не обнаружили никаких признаков могил и никаких других костей, кроме вышеуказанных оленьих рогов, которые лежали кучами. Других признаков домов или людей мы здесь больше не нашли, хотя порядком походили по земле в разных направлениях. Но по этим деревянным фигурам-идолам достаточно очевидно, что здесь обитают люди. Однако где именно они живут — этого мы обнаружить не смогли.

/.../ На этой земле очень много озер или замкнутых водоемов с неподвижной водой, которая великолепно чиста и свежа, и как ни странно, на самом верху Острова с идолами, недалеко от мыса, на котором стоят сами идолы, есть круглое озеро с пресной водой.

(С. 79) Вечером мы разговаривали с людьми Адмирала, которые рассказали нам, что накануне были на южной земле, в девятнадцатом или в двадцатом, имея при себе лишь одну или две пики. Поскольку с северной стороны они никогда не встречали людей, то и здесь не думали встретить кого-нибудь с враждебными намерениями. Сойдя на берег, они приблизились к избушке, около которой снова нашли уйму идолов, которые были аккуратнее выполнены, чем идолы на северной стороне, и отполированы. Моряки рассказывала, что у этих идолов глаза и соски на груди были сделаны из олова. Постояв там недолгое время, они увидели приближающегося к ним на сани человека, а сани были запряжены тремя оленями. Увидев его, наши товарищи пошли ему навстречу, чтобы попытаться поговорить с ним или как-нибудь еще узнать от него что-либо. У него был с собой лук со стрелами. Увидев, что у наших в руках только одна пика, он прицелился из лука, а также взял в руку пикку, которая у него тоже имелась; этим он хотел показать, что не собирается признавать наше преимущество. Но поскольку наши моряки все вместе на него наступали, он подпрыгнул и издал клич, после чего из долины выскочило около тридцати человек, все на сани, запряженных двумя или тремя оленями. Они в один миг почти окружили моряков и заняли сторону побережья перед яхтой, так что моряки оказались в очень тяжелом положении. Но потом набрались мужества и пробились сквозь них, да и местные отступили, опасаясь, что вдруг наши еще сидят где-то в укрытии и могут напасть на них сзади, а иначе местные могли легко захватить наших, хотя возможно, что они и не хотели причинять никому вреда. Как только наши взошли на яхту, они тотчас отчалили от берега и поставили парус, и после этого на берег пришло еще пятеро из всей толпы и некоторые стали стрелять в наших стрелами, но не нанесли ущерба, так как яхта была уже вне пределов досягаемости. Они рассказали, что местные жители были крупного сложения, но об их облике и одежде ничего сообщить не могли, так как испуг не позволил им ничего рассмотреть. После этого их сообщения нам захотелось выяснить, если представится случай, нельзя ли у местных жителей получить какие-нибудь сведения, применив хитрость и изобразив дружелюбие, чтобы узнать побольше об этих местах, хотя мы не очень понимали, как сможем понять их язык. /.../

(С. 80) В последний день июля, в воскресенье, на рассвете, увидев, что погода безветренная и ясная, снарядили яхту чтобы основательно изучить выход из этого пролива. Прошли вдоль се-

(С. 84) Приблизившись к берегу, мы увидели наверху двух или трех человек, идущих с некоторым количеством северных оленей. Мы тотчас направились к ним, чтобы посмотреть, не получится ли у нас завоевать их доверие и поговорить с ними. Как только мы подплыли к бере-

¹ Ныне Сухой Нос.

гу, двое и трое из них подошли к краю скалы, чтобы нас лучше увидеть. Мы крикнули им, что хотим с ними поговорить, на что они поначалу ничего не ответили, как будто не поняли нас, но когда мы стали показывать, что хотим сойти на берег, они закричали и побежали прочь. Тогда мы сказали нашему русскому по имени Михаил (которого мы, чтобы у нас был русский переводчик, взяли с собой из Голландии, а именно Энкхейзена, где он жил и был женат) и еще одному человеку, чтобы они спрыгнули на берег без оружия, а остальные остались на борту и вели себя тихо, чтобы не напугать местных жителей. Русский, сойдя на берег, стал кричать им, чтобы они остановились и поговорили по-дружески. Те, увидев, что на берег сошло только двое и без оружия, понемногу подошли к нашим, но все еще держа наготове луки со стрелами и оглядываясь по сторонам чтобы убедиться, что нет засады; трое или четверо встали со стороны воды и с натянутой тетивой следили за нами на яхте. Мы послали им хлеба и сыра, которые они с аппетитом съели и с удовольствием приняли, так что к прежней небольшой группе присоединилось еще человек четырнадцать-пятнадцать молодых и старых. Тогда и наши сошли на берег, человек пять или шесть, и они выказывали нам большое расположение, кивая и кланяясь. Мы осмотрели их луки, но стрелы они не захотели дать нам подержать. Их сани стояли наготове, все вместе, в каждые было запряжено по два или три северных оленя, чтобы, если вдруг возникнет опасность, можно было тотчас уехать. Мы расспросили их о расположении этого пролива и земли, и они ответили нам, как нам перевел наш толмач (который, как нам стало ясно по другим вопросам, не очень-то хорошо понимал, что они говорили), что это маленькое море, но если пройти дальше, то там будет большое и просторное море. Мы спросили их также, подчиняются ли они Русскому царю, они ответили, что нет, что они его не знают, а также ничего не могли сказать о таких местах как Печора Пицано или Вайгач. Вайгач они называли другим именем, так что похоже, что они зовут его как-то иначе, да и русские тоже зовут его иначе, как мы уже поняли раньше. Нам рассказали, что на Вайгаче людей не живет, за исключением нескольких охотников из местных / их числа, которые находятся здесь и там по одному или по двое. Они рассказали о русских лодьях, с которыми они, как мы поняли, в течение части года ведут торговлю и потому говорят на ломаном русском; о том, что здесь плавают русские, мы еще раньше заключили по увиденным на мысу крестам. Нам рассказали, что у них в деревне много шкур таких зверей как песцы, соболя и тому подобное. Короче говоря, если поставить перед собой такую цель, то с ними можно наладить дружбу и хорошие отношения, однако торговля с ними (если бы мы прибыли сюда только ради этого) не покрыла бы издержек и на четверть, так как это бедный, жалкий и забитый народ. Мы расспросили их также о ледовой обстановке и о летнем времени; они ответили, что через десять-двенадцать дней льда уже не будет и что потом еще шесть недель не будет мороза, но когда этот срок пройдет, то опять все начнет леденеть. Что же касается самих этих людей и их одежды, то большинство из них маленького или среднего роста, с плоским и сильно деформированным лицом, маленькими глазками и совершенно без бород, так как бороды они, как нам объяснили, выщипывают для красоты. У них черные, как смоль, прилизанные волосы, закрывающие уши, и очень темный и некрасивый цвет лица, как у испанских мулатов,

но под чернотой в глубине скрывается розоватый цвет, что получается, я думаю, в основном от того, что они зимой сидят в своих конурах в дыму. Одежда их сделана из шкур мехом внутрь и гладкой стороной наружу, рукавицы у них соединены с рукавами, но они умеют их очень быстро снимать и надевать, то же самое и с капюшонами на голове, прикрепленными к верхнему платью; штаны похожи на те, что носят некоторые крестьяне в Голландии: суживающиеся книзу и длинные, доходящие до обуви, только у здешних жителей штаны и обувь скреплены вместе. У некоторых на головах были пестрые капоры, вроде тех, какие у нас носят женщины из Эмдена, некоторые напоминали обезьян и чудовищ, и у всех были луки и стрелы наподобие персидских, я видел похожие в Индии. Все они — ловкие люди, умеющие поразительно легко прыгать, они обнаружили смелость и физическую ловкость, они прыгают, как молодые необъезженные жеребцы; они все время остаются настороже и оглядываются, так что кажутся вояками. Что же касается бега, то среди наших не найдется никого, кто смог бы их догнать. Сани у них совсем другие, чем те, что мы видели у лапландцев и русских на Кильдине, потому что здесь они даже похожи на телеги: они довольно высокие, сверху и снизу к ним крепится по раме на столбиках, они открытые и легкие; насколько мы поняли, эти сани служат им также летом для перевозки того-сего. Этот народ, похоже, совсем не занимается рыбной ловлей и не плавает по морю, они живут только охотой на диких животных, мы это поняли, потому что нигде поблизости не было никаких признаков лодок на море, а также домов или других строений на берегу моря. Поскольку мы их плохо понимали, а нашим людям в яхте трудно было оставаться на месте, мы попрощались и вернулись на яхту и, подняв якорь, напоследок протрубили в трубу, чего они сначала испугались и хотели убежать, но потом, поняв, что это дружеское прощание, высыпали на берег, снимая с голов головные уборы, кланяясь и отвешивая поклоны, крича и размахивая руками в знак прощания. После этого мы повернули обратно, и у нас было чувство, что полученные от них сведения, а также все то, что мы увидели и испытали, достаточны для продолжения нашей экспедиции, так что около полуночи мы радостно вернулись на борт, принеся с собой хорошие новости и добрые известия.

АВГУСТ 1594 г.

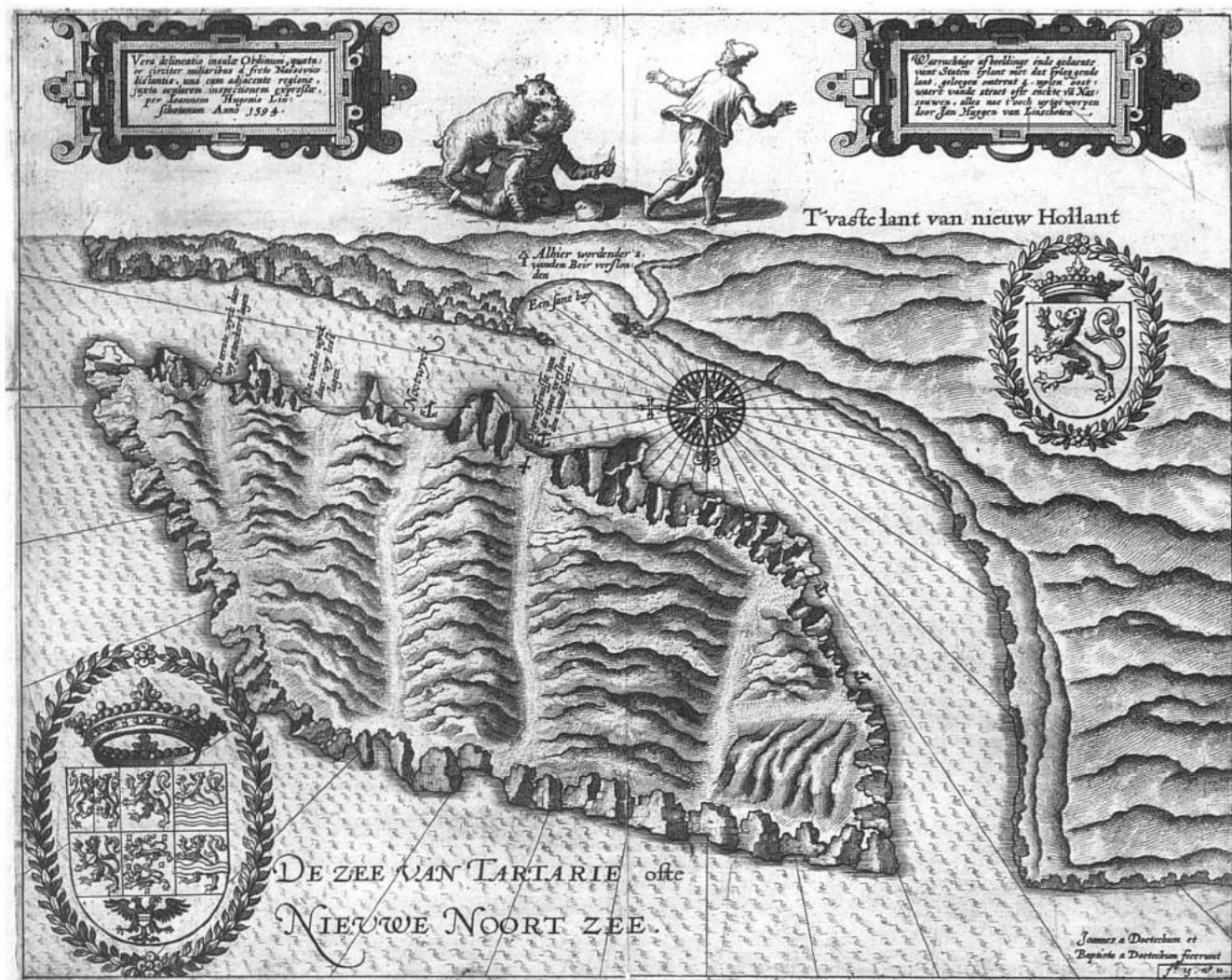
(2 августа) ... (С. 91) Проплывая через лед, мы видели лежащих на льдинах моржей или морских лошадей, и люди адмирала стреляли в них из ружей /.../. Эти животные по внешнему виду похожи на наших тюленей или морских собак, только намного большего размера, потому что когда они лежат на льдине, то кажется, что это огромные мешки шерсти, еще крупнее, чем большая фризская лошадь. У них по два больших клыка, торчащих из пасти вниз, чрезвычайно похожих на слоновую кость, так что их скорее можно назвать «морскими слонами», а не «моржами» или «морскими лошадьми». Эти животные в данной местности водятся в изобилии, особенно близ побережья Новой Земли, как мы поняли от русских, у которых очень ценятся их клыки, даже выше, чем слоновые бивни, поэтому их добывают в большом количестве.

(4 авг, С. 94) 4-го августа, в четверг, весь день была та же туманная, сумрачная и влажная погода, с северным ветром. После полудня отправились на материк, сошли у песчаного залива, но не увидели там никаких признаков домов или людей, обнаружили только двух деревянных идолов, повернутых лицом на восток, рядом с которыми лежали двое-трое оленьих рогов, оставшихся здесь, судя по всему, после жертвоприношения. Там и сям валялись наколотые дрова, некоторые обожженные, виднелись следы от саней. Из всего этого ясно следовало, что здесь иногда бывают люди, возможно, для того, чтобы собирать дрова, которые лежат здесь, на берегу песчаного залива, в больших количествах: целые деревья с корнями и ветками, хотя мы не видели здесь ни одного растущего дерева или куста: здесь лишь в некоторых местах растут трава и полевые растения, так что кажется совершенно непонятным, откуда взялось такое множество плавника. /.../ Я взял одного из деревянных идолов¹ с собой на корабль в качестве образца. Нашли здесь также на скалах несколько камушков горного хрусталя, похожих на алмазы, но не очень много, и здесь они не крепились к скалам, как на Острове Штатов. /.../

8 августа в понедельник некоторое время была более ясная погода, чем в предыдущие дни, но с утра стоял туман, а потом небо затянули тучи и задул благоприятный западный ветер. Сходили на остров Штатов, чтобы посмотреть, какова ледовая обстановка и что видно на море. Увидели много дрейфующих льдин, здесь и там, не вплотную друг к другу, но открытой во-

---

¹ Этого идола можно увидеть в Энхкёйзене у доктора Палуданума, который выставил его напоказ в своей коллекции редкостей как удивительную дикивину. (Прим. автора.)

Карта, составленная Я. Х. ван Линсхотеном, острова Местный (Штатов) с указанием места захоронения останков двух голландских матросов, разорванных медведем 6 сентября 1595 года.

ды между ними было слишком мало, так что картина эта могла вызвать только страх и ужас. Благодаря этой ясной погоде (какой до сих пор еще ни разу не было) увидели также, что в полумили к востоку береговая линия прерывается, словно там впадает река, как нам показалось издали. Чтобы в этом убедиться и более не сомневаться, отправились туда на яхте под парусами. Добравшись до места, обнаркжили, что это всего лишь песчаный залив, в который впадает ручей, сейчас пересохший. В другое время в нем, вероятно, есть вода, вероятно, когда тает снег, так что по нему могут плавать лодьи и другие лодки, потому что мы обнаружили здесь, у впадения ручья в море, высокую гору из сложенных вместе камней в качестве створного знака, несомненно сделанную человеческими руками, которую при хорошей погоде видно с моря с большого расстояния, так что следует думать, что здесь плавают по морю, но откуда и как — мы не

могли понять, так как не нашли больше никаких признаков мореплавания и никаких домов или людей.

10 августа. Мы решили первую вахту простоять на отдалении от берега, а потом снова приблизиться к нему, чтобы удостовериться в направлении береговой линии и узнать все наверняка. Мы решили, что мы как раз миновали устье реки Оби, которое, как это изображено на карте, образует большой залив или губу. Поскольку именно такую губу мы как раз и миновали, после того как первый раз увидели, что береговая линия делает большой поворот, а потом, идя тем же курсом, снова увидели землю с другой стороны от губы, с береговой линией в направлении NO, то не остается сомнений, что это то побережье, которое после устья Оби идет дальше, на север, к мысу Табин¹.

11 августа. В эту последнюю речку, как нам показалось, могли бы зайти корабли, если расследовать фарватер и если будет в этом надобность, потому что с северной стороны берег высокий на большом протяжении реки, так что можно предположить, что вдоль этого высокого берега и глубина должна быть достаточно хорошей, чтобы здесь могли встать корабли. Мы назвали эту реку и ту, которую открыли накануне, в честь наших кораблей, а именно Меркурий и Зваан («Лебедь»), ведь мы самые первые доплыли до них². Рассмотрев все эти особенности и видя, что нам больше нечего исследовать, ни на море, ни на суше, в том смысле, что уже не оставалось никаких сомнений, что дальше перед нами простирается открытое море и свободный проход, где уже не должно быть никаких препятствий (с точки зрения человеческого разума) и что этот берег так и идет дальше в северо-восточном направлении до мыса Табин, а там заворачивает в сторону Сины, а также в силу того, что дул постоянный ветер с NO и N, противоположный тому, что благоприятствовал бы нашему дальнейшему продвижению вперед, а также потому, что лето приближалось к концу и ночи становились темнее, и мы к тому же не знали, какие сюрпризы нас могут ожидать на обратном пути, потому как не имели опыта плавания в этих краях, мы все вместе сошлись на том, что надо взять курс домой, чтобы там (если Бог пошлет нам благополучное возвращение) рассказать о нашем удачном плавании, в надежде, что это послужит на благо и процветание нашего общего Отечества. И благодарим Господа Бога, что ему было угодно позволить нам доплыть до этого места, и молимся Ему, чтобы он позволил нам довести начатое дело до конца во славу его Святого имени, и да будет воля его ныне и присно и вовеки веков.

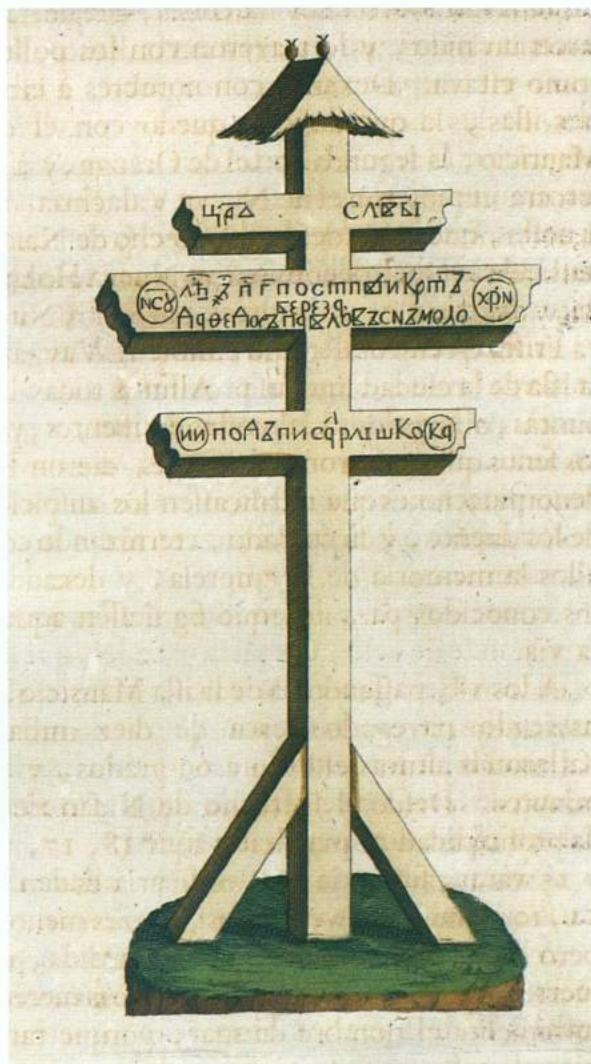
15 августа. На этом (самом северном) острове стоял большой деревянный крест /.../. Плывая так, чтобы пройти между средним и северным островом, постоянно лавируя, постоянно промеряя глубину, находясь в доброй мили от северного и столько же от южного и в четверти мили от среднего, при глубине восемь, семь, шесть, пять сажений, обнаружили большую поперечную балку, а над ней стоячие волны, так что мы снова повернули обратно, боясь сесть на мель. По-

¹ Голландцы спутали: это была Байдарацкая губа.

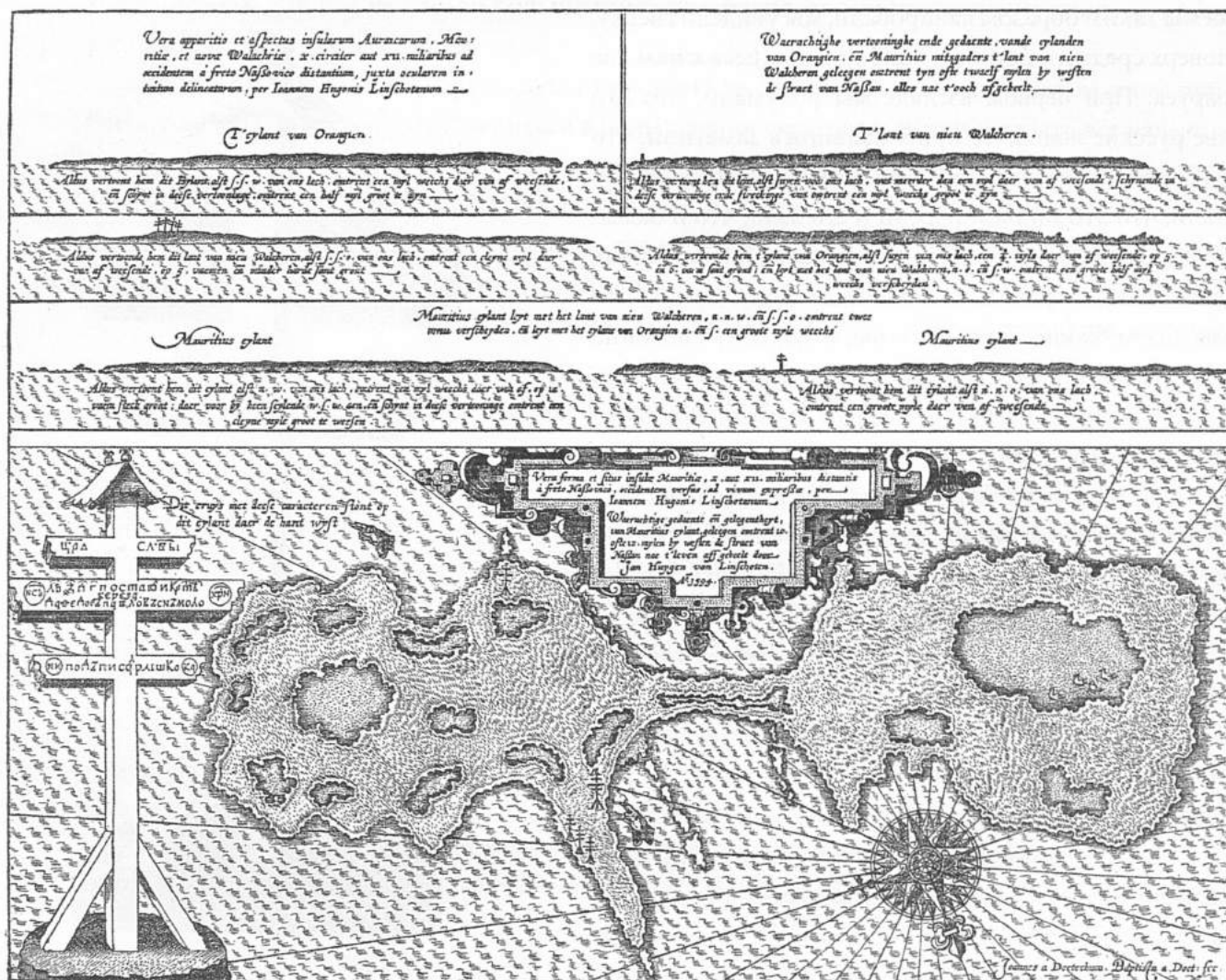
² Вероятно, имеются в виду речки Моржовка, Салтинжу / Ниодати или несколько севернее.

17 авг. 1594 Нашли на мысах при входе в эти заливы несколько больших русских крестов с надписями русскими буквами, среди которых был один, сделанный так мастерски и так занятно, с такими красивыми резными буквами, что и в Нидерландах не смогли бы сделать лучше. Поэтому мне очень захотелось зарисовать его, вместе со всеми буквами, чтобы показать его по возвращении в любимое отечество как великую диковину.

Многометровый поморский крест, зарисованный Я. Х. ван Линсхотеном на острове Матвеев в 1594 году.

Карта Я. Х. ван Линсхотена острова Матвеев (Маурития). Вид острова с моря (вверху), карта острова (внизу) и изображение поморского креста на острове.

Вдоль береговой линии здесь также все завалено плавником, который в некоторых местах лежит на таких высоких местах и так далеко от воды, что диву даешься, как эти бревна сюда попали; это наводит на мысль о том, что здесь бывают сильнее бури и штормы, так как в противном случае совершенно не придумать причины, по которой плавник бы так раскидало. Среди плавника нашли две-три боковых доски от русских людей длиной более тридцати восьми футов, в них были отверстия, в которых еще торчали веревки, которыми эти доски были прикреплены к другим, потому что доски, из которых делают русские лоды, сшиваются друг с другом веревками в качестве соединения; так что эта ладья была здесь потеряна или оставлена. Русские приплывают сюда, как мы предполагаем, чтобы ловить рыбу, потому что иначе непонятно, ради чего сюда можно приплывать. Мы нашли также несколько хребтов трески и кам-

балы, так что можно сказать почти наверняка, что здесь занимаются рыбной ловлей. /.../ Этот остров мы назвали в честь Его Превосходительства островом Мауриция, а другой (средний) – островом Оранского, в память о его досточтимом отце, принце Оранском, третий, самый южный, о котором мы не знаем, остров это или материк, назвали Новая земля Валхерен¹ в память о Зеландии, ведь именно зеландцы были нашими товарищами и помощниками в нынешней экспедиции; подобно тому, как землю за проливом Нассау до места впадения Оби называли Новая Голландия, а землю за местом впадения Оби, ту, которую мы открыли в самом конце нашего путешествия, назвали Новая Западная Фрисландия. И, наконец, остров Вайгач мы назвали Энкхейзенским островом.

---

¹ Валхерен — остров в провинции Зеландия, на котором расположена столица Зеландии г. Мидделбург.

Ержи Гавронский

Лёд и дерево.
Археологические исследования
«VENOUDEN HUYS»*
на Новой Земле в 1993 и 1995 гг.

---

* В переводе с нидерландского: «Охраняемый, спасаемый дом» [подразумевается: Господом Богом]. Так, с кальвинистским оттенком, стали называть дом, в котором перезимовали голландцы на Новой Земле, после выхода в свет книги Херрита де Вейра. В тексте книги Х. де Вейра такого словосочетания не встречается. (Прим. переводчика. — И. М.)

В августе 1596 года, когда пятнадцать голландских моряков под руководством Якоба ван Хеймскерка и Виллема Баренца строили себе временное жилье для зимовки на северо-восточном побережье Новой Земли, они и не подозревали, что их *Behouden Niys* и через 400 с лишним лет все еще будет поражать воображение людей. Благодаря изданному в 1598 г. журналу Херрита де Вейра мы располагаем уникальным источником сведений об их плавании на Новую Землю и о вынужденной зимовке, продолжавшейся девять месяцев, вдали от родного дома, в неприютной местности, которую они не зря назвали Ледяной гаванью. Книга о злоключениях Баренца и его спутников и в наше время находит все новых и новых читателей, а иллюстрирующие ее гравюры рисуют убедительную картину тех суровых условий, в которых приходилось выживать этим семнадцати морякам. По окончании ужасной полярной зимы оставшиеся в живых пятнадцать человек отважились на то, чтобы в открытых шлюпках проделать далекий путь назад к материку. В Коле, нынешнем Мурманске, они застали голландский корабль, который и отвез их домой. Сам Баренц умер по пути, 20 июня 1597 г., и спутникам пришлось оставить его среди льда на Новой Земле. Возвращение зимовщиков в Амстердам означало прекращение экспедиций на Новую Землю. И только *Behouden Niys*, построенный ими на Новой Земле, служил напоминанием об их плавании и зимовке.

Предисловие

В конце XX века от этого дома осталось совсем немного: здесь можно было увидеть четыре бревна, лежавшие на земле прямоугольником и никак не соединенные друг с другом, а вокруг них случайным образом разбросанные деревянные фрагменты. В 1993 и 1995 гг. здесь побывали две совместные русско-нидерландские экспедиции, организованные Морской арктической комплексной экспедицией (МАКЭ Фонда полярных исследований и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва), Амстердамским археологическим центром при Амстердамском университете и Институтом археологии Российской академии наук (Floore 1996, Gawronski 1996, Gawronski & Boyarsky 1997, Zeeberg & Floore 1997)¹. Благодаря произведенным во время этих экспедиций раскопкам были бережно сохранены последние следы из тех, что в свое время оставили здесь голландские зимовщики.

Ареал Behouden Huys является уникальным культурно-историческим наследием. Остатки постройки и предметы, пролежавшие там несколько веков, представляют собой как бы моментальный снимок событий зимы 1596 г. В этом месте застыло время, сохранив для нас материальные свидетельства той зимовки. Во всей истории изучения Арктики данный эпизод до сих пор остается уникальным, особенно если учесть, что у Баренца и товарищей не было никакой специальной экипировки для выживания при температурах от -20° до -44° .

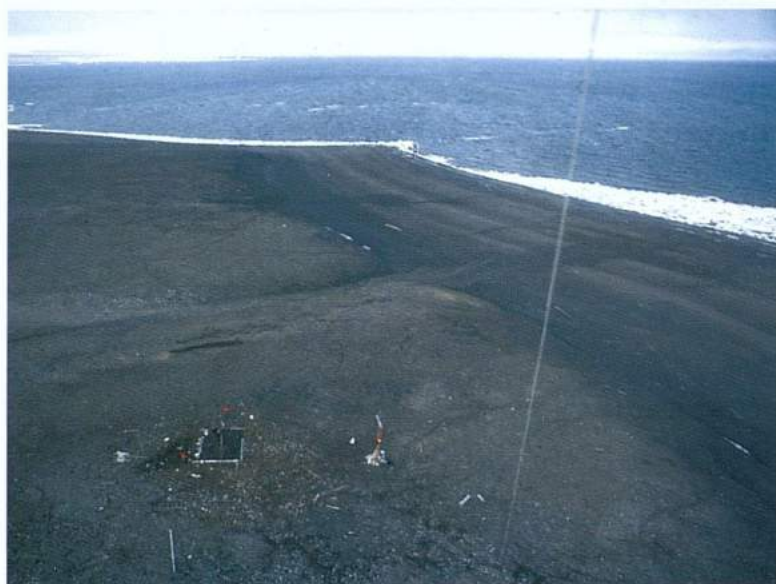
В результате последних раскопок были получены наиболее достоверные сведения о конструкции, расположении, размерах и устройстве Behouden Huys.

Археологические находки имеют историческую ценность, выходящую за пределы только данного исторического эпизода. Следует помнить, что зимовка была вынужденной непредусмо-

Фрагмент карты моря вокруг Новой Земли из французского издания журнала Херрита де Вейра 1600 г. с изображением Behouden Huys.

¹ МАКЭ участвовала только в совместной экспедиции 1995 года. (Прим. П. Б.)

Фотография с воздуха ареала Behouden Huys на краю берегового плато в 1993 г. Фото Рене Херритсена.

Ареал Behouden Huys в 1995 г. Фото Рене Херритсена.

тренной ситуацией, что голландцам пришлось решиться на зимовку из-за неблагоприятных природных условий. Дрейфующий лед преградил им дальнейший путь. Главная цель их плавания состояла в том, чтобы найти путь в Азию по северным морям мимо побережья Сибири. Behouden Huys и все находившиеся в нем предметы являются частью материальной культуры корабельного снаряжения и перевозимых кораблями грузов самого раннего периода нидерландских торгово-исследовательских экспедиций.

Археологические находки 1993 и 1995 гг., вместе с документальным журналом Де Вейра и находками предшествующих археологических экспедиций, подобно деталям головоломки «пазл» складываются в единую картину и рассказывают убедительную историю о подготовке и организации плавания, о повседневной жизни в импровизированном зимнем жилище и о процессе приспособления семнадцати голландских путешественников к тяжелейшим условиям арктической зимы 1596 года на Новой Земле.

Дальнейшая история Behouden Huys

Хотя место, где стоял Behouden Huys, находится весьма далеко от обитаемой части мира, дальнейшая его история вполне богата событиями. Вначале строение долгое время оставалось в неприкосновенности. После того как 13 июня 1597 г. голландские зимовщики закрыли за собой дверь, здесь на протяжении почти трех веков не ступала нога человека. По всей видимости, стены дома покрылись изнутри толстым слоем льда, благодаря чему оставленные моряками предметы не подвергались эрозии и не

Находки Эллинга Карлсена. 1871 г. (1873)

пострадали от зубов животных. Но после обнаружения этого места норвежским китобоем Эллингом Карлсеном в ноябре 1871 г. ситуация быстро изменилась. Оказавшись здесь случайно, Карлсен извлек из льда около 90 предметов, которые намеревался продать как старинные диковины. При этом он раскопал земляной пол внутри дома и вскрыл матросские сундуки, все еще аккуратно стоявшие рядом с лежанками. Его находками стали инструменты и прочая утварь. В некоторых сундуках он обнаружил, например, такие предметы: семь напильников, молоток, рукоятку от дрели, долото, несколько циркулей, конопатки, навигационные приборы, деревянную флейту, предметы одежды, три книги на нидерландском языке и флаг. В одном сундуке оказались два рукописных перевода описания полярного плавания, предпринятого англичанами Артуром Петом и Чарльзом Джэкмэном в 1580 г. Особую серию находок составили остатки тех товаров, которые были взяты на корабль в качестве груза. Оловянные художественные плакетки, оловянные подсвечники и кубки, венецианское стекло, пачки гравюр голландских художников, таких как Якоб де Гейн и Хендрик Гольциус, старинные готические часы — предметы, достаточно неожиданные на месте зимовки моряков. Карлсен перечислил все находки в своем вахтенном

Несколько оловянных подсвечников из коллекции Рейксмузеума.

журнале, но он не был археологом и не придавал значения точному месту обнаружения той или иной вещи. Впрочем, в 1872 г. по просьбе норвежского профессора Мона и немецкого географа Петерманна он дал более детальное описание и нарисовал схему постройки. Эта схема оказалась потом очень ценной при реконструкции Behouden Huys.

Находки Карлсена были далеко не единственными. В 1875 г. капитан Гундерсен, работавший в той же судоходной компании, что и Карлсен, нашел на развалинах дома рукопись и две карты. Послед-

ним, кто посетил Behouden Huys в XIX веке, был Чарльз Гардинер, побывавший здесь в 1876 г. Этот англичанин был охотником и прибыл сюда, чтобы забрать с собой последнее, что еще можно было забрать. Он перевернул вверх дном весь дом и нашел 160 предметов, но почти не делал записей о том, что в каком месте он обнаружил. 20 находок попали в музей г. Трёмсё. Остальное, не показавшееся ему интересным, он подарил Нидерландскому государству. В настоящее время эти предметы, вместе с находками Карлсона, являются частью коллекции Рейксмузеума в Амстердаме. Найденная Гундерсеном рукопись попала в Морской музей в Роттердаме. По мнению Гардинера, место зимовки Баренца было обшарено уже полностью, так что искать здесь было уже нечего.

Такое же впечатление сложилось и у первого русского исследователя, посетившего это место, геолога Б. В. Милорадовича, наткнувшегося на развалины дома в 1933 г. во время геологической экспедиции. Он описал увиденное как кучу досок и бревен, в расположении которых прослеживалась некая планировка. Лед меж-

Старинные часы, найденные Карлсеном.

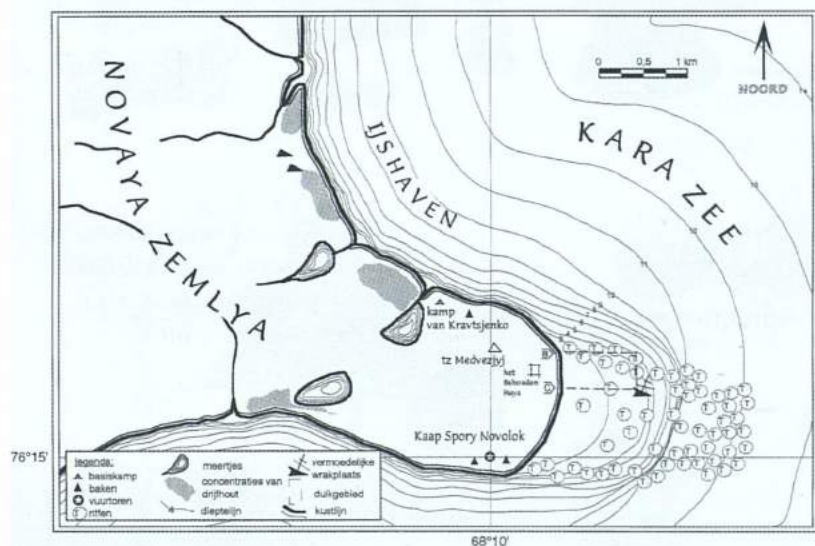
[illegible]

Экспозиция в Рейксмузеуме, включающая оловянные предметы и пачки гравюр (около 1885 г.).

Развалины Behouden Huys, обнаруженные Б. В. Милорадовичем в 1933 г.

Карта мыса у Ледяной гавани; выделен район, исследованный Кравченко в 1979 г.

ду тем полностью растаял. Позади дома Милорадович обнаружил большую мусорную кучу с черепками, в частности, горлышками от глиняных горшков. Здесь был также осколок от горшка, который использовался в качестве масляного светильника, валялись остатки от шерстяных рубах и штанов и множество железных гвоздей. Возможно, эта куча образовалась в результате деятельности Карлсена и Гардинера, выбросивших туда все обнаруженные ими битые, ломаные и рваные предметы. На самом берегу Б. В. Милорадович также нашел предметы, принадлежавшие голландцам. Всего он забрал с собой несколько десятков находок, которые теперь хранятся в Музее Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге. Аналогично тому, как открытие Карлсена пробудило интерес к исторической зимовке на Новой Земле у голландцев, экспедиция Б. В. Милорадовича вызвала всплеск внимания к Баренцу в России. Однако первые археологические экспедиции к Behouden Huys были снаряжены лишь в конце 1970-х годов. Начиная с 1977 г. русский археолог Дмитрий Кравченко совершил несколько поездок в Ледяную Гавань, но только в 1979, 1980 и 1982 погодные условия

были достаточно благоприятны, чтобы можно было проводить исследования на месте. Его деятельность ограничилась находками, лежавшими на поверхности земли, среди которых оказалось множество целых и наполовину целых предметов. Хотя Д. Кравченко и не занимался раскопками в буквальном смысле слова, он систематично вел записи с указанием места обнаружения того или иного предмета. Им было сделано около 600 находок, которые сейчас хранятся в Архангельском музее. От самой постройки к тому времени осталось только несколько бревен из основания дома, засыпанных разрозненными деревянными фрагментами.

Новая фаза исследования Behouden Huys началась в 1992 году, когда за дело взялся П. В. Боярский и его Морская арктическая комплексная экспедиция (МАКЭ). Результатом первой разведки стало обнаружение приблизительно 730 предметов, лежавших на поверхности земли, в том числе большого фрагмента корпуса исторического деревянного корабля, который по данным Кравченко находился на берегу. В то же лето в Ледяной Гавани провели разведку также исследователи из Арктического центра Гронингенского университета под руководством Лауренса Хакеборда. И русские, и нидерландские исследователи сошлись во мнении, что необходимо срочно осуществить тщательное исследование, т.к. сохранившиеся фрагменты Behouden Huys были крайне нестабильны и подвержены эрозии под влиянием изменяющихся климатических условий, а также арктического туризма. Требовалось безотлагательно задокументировать имеющиеся остатки постройки. Несмотря на историческую информацию в журнале Херрита де Вейра, на различные музейные коллекции и наблюдения предшествующих экспедиций, неясными оставались такие элементарные вопросы как точное расположение, устройство и размеры деревянного дома. Только детальные археологические раскопки могли дать ответы.

Поэтому в 1993 и 1995 гг. Морской арктической комплексной экспедицией (МАКЭ Фонда полярных исследований и Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва) и Амстердамским археологическим центром при Амстердамском университете, Археологическим институтом Российской Академии наук были организованы две исследовательские экспедиции. Программа этих экспедиций имела широкий междисциплинарный характер и ставила целью геологические, климатологические и биологические исследования, а также инвентаризацию культурно-исторических памятников в регионе Новой Земли. Археологические исследования касались дома, корабля и могилы Виллема Баренца и Клааса Андрисса Хоутдейка, умерших 20 июня 1597 г. на пути домой. На песчаном побережье Спорого Наволока было найдено и задокументировано большое количество разрозненных деревянных элементов корабля. Корабль Баренца, севший на лед и оставленный здесь после зи-

Фрагменты корпуса корабля, найденного на берегу перед Behouden Huys.

«Иван Киреев» в Архангельском порту перед отплытием на Новую Землю в 1995 г. Фото Рене Херритсена.

Карта распределения деревянных фрагментов корабля перед Behouden Huys и задокументированных в 1995 г. (Е. Гавронский и Я. Зейберг, Амстердамский университет).

Оловянная тарелка конца XVI в., найденная на берегу среди деревянных обломков корабля в 1995 г. Фото Рене Херритсена.

мовки, по-видимому, затонул у берега. По расположению корабельных обломков и обнаруженного ранее большого фрагмента корпуса можно заключить, что остов корабля находится совсем близко от береговой линии.

Для обнаружения могил была проведена операция в заливе Иванова на западном побережье. Эта попытка найти могилы была продолжена в 1998 г. Морской арктической комплексной экспедицией (МАКЭ), но в результате было выяснено, что никаких могил там нет (Zeeberg e.a. 2002). Вполне возможно, что Баренц и его спутник были похоронены на льду, так что их могилы в итоге не сохранились.

Отмель у берега, на которой, возможно, лежит затонувший корабль Баренца. Фото Рене Херритсена.

Главным пунктом программы экспедиции были системные раскопки места, где стоял Behouden Huys, и археологическое исследование следов на всем ареале. Во время раскопок 1993 г. в центре внимания оставалась внутренняя часть дома, а в 1995 на карту были нанесены точные места всех находок вокруг дома. В результате, несмотря на эрозию и ущерб, нанесенный охотниками за сувенирами, была собрана богатейшая информация. Находки 1993 и 1995 гг. — это не только существенное дополнение к имеющимся музейным экспонатам. Еще более важно то, что в совокупности с обнаруженными следами на всем ареале и остатками строения они проливают новый свет на конструкцию Behouden Huys и деятельность его обитателей в 1596 г.

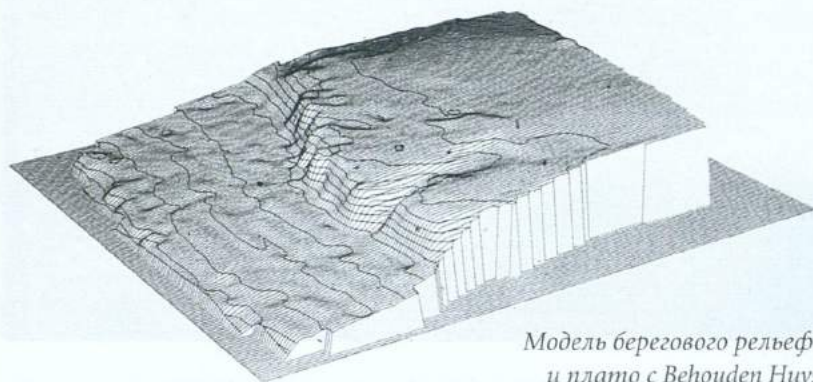

Ситуация в ареале Behouden Huys в 1993 г. Фото Рене Херритсена.

Планировка история Behouden Huys

Модель берегового рельефа
и плато с Behouden Huys.
(Я. Зейберг, Амстердамский университет, 1995).

гом бревна, лежащих прямоугольником, ориентированным с севера на юг, размерами приблизительно 8,5 x 5,9 м. Бревна представляют собой грубо обработанные и частично оставшиеся круглыми стволы деревьев диаметром от 20 до 40 см. Анализ древесины показал, что это сибирская лиственница (*Larix gemelinii*). Это те стволы, о которых Х. де Вейр сообщает, что для строительства дома их доставили с бере-

Строение расположено приблизительно в 45 метрах от края обширного плато на берегу Ледовой Гавани на восточной стороне Новой Земли. пляж находится примерно четырьмя метрами ниже и имеет в этом месте ширину около 120 метров. От первоначальной постройки теперь осталось только четыре не скрепленных друг с другом бревна, лежащих прямоугольником, ориентированным с севера на юг, размерами приблизительно 8,5 x 5,9 м. Бревна представляют собой грубо обработанные и частично оставшиеся круглыми стволы деревьев диаметром от 20 до 40 см. Анализ древесины показал, что это сибирская лиственница (*Larix gemelinii*). Это те стволы, о которых Х. де Вейр сообщает, что для строительства дома их доставили с берега Ледяной Гавани.

Хотя есть все основания считать, что это остатки постройки XVI века, нельзя быть уверенными, что тот прямоугольник, который мы видим сейчас, совпадает с изначальным расположением дома. Кроме того, исследования прошедших лет дают разные результаты измерений дома. В 1933 г. русский геолог Б. В. Милорадович говорит о прямоугольнике 9 x 6 м (Милорадович 1934), Кравченко зафиксировал в 1982 г. величину до-

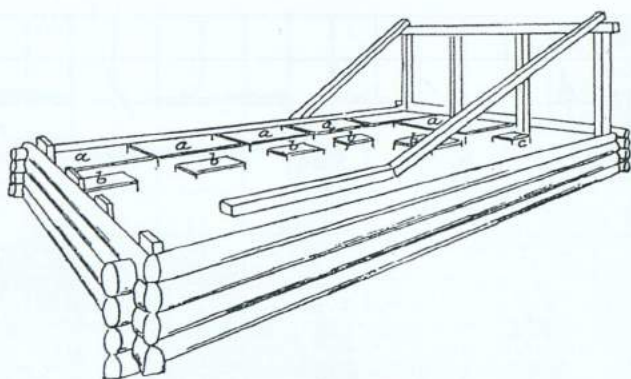
Ареал Behouden Huys в 1995 г.
Фото Рене Херритсена.

ма 8,6 x 6,2 м (Кравченко 1983 а, б), Хакеборд указывает внутренние размеры 7,8 x 5,5 м (Nacquebord 1996, 1996), а Боярский во время своей экспедиции 1992 г. записал цифры 8 x 6,9 м (Боярский 1994). Не исключено, что за время, прошедшее от одного измерения до другого, бревна меняли свое положение. Ситуация, описанная Карлсеном, была ближе всего к первоначальной. В своем письме 1872 г. он упоминает о нижней части дома, состоящей из нескольких стволов деревьев, соединенных между собой по типу сруба. Это описание согласуется с замечанием Де Вейра о том, что они строили дом «норвежским способом». Согласно Карлсену, прямоугольник имел размеры 10,5 x 6,28 и нижняя его часть состояла из четырех бревен (80 см), положенных одно на другое (Bonke & Floore 1995. Nacquebord 1995, 1996. Honoré Naber 1917). Бревна, которые сегодня находятся на восточной и западной стороне, имеют длину лишь 5,32 и 5,56 м, т.е. они короче, чем указанная Карлсеном длина дома, в то время как от сильно обветренного северного бревна осталось только 5,8 м. У южного бревна сохранились неповрежденные концы с замковыми вырезами. Его длина 6,24 м соответствует ширине дома, указанной Карлсеном. Пятое бревно длиной 6,2 м, лежавшее в стороне от прямоугольника и служившее, видимо, элементом конструкции крыши, также указывает на такую ширину.

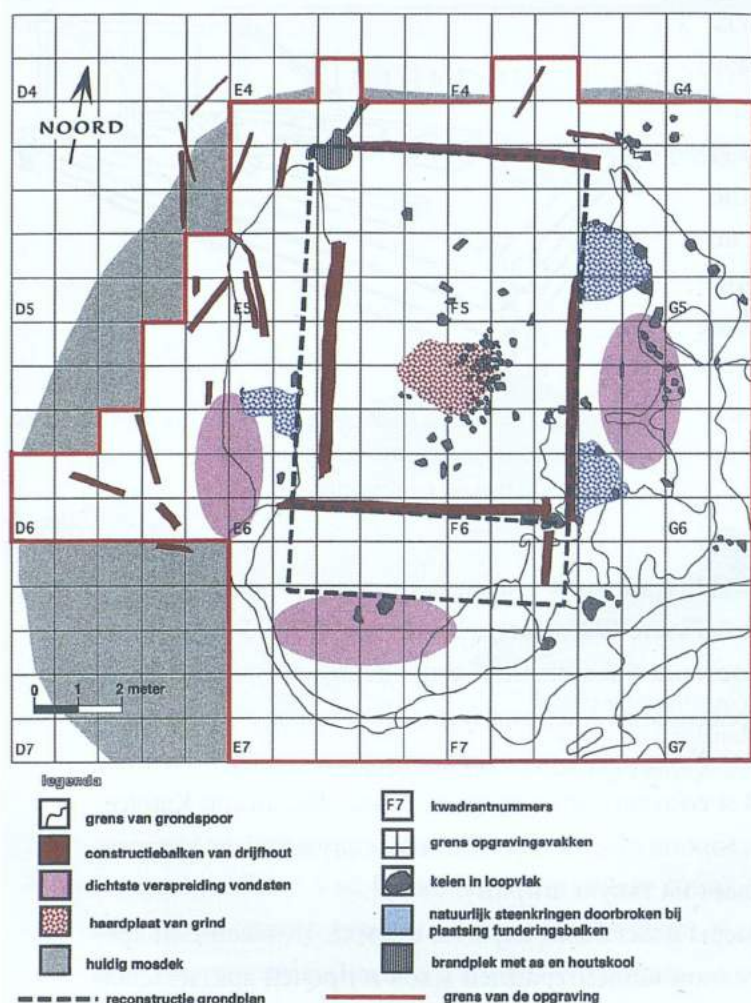
Другие указания на расположение и размеры дома были скрыты в земле. Жизненный ареал зимовщиков оказался обозначен кругообразной концентрацией мхов и прочей арктической вегетации с прямоугольником в середине. Органические остатки и фосфаты в человеческих фекалиях, оставшиеся на почве после десяти месяцев пребывания здесь голландцев, стали плодородной почвой для растений в крайне бедной на органику полярной пустыне. Территория распределения археологических находок в земле шла полукругом к югу от прямоугольника на расстояние примерно в 3 метра от восточного бревна и в 5 метров от южного. Эта территория была ограничена канавкой глубиной 15–20 см, заполненной органическим материалом и археологическими находками. Данная канавка являлась элементом природной топографии и не была специально вырублена зимовщиками.

Кроме того, были обнаружены три примечательные полукруглые концентрации камней на том уровне, где была поверхность земли в XVI веке, рядом с восточным и западным бревнами, соответственно у северо-восточного, юго-восточного и юго-западного угла. Это природные скопления камней, возникшие в результате геологических процессов под влиянием вечной мерзлоты и промерзания почвы. Однако они несут на себе следы вмешательства рук человеческих. Структура камней здесь более мелкая, чем обычно, и они имеют форму полукруга с одной ровной стороной, так как другая половина круга была удалена при закладке дома, чтобы получить

Рисунок, сделанный Карлсеном в 1872 г. с изображением остатков Behouden Huys (1877): а–спальные места; в–сундуки моряков; с–железный сундук.

Схематическое воспроизведение ареала раскопок в 1993 и 1995 гг. с указанием основных следов на земле, мест сосредоточения находок и реконструированных контуров дома. (Флооре и Гавронский, Амстердамский университет, 1995 г.)

Спорый Наволок. Важно и то, что следы в виде «подрезанных» скоплений камней являются доказательством точных размеров дома. Расстояние между прямыми сторонами юго-восточного и юго-западного скопления составляет 6,2 м. Это число сходится с шириной дома, указанной Карлсеном и выводимой из размеров нынешнего южного бревна и крышной балки. Данный археологический факт подтверждает ту мысль, что Карлсен аккуратно зафиксировал первоначальное состояние. Это значит, что дом имел длину скорее 10 м, чем 8,5 м, и что нынешнее южное бревно вовсе не лежит на месте южной стены. Дальнейшие уточнения точного расположения и размеров Behouden Huys выводятся из схемы распределения найденных предметов.

Раскопки не выявили никаких крупных строительных элементов из дерева. В глинистой почве с запада и севера от дома нашлось лишь несколько выветренных обломков досок и не-

ровную площадку. Бревна, составлявшие нижний венец, были затем уложены прямоугольником вдоль наполовину удаленных кругообразных скоплений камней. Это — первое конкретное указание на первоначальное расположение прямоугольника из бревен.

Восточное бревно сейчас лежит вдоль срезов двух из этих маленьких плато и вплотную к ним, однако западное бревно изначально должно было лежать чуть западнее. Если провести прямые линии вдоль этих срезов, то западное и восточное бревна оказываются сориентированными точно на север и лежащими под прямым углом к северному бревну, которое заглублено в землю и потому, по всей видимости, лежит на своем первоначальном месте.

Совершенно очевидно, что ось дома, ориентированная с севера на юг, была определена не по компасу, а по звездам. Отсюда напрашивается вывод о сознательном подходе к делу голландских строителей, которые хоть и оказались в тяжелой ситуации, но и не думали терять рассудок, когда закладывали дом среди ледяной пустыни мыса

больших бревен. Примечательная находка—прямоугольный деревянный брусок с железным гвоздем примерно в метре от восточного конца северного бревна, обнаруженный на глубине 20–25 см относительно уровня земли XVI в. и напоминающий какую-то подставку для вертикальной опоры. Хотя такая подставка, найденная в некотором удалении от дома, не имеет прямого отношения к конструкции дома, эта находка говорит о том, что морякам удавалось рыть отверстия в глинистой части строительной площадки. Это противоречит тому, что писал Де Вейр о тщетных попытках отогреть смерзшуюся почву, чтобы копать ее лопатами. Яма с обгоревшим дном у западного конца северной балки также связана с этими попытками моряков.

Во время раскопок 1995 г. весь ареал был тщательно обследован с помощью металлоискателей. Фото Рене Херритсена.

Находки и их распределение по ареалу

Три миниатюрные статуэтки из свинца: скифский всадник,...

Behouden Huys расположен очень далеко от ближайшего людского жилья, однако вследствие всех предшествующих посещений и обследований его никак нельзя назвать неприкосновенным археологическим объектом. И тем не менее список находок, сделанных при раскопках 1993 и 1995 гг., включает 1370 номеров, которым соответствует около 9000 единиц. Большинство находок представляют собой всевозможные фрагменты, такие как керамические и фаянсовые черепки, осколки стекла, куски кожи, тканей, канатов, древесины, меди, олова, свинца и железа. Среди более-менее целых предметов были башмаки, одежда, бочки, железные инструменты, навесные замки, оружие, гири, свинцовые пули и соответствующие мерки для пуль, свинцовые пломбы для сукна, монеты, печатки, книжные замочки, пуговицы, оловянные тарелки и кружки, железные гвозди, детали навигационных приборов

и механических инструментов. Весьма примечательными были пять свинцовых миниатюр с изображением символических и мифологических фигур — олицетворений Веры, Надежды и Любви, а также скифского всадника и Венеры.

Большое внимание мы уделили собиранию пищевых остатков, таких как кости животных и косточки от фруктов, поскольку предшествующие экспедиции сведениями такого рода не интересовались. Всего было собрано 114 образцов (71 инвентарный номер) для последующего проведения анализов древесины, семечек, дерна, насекомых и прочих экологических исследований. Такой результат противоречит представлению о том, что данный археологический объект после налетов в XIX веке был уже полностью опустошен. Прежние визитеры, по-видимому, отбирали подходящие для музеев целые объекты. Нынешние находки хоть и представляли собой в основном фрагменты, но оказались куда более многочисленными, чем можно было ожидать, и в

...Гермес...

...Венера. Фото Рене Херритсена.

своей совокупности, благодаря неслучайному распределению по исследуемой территории, сообщали ценную информацию о расположении и устройстве дома.

Эпицентром территории их выявления является южная часть дома. Это связано в первую очередь с процессом разрушения дома. Под воздействием преобладающих северо-восточных ветров деревянная конструкция, по всей видимости, наклонилась и обрушилась в сторону юга. Об этом убедительно говорит ареал распространения многочисленных железных гвоздей: внутри прямоугольника, а также широкой полосой до 4-х–6-и метров к западу, югу и востоку от него. Во-вторых, следы на поверхности и схема расположения находок отражают различные виды деятельности зимовщиков внутри дома и вокруг него.

Археологические находки 1993 и 1995 гг. связаны в первую очередь с отходами зимовщиков, с тем, что зимовщики выбрасывали, пока здесь жили. Анализируя эти материальные остатки их жизнедеятельности, можно проверить наблюдения предшествующих исследователей и реконструировать жизненное пространство Behouden Huys.

Несколько находок 1995 г. (слева направо): деревянный башмак, медная монета 1579 г., пуговица и свинцовая пломба для сукна.

Костяная пластина с выгравированным Атлантом: украшение на мушкетном прикладе.

Фрагмент оловянной тарелки (нидерланды, XVI в.), найденный в мусорной куче у дома, с таким же клеймом, как и на тарелке, найденной на берегу. Фото Рене Херритсена.

Явно узнаваемый след посередине ограниченного сохранившимися бревнами прямоугольника 6 x 8,5 м оставил очаг. Очаг представлял собой подставку, на которой разводился огонь, толщиной 20 см, сложенную из гальки. Эти камушки были специально принесены с берега у самой воды. Мы можем догадываться, зачем моряки оборудовали очаг таким образом. С точки зрения пожарной безопасности этого не требовалось, так как поверхность земли внутри дома посыпана очень мелкими камешками, на которых прекрасно можно было разводить огонь. Скорее всего эта подставка имела какой-то практический смысл, так как при анализе слоев подставки стало ясно, что ее два раза наращивали. Возможно, здесь сказалась привычка зимовщиков, делавших все, как у себя дома в Голландии.

В голландских крестьянских домах огонь всегда разводился на подставке. Подобная подсыпка из камней под огнем в любом случае давала то преимущество, что благодаря ей тепловое излучение происходило выше. Вокруг очага, чтобы отделить его от остального пространства, была сложена полукруглая стеночка высотой в два камня, разомкнутая с северной стороны. С этой стороны нагрев должен был быть максимальным. Очаг был также оборудован как кухня, о чем говорят железная решетка на ножках и стоявшие на ней два больших медных котла с железными ручками-дугами, обнаруженные здесь Карлсеном.

Неподалеку лежала вырезанная из свинцовой мушкетной пули фигурка белого медведя. Ее сделал один из моряков, сидя у огня, чтобы согреться. Вдоль края очага лежали остатки пищи в виде костей от трески, свинины, говядины и песка. Мелкие кусочки каменного угля, также раскиданные у очага, были остатками топлива. Как-то раз моряки, испугавшись страшного холода, закрыли дымоход, когда топили каменным углем, что чуть не привело к отравлению угарным газом. В журнале Херрита де Вейра можно прочесть о том, что этот печальный опыт научил их не закрывать дымоход во время топки, а при открытой трубе можно было топить и каменным углем вместо дров, так как уголь давал больше тепла.

По всей поверхности земли внутри дома лежали осколки фаянсовой посуды, свинцовые пули и кусочки свинца, обрезки кожи и тканей, большей частью на своих первоначальных местах. На глиняном полу с южной стороны от очага находилось дно от керамической сковороды, разбившееся на десятки кусочков. Рядом с ним лежала обглоданная лапка песка, на которой все фаланги пальцев были на месте. Вдоль восточной стены полоса в полтора метра шириной была

Фигурка белого медведя, обнаруженная Кравченко у очага, вырезанная из мушкетной пули одним из зимовщиков.

Внутренний вид Behouden Huys на репродукции в немецком издании (изд-во Хульсиуса) журнала Х. де Вейра 1599 г. Виден ряд деталей обстановки, в частности, лежанки и очаг, а также приспособленная для принятия горячей ванны винная бочка, упоминаемая Х. де Вейром 4 ноября. Часы, найденные Карлсеном, висят на стене. Расположение сеней, равно как и место дверей, неясно. Фото Рейксмузеум, Амстердам.

наиболее бедна на находки. Здесь располагались лежанки моряков, не оставившие никаких следов, но указанные на рисунке Карлсена. Их расположение согласуется с иллюстрацией к книге Х. де Вейра.

Местом самой большой концентрации находок, где нашлось больше всего обрезков кожи и кусочков тканей от одежды, был участок в северо-восточном углу дома, прямо рядом с очагом. Именно здесь моряки сидели рядом друг с другом, греясь у огня, и занимались такими делами как починка одежды и обуви и приготовление пищи. Примечательным было полное отсутствие каких-либо находок совсем рядом с прямоугольником, в полутораметровой полосе к югу от южного бревна. Поскольку длина Behouden Huys, согласно реконструкции, составляла 10 м, эта полоса была внутри дома. Исходя из того, что все запасы с корабля были сложены в доме, а пространство внутри нынешнего прямоугольника служило для жизни и работы, следует предположить, что данная полутораметровая полоса использовалась под склад.

Сени, двери и Золотое сечение

Другие неоспоримые доказательства, необходимые для реконструкции дома, были обнаружены в следах помойки, задокументированной вне прямоугольника. Де Вейр описывает, какие усилия прилагали моряки, чтобы поддерживать чистоту в доме (Honoré Naber 1917. Roepert & Wildeman 1996). Об этих усилиях напоминают три концентрации находок в пределах канавообразного следа с юго-восточной, южной и юго-западной стороны от прямоугольника. Здесь обнаружено большое количество костей и каменного угля. Эти два вида материалов непосредственно связаны с отбросами, возникающими при приготовлении

и потреблении пищи. Они встречаются, как указывалось, у очага, а также на трех перечисленных местах. Кости происходят в основном от кусков свинины и говядины. Такие куски размером около 20 см моряки брали с собой в плавание в соленом виде в бочках. Спутники Баренца питались этими корабельными запасами мяса почти всю зиму. Диету разнообразили песцами, куда более вкусными; их пробитые черепа и обглоданные косточки также встретились в перечисленных трех местах.

Согласно сведениям в журнале Де Вейра, за зиму было поймано по меньшей мере 25 песцов. Благодаря мясу этих животных моряки все же получали то минимальное количество витамина С, которое было им необходимо, чтобы пережить зиму без серьезной цинги. О песцах известно, что они следуют за белыми медведями и питаются остатками их пищи и фекалиями. Возможно, их привлекли отбросы, лежавшие вокруг дома; там же были расставлены ловушки. Впрочем, от ловушек не было найдено никаких следов.

В мусорных кучах были обнаружены, кроме того, битая керамическая и фаянсовая посуда, стекло, фрагменты оловянных и свинцовых предметов, древесина, истлевшие куски тканей, мех,

Профиль (с южного направления) и поверхность раскопок с канавообразным углублением, заполненным органическими остатками и археологическими находками 1995-го года. Фото Рене Херритсена.

состриженные человеческие волосы, конопляные канаты, гвозди и обрывки бумаги. Очень информативной для наших представлений о том, насколько богаты на выдумку были голландские зимовщики в своей борьбе за жизнь, была находка фетровой стельки, вырезанной из полей черной шляпы. На стельку было нанесено вещество, содержавшее, как выяснилось при исследовании под микроскопом, остатки испанской мушки (*Lytta vesicatora*). Из-за содержащегося в организме испанской мушки вещества кантаридин эти насекомые использовались как лекарственное средство при проблемах с почками и ревматизме. Данное лекарство оказывало также согревающее воздействие: его-то и пытались использовать моряки, у которых постоянно мерзли ноги.

Куски ткани таили в себе другой сюрприз. В некоторых из них были обнаружены засохшие блохи и вши. Люди жили в тесноте. Они лежали по три человека в одной койке и, несмотря на холод, не могли избавиться от паразитов. Эти найденные при археологических раскопках насекомые служат, вероятно, объяснением тому факту, что зимовщики тратили столько сил на то, чтобы стирать свое белье.

Местонахождение трех пятен повышенного скопления находок бросает новый свет на последний вопрос относительно конструкции и расположения Behouden Huys, а именно, на вопрос о том, где находился вход. Согласно Х. де Вейру, у дома имелись сени с тремя дверьми: одна из них была посередине и две по сторонам. Согласно Карлсену, сени были пристроены к десятиметровому срубу, а на основе наблюдений и интерпретаций текста Х. де Вейра различными исследователями было принято считать, что сени находились с северной стороны. Распределение археологических находок отчетливо указывает на то, что двери были с южной стороны, из этих дверей зимовщики и выкидывали свои отбросы. В особенности между южной концентрацией находок и средней дверью наблюдается явная связь. Во-первых, эта мусорная куча находится на центральной оси прямоугольника и, во-вторых, именно в ней налицо самая высокая концентрация и самое большое разнообразие находок. Характерно присутствие здесь сотен мелких кусочков олова — остатков нарядной оловянной посуды, которая из-за страшного холода стала хрупкой и разбилась. Не вызывает сомнения, что это место использовалось в качестве мусорной кучи в течение более длительного времени.

Сделанное наблюдение согласуется с указанием в журнале Де Вейра, что 5 января 1597 г. зимовщики убрали среднюю дверь. В снегу у дома они вырыли свод, «чтобы там можно было справлять нужду и бросать туда прочие нечистоты». Исходя из того, что южная мусорная куча находится там, где был выход из средней двери, данный археологический факт подтверждает также установленную нами длину дома 10 м. Эта мусорная куча скорее всего примыкала непосредственно к южной стене дома. Тогда зона, в которой совсем не было сделано находок, находящаяся между сегодняшним местоположением южного бревна и мусорной кучей, можно интерпретировать как сени, сооруженные внутри десятиметровой постройки, а не пристроенные к дому снаружи, как уверял Карлсен.

Размеры дома, выведенные из исторических наблюдений и археологических фактов, подтверждаются реконструкцией на основе старинных мер длины и традиционных пропорций. Ес-

ли размеры дома 10 м х 6,2 м перевести из метрической системы в ту, что была принята в Голландии в XVI в., где единицами были эли (т.е. аршины, 1 el=68 см) и треды (т.е. шаги, 1 treed=70 см), то получим цифры 15 элей или тредов (10,2 м или 10,5 м) на 9 элей или тредов (6,12 м или 6,3 м) (Staring 1885). Из этого ясно, что пропорции дома соответствовали математическому соотношению 3:5. Такие размеры согласуются с геометрическим принципом «золотого сечения», по которому пространственные отношения представлялись в виде рядов связанных друг с другом прямоугольников (Coecke van Aelst 1553, Wells 1993). Средневековая идея золотого сечения считалась в Европе эпохи Ренессанса важнейшим принципом упорядочивания строительных работ. На основе выясненной в результате археологического исследования (обнаружения переложённых камней) ширины дома 6,2 м можно вычислить длину, умножив это число на соответствующий золотому сечению коэффициент 1,618. При этом получаем размер 10,05 м.

Археологические факты показывают, что плотник и строители Behouden Huys при закладке дома использовали соотношение 3:5. Сочетание этого исторического принципа и выявленного распределения археологических находок еще раз подтверждают тот вывод, что сени были внутри сруба длиной 10 м. Расположение этих встроенных сеней можно идентифицировать с полутораметровой (т.е. шириной в 2 эля или треда) полосой с минимальной плотностью археологических находок между сохранившимся южным бревном и краем скопления мусора; эти сени служили для хранения запасов и для отсечения холодного воздуха, проникавшего через уличные двери. Стеночка у очага также расположена так, чтобы защищать огонь от ветра со стороны сеней.

Итоги реконструкции

Строительство Behouden Huys на гравюре из французского издания книги де Вейра 1600 г.

Следы на поверхности земли и распределение археологических находок, выявленные во время недавних раскопок, в сочетании с данными Карлсена, увидевшего в 1871 г. дом практически в первоначальном состоянии, позволяют взглянуть на проблему по-новому и критически осмыслить размеры и устройство Behouden Huys. В результате о нем было составлено следующее представление: это был дом размерами 10 x 6,2 м, с глухой северной стеной и дверьми в южной части. Основанием служил сруб высотой минимум 4 бревна. Нижний венец лежал на выровненной площадке, с которой были убраны лишние

камни, мешавшие положить бревна ровным прямоугольником задуманного размера 10 x 6,2 м.

Сооружение срубов не характерно для нидерландской строительной традиции. Образцы такой конструкции моряки, вероятно, видели по пути своего следования мимо северной Скандинавии и России. Такое решение задачи – пример их успешной импровизации и умения приспособиться к условиям. Применение техники сруба избавило строителей от необходимости вбивать или закапывать в промерзшую землю вертикальные столбы, что потребовалось бы при традиционной нидерландской строительной технике, подразумевающей сооружение деревянного каркаса. Нидерландская традиция проявилась в пропорциях дома и в ориентации на традиционные меры длины: а именно, в использовании пропорции золотого сечения 5:3 (15 на 9 элов).

Как принято в рубленых избах, сени находились внутри прямоугольника и служили для отсечения холодного воздуха. Из рассказа Херрита де Вейра о строительстве (с 25 сентября по 17 августа) ясно, что сени строились тогда, когда сам дом был уже возведен. Де Вейр сообщает, что

Участники Российско-голландской экспедиции у места раскопок Behouden Huys: Д. ван Смердейк, К. Блинов, Ю. Захаров, Е. Саликов, Ю. Мазуров, П. Боярский, В. Державин, Х. Винья, М. Глотцбах, Е. Гавронский, ХюБонке, Я. Зейберг, В. Старков, Дм. Бадюков, Б. Кист. Фото Р. Херритсена.

начало строительства сеней отчасти совпало с перенесением в дом запасов вина и пива. Поскольку огромные бочки, вероятно, не проходили в двери, не исключено, что полностью построены были только северная, восточная и западная стены, а с южной стороны пока еще была сооружена только внутренняя перегородка. После того, как зимовщики поместили запасы в не предназначенную для жилья полосу внутри сруба, было завершено строительство южной стены, а тем самым и сеней.

В сени вело три опиравшиеся на сруб двери, одна посередине и две по углам. Пространство перед средней дверью использовалось как отхожее место и помойка. Через другие две двери также выбрасывали мусор. Сени были 1,4 м шириной и служили для хранения запасов продовольствия, так что жилое помещение имело длину приблизительно 8,6 м. В этой жилой части дома площадью около 50 кв.м и провели девять долгих зимних месяцев семнадцать, а потом, когда двое умерли, пятнадцать голландских моряков.

Здесь стояло пять лежанок, на которых спали минимум по трое. Хотя Карлсен говорит о четырех лежанках вдоль восточной стороны и одной вдоль южной, представляется более правдоподобным, что все пять стояли вдоль восточной стены, как это и показано на гравюре в книге Херрита де Вейра. Каждая из пяти лежанок, расположенных вдоль стены длиной 8,6 м, имела, соответственно, длину 1,7 м, что является более реалистичным для того времени, чем размер 2 метра, указанный Карлсеном. Открытый очаг находился в южной половине жилого помещения,

а северная часть служила для производства всевозможных работ, как это следует из найденного там разнообразного мусора.

С севера от дома, по-видимому, стояла шлюпка, перевернутая дном вверх. Возможно, для лучшей ее защиты над ней был сооружен навес, частью которого служил врытый в землю столб. На гравюрах этот навес изображен в виде ряда стоящих торчком бревен, прислоненных к дому.

Такая реконструкция, основанная на археологических исследованиях, дает представление не только о внешнем виде и устройстве Behouden Huys, но и об образе мыслей его строителей и обитателей. Ориентация дома строго по оси север-юг, четкость размеров в элях, использование золотого сечения и конструкция очага свидетельствуют о том, что даже в экстремальных условиях, в борьбе за собственную жизнь голландские моряки подходили к делу рационально и продолжали следовать своим культурным и профессиональным принципам. Применение этих правил говорит об известной образованности и интеллектуальном уровне. В этом смысле примечательно записи Херрита де Вейра от 13 февраля 1597 г. о том, что у них появилось достаточно жира для светильников, так что они смогли читать книги.

И, наконец, этот археологический ареал является редчайшим источником знаний о технических и культурных основах нидерландских полярных экспедиций XVI века, ставивших целью открыть северо-восточный морской путь в Азию. Зимовка на Новой Земле означала провал экспедиции, но благодаря ей мы имеем множество сведений о мотивации, подготовке и осуществлении межконтинентальных плаваний на парусных судах, к которым приступили Нидерланды в конце XVI в.

Список литературы

- Bonke, H. & P. Floore, 1995. 'Het Behouden Huys. Hollandse boerenschuur op Nova Zembla'. Spiegel Historiae 30.7/8, 296–301.
- Боярский П. В. (ред.), 1993. Новая Земля. Труды морской арктической комплексной экспедиции 1992, Ч. 1, кн. 2. Москва.
- Боярский П. В. (ред.), 1993. Новая Земля. Труды морской арктической комплексной экспедиции 1993, Ч. 3. Москва.
- Боярский П. В., 1996. Исследования Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) памятных мест на Новой Земле, связанных с экспедицией и зимовкой голландского мореплавателя Виллема Баренца / Виллем Баренц на Новой Земле. Находки и исследования 1996. Москва.
- Coecke van Aelst, P., 1553. Den eersten -(tweeden) boeck van Architecturen Sebastiani Serlii....duer Mayken verhulst, weduwe des selven Peeters voers. Antwerpen.
- Floore, P. M., 1996, 'Een ijselijk huishouden. Reconstructie van het Behouden Huys', in: Gevangen in het Ijs, special Spiegel Historiae jrg. 31.10, 396–401.
- Gawronski, J. H. G.; P. V. Boyarsky (et al.), 1997, Northbound with Barents, Russian Dutch Integrated Archaeological Research on the Archipelago Novaya Zemlya, Amsterdam. (на английском и русском языках).
- Gawronski, J. H. G., 1996, 'Gevangen in hout en ijs, Nieuwe informatie over het Behouden Huys', in: Gevangen in het Ijs, special Spiegel Historiae jrg. 31.10, 390–395.
- Hacquebord, L., 1995. 'In search of Het Behouden Huys: A survey of the Remains of the House of Willem Barentsz on Novaya Zemlya', Arctic 48.3, 248–256.
- Hacquebord, L., 1996. 'Het Behouden Huys. Recent onderzoek naar de overwintering van Willem Barentsz op Nova Zembla', Mens en Wetenschap (maart), 122–127.
- Honoré Naber, S. P. I', 1917, Reizen van Willem Barents, Jacob van Heemkerck, Jan Cornelisz Rijk en anderen naar het noorden (1594–1597). De Linschoten Vereeniging XIV, XV (2 vols). 's Gravenhage.
- Кравченко Д. Ф., 1983а. Отчет об арктической комплексной исторической экспедиции (АКИЭ) 1979. Москва (машинописный текст на русском языке).
- Кравченко Д. Ф., 1983б. Отчет об арктической комплексной исторической экспедиции (АКИЭ) 1982. Москва (машинописный текст на русском языке).
- Милорадович Б. В., 1934. Посещение зимовки Баренца в Ледяной гавани на Новой Земле. Арктика, № 2. С. 187–190 (на русском языке).

Roeper, V. & D. Wildeman, 1996, Om de Noord. De tochten van Willem Barentsz en Jacob van Heemskerck en de overwintering op Nova Zembla, zoals opgetekend door Gerrit de Veer. Nijmegen.

Staring, W. C. H., 1885. Lijst van alle Binnen- en Buitenlandsche Maten, Gewichten en Munten. Schoonhoven.

Wells, D., 1993. Woordenboek van merkwaardige en interessante meetkunde. Amsterdam.

Zeeberg, J. J. & P. M. Floore, 1997, Nova Zembla, Rijswijk.

Zeeberg, Jaapjan J., Pieter M. Floore, George J. R. Maat, and Jerzy H. Gawronski, 'Search for Barents: Evaluation of Possible Burial Sites on North Novaya Zemlya, Russia', *Arctic* 55.4 (December 2002): 329–338.

Пётр Боярский

Историко-географические эксперименты
и исследования МАКЭ по маршрутам
плавания Виллема Баренца

В 1987 году Морская арктическая комплексная экспедиция Научно-исследовательского института культуры (Москва) и Центра «Культура и Мировой океан» впервые приступила к проведению историко-географических экспериментов по маршрутам экспедиции Виллема Баренца на острове Вайгач. Их целью была реконструкция событий экспедиций 1594, 1595 и 1596–1597 годов на основе морских прибрежных плаваний сотрудников МАКЭ и привязки мест, упомянутых в дневниках Херрита де Вейра, к определенным современным географическим точкам. При этом мы опирались на дневники Херрита де Вейра, впервые опубликованные на русском языке в 1936 году под редакцией профессора В. Ю. Визе и на публикацию в 1915 году в переводе дневников Яна Хёйгена ван Линсхотена.

Поиск могилы Баренца и Андриса

В 1988 году МАКЭ приступила к проведению экспериментальных плаваний и поиску могилы Виллема Баренца и Клааса Андриса на архипелаге Новая Земля. Ниже, рассказывая о наших экспериментах и исследованиях мы будем цитировать издание дневников Херрита де Вейра на русском языке 1936 года, так как именно на основе этого издания проводились все указанные работы вплоть до 2011 года, когда был осуществлен новый полный перевод со староголландского профессором Ириной Михайловной Михайловой.

В 1988 году нам удалось на двух штатных судовых спасательных шлюпках ЗСШР2-М (закрытые стеклопластиковые корпуса и дизельный двигатель мощностью 20 л.с.) пройти маршрут от залива Иванова до мыса Константина.

Сопоставление масштабов расстояний от мыса Желания до Оранских островов и от последних на юго-запад побережья с масштабами, приведенными Херритом де Вейром в описаниях плаваний Баренца (1594, 1596–1597 годы), указывает не только на неправильность названий на современных картах мысов Большой и Малый Ледяной, замеченную еще В. Ю. Визе (1, примечание к с. 61). Но это, а также экспериментальные данные МАКЭ, дают возможность выдвижения гипотезы, что мысы Большой и Малый Ледяной, названные так Баренцем, являются мысами, ограничивающими современный залив Иванова. Указывает это и на просчет Баренца, заключающийся в том, что мыс Ледяной является крайним северным мысом Новой Земли (1, с. 61–62, 66); и на ошибку Ю. В. Визе, считавшего, что Баренц правильно определил северную оконечность Новой Земли, обозначенную как мыс Карлсена на современных картах (1, с. 61, сноска 67).

Выгрузка мотобота МАКЭ у мыса Желания. Север архипелага Новая Земля. Фото из архива МАКЭ, 1988 г.

Подтверждением нашей гипотезы служат следующие доводы. Определение широты, сделанное Баренцем, хотя и совпадает с современным мысом Карлсена, но было проделано, когда судно находилось во льду, а сам мыс «находился от них как раз к востоку» (1, с. 61). Залив Иванова действительно «красивый залив с песчаным дном» (1, с. 61–62,). В книге Херрита де Вейра приводятся следующие масштабы расстояний от Оранских островов: до Ледяного мыса — 5 миль, до мыса Желания — 8 миль. Эти масштабы указывают на западный мыс залива Иванова, а не на мыс Карлсена, находящийся в непосредственной близости от Оранских островов.

Весь небывало теплый август 1988 г. оба мыса залива Иванова оставались покрытыми снегом и частично льдом. Линия побережья от залива Иванова до мыса Карлсена с мотоботов кажется почти ровной береговой линией, идущей на восток. При плавании мимо мысов залива Иванова создается зрительная иллюзия, что именно отсюда начинается крутое изменение направления побережья на юго-запад. Видимо, этим объясняется желание тяжело больного Баренца, возвращавшегося в одной из лодок после зимовки на северо-восточном побережье Новой Земли, взглянуть на Ледяной мыс (1, с. 243). Более того, ни северо-западные небольшие заливчики у мыса Карлсена, ни находящийся южнее залива Иванова залив Красивый, ограниченный с юга мысом с современным названием Большой Ледяной, не были бы частично защищены от движущихся под воздействием западного ветра льдов, как это следует из описания Херрита де Вейра (1, с. 243–245).

Отстаивание наших мотоботов у юго-западного берега залива Иванова при сильном западном ветре доказывает относительную защищенность залива от западного ветра и от движущегося под его воздействием льда. Здесь, у залива Иванова, в 1597 г. умер Виллем Баренц и другой участник экспедиции Клаас Андрис. К такому выводу мы пришли на основе сличения дневников экспедиции Баренца с экспериментальными плаваниями в этом регионе мотоботов МАКЭ, во время которых визуально фиксировались все характеристики местности, и исследовались «впечатления» от основного направления береговой линии.

Херрит де Вейр в предисловии к первому изданию своих дневников указывает на причину смерти Баренца. Он пишет: «...сразу же, как только мы покинули сушу (после зимовки в Ледяной гавани, находившейся на северо-восточном побережье Новой Земли — П. Б.) и вышли в море, мы тотчас почувствовали теплоту, хотя и стали ближе к полюсу. От этой внезапной перемены погиб наш штурман Виллем сын Баренца (Виллем Баренц — П. Б.)» (1, с. 39). Это соответствует и нашим наблюдениям: такое возможно у северной оконечности Новой земли, побережье которой огибает течение Гольфстрим.

Со смертью Баренца в районе Ледяного мыса связана еще одна загадочная страница истории голландской экспедиции. 20 июня 1597 г. Баренц умирает. В этот же день умирает Клаас Андрис. Странно, но в дневниках Херрита де Вейра ни слова не говорится, как и где были погребены их тела (на побережье или в морской пучине). Хотя место погребения корабельного плотника, умершего в Ледяной гавани 22 сентября 1596 г. и похороненного на третий день (24 сентября) описано достаточно подробно: «Мы его похоронили в песке, под морским тростни-

Смерть Виллема Баренца на обратном пути близ Ледяного мыса. Художник Г. Кичигин, Омск, 1998 г.

ком, в расщелине горы около водопада, так как не могли раскопать землю из-за сильного мороза и холода» (1, с. 160).

В день смерти Баренца участники экспедиции находились в районе Ледяного мыса (залив Иванова) на двух лодках, затертых льдом. На следующий день под воздействием сильного юго-западного ветра «море несколько очистилось». На третий день «лодки с большими тягостями» и трудностями перетаскивались по льду до открытой воды. В тяжелой ледовой обстановке было начато плавание к мысу Утешения, который был достигнут на четвертый день смерти Баренца и Андриса. В этом районе лодки снова были затерты льдом и нет указаний о высадке на берег. Впервые они высадились на берег 24 июня у восточной стороны мыса Нассау. Вряд ли все эти дни тяжелого перехода во льдах и перетаскивания лодок по льдинам тела умерших были с ними. А до этого, 18 июня у Ледяного мыса несколько человек по льду постарались выйти на берег «поискать яиц, которых просили больные». Но неизвестно достигли ли они берега: «Однако они не могли ничего найти, а принесли четырех птиц, пойманных с опасностью для жизни между льдом и берегом, причем лед иногда ломался под ногами» (1, с. 244).

МАКЭ были обнаружены в 1988 г. две каменные кладки, напоминающие могилы, в заливе Иванова: одна — в средней, низменной части берега, и вторая на высокой гряде, находящей-

Высадка археологического отряда Российско-голландской экспедиции на берег у мыса Спорый Наволок 27 августа 1995 г. Фото Рене Херритсена.

ся рядом с линией побережья в юго-западной части залива, недалеко от предполагаемого нами Ледяного мыса. Если тела Баренца и Андриса были только завалены камнями, то за четыреста лет от них могло ничего не сохраниться. На Новой Земле мы наблюдали разрушения подобных могил менее чем столетней давности: песцы умудрились сдвинуть большие плоские камни, сложенные поверх тела при захоронении, и растащить часть костей и предметов одежды. Мощные ветры и летние потоки тающего снега могли ничего не оставить под разрушенной кладкой камней.

Приведенный пример свидетель-

ствует об особой необходимости проведения экспериментальных исторических исследований, моделирующих условия мореплавания и обстановку деятельности полярных экспедиций в различные исторические эпохи освоения Арктики. Их составной частью должны быть и исследования по исторической психологии, входящие в комплекс исторических медико-биологических экспериментов. Не только тщательное изучение региона, в котором происходили события, но и моделирование самого маршрута передвижения, психологического состояния членов коллектива, особенностей функционирования их организмов в экстремальных условиях (выявленных экспериментально на основе сохранившихся дневниковых записей о рационе питания) — могут на действительно научной основе дать объективную картину происходивших событий, связанных со смертью В. Баренца.

МАКЭ совместно с Фондом полярных исследований предложили в 1995 году организовать в ближайшие годы исторический эксперимент, посвященный зимовке голландской экспедиции в 1596–1597 годах в Ледяной Гавани. Необходимо здесь отметить, что с 1992 года МАКЭ начала действовать под эгидой Фонда полярных исследований и Российского научно-исследовательского института имени Д. С. Лихачева. Указанный эксперимент должен проводиться в те же сроки, что и зимовка голландцев 400 лет тому назад (с середины августа до середины июня следующего года). А затем на маломерных судах может быть осуществлен переход по маршруту голландцев от Ледяной Гавани до Мурманска.

Основой анализа во время зимовки современных исследователей (международного экипажа) и перехода должен стать дневник Херрита де Вейра. Сравнение его различных данных и наблюдений (метеорологических, биологических, гидрографических и т.д.) поможет реконструкции природной среды Новой Земли в конце XVI века, даст исходный материал для ана-

лиза различных изменений за прошедшие 400 лет, включая фауну архипелага. Такой исторический эксперимент даст материал не только для мониторинговых исследований, но и для детализации и реконструкции тех событий зимовки Виллема Баренца и его спутников, которые вскользь затронуты или вовсе остались вне фиксации Херритом де Вейром.

В 1998 году МАКЭ были продолжены поиски могилы Баренца и Андриса. Работа в этом направлении явилась продолжением исследований Российско-голландской экспедиции 1995 году на базе МАКЭ (3). Тогда поиск могилы проводился на побережье залива Иванова в северо-западной части Новой Земли. Район этот был выбран после тщательного анализа дневников Херрита де Вейра (Де-Фер, 1936 год), участвовавшего в экспедициях (4, с. 17–19). Кроме того, мы исходили из предположения, что Баренц и Андрис были похоронены в общей могиле на побережье. В своих дневниках Херрит де Вейр не указывает где, когда и как было осуществлено захоронение. В день их смерти 20 июня 1597 года голландцы, оставившие место своей вынужденной зимовки на мысе Спорый Наволок и покинувшие судно, на двух лодках, затертых льдом, стояли неподалеку от побережья залива Иванова. 21 июня они все еще продолжали стоять во льду в указанном районе. 22 июня «пришлось с большими тягостями и трудностями перетаскивать лодки во льду. Сперва лодки с бывшим в них имуществом надо было перетянуть через льдину на расстояние приблизительно в 50 шагов, спустить в воду, а затем втащить их на другую льдину и опять волочь по ней почти на 300 шагов» (1, с. 245–246). Вряд ли во время этого опасного передвижения по льду «до открытой воды, где и смогли поставить парус», голландцы перетаскивали тела Баренца и Андриса. Но если это предположить, то следующее место, где могли быть захоронены два голландца — мыс Утешения, до которого лодки добрались 23 июня. На современных картах так назван восточный мыс залива Русская Гавань.

Экспериментально мы установили в 1988 году, что мыс Большой Ледяной, названный так голландцами в 1594 году, находился в северо-западной части залива Иванова. Херрит де Вейр

В 1995 году на базе МАКЭ была проведена Международная российско-голландская экспедиция по исследованию зимовья 1596–1597 годов голландской экспедиции Виллема Баренца на Новой Земле и проведению историко-географического эксперимента по маршруту его плавания. После обсуждения деталей проекта в Москве (слева направо): голландский археолог Питер Флооре (Pieter Floore), старший научный сотрудник МАКЭ Н. В. Вронский, голландский археолог и руководитель голландского отряда экспедиции Ежи Гавронский (Jerzy Gawronski), начальники научный руководитель международной экспедиции П. В. Боярский, один из руководителей голландского Национального Комитета Виллема Баренца Х. ван Вейн (H/van Veen).

Сотрудники МАКЭ несут на погрузку часть судна В. Баренца с побережья Ледяной Гавани. Фото И. М. Епихина. МАКЭ, 1992 г.

в своем дневнике так описывает побережье от мыса Ледяного до мыса Утешения и сам мыс: «Между этими мысами берег очень высок, но мыс Утешения — низкий; на западной стороне его имеются четыре или пять черных холмов, напоминающих хижины крестьян» (1, с. 66). В примечании к этому отрывку В. Ю. Визе написал: «Проверка этой любопытной приметы на месте могла бы выяснить, действительно ли мыс Утешения Де-Фера есть одноименный мыс современных карт» (1, с. 66). В 1998 году с научно-исследовательского судна «Иван Петров» мы провели визу-

альные наблюдения за характером побережья и его восприятия с моря от Оранских островов до Русской Гавани. Эти исследования показали, что действительно современное побережье от залива Иностранцева на юг до мыса Утешения современных карт тянется высокой, зачастую неприступной обрывистой полосой. Но и современный мыс Утешения не выглядит низким и на нем нет «холмов, напоминающих хижины крестьян». Единственное место не только напоминающее, но и совпадающее с описанием Херрита де Вейра — острова Гольфстрим, расположенные значительно севернее современного мыса Утешения.

Острова Гольфстрим находятся северо-западнее выводных ледников Броунова, Воейкова, Мака и Велькена. Вполне допустимо, что четыреста лет назад эти ледники значительно дальше распространялись на северо-запад, но вряд ли перекрывали расстояние в 10 километров, которое существует сейчас между островами и ближайшими мысами побережья (например, мысом Обручева). Но, с другой стороны, между мысом Обручева и мысом Сахарова отступающее на юго-восток побережье создает условия для формирования в определенных условиях многолетнего припая, кромка которого могла достигать островов Гольфстрим. Торошенный береговой припай вместе с включениями земли и камней, нагромождение обломков айсбергов и самих айсбергов — все это могло создать впечатление того, что острова Гольфстрим являются мысом. В районе мыса Утешения голландцы впервые побывали 26 июля 1594 года, когда во время первой своей экспедиции Баренц попытался в поисках северо-восточного прохода «в Китай» обойти с севера Новую Землю. Еще 13 июля «ночью они наткнулись на большое количество льда. С марса казалось, будто все море покрыто сплошным ледяным полем». Они отошли от архипелага на север, но 14 июля «снова наткнулись на лед, занимавший такое широкое пространство, какое может охватить глаз» (1, с. 56).

Постепенно продвигаясь на север, голландские мореплаватели то обходили скопления льда, то безуспешно пытались его преодолеть (25 июля). Наконец, 26 июля они «снова подош-

ли к Новой Земле у мыса Утешения. После того, повернув от берега и пройдя около полумили на NO, они попали на мели глубиною в 4 сажени, между утесами и сушей» (1, с. 60). Действительно, северо-восточнее островов Гольфстрим расположены камни Зубцы и между этими «утесами» и сушей голландцы вполне могли идти «под парусами на NO». Далее «они пришли к большому заливу» (1, с. 60). Этот большой залив существует и называется заливом Иностранцева.

Достигнув только Оранских островов на севере Новой Земли, голландцы повернули назад и первого или второго августа вновь были в районе мыса Утешения. В этом месте дневника Херрит де Вейр и дает описание, приведенное выше, четырех или пяти черных холмов, «напоминающих хижины крестьян».

В начале сентября 1998 года мы дважды (в дневное и вечернее время) на расстоянии восьми кабельтовых прошли мимо островов Гольфстрим. И при хорошей видимости и в ночное время (включая освещение островов прожектора с судна, т.е. при абсолютно различных визуальных условиях) четко и рельефно над ровной поверхностью острова на высоту до пяти метров возвышаются «четыре или пять черных холмов, напоминающих хижины крестьян». Пятый «холм» под одним углом наблюдения напоминает хижину, а при изменении точки его обозрения «теряет» указанные очертания, приобретая вид обычной возвышенности, сложенной коренными породами. Видимо поэтому у Х. де Вейра речь и идет о «четырех или пяти» черных холмах-хижинах. Таких характерных «холмов-хижин» мы больше нигде не встречали на западном побережье Северного острова Новой Земли.

Во время третьего плавания голландцы побывали у мыса Утешения на судне 7 августа 1596 года. С 5 августа они шли на север Новой Земли, «не находя льда около земли, у берега которой мы лавировали» (1, с. 140). «Встречая только немного льда, достигли мыса Утешения, чего мы уже давно желали. Под вечер подул восточный ветер и налег туман, вследствие чего мы были вынуждены пришвартовать корабль к льдине, которая сидела в воде почти на 36 сажень и выдавалась из воды приблизительно на 16 сажень; общая толщина льда была следовательно 52 сажени, и льдина сидела на дне, так как глубина около нее была 36 сажень» (1, с. 141). Следующие два дня стоял «сильный туман». 10 августа «лед пришел в сильное движение», которое продолжалось вплоть до 15 августа, когда голландцы подошли к Оранским островам. Таким образом, на этот раз туман не благоприятствовал оценке островов Гольфстрим именно как островов, а не мыса. Более того, начавшийся напор льда с востока подтверждает наличие его больших масс между мнимым мысом (островами) и берегом.

Последний раз голландцы побывали у мыса Утешения 23 июня 1597 года, на третий день после смерти Баренца Андриса. Все эти дни им приходилось пробиваться сквозь льды. Был ясный солнечный день. Херрит де Вейр записал: «Дальше мы не могли продвинуться, так как льды там были очень сплочены; погода стояла ясная» (1, с. 246). О высадке на берег не упоминается. Сплоченный лед располагается у мыса Утешения. Если здесь и были захоронены тела, то или на побережье островов Гольфстрим, или во льду, принимаемом за часть суши.

Через две недели после смерти Баренца, 5 июля, скончался Ян Франц из Гарлема (двоюродный брат Андриса). И в этом случае не описано как и где он был захоронен. Но указано, что «шестеро из нас ушли на берег и принесли дров для варки пищи» (1, с. 260). В 1614 году современник рассматриваемых нами событий голландский историк Йоханнес Понтанус в изданном им описании города Амстердама дополнил события, изложенные в дневнике Херрита де Вейра. Понтанус рассказал, что Ян Франц был захоронен в могиле из сверкающего как мрамор льда, «точно же как мы это сделали с другими» (3; 5, с. 240).

Первая высадка на берег после смерти Баренца зафиксирована в дневнике Херрита де Вейра 24 июня 1597 года на четвертый день после смерти. Это событие произошло на восточном побережье мыса Нассау. Лодки с людьми находились в трех милях от берега. Херрит де Вейр записал: «Тогда шестеро из наших высадились на берег и нашли немного дров» (1, с. 248). Случайно или нет, но описание этой высадки почти дословно напоминает текст, рассказывающий о высадке из лодок на берег после смерти Яна Франца. Текст Понтануса как бы усиливает аналогию событий и действий.

Для проверки различных версий захоронения и обнаружения самой могилы Баренца и Андриса мы продолжили в 1998 году совместные российско-нидерландские полевые исследования 1995 года по указанной тематике. В составе поисковой группы МАКЭ работали: В. Н. Шумилкин (зам.начальника МАКЭ), И. Б. Барышев (археолог МАКЭ) от России и Джордж Й. Р. Маат (профессор антрополог), Йоханнес Я. Верлаан (антрополог) от Королевства Нидерландов. Ими было обследовано все побережье от мыса Карлсена на севере Новой Земли до мыса Клавдия в заливе Иностранцева на северо-западном побережье архипелага. Залив Иванова был обследован Российско-голландской группой МАКЭ еще в 1995 году. Во всех исследованных в 1998 году частях побережья не были замечены признаки захоронения. Провести аналогичные исследования на островах Гольфстрим не удалось в полевой сезон 1998 года.

Идентификация мест на Новой Земле, связанных с голландскими экспедициями 1596–1597 годов

Географические названия, нанесенные на карту Новой Земли экспедициями Баренца и упоминаемые в дневниках Херрита де Вейра, еще полностью не идентифицированы с реальными объектами. Кроме того более поздние исследователи архипелага зачастую произвольно использовали названия голландской экспедиции, что без критического осмысления было нанесено на современные карты. Выше, в разделе посвященном поиску могилы Баренца и Андриса, мы останавливались на проблеме идентификации мыса Утешения. На основе исследований МАКЭ в 1988 году мы убедились в том, что мысы Большой и Малый Ледяной на современных картах абсолютно не соответствуют местоположению мысов, названных так голландцами (9, с. 30).

Реконструкции состояния ледникового покрова Новой Земли в период голландских экспедиций очень приблизительны. А попытки, например, использовать карту А. Петермана для реконструкции положения ледников даже в конце XIX века не состоятельны. Эта карта была создана Петерманом на основе сведений, полученных из судовых журналов норвежских зверобоев. Карта содержит массу явных ошибок (мыс Желания слишком выдвинут на север, а очертания даже не покрытого ледниками побережья очень приблизительны). Тем более не возможно на ее основе определить границы и очертания ледникового покрова Новой Земли. Историко-географические экспериментальные работы МАКЭ у северо-восточного побережья архипелага привели к предположению, что мыс Желания в XVI веке мог быть островом, а прилегающая территория—низменным берегом. И если это было установлено голландцами, то какой мыс был назван ими мысом Желания? И почему этот «остров», остров Лошкина и острова Большой и Малый Безымянные никак не упоминаются в дневниках Херрита де Вейра и не обозначены на его карте. Из-за своих малых размеров? Но тогда почему отмечен остров Гемскерка, не больший чем они по площади? Правда, у голландцев он никак не был назван. Близлежащий мыс получил у них название Островного (современный мыс Константина).

Островной мыс упомянут у Херрита де Вейра в записях от 14 июня 1597 года. После зимовки в Ледяной Гавани, бросив судно, голландцы на двух лодках направились в обратный путь: «14 июня утром, когда солнце было на востоке, мы, имея западный ветер, отплыли на лодках. Взяв курс на О, мы прошли в тот день пять миль до Островного мыса. Начало нашего плаванья вышло не очень удачным, так как мы наткнулись на густой лед, который еще держался там, и это нас сильно испугало. Когда мы застряли, то четвером отправились на берег разведать по-

ложение и принесли четырех птиц, сбитых нами камнями с утесов» (1, с. 240). Действительно, в 1992 и в 1998 годах мы наблюдали на острове Гемскерка птичий базар. Более того, в последний год было обнаружено МАКЭ на этом острове лежбище моржей. А неподалеку, на южном побережье бухты Мурманца — остатки промысловой избы-зимовья тридцатых годов нашего века. Зимовье было построено не только для зимних промыслов, но и для охоты на моржей. Изменение ледовой обстановки, в результате чего плавсредство нашей экспедиции начало затирать около берега, перекрывая обратный путь к базовому судну «Иван Петров», не позволило нам провести весь комплекс работ в районе мыса Константина (Островного). Были зафиксированы сотрудниками МАКЭ остатки зимовья и подъемный материал, а также возведенный неподалеку приметный знак.

Сложная ледовая обстановка в бухте соответствует описаниям Херрита де Вейра. Конфигурация северо-восточного побережья Новой Земли, местные течения и ветры, приливно-отливные процессы — всё это значительно усложняет ледовую обстановку в заливах и бухтах исследуемого района. Но эти условия, во многом совпадающие с теми, в которых осуществлялись плавания голландцев в конце 16 века, дают редкую возможность для проведения историко-географических экспериментов для реконструкции событий прошлого и идентификации памятных мест.

Еще одним памятным местом, связанным с экспедициями Баренца, являются Оранские острова. Впервые голландцы достигли их 31 июля 1594 года:

«Пристав к одному из этих островов, они нашли там около двухсот морских чудовищ, катавшихся на песке на солнце, которых сами они называют Walruschen, а Олай Магнус — моржами. Эти морские чудовища гораздо больше быков, живут в море, кожу имеют наподобие тюленей, с коротким волосом, пасть их подобна львиной; они держатся по большей части на льду, имеют четыре лапы и лишены ушей; убить их можно с трудом, только ударом по вискам; производят они одного или двух детенышей. Если промышленники случайно застанут их на ледяных глыбах с детенышами, то моржи бросают их в воду, потом спрыгивают в воду сами, подхватывают детенышей лапами, и, то погружаясь, то выплывая, ускользают. А если они хотят сопротивляться, то, бросив детенышей, с огромною силою плывут к лодке, как это не раз испытали наши, находясь в немалой опасности. Именно морж чуть не вонзил зубы в корму лодки, стремясь притянуть ее к себе, но наши подняли крик, и он в испуге удалился, подхватив опять своих детенышей лапами.

Моржи снабжены двумя клыками, с обеих сторон выдающимися из пасти, длиною не менее сажени; эти клыки ценятся наравне со слоновою костью, особенно в Московии, Татарии и соседних странах, где они известны; они так же белы, тверды и гладки, как слоновая кость. Моряки думали, что это стадо моржей, возившихся на песке, не может защищаться на суше, и потому напали на них, чтобы овладеть их клыками, но поломали свои тесаки, топоры и копья, не сумев убить ни одного; только у одного они выбили клык, который и унесли. Не добившись в этой борьбе никакого успеха, они решили вернуться на корабль и привезти оттуда пушки и с ними

атаковать моржей, но поднялся очень сильный ветер, который стал ломать лед на большие глыбы, так что от этого намерения пришлось отказаться.

В это самое время они нашли спавшим огромного белого медведя, которого поразили пулей. Тем не менее он побежал и прыгнул в воду, но матросы, разогнав лодку на веслах, преследовали его, закололи и, протаскивая по льду, крепко привязали к половине копья, с силой воткнутого в лед, имея в виду увезти зверя, когда вернутся с пушками для борьбы с моржами, но, так как ветер все крепчал, а лед стал ломаться, то из этого ничего не вышло» (1 с. 62–65).

Для нас очень важен весь текст этого описания для идентификации Оранских островов. Известный русский мореплаватель и исследователь Новой Земли Ф. П. Литке (1797–1882 гг.) считал, что Оранские острова расположены не севернее мыса Карлсена (северной оконечности Новой Земли), а восточнее, у мыса Желания или Доходы, как его называли поморы. В книге «Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах» Литке пишет: «Оранские острова, как дальнейшие к северо-востоку (относительно Ледяного мыса — П. Б.), есть без сомнения остров Максимков, русских промышленников, лежащий близ Доходов. Остров Максимков, расположенный на аделунговой карте на широте 74 1/2 градуса и перешедший с нее на многие другие карты, в том числе и на русские, есть, по всей вероятности, не что иное, как этот Максимков остров. Витсен говорит о нем: «остров Максимко или Максимок, лежащий в виду Новой Земли, есть дальнейшее место из посещаемых россиянами для звериных промыслов». Это доказывает, что мнимый остров Максимок есть точно остров, лежащий против мыса Доходы» (15, с. 44). Здесь может быть два варианта: или поморы называли мысом Доходы современный мыс Карлсена, или Оранские острова никакого отношения к Максимкову острову не имеют и последний является островом Лошкина или островом Большой Безымянный современных карт.

Приведенное выше описание Херрита де Вейра и проведенные МАКЭ исследования позволяют утверждать, что на Оранских островах (современных карт) голландцы увидели «около двухсот морских чудовищ». В 1988 году МАКЭ были зафиксированы небольшие группы моржей в районе Оранских островов и мыса Желания. В 1995 году мы снова наблюдали здесь отдельных животных. В 1998 году мы обнаружили на Больших Оранских островах скопление моржей в том же количестве, которое указано у Херрита де Вейра.

При исследовании экологических проблем региона особо важен сам факт совпадения численности моржей в конце XVI и XX веков. Более того, относительно моржей на Оранских островах и в наши дни можно сказать, что «они катались на песке». Аналогичные условия на островах в районе мыса Желания отсутствуют. Интересен и тот факт, что на Малом Оранском острове МАКЭ нашла в 1988 году памятную плиту с надписью на голландском языке: «В память. Оранские острова открыты нидерландским мореплавателем Виллемом Варенцом 1 августа 1594». Эта плита была установлена в 1881 году голландской экспедицией на судне «Биллем Баренц». В 1933 году плиту обнаружил на острове начальник геологической экспедиции Арктического института Г. В. Горбацкий. В 1988 году МАКЭ исследовала на том же острове, что и плиту, остатки не-

большой промысловой избушки. Из-под льда в ее основании была извлечена деревянная доска с надписями 1930 и 1933 годов. Одна из них следующая: «Арктичес. инст, эксп. Горбатцкого 33 г.» Напротив, на побережье Северного острова, нами был обнаружен старый балок (экспедиции Горбатцкого?) с утеплителем между дощатыми стенками из спрессованного сена. В 1988 и 1998 годах в балке жили сотрудники МАКЭ.

Возвращаясь к рассказу Херрита де Вейра об Оранских островах, необходимо отметить еще несколько моментов. Во-первых чисто потребительское отношение голландцев к природным ресурсам. Ради добычи ценных клыков они решили применить для массового убийства моржей пушки. Помешало только неблагоприятное изменение погодных условий. Во-вторых, на островах был убит белый медведь. Отсюда в тот же день 1 августа 1594 года они отправились в обратный путь, не решившись следовать дальше. Ровно через два года, 15 августа 1596 года голландское судно, на котором капитаном был Якоб Ван Гемскерк Хейндрикс, а штурманом Виллем Баренц, вновь подошло к Оранским островам. И снова здесь был убит белый медведь, разбуженный, как и в предыдущий год, командой судна. Но, и что очень существенно для нас, ни о каких моржах здесь не упоминается. В дневниках Херрита де Вейра за 1594 и 1596 годы ничего не говорится и о птичьих базарах на Оранских островах, которые сотрудники МАКЭ наблюдали в 1988 и 1998 годах. О птицах здесь упомянуто лишь в записи Херрита де Вейра от 16 июня 1597 года, когда после зимовки в Ледяной Гавани голландцы отправились на лодках в обратный путь: «16 июня мы поплыли дальше и при южном ветре добрались до Оранских островов, отстоящих на восемь миль от мыса Желания. Тут мы высадились на берег, взяв два бочонка и котел (чтобы растопить снег и наполнить бочонки водой), имея также в виду поискать птиц и яиц для больных. Придя туда, мы развели огонь из найденных дров и растопили снег, но никаких птиц не нашли. Однако трое из наших людей отправились по льду на другой остров и поймали трех птиц. При возвращении капитан (который был одним из трех) провалился под лед, попав в опасное для жизни положение, так как там было сильное течение. Освободившись, он пришел к нам и высушил платье на огне, который мы развели. На том же огне мы сварили птиц, которых отнесли в лодки и отдали больным, и наполнили наши бочонки, вмещавшие около 4 конгигев. Вернувшись к лодкам, мы пошли дальше при юго-восточном ветре. Погода была туманная и сырая, и мы сильно промокли, ибо наши лодки были совершенно открытые» (1, с. 240–243). Видимо, птицы были пойманы на птичьем базаре западного острова из группы Больших Оранских островов, где и в наши дни расположен самый большой птичий базар на этих островах. Намерение поискать яиц на островах также указывает на то, что голландцы знали о существовании здесь именно птичьего базара. Якоб Гемскерк (капитан) провалился под лед при переходе от восточного острова из группы Больших Оранских островов к западному. Действительно, здесь между островами и мы наблюдали сильное течение.

По сообщению Ф. П. Литке в 1688 году шкипер голландского китобойного судна Фламинг вторично (после своего плавания к архипелагу в 1664 году) посетил Новую Землю: «На меньшем из Оранских островов нашел он дерево толщиною в три или четыре охвата, выкинутое выше

черты обыкновенной полной воды; он не мог понять, откуда столь огромное дерево взялось, потому, что на Новой Земле не растет их вовсе. Тут же нашел он шесты, поставленные голландцами около ста лет назад» (15, с. 66). На современной карте Оранские острова делятся на Большие и Малые. Последние находятся юго-восточнее Больших Оранских. «Меньшим» из Оранских островов Фламинг безусловно считает западный остров из группы Больших Оранских островов. Именно здесь разворачивалась «битва» с моржами экипажа судна Гемскерка и Баренца, сюда с восточного острова пошел Гемскерк с двумя спутниками добывать птиц. На нем и должны были стоять шесты, водруженные экспедицией Баренца. Кстати, не были ли это отметки на могилах Баренца и Класа Андриса Гаутейка? Экспедиция Баренца назвала Оранскими островами только те, которые на современных картах обозначены как Большие Оранские, ибо Малые Оранские острова в описаниях Херрита де Вейра отсутствуют.

В 1998 году сотрудники МАКЭ обнаружили на восточном из Больших Оранских островов остатки небольшой промысловой избы, а на западном — следы промысловой деятельности на птичьем базаре. Скорее всего это объекты конца XIX—первой половины XX вв. и использовались поморскими или норвежскими промышленниками. Более древних следов нами пока здесь не обнаружено.

Исследования МАКЭ 1992 года

В 1988 году МАКЭ была предпринята попытка пройти на шлюпках от мыса Желания в Ледяную Гавань, к месту зимовки голландской экспедиции (6, с. 116). Сложная ледовая обстановка не позволила нам спуститься вдоль северо-восточного побережья Новой Земли южнее мыса Константина (Островного мыса—у Херрита де Вейра). Как и голландцев 14 июня 1597 года—нас здесь встретил густой лед, который еще держался там. Именно здесь ими были сбиты камнями с утесов четыре птицы, что соответствует нахождению на острове Гемскерка зафиксированного нами птичьего базара. Более того, от Ледяной Гавани до мыса Желания в этом районе нет ни одного острова, кроме Гемскерка. Но наши наблюдения за конфигурацией побережья, свидетельствовали, что между мысом Желания и Константина четко фиксируется три приметных мыса, а не два, как указано у Херрита де Вейра. Это, а также несовпадение с современными расстояниями между мысами, привели к необходимости более подробного исследования мыса Желания. В результате этих исследований было установлено, что мыс Желания в 16 веке мог быть островом, а прилегающая территория—низменным берегом.

К результатам внедрения комплексной методики исторического эксперимента необходимо добавить также данные исследований МАКЭ 1992 года (10, с. 138). Было доказано, что место для строительства зимовья голландской экспедиции, было выбрано оптимально. Оно определялось не только близким расположением от зимовья затертого во льдах судна. Детальное изучение местности помогло установить, что выбор места для строительства на крутом и высоком берегу был предопределен расположенным поблизости оврагом. Именно он позволил втаскивать наиболее тяжелый груз на поверхность берегового уступа (7, с. 217; 8, с. 29;).

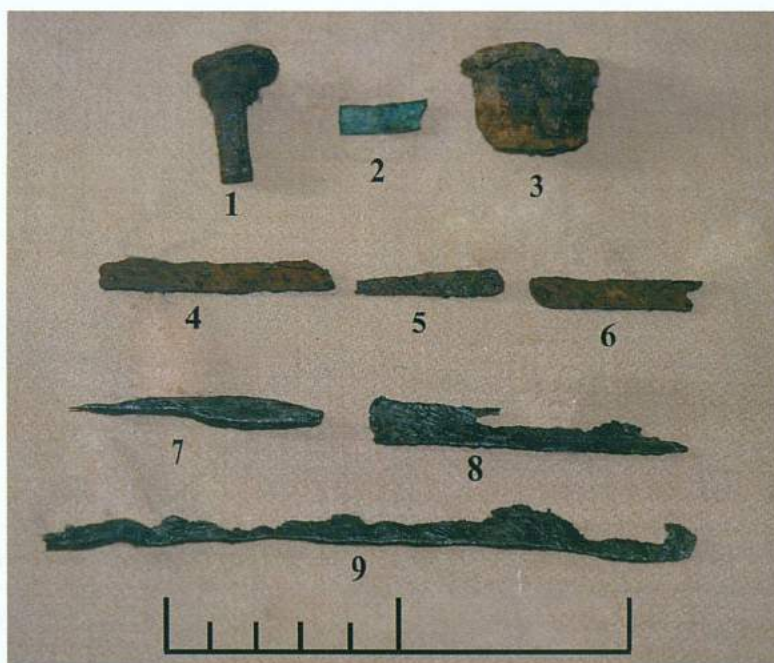
В 1992 году МАКЭ были впервые проведены археологические исследования зимовья Баренца на основе Открытого листа. Изучение природной среды способствовало реконструкции событий и причин, связанных с пленением судна в 1596 года у мыса Спорый Наволок. Под напором льда оно было сдвинуто на отмель, часть которой в наши дни входит в зону побережья. Об этом свидетельствует и запись Херрита де Вейра от 5 октября 1596 года. На месте зимовья сохранились следы непрофессиональных раскопок, проведенных здесь за несколько лет до 1992 года: культурный слой был порезан на части и в таком виде вывернут наверх, а затем частично вновь уложен на место. То есть нашими предшественниками под видом «подъемного материала» были варварски извлечены находки. А на побережье в раскопанном углублении лежала

Зимовье Баренца (1596 г.): 1, 2—кованные железные гвозди; 3—кованый железный предмет; 4–10—кованные железные изделия. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия.

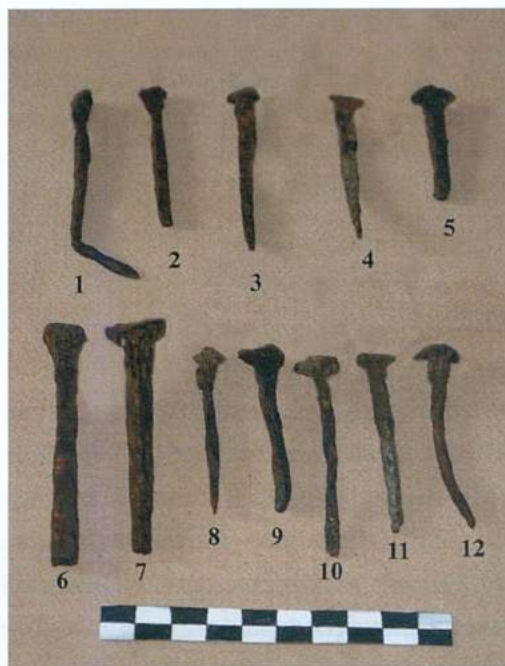
Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

часть парусного судна, которая гнила, извлеченная нашими предшественниками из под слоя смерзшегося песка и камней. На зимовье мы собрали с поверхности некоторые фрагменты вещей голландской экспедиции, а с побережья вывезли указанную часть судна в Москву. После анализов оказалось, что датировка этой части совпадает со временем постройки судна В. Баренца. Сравнительный анализ описаний из дневника Херрита де Вейра помог установить место захоронения 24 сентября 1596 года судового плотника голландской экспедиции.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1—фрагмент кованого железного гвоздя; 2—фрагмент изделия из меди; 3–9—фрагменты железных изделий. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1–16—кованные железные гвозди. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1–12—кованные железные гвозди. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): кованое железное зубило. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

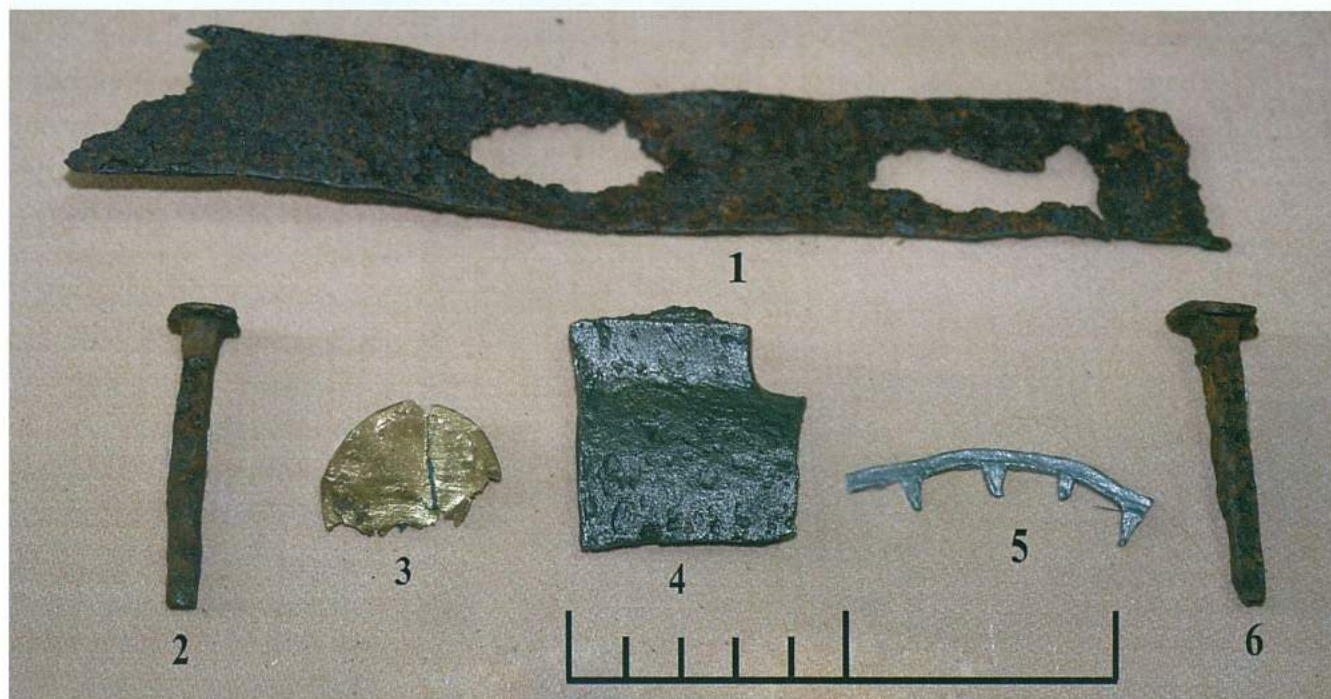

Зимовье Баренца (1596 г.): 1–3—кованные железные полосы. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1, 2—фрагменты стеклянных изделий; 3–5—фрагменты поливной керамики. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1—фрагмент кованой железной полосы; 2, 6—фрагменты кованых железных гвоздей; 3, 5—фрагменты изделий из цветного металла; 4—фрагмент железного предмета. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1–4 — фрагменты кожаной обуви. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1, 2 — фрагменты кожаной обуви. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Международная Российско-голландская экспедиция 1995 года на базе МАКЭ

Начнем с цитаты из Введения к книге, изданной на английском и русском языках по результатам Российско-голландской экспедиции 1995 года на базе МАКЭ. Это Введение написано начальником и научным руководителем международной экспедиции П. В. Боярским и научным руководителем нидерландским отрядом экспедиции Е. Гавронским:

«Совместная научная экспедиция на архипелаг Новая Земля с 15 августа по 18 сентября 1995 года была организована Морской арктической комплексной экспедицией (МАКЭ) Российско-го научно-исследовательского института культурного и природного наследия (Институт Наследия), Институтом археологии РАН (ИА РАН), Институтом До- и Протоисторической Археологии Университета Амстердама (IPP). Предпринятые российско-голландские исследования были запланированы в рамках совместного празднования в 1996 году 400-летней годовщины экспедиции Виллема Баренца и Якоба ван Гемскерка на Новую Землю и 300-летия Российского флота. Осуществленный проект явился продолжением работ МАКЭ, проводимых в Арктике с 1986 года и, в частности, на Новой Земле в 1988, 1991, 1992, 1993 и 1994 годах. Кроме того, экспедиция продолжила археологические раскопки Behouden Huys, которые с 1993 года проводились IPP и ИА РАН в сотрудничестве с Институтом Арктики и Антарктики (г. Санкт-Петербург). Behouden Huys (в дословном переводе «приют») — историческое название зимнего лагеря, построенного в 1596 году голландской арктической экспедицией Виллема Баренца и Якоба ван Гемскерка.

Основная цель экспедиции 1995 г. состояла в широком и всеобъемлющем исследовании руин Behouden Huys. В программу археологических работ были включены также обследование прибрежной полосы бухты Ледяная Гавань для выявления остатков судна голландской экспедиции и разведка части северо-западного побережья Новой Земли, где, предположительно, могли быть погребены Баренц и один из его спутников, скончавшиеся во время возвращения с места зимовки. Одновременно проводились экологические, биологические, геологические и археологические исследования в рамках работ МАКЭ по всесторонней инвентаризации природного и культурного наследия на Новой Земле...

Российско-голландская экспедиция была представлена двумя основными подразделениями: МАКЭ Института Наследия, ответственной за обеспечение исследований с российской стороны, и IPP, обеспечившим голландский вклад в общие результаты работы. У IPP было два голландских партнера по организации исследований: Stichting Olivier van Noort (SON) — Фонд научных исследований для изучения культурного наследия Голландии колониального периода — и Stichting Nationaal Comité Willem Barentsz

(Фонд Национального комитета Виллема Баренца), организующего серию специальных культурных мероприятий по празднованию 400-летнего юбилея Баренцевских плаваний. Партнерами с российской стороны были Министерство культуры Российской Федерации и Фонд полярных исследований. Экспедиция состояла из 26 участников: 12 голландских и 14 российских. Помимо ИРП голландскую часть экспедиции представляли Центр физической антропологии Лейденского университета и Амстердамский Государственный музей. Российские участники представляли Институт Наследия, Институт археологии и Институт геохимии РАН, а также МГУ им. М. В. Ломоносова. В составе экспедиции были также журналист, фотограф и два кинооператора из Голландии. Архангельская медицинская академия была представлена врачом и его ассистентом, исследовавшими реакцию человеческого организма в условиях Арктики. Исследовательское судно «Иван Киреев» Архангельской гидрографической базы было не только основным транспортным средством, но и ее подвижной базой» (3, с. 131–133).

В 1995 году Российско-голландская экспедиция, обобщив опыт предшествующих исследований в регионе, должна была реконструировать природную среду конца XVI в. и на ее фоне восстановить объективную общую картину исторических событий голландской экспедиции. Исследовательская программа включала геоморфологическое и геологическое обследование для получения информации не только о среде, в которой голландские зимовщики соорудили свое зимовье, но также и о воздействии человека на прилегающую к строению территорию и на ландшафт. Особый интерес представляло изучение памятных мест, связанных с контактами голландцев и местных жителей. При этом нами использовалась историческая карта из книги Линсхотена (1601 г.), на которой изображены поморские приметные кресты. Эти кресты нанесены на карту как острова Матвеев, так и побережья пролива Югорский Шар. Сравнение старинных и современных карт с визуальной оценкой исследуемых ареалов позволяет паспортизировать места исторических событий, а также характер природных изменений за прошедшие столетия.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1 — фрагмент керамики; 2 — фрагмент бутылки. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Все указанные работы 1995 года были выполнены на основе общей методики проведения исторического эксперимента. В их числе был и поиск древнего святилища, которое в виде идола помечено на карте в издании Левинуса Гульсиуса (1598 г.). Оно располагалось на возвышенности южного побережья пролива Югорский Шар, в двух километрах западнее устья реки Великая. Видимо именно этот идол упоминается в дневнике Херрита де Вейра от 1 сентября 1595 года. К этим работам можно отнести и исследования на острове Матвеев.

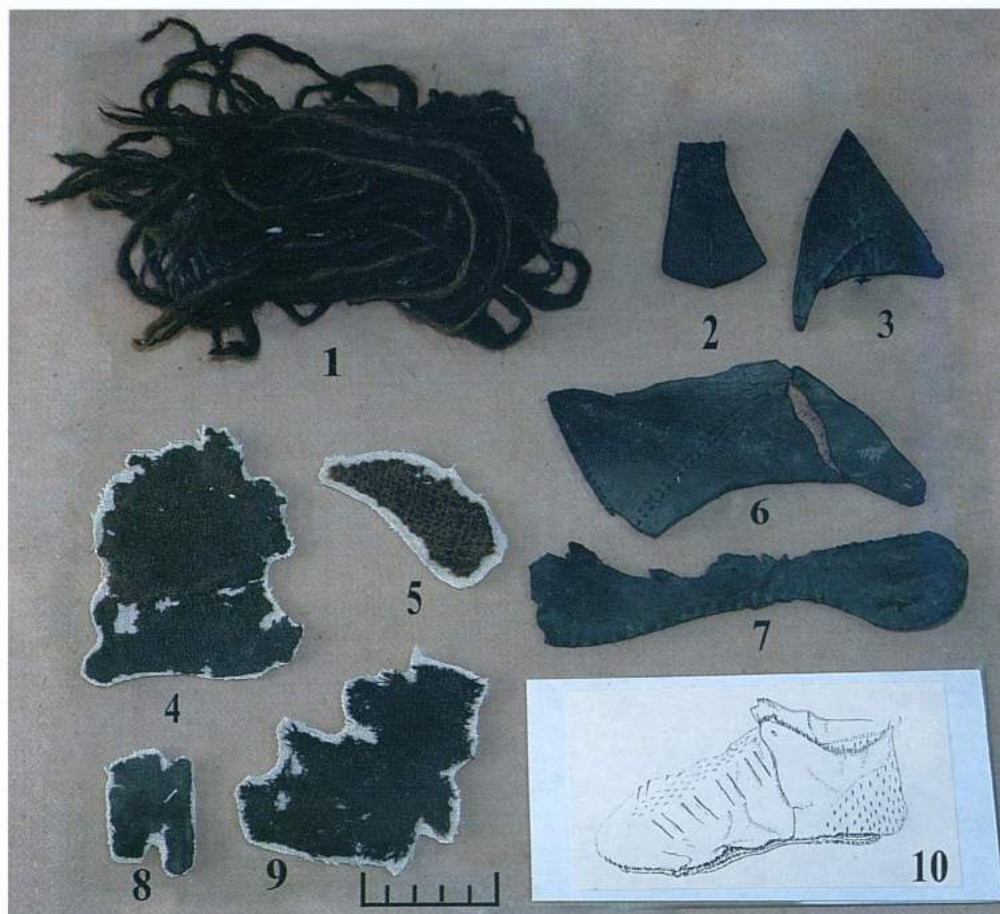

Зимовье Баренца (1596 г.): 1–5 — фрагменты деревянных изделий. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): фрагмент деревянного изделия. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Каждый изучаемый объект или историческое событие исследовались нами в контексте пространственного и временного существования, при этом выявлялись их функциональные связи с окружающей средой. Общая методика проведения экспедиционных работ требовала комплексного подхода к изучению целостной историко-культурной и природной среды. Характер исследований каждого специалиста Российско-голландской экспедиции в той или иной степени был подчинен общему подходу и общей методике изучения и реконструкции событий и природной среды прошлого.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1 — шерстяные нитки; 2, 3, 6, 7 — фрагменты кожаной обуви; 4, 5, 8, 9 — фрагменты шерстяных тканей. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

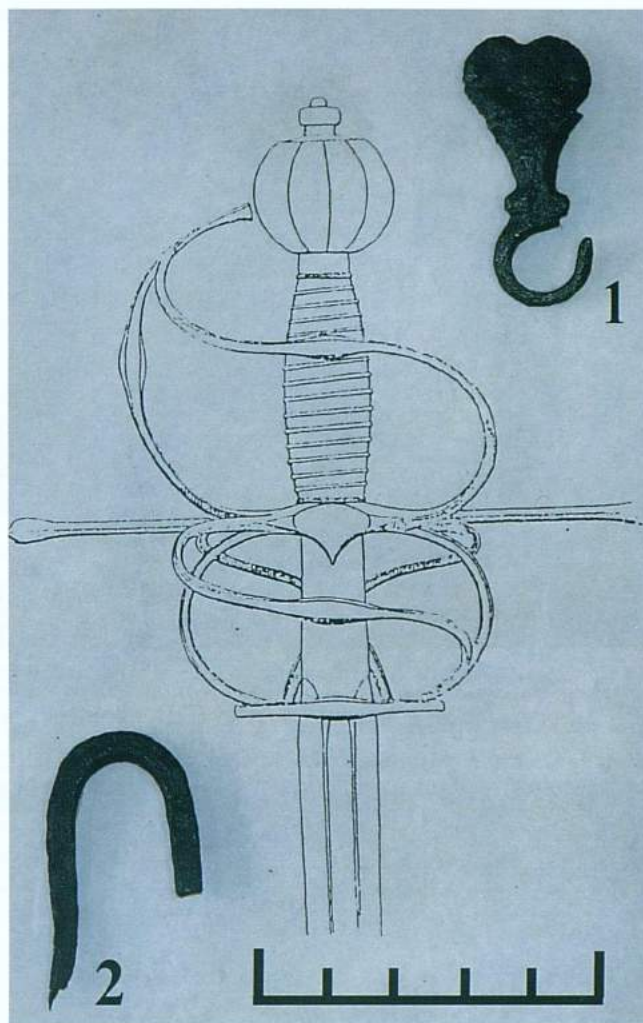

Зимовье Баренца (1596 г.): 1, 2 — фрагменты железных изделий; 3, 4 — кованые железные гвозди. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): железные обручи от бочек. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1–2 — фрагменты шпаци. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1996 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): фрагменты деревянных деталей судна. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): 1–4—фрагменты стеклянных бутылок. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): кусочки каменного угля. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

Национальный парк «Русская Арктика» на Новой Земле

В 1990 году П. В. Боярским была высказана и опубликована идея о создании на севере Новой Земли охраняемой территории, связанной с памятными местами пребывания Виллема Баренца в Арктике (11, с. 38; 12, с. 239). Затем в 1992 году была издана карта-схема «Особо охраняемые территории Баренцевоморья» (Проект МАКЭ. Российский НИИ культурного и природного наследия. М, 1992). Здесь памятные места были отражены нами как «Уникальные исторические территории, связанные с жизнью и деятельностью Виллема Баренца в 1594–1597 годах.

В другой работе 1992 года (подготовленной к печати в 1991 году) мной было предложено создать национальный парк на территории от залива Иванова до Ледяной Гавани для сохранения и демонстрации объектов, связанных с именем Виллема Баренца и сохранения мест зимовки голландской экспедиции 1596–1597 годов (8, с. 245). Затем предложил создать «Международный парк Виллема Баренца (13, с. 10–12), в который вошли бы в российской части — Север Новой Земли, юг Вайгача, острова Матвеева и Местный (Мясной), а в норвежской части — юг Шпицбергена и остров Медвежий. То есть впервые был поставлен вопрос о создании Международного парка в Арктике (13, с. 10–12). В конце концов МАКЭ был подробно описан северный филиал и вся система особо охраняемых территорий (СООТ) культурного и природного наследия Новой Земли, в которой обосновано предложение об учреждении «Парка Виллема Баренца». Идею МАКЭ о создании «Парка Виллема Баренца» поддержали и финансировали Всемирный Фонд дикой природы (WWF) (грант RU 00.73.01 «Arctic Reserves» MATRA FUND/ Programme International Management) и Министерство сельского хозяйства, природопользования и рыболовства Нидерландов.

В 1998 году у сотрудников МАКЭ сформировалась идея создания национального парка «Русская Арктика», состоящего из трех участков: северного — на всей территории Земли Франца Иосифа; южного — на Северном острове Новая Земля под названием «Парк Виллема Баренца»; западного — на острове Виктория. Архангельское областное собрание поддержало эту инициативу, 26 мая 1999 года приняло соответствующее постановление и назначило научными руководителями проекта «Русская Арктика» начальника МАКЭ, заместителя директора Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева П. В. Боярского и заместителя председателя Государственного комитета по охране окружающей среды Архангельской области В. С. Кузнецова. Соруководителями Предпроектного обоснования национального парка «Рус-

ская Арктика» стали П. В. Боярский и Ю. В. Добрушин. В подготовке обоснования участвовали институт «Росгипролесхоз» и МАКЭ.

Но после различных обсуждений и согласований проект был урезан. 15 июня 2009 года премьер-министр РФ подписал Постановление о создании национального парка «Русская Арктика» на севере Новой Земли. Создание этого парка явилось важным результатом работы МАКЭ в указанном регионе. Надеемся, что в дальнейшем будут полностью реализованы наши предложения по проекту «Русская Арктика» (включая и Землю Франца-Иосифа и остров Виктория) и южный участок этого национального парка будет назван «Парк Виллема Баренца» и входить в состав первого созданного в России национального парка «Русская Арктика» с указанным названием.

А в настоящее время МАКЭ пытается реализовать и свою давнюю идею создания национального парка «Хэбидя Я» на острове Вайгач для сохранения не только уникальных древних святыниц коренных народов Севера и объектов культуры поморских мореходов и промышленников, но и памятных мест, связанных с голландскими экспедициями 1594–1597 годов.

Поэтому мы продолжаем настойчиво реализовывать проекты МАКЭ: «Память Российской Арктики», «Земля Санникова», «По следам „Двух капитанов“», «Арктическое кольцо». Участвуем в подготовке к изданию томов серии «Острова и архипелаги Российской Арктики», в создании

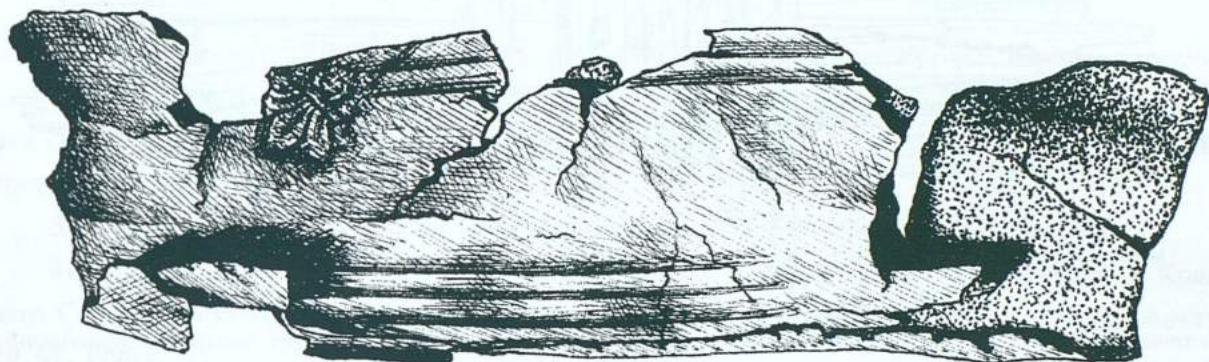

Зимовье Баренца (1596 г.): 1, 2 — фрагменты стеклянных бутылок; современная бутылка голландского производства, сделанная по традициям и технологии конца XVI в. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Фото И. Б. Барышева. МАКЭ, 1992 г.

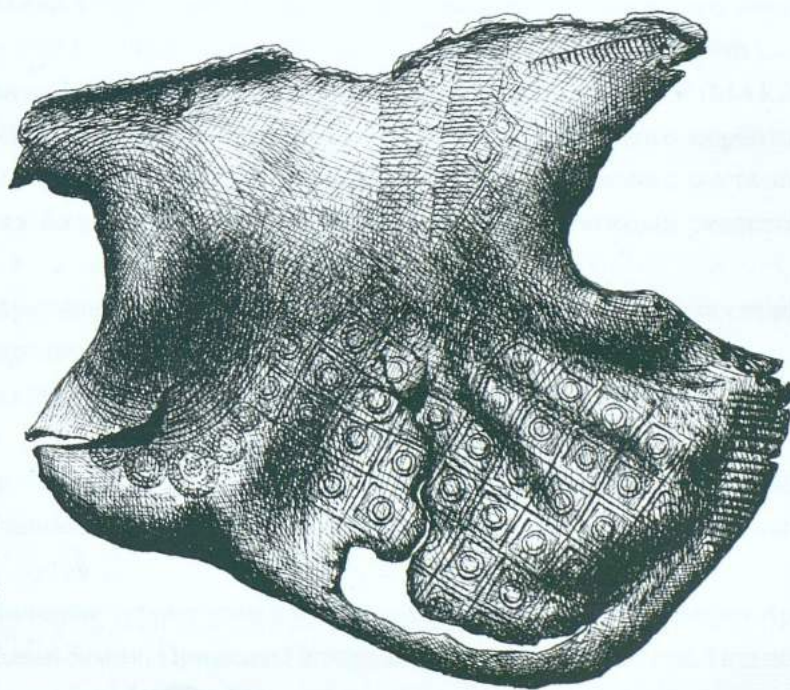

серии карт и книг-указателей к ним «Национальное Наследие» по природному и культурному наследию на островах и архипелагах Российской Арктики. И проводим ежегодные исследования культурного и природного наследия Арктики на протяжении 25 лет, с 1986 года.

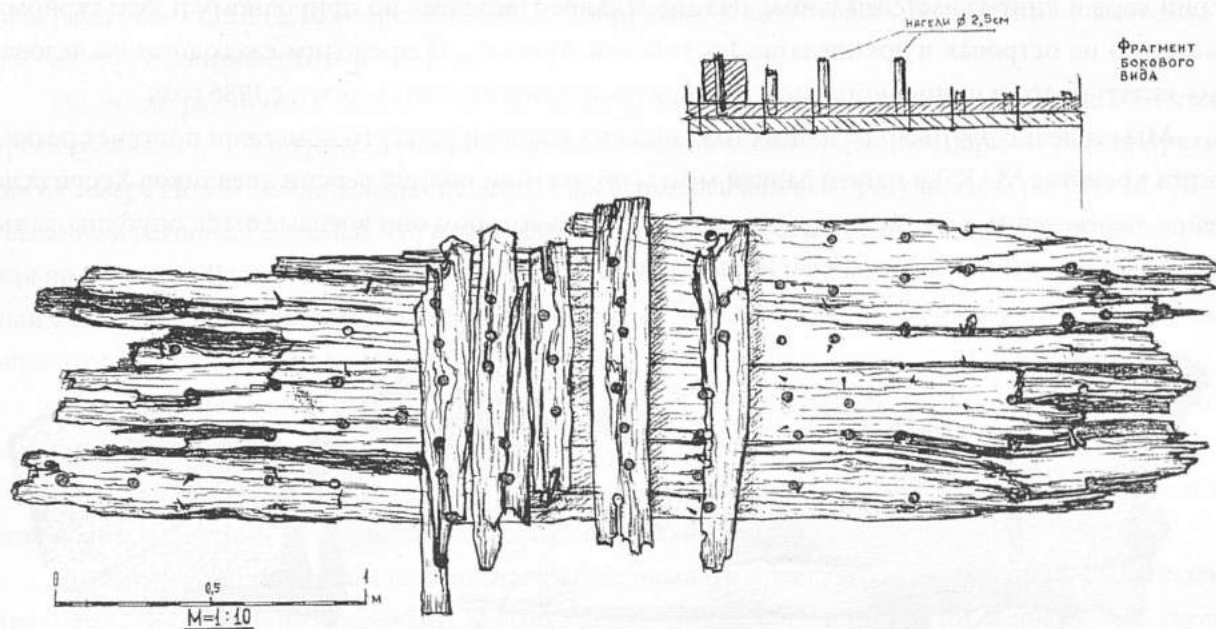
Мы сердечно благодарим наших голландских коллег и всех, кто помогал и помогает реализации проектов МАКЭ и нашей давней мечты об издании полной версии дневников Херрита де Вейра, переведенных со староголландского языка, на котором они впервые были опубликованы в 1598 году, и с редкими цветными иллюстрациями первых изданий.

Зимовье Баренца (1596 г.): фрагмент кожаного изделия (двустороннего) с тиснёным орнаментом. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Рис. П. Черносвитов, В. Савин. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): фрагмент кожаного изделия с тиснёным орнаментом. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Рис. П. Черносвитов, В. Савин. МАКЭ, 1992 г.

Зимовье Баренца (1596 г.): фрагмент борта судна В. Баренца. Из фондов Музея полярных исследований Института Наследия. Рис. П. Ю. Черносвитов, В. А. Савин. МАКЭ, 1992 г.

Список литературы

1. Херрит де Вейр. Плавания Баренца. 1594–1597 г. Под редакцией проф. В. Ю. Визе. Л., 1936 г.
2. Линсхотен, Ян Гюйгенс ван. Первые путешествия на корабле Яна Гюйгенса ван Линсхотена с севера через пролив Нассау к устью Оби на Вайгач в 1594 г. // Записки по гидрографии. Петроград. 1915 г. Том 39, вып. 3.
3. Gawronski J. H. G, Boyarsky P. V. (et al.) Northbound with Barents. Amsterdam, 1997.
4. Боярский П. В. Комплексное изучение историко-культурной и природной среды Крайнего Севера (постановка проблемы) // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990 г.
5. Pontanus J. Beschryvinghe der coop-stadt Amsterdam. Amsterdam 1614.
6. Боярский П. В. Введение в памятниковедение. М. 1990.
7. Новая Земля. Под общей редакцией П. В. Боярского. Том 1, книга 2. М., 1993 г.
8. Новая Земля. Под общей редакцией П. В. Боярского. Том 1, книга 1. М., 1993 г.
9. Виллем Баренц на Новой Земле. Коллекция находок с места зимовья голландского мореплавателя Виллема Баренца (1596–1597 гг.). Ответственный редактор Е. Дмитриева. М., 1996 г.
10. Боярский П. В. Исследования Морской Арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) памятных мест на Новой Земле, связанных с экспедицией и зимовкой голландского мореплавателя Виллема Баренца. В кн.: Виллем Баренц на Новой Земле. Коллекция находок с места зимовья голландского мореплавателя Виллема Баренца (1596–1597 гг.). Ответственный редактор Е. Дмитриева. М., 1996 г.
11. Боярский П. В. Морская Арктическая комплексная экспедиция. Комплексные исследования историко-культурной и природной среды Арктики. М., 1990 г.
12. Острова и архипелаги Российской Арктики. Новая Земля. Под общей редакцией П. В. Боярского. М.: Изд-во Paulsen, 2009 г.
13. Боярский П. В. Создание системы особо охраняемых природных и историко-культурных территорий Баренцевоморья. Постановка проблемы. В кн.: Новая Земля. Под общей редакцией П. В. Боярского. Том 3. М., 1994 г.
14. Захаров Ю. С. Особо охраняемые территории культурного и природного наследия Арктики: архипелаг Новая Земля // Новая Земля. Природа. История. Археология. Культура. Под общей редакцией П. В. Боярского. Книга 1. М., 1996 г.

15. Литке Ф. П. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан на военном бриге «Новая Земля» в 1821–1824 годах. М., 1948 г.

16. Острова и архипелаги Российской Арктики. Вайгач. Остров арктических богов. Под общей редакцией П. В. Боярского. М.: Изд-во Paulsen, 2011 г.

17. Боярский П. В., Кулиев А. Н. Архипелаг Земля Франца-Иосифа. Природное и культурное наследие. Указатели к карте. Летопись Земли Франца-Иосифа. Под общей редакцией П. В. Боярского. М.: Изд-во Paulsen, 2011 г.

Сведения об участниках проекта

Ирина Михайловна Михайлова (1955 г.)

Доктор филологических наук, профессор кафедры скандинавской филологии, преподаватель нидерландского языка и литературы в Санкт Петербургском государственном университете. Переводчица прозы и поэзии для взрослых и детей, а также исторической литературы, в том числе книги Л. Коойманса «Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша». Лауреат переводческой премии нидерландского литературного фонда (NLPVF-vertalersprijs) за 2005 г.

Петр Владимирович Боярский (1943 г.)

Доктор исторических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, почетный полярник, член Союза писателей России, представитель от России в Международном Комитете полярного наследия (ИРНС) при ИКОМОС, один из учредителей и член президиума Московского Союза Новоземельцев, лауреат Европейской премии Генри Форда за сохранение природной среды и культурного наследия Арктики.

В 1966 году окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ) и работал на ядерных реакторах и нейтронных ускорителях. Автор двух научных статей по ядерной физике. С 1970 г. работал в Институте истории естествознания и техники. Автор монографии по истории естествознания во Франции в эпоху Наполеона. Создал классификацию и систематизацию памятников науки и техники и издал монографию по комплексному изучению и сохранению историко-культурной и природной среды, заложил теоретические и прикладные основы проведения историко-географических экспериментов. В 1984–1992 годах — зав. Отделом памятников истории и культуры НИИ культурологии. В 1986 году стал одним из создателей, научным руководителем и начальником поискового отряда Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ). С 1987 года начальник и научный руководитель МАКЭ, работы которой продолжаются с этого времени ежегодно на всех архипелагах и многих островах Российской Арктики. С 1992 года П. В. Боярский — президент Фонда полярных исследований, руководитель Центра «Культура и Мировой океан», заместитель директора Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва. По его инициативе и при участии (вместе с сотрудниками МАКЭ) был разработан проект и в 2009 г. на севере Новой Земли создан первый в Российской Арктике национальный парк «Русская Аркти-

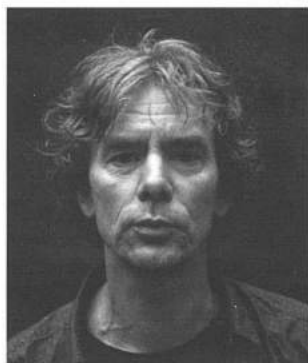
ка». Под его редакцией выходят научные тома по результатам исследований МАКЭ арктического природного и культурного наследия и географические карты этого наследия. Он автор программ МАКЭ: «Арктическое кольцо», «Память Российской Арктики», «Земля Санникова» и «По следам «Двух капитанов»».

Ержи Гавронский (1955 г.)

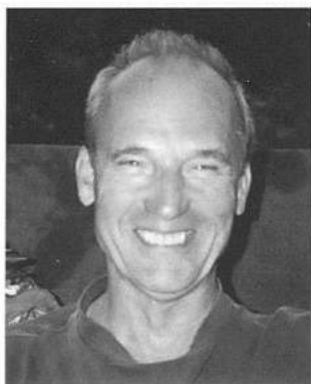
Окончил Амстердамский университет по специальностям: история искусств, античная археология и средневековая археология. В 1994 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Экипировка кораблей «Голландия» и «Амстердам». Деятельность Объединенной Ост-Индской Компании в Амстердаме в XVIII в.». Специализируется на исторической археологии, подводной археологии и корабельной археологии. В центре его научных интересов находится материальная культура раннего Нового времени, в особенности нидерландская морская экспансия и корабли Ост-Индской компании. В качестве археолога-водолаза участвовал во многих международных экспедициях (Англия, Франция, Италия, Швеция, Россия и Бруней). В рамках исследования нидерландского культурного наследия, связанного с мореплаванием, участвовал в археологических экспедициях на Шпицберген (1979), Новую Землю (1995) и в Чили (1998) и организовал проект по изучению нидерландского культурного наследия в Шри-Ланке (1997). С 2000 работает заведующим Отделом археологии в Бюро по охране памятников архитектуры и археологии Амстердама. Одновременно преподает в Амстердамском Археологическом центре при Амстердамском университете. В 2008 был назначен на должность профессора по морской и городской археологии позднего Средневековья и раннего Нового времени, в особенности Амстердама, на факультете Гуманитарных наук Амстердамского университета.

Люк Коойманс (1956 г.)

Люк Коойманс — нидерландский историк. Автор ряда монографий, в том числе об анатоме Фредерике Рюйше, чья коллекция анатомических препаратов была куплена Петром I и до сих пор остается важнейшим разделом экспозиции Санкт-Петербургской «Кунсткамеры». В 2008 г. эта книга вышла на русском языке под названием «Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша» (СПб., изд-во «Наука»).

Хендрик ван Вейн (1934 г.)

В 1959 г. основал предприятие по торговле техникой, в частности, из Германии, Японии и США.

Вследствие личного увлечения историей Нидерландов как морской державы принял участие в проекте Рейксмузеума, Амстердамского университета и Арктического центра при Гронингском университете и оказал поддержку научным исследованиям (совместным с Норвегией) нидерландского китобойного промысла в XVI–XVII вв. близ архипелага Шпицберген.

Для этого от имени Правления Гронингского университета обеспечил организационную, материальную и финансовую сторону экспедиций на Шпицберген в 1979 г и далее. Для этих экспедиций «Фонд Планциуса», председателем которого Хендрик ван Вейн оставался с 1980 по 1990 г., приобрел и экипировал судно «Планциус». На этом судне были осуществлены многие экспедиции, в частности, подводная археологическая экспедиция к островам Силли в Великобритании, где в XVIII в. затонул корабль «Голландия», экспедиция по исследованию флоры и фауны на о. Медвежем (арх. Шпицберген, Норвегия), экспедиции на Ориноко (совместно с Утрехтским университетом и университетом Тринидад и Тобаго) по изучению индейских поселений и происхождения индейцев Варао.

В 1993 г. Рейксмузеум (Бас Кист и Йоост Браат) обратился к Хендрику ван Вейну с просьбой оказать содействие экспедиции на Новую Землю для исследования остатков зимовья Баренца. Для того чтобы подготовить такую экспедицию и осуществлять ее координацию в научном, организационном и финансовом отношении, потребовалось создать фонд «Национальный Комитет Виллема Баренца». Хендрик ван Вейн выступил соучредителем и членом правления этого фонда с мандатом ответственного за подготовку и проведение Российско-нидерландской археологической экспедиции на Новую Землю 1993 г. В этой же роли он выступал и в связи с экспедицией 1995 г., в которой Ержи Гавронский был руководителем с нидерландской стороны.

Грэхем Арадер (1950 г.)

Грэхем Арадер (W. Graham Arader III) — американский букинист, торговец редкими книгами и картами. Его галерея расположена в Нью-Йорке на пересечении 72-й улицы и Мэдисон-авеню в Верхнем Ист-Сайде Манхэттена — в центре одного из самых роскошных торговых кварталов города. Галерея располагает прекрасной коллекцией старинных гравюр и акварелей, карт и атласов, редких книг, а также полотен американских и европейских живописцев. Грэхем Арадер является также владельцем галерей в Филадельфии, Сан-Франциско, Хьюстоне и Денвере.

Содержание

Вступительное слово посла Королевства Нидерландов	7
Предисловие редактора	9
Л. Коойманс. Введение. Голландцы среди льдов	13
Х. де Вейр. Арктические плавания В. Баренца. 1594–1597 гг.	19
Предисловие к дневниковым записям	23
Путешествия на север. Первая часть	27
Путешествия на север. Вторая часть	49
Путешествия на север. Третья часть	67
Примечания	170
Приложения	195
Я. Х. ван Линсхотен Фрагменты из книги «Плавания на север 1594–1595 гг.»	197
Е. Гавронский. Лёд и дерево. Археологические исследования «BEHOUDEN HUYS» на Новой Земле в 1993 и 1995 гг.	215
П. В. Боярский. Историко-географические эксперименты и исследования МАКЭ по маршрутам плавания Виллема Баренца	243
Сведения об участниках проекта	275

Научно-просветительское иллюстрированное издание

**Херрит де Вейр
Арктические плавания Виллема Баренца
1594–1597 гг.**

Перевод со староголландского: Михайлова И. М.

Научная редакция: Боярский П. В.

Внешнее оформление и макет: Гавриш В. А.

Допечатная подготовка выполнена ООО «УпакГрафика»

Компьютерная верстка и монтаж: Гавриш В. А.

Цветокоррекция: Гавриш В. А.

Корректурa: Кулаков В. А.

Подбор иллюстраций и бильд-редактура: Боярский П. В., Е. Гавронский

Выпускающий редактор: Гавриш В. А.

Набрано гарнитурой Miniature©Paratype Ink.

Для оформления книги использованы следующие материалы:

Цветные иллюстрации из издания 1599 г., предоставленные Г. Арадером

Черно-белые иллюстрации из издания 1598 г., предоставленные
отделом нидерландской культуры в Рейксмузеуме, г. Амстердам

Издательский дом «Рубежи XXI»

117105, Россия, Москва,

Новоданиловский проезд, дом 2, стр. 3

Сдано в набор: 11.01.2011 г.

Подписано к печати 07.05.2011 г.

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная. Бумага мелованная, матовая, 115 г.

Условных печатных листов: 35. Типографский заказ № 1100

Цена договорная

Отпечатано в ОАО «Типография „Новости“»

105005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46

Вернуть в Библ.

